

ЗИМНИК
АРХИГЕШ
АРХБУХТА

2021 / 2(68)

социалистический город /
socialist city

проект
байкал /
project
baikal

Период «социалистического проекта» занял большую часть двадцатого века. Гигантские масштабы социальных экспериментов во многом сформировали облик современного города. Вторая половина XX века ознаменовалась небывалыми прежде объемами жилищного строительства, промышленными технологиями в домостроении и проектировании. Большинство из нас, современных горожан, живет в районах и домах, построенных при социализме.

Белград и Сплит, Свердловск, Севастополь, Магнитогорск, Иркутск, Красноярск, Хабаровск, Одесса, Москва – все города, представленные в этом выпуске нашего журнала, демонстрируют достижения периода «социалистического проекта».

Определив историческое наследие как феномен социально-экономического развития, гражданское сообщество Иркутска еще раз обозначило, какая тема является главной для города. И для других, уважающих свою историю городов, тоже. Без истории, без наследия – нет будущего. Без наследия века двадцатого – в том числе.

В главной теме этого номера мы хотели бы вспомнить о том, как формировались жилые районы социалистических городов, какие люди и какие процессы определили это формирование, в каких пунктах идеология повлияла на облик городов, а в каких города росли и развивались по своим внутренним закономерностям. Вспомнить не только для того, чтобы отдать долг уважения замечательным мастерам, но и для того, чтобы снова учиться у них гуманистическим подходам к организации пространства. Во времена главенства совсем иных целей – извлечения быстрой прибыли – это полезно. Для всеобщего блага.

Елена Григорьева

Период «социалистического проекта» занял большую часть двадцатого века. Гигантские масштабы социальных экспериментов во многом сформировали облик современного города. Вторая половина XX века ознаменовалась небывалыми прежде объемами жилищного строительства, промышленными технологиями в домостроении и проектировании. Большинство из нас, современных горожан, живет в районах и домах, построенных при социализме.

Белград и Сплит, Свердловск, Севастополь, Магнитогорск, Иркутск, Красноярск, Хабаровск, Одесса, Москва – все города, представленные в этом выпуске нашего журнала, демонстрируют достижения периода «социалистического проекта».

Определив историческое наследие как феномен социально-экономического развития, гражданское сообщество Иркутска еще раз обозначило, какая тема является главной для города. И для других, уважающих свою историю городов, тоже. Без истории, без наследия – нет будущего. Без наследия века двадцатого – в том числе.

В главной теме этого номера мы хотели бы вспомнить о том, как формировались жилые районы социалистических городов, какие люди и какие процессы определили это формирование, в каких пунктах идеология повлияла на облик городов, а в каких города росли и развивались по своим внутренним закономерностям. Вспомнить не только для того, чтобы отдать долг уважения замечательным мастерам, но и для того, чтобы снова учиться у них гуманистическим подходам к организации пространства. Во времена главенства совсем иных целей – извлечения быстрой прибыли – это полезно. Для всеобщего блага.

Елена Григорьева

Журнал «Проект Байкал» ("Project Baikal") зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

12+

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева, Инесса Бражникова
дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель главного редактора
по международной деятельности**
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке
Встреча двух стилей. Ул. Б. Дорого-
миловская, Москва. Фото Елизаветы
Санниковой

4 обложка Пермь в гравюрах. Набор откры-
ток. 1962. – <https://u-ssr.ru/postcards/100-perm-v-gravyurah-1962.html>

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 100 экз. Заказ 0851
Подписано в печать 27.05.2021
Журнал №2(68) от 8.06.2021

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

2(68)

социалистический город /
socialist city

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – DOAJ (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – the Avery Index to Architectural Periodicals
- индекс Академии Google (Google Scholar)
- Ulrichsweb – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- Open Archives – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс JournalTOCs
- проект SHERPA/RoMEO
- база данных PKP index
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
- с 2019 года индексируется в SCOPUS

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Елена Григорьева	Коротко	6
	Елена Григорьева	АРХИГЕШ-21. Место, где Земля закругляется	9
	Ольга Фомина		
	Роман Малинович	АрхБухта. Телепортация-2021, Арт-резиденция «Порт Ольхон»	12
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД		15
	Андрей Боков	Негород. Часть 2	16
	Александр Раппапорт	Роль И. В. Сталина в истории архитектуры	23
	Наталья Глебова		
	Михаэль Кламер	Красная Вена. 1919–1934.....	26
	Франк ван дер Хувен		
	Милена Ивкович	Когда хулиганство и социалистический город становятся единым целым	36
	Анна Бокова	Авангард как метод: ВХУТЕМАС и педагогика пространства, 1920–1930.....	44
город-сад и/или соцгород?	Константин Лидин	45
	Константин Лидин		
	Марк Меерович		
	Анастасия Малько	Бинарная логика и социалистический город	46
	Елена Багина	Двойная звезда.....	50
	Петр Завадовский	М. Я. Гинзбург: стилистика 1935–1945 гг.	56
	Елена Овсянникова	Роль лечебных учреждений в городском ландшафте	
	Николай Васильев	послевоенного Севастополя.....	66
	Яна Лисицина		
	Василий Лисицин	«Здесь дом дадут хороший нам...» (1930-е)	70
	Александр Кудрявцев	Пейзаж после битвы	76
модернистский город	Елена Григорьева	80
	Константин Лидин	80

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova
**associate editor-in-chief for
international activity**
Anna Grigorieva

**address of the publisher
and the editorial board**
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image
Meeting of two styles. B. Dorogomilovskaya St.,
Moscow. Photo: Elizaveta Sannikova

back cover image
Engravings of Perm. Postcard set. 1962. <https://u-ssr.ru/postcards/100-perm-v-gravyurah-1962.html>

printed by
000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 100
passed for printing: 27.05.2021
issue 2(68) of 8.06.2021
Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Logo, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Logo, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

	Валерий Козлов Анастасия Малько Людмила Козлова	Микрорайон Солнечный: градостроительный манифест сибирского города	82
	Мария Тумуреева Екатерина Гладкова Валерий Козлов	Ново-Мельниково: влияние федеральных программ на развитие пространства	88
	Елена Григорьева Константин Лидин	Бульвары архитекторов.....	92
	Ольга Блянкинштейн Олеся Киселева Ольга Успенская	Красноярское правобережье. Наследие индустриализации.....	98
	Николай Крадин	Творческое наследие архитектора А. С. Ческидова (1937–2000 гг.).....	104
	Барбара Энгель	Обновление Черемушек: перспективы жилья	112
зимник- 2021	Екатерина Гладкова Александра Кострубова	Зимник-2021. Регенерация городских территорий с применением стандарта КРТ	122
		Команда Лисиха: «Территория цифрового соседства»	124
		Команда Ново-Ленино: «Только Ново-Ленино!»	127
		Команда Ушаковка: «Пространственное неравенство»	129
		Команда Юбилейный: «Спальный район, где есть все для жизни»	132
наследие	Алина Иванова Екатерина Глатоленкова Михаил Базилевич	Новые земли: конструирование образа родины	134
	Михаил Базилевич Антон А. Ким	Русские инженеры – строители банков Маньчжурии	147
	Мария Нащокина	Городской деревянный дом и его судьба	152
	Юлия Петрусенко Анна Иванова-Ильичева	Дом трудолюбия в Ростове-на-Дону.....	164
авторы		168

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Elena Grigoryeva	In brief	6
	Elena Grigoryeva	ARCHIGESH-21. The place where the Earth rounds up.....	9
	Olga Fomina		
	Roman Malinovich	ArchBukhta. Teleportation-2021, Art-Residence "Port Olkhon"	12
socialist city		15
	Andrey Bokov	Noncity. Part 2	16
	Alexander Rappaport	The role of I. V. Stalin in the history of architecture	23
	Natalya Glebova		
	Michael Klamer	Red Vienna. 1919–1934	26
	Frank van der Hoeven		
	Milena Ivković	When hooliganism and the socialist city melt into one.....	36
	Anna Bokov	Avant-Garde as Method: VKhUTEMAS and the Pedagogy of Space, 1920–1930.....	44
a garden city and/or a socialist city?		Konstantin Lidin	45
	Konstantin Lidin		
	Mark Meerovich		
	Anastasia Malko	The binary logic and the socialist city.....	46
	Elena Bagina	The binary star.....	50
	Petr Zavadovsky	M. Ya. Ginzburg: Stylistics (1935–1945).....	56
	Elena Ovsyannikova		
	Nikolai Vassiliev	The role of healthcare facilities in the cityscape of post-war Sevastopol.....	66
	Yana Lisitsina		
	Vasily Lisitsin	"Here we'll be given a good house..." (the 1930s).....	70
	Alexander Kudryavtsev	Landscape after the battle	76
a modernist city	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin	80
	Valery Kozlov		
	Anastasia Malko		
	Lyudmila Kozlova	Microdistrict Solnechnyi: An urban design manifesto of the Siberian city	82
	Maria Tumureeva		
	Ekaterina Gladkova		
	Valery Kozlov	Novo-Melnikovo: The impact of federal programs on the spatial development	88
	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin	Boulevards of Architects.....	92
	Olga Blyankinshtein		
	Olesya Kiseleva		
	Olga Uspenskaya	Krasnoyarsk's right bank. Industrialization heritage	98
	Nikolai Kradin	The creative heritage of architect A. S. Cheskidov (1937–2000)	104
	Barbara Engel	Update Cheryomushki: perspectives for future housing	112
winter university 2021		121
	Ekaterina Gladkova		
	Alexandra Kostrubova	Winter University 2021. Regeneration of urban areas using the KRT standard	122
		Team Lisikha: "Digital Neighborhood Territory"	124
		Team Novo-Lenino: "Novo-Lenino only!"	127
		Team Ushakovka: "Spatial inequality"	129
		Team Jubilejnyj: "Residential district, where there is everything for life"	132
heritage	Alina Ivanova		
	Ekaterina Glatolenkova		
	Mikhail Bazilevich	New lands: Designing an image of the motherland	134
	Mikhail Bazilevich		
	Anton A. Kim	Russian engineers – builders of banks in Manchuria	147
	Maria Nashchokina	The urban wooden house and its fate.....	152
	Yuliya Petrusenko		
	Anna Ivanova-Ilicheva	The House of Diligence in Rostov-on-Don	164
authors		168

2021 UIA World Congress in Rio
From July 18–22 2021, Rio de Janeiro Brazil will host the 27th edition of the UIA World Congress of Architects, which is the first to be held virtually due to the current health crisis and government restrictions on public gatherings.

The digital weeks - 22–25 March, 18–21 April, 16–19 May, 20–23 June and 18–22 July will include 12 discussions, three for each of the four thematic axes of the Congress: Diversity & Mixture, Weaknesses & Inequalities, Changes & Emergencies and Transience & Flows. The digital weeks are 100% online, free and global and will invite debate and discussion from experts from around the world.

To encourage merit, recognise talent and reward achievement, the International Union of Architects (UIA) awards a Gold Medal and five prizes during the triennial UIA World Congress. The laureates are nominated by the UIA Member Sections.

On April 2, 2021, the UIA National Member Section Union of Architects of Russia

nominated the journal PROJECT BAIKAL and its founder, publisher and editor-in-chief Elena Grigoryeva as a candidate for the UIA Prize in memory of Jean Tschumi for architectural writing. They were nominated for “foundation and many years of successful work of one of Russia’s largest architectural academic journal”.

The jury included UIA President Thomas Vonier, Africa Union of Architects (AUA) President Victor Leonel, Eva Jiricna of AI Design, Kai-Uwe Bergmann of BIG & Nadia Somekh, President of Conselho de Arquitetura e Urbanismo do Brasil (CAU/BR).

More information on the Congress:
<https://www.uia2021rio.archi/en/>

2020/2021 UIA Friendly and Inclusive Spaces Awards

The 3rd edition of the UIA Friendly and Inclusive Spaces Awards attracted 91 entries from 35 countries across the world. Despite widely varying economic, political, social and cultural contexts the submissions

demonstrated how sensitive architectural design and collaborative processes can create inclusive, friendly and enabling environments.

Five juries, one from each UIA region, together with a past award winner, assessed the entries and selected the winners in four categories:

– New Buildings Category – Medal of Excellence: Wits Rural Facility, South Africa;

– Rehabilitation of Existing & Historic Buildings Category – Medal of Excellence: Modernisation, preservation and digitalisation of the historic headquarters of the Museum of Warsaw, Poland;

– Public & Open Spaces Category – Medal of Excellence: Bamboo Playscape: An inclusive playspace as part of a “Cycle of care” project, Bangladesh;

– Research Category – Winner: Support Ageing through Design, Architectural Services Department, Hong Kong Special Administrative Region.

For more information,
visit www.uia-architectes.org

5th International Baku Architecture Award

The Ministry of Culture of the Republic of Azerbaijan and the Union of Architects of Azerbaijan have launched the fifth edition of the Baku International Architecture Award, an open, biennial award with the support of the UIA.

This biennial award, open to qualified architects everywhere and endorsed by the UIA since 2015, seeks to recognize architectural diversity and to encourage new ideas and research, new realizations and exemplary new implementations of urban planning and architectural projects globally.

In the context of the COVID-19 pandemic, this year, the fifth anniversary edition of the Award will be held online. Deadline for the reception of entries: 1 September 2021. Participation is free of charge.

For more information, visit www.uia-architectes.org

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В новостях говорится о темах Всемирного конгресса МСА-2021, который пройдет в Рио-де-Жанейро, наградах и жюри конгресса, а также представлены победители конкурса МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства 2020/2021» и анонс V Бакинского международного архитектурного конкурса.
Ключевые слова: Всемирный конгресс МСА; проектирование; конкурс./

The news section announces the topics of the UIA 2021RIO World Congress of Architects, its prizes and the jury. The news also presents the winners of the 2020/2021 UIA Friendly and Inclusive Spaces Awards and announces the 5th International Baku Architecture Award.

Keywords: UIA World Congress of Architects; design; competition.

Всемирный конгресс МСА-2021 в Рио

С 18 по 22 июля 2021 года Рио-де-Жанейро примет 27-й Всемирный конгресс Международного союза архитекторов (МСА), который станет первым виртуальным конгрессом из-за текущего кризиса в области здравоохранения и правительственных ограничений на массовые мероприятия.

Недели с 22 по 25 марта, с 18 по 21 апреля, с 16 по 19 мая, с 20 по 23 июня и с 18 по 22 июля пройдут в цифровом формате и будут включать 12 дискуссий, по три на каждую из четырех ключевых тем конгресса: «Разнообразие и смешение», «Слабые стороны и неравенство», «Изменения и чрезвычайные ситуации» и «Быстротечность и потоки».

К онлайн-обсуждению можно будет подключиться бесплатно с разных точек планеты.

На Всемирном конгрессе МСА, который проходит раз в три года, Международный союз архитекторов присуждает золотую медаль и пять премий, чтобы по заслугам оценить талант и достижения выдающихся

архитекторов. Лауреаты номинируются секциями-членами МСА.

2 апреля 2021 года на премию Жана Чуми Союз архитекторов России номинировал журнал «Проект Байкал» и его учредителя, издателя и главного редактора Елену Ивановну Григорьеву за «создание и многолетнюю успешную работу одного из крупнейших архитектурных научных журналов России».

В состав жюри конгресса вошли: президент МСА Томас Воньер, президент Африканского союза архитекторов Виктор Леонел, Ува Йиржична (AI Design), Кай-Уве Бергман (BIG) и президент Conselho de Arquitetura e Urbanismo do Brasil (CAU/BR) Надя Сомех.

Дополнительная информация:
<https://www.uia2021rio.archi/en/>

Награда МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства 2020/2021»

Третий выпуск награды МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства» привлек к участию 91 проект из 35 стран. Несмотря на различные экономические, политические, социальные и культурные

условия, участники продемонстрировали, как внимательный подход к архитектурному проектированию и совместная работа могут создать инклюзивную, дружелюбную и благоприятную среду.

Пять членов жюри – представителей регионов МСА – совместно с победителем предыдущего конкурса оценили проекты и выбрали победителей в четырех категориях:

– «Новые здания». Высшая награда – постройка для сельской местности Wits (Южная Африка).

– «Восстановление существующих и исторических зданий». Высшая награда – модернизация, сохранение и цифровизация исторических зданий Музея Варшавы (Польша).

– «Общественные и открытые пространства». Высшая награда – бамбуковый игровой ландшафт: инклюзивное игровое пространство как часть проекта «Цикл бережного отношения» (Бангладеш).

– «Исследование». Победитель – проектирование, направ-

ленное на поддержку старшего поколения, Департамент архитектурных услуг (специальный административный район Гонконг).

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

V Бакинский международный архитектурный конкурс

Бакинский международный архитектурный конкурс проводится при поддержке МСА раз в два года начиная с 2015 года. Он призван отразить архитектурное разнообразие и дать стимул для новых идей и исследований, новых построек и воплощений передовых градостроительных замыслов и архитектурных проектов по всему миру.

В условиях пандемии COVID-19 в этом году пятый юбилейный выпуск будет проводиться онлайн. Конечный срок подачи проектов – 1 сентября 2021 года. Участие бесплатное.

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Начало 2021 года в **Иркутской организации Союза архитекторов России** ознаменовалось активизацией не только в чатах, но в деятельности более реальной, вполне существенной и даже полезной. В Доме архитекторов состоялись последовательно несколько лекций мастеров архитектуры, причем зрители могли участвовать не только очно, но и дистантно.

21 января **Олег Бадуга** открыл новый цикл ИРО рассказом о своих архитектурных произведениях в лекции <https://youtu.be/9LRNIA5TQ4E> под загадочным названием «Ангелы на простынях». На самом деле так называется один из его пока еще не опубликованных, но очень достойных быть изданными рассказов – колоритных, живых, точно отражающих контекст и время. Олег Борисович плодотворно работает в Иркутске и не только, не раз был лауреатом ЗВС, дважды награжден премией Губернатора Иркутской области, он автор отеля «Мариотт», храма в Пивоварихе, соавтор церкви Ксении Петербургской, Кафедрального католического собора и еще многих значимых для Иркутска зданий (см.

выпуски ПРОЕКТ БАЙКАЛ №№ 3, 6, 12, 15, 19, 41 и др.).

4 февраля возобновил свою работу дискуссионный клуб и состоялась первая в новом периоде ИРО СА встреча на тему «Наследие» (фрагменты опубликованы в пбб7).

26 февраля новую традицию встреч с мастерами продолжил **Николай Жуковский** лекцией «Архитектура. Компромиссы» о взаимоотношениях проектировщика, подрядчика и заказчика. Будем надеяться, что рассказ о терниях на пути практикующего архитектора не отпугнет молодежь от профессии. Ведь результат работы талантливого архитектора (читай – Николая Жуковского) вполне убедительный, несмотря на компромиссы при проектировании и реализации. На мой взгляд, архитектор перестарался в самокритике. Да что с ним поделаешь, наш герой – в своем репертуаре, весь из парадоксов и противоречий. Николай Леонидович – неоднократный лауреат ЗВС, удостоен премии Губернатора Иркутской области, участвовал в создании проекта микрорайона Университетский, автор гостиницы «Анастасия» в поселке Никола на берегу Ангары,

торгового молла «Сезон» в центре Иркутска, кафе на Култукском тракте и многих других известных жилых и общественных зданий. Фотографии с натуры сопровождалась ручной графикой автора, еще раз подтверждая, что в этом ему в Иркутске нет конкурентов. Наш журнал не раз обращался к творчеству Жуковского (ПРОЕКТ БАЙКАЛ №№ 2, 6, 15, 17, 20, 41, 43 и др.)

4 марта **Андрей Ляпин**, доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ, модерировал дискуссию по теме «Проблемы и перспективы развития деревянного домостроения в Иркутской агломерации».

В этот же день продолжилась дискуссия по теме «Наследие» уже с участием руководителей Службы по охране наследия администрации Иркутской области. Обсуждался новый **Проект зон охраны** – важнейший для Иркутска исторического документ, долго составлявший тайну для профессионального сообщества. По мнению компетентного эксперта **Алексея Чертилова**, возглавляющего Иркутское отделение ВИИПИК, «на рассмотрение были представлены лишь итоговые материалы, притом выполненные некачественно». Членам Союза предложено за неделю-другую дать замечания. Однако предпроектные обосновывающие научно-исследовательские документы не были представлены, а всем известно, что без них невозможно ни разработать любой градостроительный документ, ни, тем более, оценить его, дать заключение, замечания. Таким образом, Служба по охране ОКН ИО не организывает общественные обсуждения нового ПЗО, как поручил губернатор, а занимается откровенной профанацией, хуже того – провоцирует в очередной раз конфликт профессиональной общественности и областной власти. Есть подозрение, что предпроектные исследования для ПЗО вообще не выполнены».

В марте практически одновременно состоялись сразу три ежегодных события международного и федерального масштаба из четырех, регулярно проводимых архитекторами Сибирского федерального округа – **Зимник, АРХИГЕШ и АРХБУХТА**. Публикации о них – в этом номере нашего журнала.

13 марта состоялся творческий вечер архитектора и педагога **Аллы Корзун**, исследователя творчества Иркутской школы периода расцвета. Однако вечер был посвящен другой, новой для нас ипостаси Аллы Вадимовны – ее поэтическому творчеству.

Открытие персональной выставки художественных работ нашего коллеги архитектора **Андрея Красильникова** состоялось 14 апреля в Городском выставочном центре им. В. С. Роголя по ул. Халтурина. Почему именно там, а не в Доме архитектора? Этому есть объяснение: Дом Роголя построен по проекту Андрея Георгиевича, он очень неплохо вписался в среду даунтауна и стал значимым культурным центром в Иркутске. Здесь регулярно проводятся выставки работ профессиональных и непрофессиональных художников, студентов и дипломников Иркутского училища искусств, а в начале июня проводится торжественная церемония дарения картин городу в день его рождения. В экспозиции представлено более 40 пейзажей Андрея Красильникова: природа родного края, Байкал – те места, где Андрей черпает вдохновение для своей основной работы.

15 апреля в преддверии Дня памятников истории и культуры в Музее города прошел по-настоящему междисциплинарный круглый стол «Архитектурный и культурный код Иркутска. Историческое наследие как феномен социально-экономического развития территории». Одним из организаторов встречи и ее модератором выступил председатель ИРО ВООПИК, член правления ИРО САР **Алексей Чертилов**. Открыли мероприятие заместитель мэра города Иркутска Виталий Барышников и заместитель председателя Думы города Сергей Юдин. После знакомства с выставкой участники продолжили разговор в формате конференции. Одним из самых интересных был рассказ руководителя проекта туристической экосистемы «Сфера Байкала» Анатолия Казакевича о вкладе иркутских купцов в развитие Российской империи и проекте «Байкал – Аляска». С докладами и краткими высказываниями выступили и члены Союза архитекторов – Евгения Ямова и Елена Григорьева. Галина Урлапова рассказала о сохранении и реставрации Преображенской площади в мемориальном комплексе «Декабристы в Иркутске», затронув проблему странных землеотводов непосредственно на погосте. В итоге, определив историческое наследие как феномен социально-экономического развития, гражданское сообщество еще раз обозначило, какая тема является для Иркутска главной.

В блогосфере, в подтверждение вышеизложенного тезиса, все это время (январь – апрель) продолжались обсуждения судьбы **квартала у ЦЭСовской набережной**, изгнание из реестра памятников и, соответственно, угроза сноса **Кадетско-**

го корпуса (не путать с Юнкерским, с ним все в порядке) на площадке бывшего ИВВАИУ, борьба за сохранение в реестре памятников **гостилицы «Сибирь»** (конструктивизм, арх. Казимир Миталь). 26 апреля гром грянул сразу над двумя объектами – на президиуме областного градсовета прозвучала инициатива **о сносе стадиона «Труд»** (его трибуны – сталинский ампир, арх. Борис Кербель) и **Дворца спорта** (советский модернизм, арх. Виктор Шматков). Бурное возмущение в архитектурном сообществе предложено оформить и организовать: перенести дискуссию из чата в Дом архитекторов и провести обсуждение после праздников, 13 мая. За это время страсти по спортивным объектам несколько улеглись, поскольку вышестоящий городской чиновник публично назвал инициативу частным мнением нижестоящего чиновника.

21 апреля прошло заседание бюро отделения архитектуры **Российской академии архитектуры и строительных наук**, на котором, в ряду других вопросов, состоялось рассмотрение документов кандидатов, представленных на звание советников по Отделению архитектуры РААСН территориальными отделениями. Кандидатуры иркутских ученых и педагогов кандидата искусствоведения, профессора **Железняк Ольги Евгеньевны** и профессора ВАК **Дружининой Инны Евгеньевны**, представленные Сибирским территориальным отделением, были утверждены.

Напомним, что в сентябре 2020 года Ольга Железняк и Инна Дружинина были удостоены высших наград СА России в области архитектурного образования – медалей имени И. В. Жолтовского.

Апрельский Пленум Союза архитекторов России состоялся 22 апреля в Суханово и, естественно, одним из первых вопросов было обсуждение дальнейшей судьбы усадьбы. Автор «Концепции реставрации и развития Дома творчества Союза архитекторов России «Суханово» Ленинского района Московской области» архитектор В. Осипов представил проект и рассказал о своем видении функционирования памятника федерального значения, который находится в безвозмездном пользовании у Союза архитекторов. Предложено на фундаментах гостевого дома разместить новый комплекс с гостиницами, бассейном, конгресс-залом

и другими объектами инфраструктуры.

Пленум утвердил Владимира Бакеева в статусе первого вице-президента СА России, Олега Козинского – вице-президентом по Южному федеральному округу и Сергея Олейникова – вице-президентом по Уральскому ФО.

Владимир Бакеев рассказал о продвижении федерального Закона об архитектуре, процессе, который длится уже не один год. Выступление Н. И. Шумакова на Совете по культуре и искусству при Президенте РФ в 2020 году задало новый импульс: в проект Закона внесен еще целый ряд изменений, однако решать вопрос его принятия будет, скорее всего, уже новый состав Государственной Думы.

Правление обсудило обновленные составы девяти специализированных Советов, целью которых является создание консенсуса вокруг основных видов деятельности и утвердило решение о созыве 14-го съезда Союза архитекторов России 4 ноября, во время ежегодного фестиваля «Зодчество».

ЕГ

В статье описываются события XVI форума архитекторов-горнолыжников, проходившего в Шерегеше в марте 2021. Рабочие встречи были посвящены обмену информацией и обсуждению актуальных проблем региональных организаций Союза архитекторов России. Приводится список победителей лыжных соревнований, соревнований по настольному теннису и бильярду.
Ключевые слова: АРХИГЕШ; Шерегеш; архитектура; спорт; конференция проектировщиков и архитекторов. /

The article tells us about the events of the 16th Forum of architects-mountain skiers, which was held in Sheregesh in March 2021. The participants of the working meetings exchanged information and discussed topical issues of regional organizations of the Union of Architects of Russia. The article presents the list of the winners of the ski, table tennis and billiard competitions.
Keywords: ARCHIGESH; Sheregesh; architecture; sport; conference of planners and architects.

АРХИГЕШ-21. Место, где Земля закругляется / ARCHIGESH-21. The place where the Earth rounds up

*Вот, – изрек Оська, – вот место, где земля закругляется.
 Я не посмел возразить: возможно, что земля закруглялась именно здесь.
 Но, чтоб не спасовать перед младшим братом, я сказал:
 – Это что! Вот в Саратове, я видел, есть одно место – там еще не так закругляется.*

Лев Кассиль. Конduit и Швамбрия

И снова середина марта, воскресенье, снег, солнце и Шерегеш. Две сотни архитекторов и проектировщиков с семьями, которые тоже сплошь архитекторы и проектировщики, приехали и прилетели из городов Сибири, Урала и столиц, и все соскучились по любимой горе и друг по другу. Все как всегда, и все как в первый раз. Много молодежи – она пополнила поредевшие после нелегкого года ряды.

Дом культуры «Горняк» уже не первый год принимает праздничные церемонии АРХИГЕШа – открытие с его потрясающими спектаклями-капустниками и закрытие с торжеством победителей и со всеобщей радостью за них. А между этими двумя праздниками – целый каскад событий на полях главного праздника – катания на горе Кырыштал. События на полях в этом году вполне традиционные:

дискуссии с представителями генерального спонсора – НОПРИЗ и презентации спонсоров, которые стали за пятнадцать лет настоящими друзьями с архитектурной братией, и новеньких, которые еще только ищут подходы, но уже успели понять, что площадка фестиваля не просто приятная, но приятная во всех отношениях, в том числе и чисто деловых.

Здесь же – традиционно яркие выступления архитекторов и свежие новости архитектурного цеха: несколько красноярских мастерских объединились в КОНСОРЦИУМ и начали новый этап своего существования – более эффективного и благополучного в нашем конкурентном и жестком мире. Об этом рассказали Алексей Мякота

текст
Елена Григорьева /
 text
Elena Grigoryeva

< Кырыштал. Место, где Земля закругляется. Фото Валерия Цоя

^ На вершине

^ После карнавала

v Перед стартом. Женщины старшей возрастной группы

и Евгений Зыков. Музыкальные вечера с гитарами и ностальгическими реминисценциями о Beatles перемежались с соревнованиями по настольному теннису и бильярду и заканчивались далеко за полночь.

Что касается апофеоза фестивальной недели – соревнований по слалому, то здесь все было строго и по-спортивному; отдельные нарушения спортивного режима не сказались на результатах, и дисквалификаций по поводу допинга не последовало. Екатеринбург потеснил Новокузнецк в командном зачете: командный кубок АРХИГЕШ-2021 с минимальным преимуществом над многократным обладателем кубка Новокузнецком выиграл Екатеринбург.

И вот что еще важно: в этом году впервые за всю историю проведения фестивалей Лыжного клуба архитекторов самыми многочисленными были молодежные возрастные группы в соревнованиях по горным лыжам и сноуборду. Это значит, что у АРХИГЕШа, самого спортивного из архитектурных и самого архитектурного из спортивных событий России, есть будущее.

< Команда Новокузнецка

< Абсолютная чемпионка по горным лыжам среди мужчин и женщин Дарья Карышева, Новокузнецк (студентка Северо-Западного политехнического университета, Сиань, Китай) и капитан команды Новокузнецка Валерий Цой

Результаты соревнований ЛКА 2021:

АБСОЛЮТНЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Горные лыжи слалом-гигант:

Карышева Дарья, Новокузнецк
Яценко Кирилл, Екатеринбург

Сноуборд слалом-гигант:

Колупаева Ксения, Томск
Саяпин Игорь, Новокузнецк

ГОРНЫЕ ЛЫЖИ СЛАЛОМ-ГИГАНТ

Женщины старше 65:

Яценко Анна, Екатеринбург
Хныченкова Виктория, Екатеринбург
Крайняя Ольга, Новокузнецк

Женщины 56–65:

Оголь Ольга, Кемерово
Ерина Елена, Екатеринбург
Ершова Елена, Екатеринбург

Женщины 46–55:

Леонова Елена, Екатеринбург
Бойвидова Инесса, Новосибирск
Крылова Ирина, Красноярск

Женщины 35–45:

Сильвестрова Ирина, Москва
Мезенцева Дарья, Новокузнецк
Полетаева Дарья, Кемерово

Женщины до 35:

Карышева Дарья, Новокузнецк
Саяпина Дарья, Новокузнецк
Десятова Полина, Екатеринбург

Мужчины старше 70:

Крайний Константин, Новокузнецк
Брусницын Владимир, Екатеринбург
Клочков Вячеслав, Томск

Мужчины 61–65:

Зыков Анатолий, Новокузнецк
Власов Олег, Екатеринбург
Бричев Александр, Новокузнецк
Ершов Сергей, Екатеринбург

Мужчины 56–60:

Цой Валерий, Новокузнецк
Зыков Сергей, Кемерово
Христолюбов Андрей, Новокузнецк

Мужчины 46–55:

Десятов Леонид, Екатеринбург
Конаков Олег, Новокузнецк
Горбачев Александр, Томск

Мужчины 35–45:

Чернигов Андрей, Новокузнецк
Воробьев Юрий, Тюмень
Тагильцев Дмитрий, Новокузнецк

Мужчины до 35:

Яценко Кирилл, Екатеринбург
Абрамов Никита, Томск
Красильников Егор, Иркутск

СНОУБОРД СЛАЛОМ-ГИГАНТ

Женщины старше 35:

Адамова Елена, Екатеринбург
Струговец Елена, Москва

Женщины до 35:

Колупаева Ксения, Томск
Заборовская Анастасия,
Санкт-Петербург
Лютова Вероника, Москва

Мужчины старше 60:

Бармин Александр, Екатеринбург

Мужчины 51–60:

Казанцев Андрей, Екатеринбург
Кабушка Юрий, Санкт-Петербург
Бежанов Павел, Горно-Алтайск

Мужчины 35–50:

Саяпин Игорь, Новокузнецк
Шиврин Виталий, Санкт-Петербург
Волошко Роман, Красноярск

Мужчины до 35:

Зубов Артем, Екатеринбург

Карпенко Михаил, Новокузнецк
Бричев Алексей, Новокузнецк

БИЛЬЯРД

Брусницын Владимир, Екатеринбург
Демков Сергей, Иркутск
Бармин Александр, Екатеринбург

НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС

Женщины:

Свитич Людмила, Новокузнецк
Салосина Елена, Екатеринбург
Ведерникова Марина, Екатеринбург

Мужчины:

Зуев Сергей, Екатеринбург
Тиманов Павел, Новокузнецк
Красильников Андрей, Иркутск

ПБ с удовольствием продолжает вести хронику форумов архитекторов-горнолыжников России и благодарит за предоставление материалов и фотографий Валерия Цоя и Милу Свитич (Новокузнецк), Сергея Демкова и Егора Красильникова (Иркутск) и, конечно, организаторов АРХИГЕШа-2021 председателя правления Кемеровской организации Союза архитекторов России Сергея Зыкова и главу оргкомитета Ольгу Оголь, а также всех спонсоров – старых верных и новых друзей АРХИГЕШа.

v Иркутская команда

С 10 по 15 марта состоялся XV Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта. Телепортация» на острове Ольхон. Его участниками стали свыше ста человек из 7 регионов России, от первых организаторов до студентов первого курса. В статье сформулирована главная идея фестиваля года – создание арт-объектов из местных материалов; представлены его результаты. Итогом фестиваля стало создание 20 арт-объектов, размещившихся на территории Арт-резиденции «Порт Ольхон», 5 из них отмечены наградами. Ключевые слова: архитектура; малая архитектурная форма; арт-объект; инсталляция; дерево. /

The 15th All-Russian architectural festival “ArchBukhta. Teleportation” was held on Olkhon Island from 10 to 15 March. More than one hundred people from seven regions of Russia, from the first organizers to first-year students, took part in the competition. The article formulates the main idea of the Festival – to create art objects from local materials. The article also presents the results of the Festival: 20 art objects arranged on the territory of the Art Residence “Port Olkhon”. Five of them received prizes. Keywords: architecture; small architectural form; art object; installation; wood.

АрхБухта. Телепортация-2021, Арт-резиденция «Порт Ольхон» / ArchBukhta. Teleportation-2021, Art-Residence “Port Olkhon”

текст
Ольга Фомина
Роман Малинович
фото
Даниил Васильев /
text
Olga Fomina
Roman Malinovich
photos
Daniil Vasiliev

Телепортация (от древнегреческого «далеко» и латинского «нести») – гипотетическое изменение координат объекта, при котором траектория объекта не может быть описана математически непрерывной функцией времени. Так организаторы сформулировали идею Всероссийского архитектурного фестиваля «АрхБухта. Телепортация» на острове Ольхон», который состоялся с 10 по 15 марта.

«АрхБухта» – конкурс по созданию малых архитектурных форм, который уже 15 лет собирает

на своей площадке студентов архитектурной специальности, а также профессионалов в области архитектуры, строительства и дизайна. Организаторам важно предоставлять участникам площадку для воплощения самых смелых идей на практике, дать возможность собственноручно изобретать архитектурные формы из дерева. Фестиваль учит создавать «работающие» деревянные конструкции, правильно распределять силы и ресурсы, а также работать в команде.

Фестиваль привлек и молодых участников, и «старожиллов». «АрхБухта» уже давно переросла рамки регионального конкурса и теперь сюда собирается все больше участников из других городов страны. Пройдя серьезный конкурс и кураторский отбор, более ста человек из Иркутска, Москвы, Новосибирска, Красноярска, Улан-Удэ, Южноуральска и Самары смогли поучаствовать в этом масштабном событии. В непростых условиях студенты и профессионалы в течение пяти дней трудились над проектами прямо на берегу озера Байкал.

Темой 2021 года стала «Телепортация» – свобода в выборе направления координат по созданию проектов. Участникам удалось смело пофантазировать на эту тему и провести свой эксперимент по перемещению во времени и пространстве. Все арт-объекты выполнялись из местных материалов, что помогло создать уникальные продукты, основанные на истории места. Итогом работы стали 20 арт-объектов, большинство из которых предполагают кинематику: изменение формы и объемов при взаимодействии с человеком.

Нововведением года стал кураторский проект во главе с братьями Никитой и Андреем Асадовыми, руководителями архитектурного бюро «ASADOV» (Москва).

Фестиваль проходил в несколько этапов: создание концепций участников, воркшоп с кураторами по проделанной работе, доработка конкурсных работ, отбор конкурсантов оргкомитетом, а далее – са-

v Гран-при

< Участники фестиваля

мостоятельная реализация арт-объектов. Кураторы поддерживали участников на протяжении всего времени. Благодаря этому уровень проектов повысился.

Из года в год мероприятие посещает экспертный состав для оценки работ. Пятнадцатый фестиваль, во многом благодаря масштабу и месту его проведения, смог привлечь современных мэтров архитектуры и деревянного строительства – Тотана Кузембаева, Николая Белоусова и Владимира Кузьмина. Они поделились бесценной профессиональной информацией с участниками и на протяжении нескольких дней фестиваля проводили мастер-классы. Мэтры привнесли много нового в оценивание работ и презентаций участников, что вызвало бурную дискуссию при выборе победителей фестиваля.

Победил арт-объект «Двумя» от команды «Rebro x Marfa Zoloto» (Иркутск, Красноярск). Команда из шести девушек поразила экспертный совет не только интересной кинематической конструкцией (при прохождении человека через «сердце» конструкции нам открывается совершенно новый ее объем), но и презентацией: участницы сочинили легенду о Двумя – существе, которое уносило детей при дуновении ветра, и создали мультфильм по мотивам легенды. Они безоговорочно получили Гран-при фестиваля при обсуждении результатов экспертами.

I место отдано команде «Руки Рорка» (Иркутск) с арт-объектом

«Кораблик». Участники решили телепортироваться в детские годы и создать бумажный кораблик из дерева прямо на берегу Байкала. Расположение объекта, как говорят участники, «обладает особой энергией для исполнения всех ваших желаний». Столярное мастерство команды – продуманная конструкция, качественная обработка материала – подарили им заслуженное призовое место.

II место завоевал арт-объект «Взлетающая рыба» команды студентов 2 курса Института бизнеса и дизайна (Москва) во главе со своим преподавателем. Задача, которую поставили для себя члены команды – создать «маяк» как символ возрождения территории и реконструкции Маломорского рыбного завода. Эксперты высоко оценили задумку. Презентация проекта проходила с показом перформанса от участников, представлявшего проведение некоего шаманского ритуала; экспертам были вручены деревянные скульптуры из дерева, повторяющие очертания «Взлетающей рыбы».

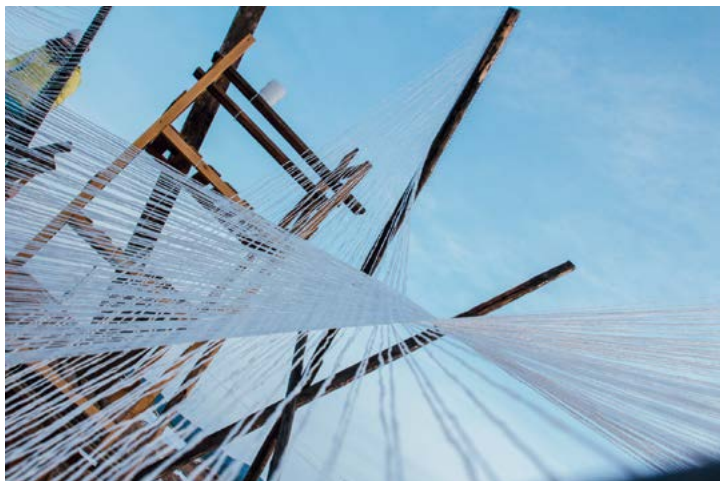
III место получила команда четырех студентов 3 курса ИРНИТУ «Футурум». За четыре дня стройки они создали масштабный арт-объект «Круговорот». Объект представляет собой каркас с переплетением нитей, отсылающих нас к образу рыбацких сетей и промышленного лова рыбы, бывшего когда-то сердцем порта. Проходя через инсталляцию, можно прочувствовать кончиками пальцев дух и историю места.

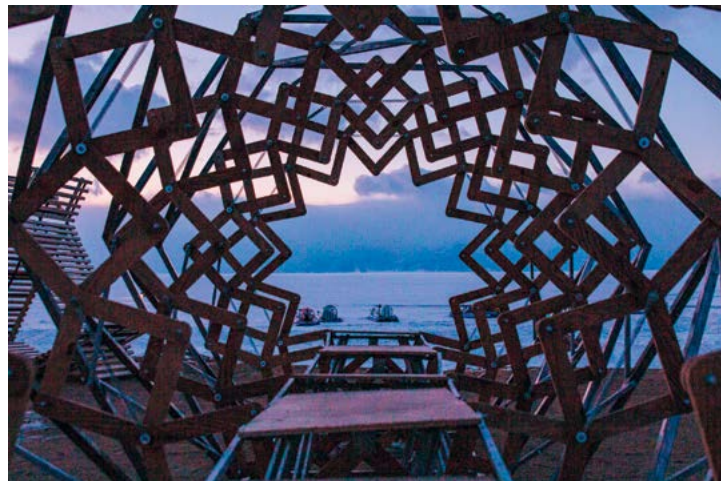
^ I место

v II место

^ III место

^ Спец приз. Команда «Супер Твёрдый»

v Команда БухАрт

Отдельным призом награждена команда «Супер Твёрдый» за самую продуманную конструкцию и необычную идею. Члены команды создали «портал», проходя через который человек сможет увидеть все больше новых граней конструкции. Команда отправится по приглашению партнера, завода «Выбор», в Красноярск на экскурсию.

«Телепортацию» посетили и «ветераны» фестиваля – команда «БухАрт», состоящая из практикующих ныне архитекторов, которые в студенчестве были первыми его организаторами. Их объект оказался самым масштабным: высота составляла более 10 метров.

Каждый из созданных арт-объектов занял свою позицию в развивающейся Арт-резиденции «Порт Ольхон». Их расположение представляет собой путь – траекторию, пройдя по которой можно оценить в полной мере все созданные произведения. Частичка «АрхБухты» останется на острове Ольхон и сможет радовать его гостей на протяжении долгого времени.

Организаторами фестиваля уже в 15-й раз выступает Клуб Молодых Архитекторов в рамках Всероссийского проекта «АрхДвижение 2.0».

В этом году фестиваль проходил при грантовой поддержке Фонда развития регионов России +7, а также благодаря помощи Администрации и отдела по молодежной политике города Иркутска, Иркутской региональной организации Союза архитекторов России и Арт-резиденции «Порт Ольхон».

Генеральным партнером фестиваля выступила компания Greenworks, спонсорами фестиваля являлись компания «Гранит-Гранат» и завод «Выбор».

С каждым годом конкурс растет и выходит на новый уровень благодаря организаторам, участникам и кураторам, что отметили многие профессионалы.

социалистический город /
socialist city

Характеризуются советское пространство и три его состояния, его устойчивые особенности, эволюция отношений между городом и деревней. Рассматривается значение производства для советских городов, анализируется эволюция социальной структуры советского общества. Описываются изменение роли советского архитектора и архитектурного языка, влияние опыта послевоенного Запада. Устанавливаются особенности постсоветских городов РФ, связь бизнеса, власти и общества. Подчеркивается факт отсутствия системности в постсоветской практике пространственного социального развития. Намечаются пути дальнейшего изменения структуры российского пространства.

Ключевые слова: советский город; деревня; пространственное развитие; архитектура; инфраструктура; агломерация. /

Andrey Bokov explores the Soviet space and its three stages, its stable characteristics and evolution of relationship between a city and a village. He evaluates the significance of production for Soviet cities and analyzes the evolution of the social structure of the Soviet society. Bokov highlights the changes in the role of Soviet architects and architectural language and the impact of the post-war experience of the West. The author identifies specific characteristics of post-Soviet cities of the RF and the relationship between business, power and society. He underlines the lack of systematic approach in the post-Soviet spatial and social development. He suggests possible ways for further transformation of the structure of the Russian space.

Keywords: Soviet city; village; spatial development; architecture; infrastructure; agglomeration.

Негород. Часть 2 / Noncity. Part 2

текст

Андрей Бокков /

text

Andrey Bokov

V. Город СССР

Революция радикально изменила облик российского пространства. Огромная страна стала предметом проектирования и местом воплощения иной реальности. Идеи советского проекта были не всегда оригинальны и адекватны, но зато безальтернативны, предельно масштабны и охватывали все пространственные слои от страны в целом до дома и квартиры. Очевидная утопичность моделей и концепций сочеталась с прагматичностью исполнения. Советское пространство, пребывавшее на протяжении всей истории в трех разных состояниях – «революционно-авангардистском», «неоимперском» и «модернистском», упорно хранило ряд устойчивых и неизменных особенностей, резко отличавших его от пространства предшественников и современников.

СССР не просто продолжил политику империи по освоению Арктики, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии, но в значительной мере перенес внимание с центра на периферию.

Предпочтение отдавалось задуманным еще до революции большим инфраструктурным проектам, обеспечивающим единство гигантских территорий. В дополнение к сети железных дорог возникают единая энергосистема, сеть авиационного сообщения, сеть водных путей, включая Севморпуть с инфраструктурой, легендарные каналы и многие другие «стройки коммунизма», ныне либо забытые, либо утратившие актуальность. Видимый след оставила уникальная, так до конца и не реализованная единая социальная инфраструктура, гарантирующая право на бесплатное жилье, бесплатные медицину и образование.

Все отведенные ей семьдесят лет советская власть с переменным успехом боролась с буржуазным городом, доставшимся ей по наследству и продолжавшим существовать наряду с «частнообшественнической» деревней. Вся земля с пребывающей на ней недвижимостью прямо или опосредованно перешла государству. Складываясь столетиями культура землепользования и организации пространства была разрушена. Государство и его структуры стало главным и единственным субъектом градостроительной деятельности. В соответ-

ствии с классовой теорией город становился цитаделью пролетариата, а деревня – оплотом нового колхозного крестьянства. Но в заботах о создании дружной семьи рабочих и крестьян советская власть не скрывала своих симпатий к городу, прежде всего к большому городу, где находились институты власти.

Развитие советского города как индустриального, промышленного сопровождалось консервацией и деградацией традиционного малого города и деревни, их селекцией, сжатием и ликвидацией. Границы между городом и деревней, начавшие было сглаживаться в итоге аграрной и земской реформ, а также в короткий период НЭПа, вопреки лозунгам и декларациям продолжали упорно сохраняться и были трудно преодолимы. Деревня, ставшая источником рабочей силы для промышленности, ресурсом развития и существования большого города, критиками советской власти нередко называлась «внутренней колонией». Коллективизация, с одной стороны, поставила деревню на грань выживания, а с другой – сдерживала массовый исход ее жителей институтом прописки. В советском лексиконе слово «деревня», «деревенский» стали в итоге синонимами второсортности и отсталости. Мечты о создании крупных сельскохозяйственных предприятий и агрогородов, попытки организации сельхозпроизводства на манер промышленного, по сути, были приговором деревне. Конец деревни автоматически означал конец и малого российского города, уездного или районного, бывшего рынком и центром для окрестных деревень, основой системы расселения «ядерных», центральных территорий империи.

В соответствии с официальной советской доктриной именно производством становится главным и единственным градообразующим фактором. Ни до, ни после советских времен судьбы городов и деревень не были в такой степени подчинены интересам производства, продукция которого потреблялась в первую очередь самим государством и его институтами, и лишь малая ее часть распределялась «среди населения», солдат и офицеров «трудовых армий».

Создание трудовых армий и трудовых коллективов привело (параллельно с ликвидацией рынка товаров и услуг) к ликвидации рынка труда. Трудовые коллективы, возглавляемые и ведомые партийными, становятся

главными структурными единицами советского общества; общественная жизнь переносится «на работу». Прежние соседские связи, связи по месту жительства утрачивают значимость, а коммунальные квартиры не превращаются в коммуны. Место церкви и публичных заведений, вокруг которых до революции формировались локальные сообщества, занимают стандартная школа и партийно-советское учреждение с пустынной площадью, оживающей в дни демонстраций трудящихся. Видимым, осязаемым следствием отказа от рыночных отношений и запрета малого бизнеса становится свертывание сферы торговли и услуг, падение значимости улиц и первых этажей, сжатие пространства свободного, нерегламентированного общения и публичной жизни. Строгое распределение и жесткие ограничения благ, обусловленные состоянием перманентного дефицита, на практике приводили к отступлению от принципа равенства. Бесклассовое общество оказалось заметно дифференцировано и «стратифицировано» по принципам, близким к армейским.

Особое внимание советская власть уделяла столице, столицам республик и субрегионов. Столица становится витриной страны, главной резиденцией начальства, примером и образцом для других городов. Жизнь в столице и в большом городе обоснованно считалось привилегией, доступ к которой строго регулировался пропиской, лимитом, контролем миграции и временных перемещений.

Столица и большие советские города не были бы таковыми, если бы не стали средоточием самых крупных и важных предприятий, сборочными цехами, к которым тянулись производства, находившиеся в самых удаленных местах необъятной страны. Крупные предприятия, реконструируемые и новые, оказавшиеся на периферии большого города, вместе с окружавшим их жильем образовывали относительно завершенные, закрытые социально-пространственные единицы. Образования, состоящие из предприятия и селитбы, т. е. четко поделенные на две зоны, принадлежащие одному трудовому коллективу, именуемые когда-то «соцгородом», а сегодня «моногородом», легко приобретали пространственную автономию и отрывались от большого города. Они возникали в местах добычи ископаемых, у источников энергии, в новых и старых стратегически важных точках. К финалу советской власти агломерированные и автономные соцгорода и их компоненты в виде промзон и селитебных зон заняли доминирующее положение в системе расселения.

У соцгорода или индустриального советского города, у новых промышленных районов больших городов были предшественники, которые в социальном и пространственном отношении оказывались между городом и деревней, объединяли черты и городского, и сельского состояний. Их жители занимались отходничеством, надомничеством, работали сезонно или круглый год на мануфактурах и при этом возделывали землю. Образования такого рода, именовавшиеся фабричными деревнями или «слободами», имели зачатки самоуправления.

Их наследник соцгород не имел действенного самоуправления, его жители не были ни субъектами средоформирования, ни самостоятельными хозяйствующими субъектами. Советскому рабочему было «не к лицу» заниматься сельским хозяйством: продовольствием его обеспечивали колхозы. Подсобные хозяйства заводов и пригородные участки, отводимые работникам, были вынужденными и «временными» уступками. Устойчивость, которую старой слободе обеспечивали приусадебные хозяйства, новой слободе была несвойственна. В итоге соцгород оказался парадоксальным образом вывернут наизнанку: его центром и единственным источником жизни оказался завод, а традиционный рынок либо отсутствовал, либо был маргинализован и вытеснен на периферию. За редким исключением соцгород не породил ни местных сообществ, ни собственной культуры,

сопоставимой с культурой или субкультурой городских «низов», слобод и окраин дореволюционного города.

Особенностью соцгорода и его производных становится сочетание двух трудно уживающихся черт – замкнутости, изолированности, обособленности от непосредственного окружения и очевидной несамостоятельности, несамодостаточности, прямой зависимости от внешних сил и внешнего управления. Если старая слобода была одновременно и городом, и деревней, то в новой советской редакции она не была ни городом, ни деревней. При этом «советская слобода», в отличие от предшественницы, в конечном счете вобрала основную часть населения страны, ушедшую из деревни, но так и не дошедшую до города.

Соцгород с его феноменологией были предметом осознанного выбора, одним из главных советских проектов, в основе которого лежала леворадикальная, модернистская модель. За семьдесят лет было предложено и реализовано множество версий этой модели – от лагерей и военных городков до наукоградов, от рабочих поселков и поселков «городского типа» до городов-спутников и спальных районов.

Советский город, в отличие от его дореволюционного предшественника и зарубежного соседа, был городом без граждан, т. е. тех, кто платит налоги и строит дом для себя. Все, чем располагали горожане, являлось «подарком» власти и строителей, занятых созданием городов «для другого» – для нарисованного воображением усредненного «советского человека», лишённого принципиальных различий.

С ликвидацией рынка земли и городского жилья, с уходом института домовладельцев квартиры и квадратные метры становятся распределяемым благом, а их обитатели субсидируемы государством арендаторами. Статус арендатора не предполагал подвижности граждан; занимаемая жилплощадь обычно оказывалась первой и последней в жизни.

Принятие государством на себя ответственности за обеспечение граждан коллективным жильем недавним «жителям» деревень было воспринято как нечто правильное и должное. Причина тому – традиции общинной жизни, зависимости от власти и владельца земли, наконец, привычка не считать жилье торгуемым товаром.

Советский социалистический город во всех его ипостасях был прост и универсален. Этому соответствовала постоянная мобилизационная настроенность, требовавшая простого и строгого уклада. Такой пространственный уклад как нельзя лучше обеспечивался инструментарием технологического проектирования, отработанным при создании крупных промышленных предприятий. Селитебные зоны становились, по сути, продолжением или обеспечением конвейерного и массового производства.

Реальный советский мир неминуемо распадался на огромный массив вынужденных и необходимых временных мер и ограниченное число шагов, демонстрирующих образ «светлого будущего». Рядом с Домом промышленности в Харькове, с центром Свердловска, с клубом ЗИЛА, с послевоенными высотными домами или комплексом Нового Арбата – со всем, что было посвящено великому культу будущего, – быстро, без претензий на качество сооружалось нечто временное, «однодневное», не рассчитанное на присутствие в завтрашней жизни. Утопия и антиутопия оказывались прочно связанными и взаимозависимыми. Жестко регулируемые города отбрасывали обширную тень в виде трупов и баграков. Но и сами города, бывшие предметом внимания, на практике оказывались не идеальными и гармоничными поселениями, а набором фрагментов, основанных на взаимоисключающих принципах.

Трехкратная смена государственной градостроительной политики, случившаяся после революции, затем в середине тридцатых и в середине шестидесятых годов, не предполагала преемственности и уважительного отношения к трудам предшественников. Традицией стал отказ от традиций и преемственности.

Советский город был лишен не только памяти и истории, интерес к которой стал пробуждаться лишь в последние дни его существования, но и индивидуальных различий, обнаруживаемых скорее вопреки проводимой политике, чем благодаря ей.

Пространство имперской России развивалось в соответствии с общемировыми нормами и трендами, адаптированными к культурным особенностям и устойчивым историческим традициям. СССР, выбравший альтернативный путь развития, отказался от следования общим правилам, сосредоточился на частных заимствованиях, на конкретных технологиях и инструментах, которые воспроизводились без попыток культурной адаптации. Заводы, спроектированные Альбертом Каном, или пятиэтажки, подсмотренные у французских компаний, казались особо привлекательными в силу их радикальных отличий от складывавшихся годами российских прототипов.

Трансформации подвергся не только город, но и его создатели – архитекторы и градостроители, ставшие исполнителями воли власти и едва ли не главными ее партнерами при решении как прагматических, так и репрезентационных задач. Советское государство на разных этапах его истории по-разному выстраивало отношения с архитектором, всякий раз оказываясь для него требовательным, но не худшим в сравнении с частными лицами, заказчиком. Утратив сначала «идеологическую», затем организационную и экономическую самостоятельность, архитектор-профессионал получал взамен право участия во всех государственных проектах, меняющих облик гигантской страны.

Вклад в облик каждого из трех этапов советской истории далеко не равнозначен, да и основополагающие принципы интерпретировались на разных этапах по-разному. До середины 1950-х годов национальный ландшафт, как и среда большинства городов, претерпевали болезненные, заметные, но точечные, локальные трансформации; «глубинная» страна продолжала жить не выше второго этажа. Новые районы больших городов и новые соцгорода были островами другого мира в безбрежном «деревенском» или полудеревенском окружении. Советская жизнь более тридцати лет располагалась лишь в отчасти измененном пространстве империи, а реалиями этой жизни были коммуналка в бывшей барской квартире и колхозное поле вместо общинной земли.

Переломными стали хрущевские реформы. Последняя «хрущевско-брежневская», «модернистская» версия города принципиально отличалась от сталинской версии. Хрущев стремился к созданию очевидной альтернативы тому, что создавал предшественник, неожиданно для многих объединивший левую, коммунистическую риторику с консервативной, академической архитектурой, по факту мало отличимой от той, что господствовала в капиталистическом мире. Реконструкция Москвы и послевоенное восстановление опирались на концепцию города парадных магистралей, города-памятника победам, бывшего эмоциональным, символическим, «высоким» посланием жителям коммуналок. По плану 1935 года столица СССР одной из последних в Европе становилась городом-ансамблем, бросая вызов главным конкурентам – Риму и Берлину. Хрущев выбирает новые ориентиры: ими становятся районы массовой застройки послевоенной Европы. Советский человек, бывший независимым от семьи персонажем, отдававший все силы и время производству, проводивший краткий досуг на собрани-

ях, в рабочем клубе и на стадионе, удовлетворявшийся койкой в общежитии или «куглом» в коммуналке, наконец оказывается человеком семейным, которому государство готово дать квартиру.

Новая пространственная модель полностью сменила архитектурный язык, заодно выведя архитектуру из сферы культуры и подчинив строительному комплексу, перед которым ставилась задача создания с «нуля» индустрии массового жилища. Гражданское строительство, строительство жилья, считавшееся до этого времени делом далеко не главным, переходят в категорию государственных приоритетов и обзаводятся собственным штабом под названием Госгражданстрой. При этом архитекторы и градостроители, стоящие во главе этого комитета, подчиняются суперведомству по имени Госстрой СССР, где главной фигурой становится советский строитель, лишенный особых эмоций, практик и прагматик.

Версия соцгорода, пришедшая на волне «оттепели», встреченная с энтузиазмом свидетелями и участниками обновления, была новой и оригинальной лишь в глазах советских граждан. К решению давно назревшей жилищной проблемы страна приступила намного позже ее западных конкурентов, чей опыт впервые за многие годы перестал считаться абсолютно токсичным. На основании жесткой селекции этого опыта была выстроена единая модель, которой надлежало следовать городу и деревне, центру города и его периферии, северу и югу, востоку и западу огромной страны. Следуя этой модели, соцгород приобретал четкие очертания, закрепленные в нормах и правилах обязательного исполнения. Эти нормы впервые гарантировали каждому гражданину СССР строгий набор необходимых услуг и квадратных метров жилплощади, а главными инструментами обеспечения этих гарантий становятся многоквартирный жилой дом и микрорайон.

У советского микрорайона, мало напоминающего традиционный город, не было ни конкурентов, ни принципиального неприятия обществом. Принятие, привыкание к этой модели не в последнюю очередь было связано с сохранившейся памятью о деревне недавних горожан с их особым «аграрным», негородским ощущением пространства. Подлинным горожанином советский человек так и не стал и не мог стать. Живительное общение с деревенскими родственниками, бабушками и дедушками, легендарные шесть соток, обеспечивающие на зиму картошкой, дача, без которой жизнь в коммунальной квартире становилась бы непрерывным испытанием – все это было проявлением тесных и естественных связей с деревней.

Но источником вдохновения во времена оттепели были не романтические картины сельского прошлого и даже не риторика Афинской хартии, но конкретный опыт послевоенного Запада, позволявший начать все с чистого листа, на новом месте и по-новому. Советский город 1960–1980-х годов при ближайшем рассмотрении оказывается гибридом, собранным из двух заимствованных компонентов. Градостроительный планировочный компонент складывался под влиянием британских городов-садов и городов-спутников со свободной планировкой и микрорайоном, а прототип дома был найден на континенте, во Франции. Британский коттедж и таун-хаус явно не встраивались в общий ряд с общежитиями и коммуналками, поэтому выбор предсказуемо пал на коллективный, многосекционный, панельный дом.

Между зарубежными модернистскими прототипами и их советскими клонами при видимом сходстве существовало неизбежное и принципиальное различие. Город-сад и спутники Лондона становились самоуправляемыми муниципалитетами, соседствами, сообществами ответственных владельцев самого разного жилья,

а не местом проживания арендаторов одинаковой госсобственности. В свою очередь послевоенная французская программа строительства социальных многоквартирных домов осуществлялась как временная и адресная, не предполагающая превращения этих домов в нечто постоянное, т. е. в дома для всех и на всю жизнь.

Несмотря на непризнание фактов заимствований, СССР парадоксальным образом оказался самым настойчивым и упорным адептом идеалов и принципов модернизма, постепенно утрачивавших свое влияние в мире. Неуклонно терявшие сходство с базовыми прототипами, советские дома и микрорайоны не предполагали «немодернистской» альтернативы.

Более того, типовой дом и принципы свободной планировки успешно проникли в центр города, разуплотняемый и освобождающийся от коммуналок. Поощряемыми и популярными становятся отступления от красных линий, разрушение периметра кварталов, жилые первые этажи и точечное размещение в центре типовых домов. Типовые панельные пятиэтажки первых поколений, поначалу сопровождаемые деревьями и кустами, быстро сменяются все более рослыми, тесно стоящими блоками с редкими и скудными признаками благоустройства. Мечта о «домах-кораблях», омываемых светом и воздухом, утопающих в зелени, обернулась реальностью вертикально поставленных, закрывающих небо домов-кварталов. Превращение дома в «машину» сделало город большой многоуровневой парковкой, ставшей более заметным и распространенным признаком советского мира, чем гидроэлектростанции и химкомбинаты.

Панельный дом и спальные районы бескомпромиссно изменили культурный ландшафт страны. Баланс старого традиционного, естественного, создававшегося столетиями материала и нового, искусственно произведенного, в считанные годы необратимо меняется в пользу последнего. Страна становится решительно непохожей ни на себя в недавнем прошлом, ни на своих соседей.

Героическая попытка государства решить жилищную проблему без активного участия граждан обернулась борьбой и гонкой за квадратными метрами «любой ценой». Результатом этой борьбы стали дегуманизация и неполноценность «среды жизнедеятельности». Крайняя зарегулированность, ригидность правил, падающая эффективность «командно-административной» системы породили невиданный ранее рукотворный хаос, видимый каждым и трогательно воспетый в фильме «Ирония судьбы».

Прозвучавшие в последние годы советской власти робкие призывы к «городу для людей» изменить ситуацию не могли. Советский градостроительный маневр, градостроительная «загогулина», уведшая пространство страны в сторону от нормальных и естественных путей развития, оставили слишком много трудно преодолимых тяжелых последствий.

VI. Город РФ

С распадом СССР и завершением советского проекта логичным было бы появление другой модели российского пространства и иной стратегии пространственного развития. Специфическое толкование глобальных трендов и последовательное игнорирование природы национального пространства привели к отставанию от конкурентов, к видимым деформациям и диспропорциям. Преодоление этого состояния, возвращение к нормальности, в мировой «мейнстрим», возрождение культурного ландшафта – все то, что могло бы сопровождать растущую строительную активность недавних десятилетий, не стало актуальным.

Впервые за 400 последних лет пространственное развитие перестало быть приоритетом внутренней политики и предметом публично заявленных целенаправленных действий. Исчезли институты пространственного развития, бывшие заказчиками и потребителями, создателями и воплощателями концепций и моделей. Управление пространством оказалось не встроенным в управленческую вертикаль; реализуемая на практике модель пространства не описана в официальных документах вроде стратегии или доктрины, носит не вполне отрефлексированный характер и едва ли осознается как «модель» даже самими ее носителями и имплементаторами.

Поэтому картину того, что происходит с инфраструктурой и субстанциями на всех уровнях, придется собирать как некий пазл из отдельных фрагментов. При этом пустоты пазла могут оказаться не менее красноречивыми, чем заполненные участки.

Надежда на то, что пространственное развитие отныне будет разумно и эффективно, саморегулироваться или регулироваться свободным рынком, не оправдалась. Ни рынок, ни состояние российского пространства к этому не располагали. Вакуум, образовавшийся там, где в советские и имперские времена господствовали государство и ответственные хозяйствующие субъекты, заполнили местная и региональная власть, объединившаяся с узкоотраслевым, локальным строительным бизнесом.

Российский застройщик, прямой наследник советского стройкомплекса, оказался более заинтересованным и подготовленным к работе с пространством, чем власть и общество, утратившее в советские времена ощущение своей субъектности и ответственности за собственное окружение. Перегруппировавшийся стройкомплекс сосредоточился не на железных дорогах и автомагистралях, не на ресурсосбережении и «зеленых» технологиях, а на дефицитном жилье для возникшего имущего класса. С появлением рынка жилья и снятием ограничений на переезд в большой город бизнес получил доступ к ренте с относительно развитой, давно сформировавшейся и крайне дефицитной городской инфраструктурой. Квадратный метр в большом доме в большом городе, мало отличимый от советского метра, стал доминирующим продуктом стройбизнеса, а сам стройбизнес не сильно отличим от советского стройкомплекса, предлагавшего один-единственный продукт.

Отечественный застройщик, избавленный от серьезной внутренней конкуренции, организованный скорее по советским, нежели международным лекалам, трудно представим на внешних рынках. В отличие от российского автопрома, общепита и торговли, даже в отличие от промышленного и офисного сегментов строительного бизнеса, вполне соответствующих мировым стандартам, строительство массового жилья успешно сопротивляется обновлению, оставаясь на этапе шестой модели «Жигулей».

Бизнес, процветавший недавно на многоквартирных домах и сегодня испытывающий очевидные трудности с реализацией, остается главным партнером и территориальной, и отраслевой власти. Власть по-прежнему склонна доверять этому бизнесу в решении и жилищного вопроса, и вопросов пространственного развития. Нынешний застройщик не только удержал контроль над архитектурой и градостроительством, переданный ему по наследству советским стройкомплексом, но стал идеологом и главным субъектом практики градостроительства, т. е. достиг высот, советскому стройкомплексу недоступных.

Застройщик привнес в модель пространственного развития свою этику и систему ценностей. Цели получения прибыли потеснили цели достижения социальной

справедливости и всеобщего блага. Упоминание о всеобщем благе исчезло из Градкодекса вместе с надеждами на появление «стандарта благополучия», современной версии общегосударственных единых пороговых нормативов обеспечения советских граждан жильем, местами в кинотеатрах и койками в больницах. Цели получения немедленной прибыли существенно снижают интерес и к анализу последствий предпринимаемых шагов, к планам, прогнозам и перспективам; «быстрый успех» сегодня, здесь и сейчас приобретает самоценность, становится важнее и «картины будущего», и будущего как ценности и цели.

Работающие с пространством бизнес и власть не испытывают нужды в помощи профессионалов, планировщиков, градостроителей, архитекторов, плохо ощущают смысл проектирования, с недоверием относятся к научному знанию и предпроектным исследованиям. С ликвидацией советских научно-исследовательских и проектных институтов научная деятельность, которая переживает в мире состояние подъема и является неотъемлемой частью культуры управления, в РФ стала затухать.

Причиной и следствием этого состояния становятся фрагментация действительности, сведение сложного к простому, целого к сумме частей. Целостное и системное отношение к пространству вытесняется набором фрагментов и ситуативных действий или «ручным управлением». Постсоветская модель открыта для неожиданных, невязанных и труднопредсказуемых событий вроде появления Новой Москвы, тотального благоустройства улиц, реновации и т. п., аргументы в пользу которых обычно предъявляются в процессе воплощения. Фрагментарное сознание не испытывает неудобств от того, что пространственным развитием заняты около десяти различных министерств, что генпланы пребывают в ведении Минэкономразвития, а ПЗЗ занимается Минстрой и т. д.

Фрагментарность, расчлененность картины мира приводит к недооценке связей, инфраструктуры, объединяющей, обеспечивающей непрерывность и целостность пространства. Неочевидная прибыльность строительства дорог и инженерных сетей в сочетании с давней, традиционной нелюбовью к перекресткам и дорогам затрудняет, блокирует тему инфраструктурного преобразования, перехода к Третьей модели страны и города. Создание современной магистральной инфраструктуры по-прежнему рассматривается в ряду других задач, без понимания принципиальной роли связности как условия нормальной жизни и развития.

Особенностью все большего числа материалов, касающихся пространства, становится отсутствие традиционных, привычных для профессионалов изображений – карт, схем и планов. Физическая реальность все чаще описывается и моделируется цифрами и словами, языком урбанистов, экономистов и юристов, потеснивших в роли партнеров власти и бизнеса градостроителей и исследователей города. Новое управленческое сознание явно предпочитает расплывчатость и неопределенность и строгости плана. План, генплан, ПЗЗ как инструменты порядка, да и сам пространственный порядок как таковой не ощущаются нормой и необходимостью, все чаще представляются препятствиями и барьерами, мешающими бизнесу.

Понимание российского пространства, его масштабов и устройства, которым были наделены выдающиеся реформаторы вроде Витте и пришедшие за ним советские начальники, видевшие страну единым объектом проектирования, во многом утрачено. Советские модели расселения и планы инфраструктурных преобразований,

вызывавшие зависть и попытки подражать, в постсоветской практике практически не встречаются.

В СССР старательно поддерживался баланс между большими столичными городами и моногородами, между центром, республиками и регионами. Новая Россия однозначно предпочла большие города, главным и лучшим из которых стала Москва. Москва российской, в отличие от Москвы советской, не только лидер и образец, но другой, особый мир, не сходный с окружающим.

Вопреки популярным рассуждениям о существовании Московской и других агломераций, несмотря на внешнее сходство агломерации и большого города с окружением, их отличия очевидны. Нормальная агломерация – это партнерское сообщество, результат совместных целенаправленных усилий больших и малых поселений, создающих общую инфраструктуру. Это открытое для вступления, экстравертное, центробежное, расширяющееся образование без устойчивых границ. Большой российский город, обычно превосходящий по всем параметрам свое окружение, имеет четкие границы, интровертен, центростремителен и скорее усложняет развитие соседей, лишенных видимых преимуществ и обреченных на зависимость.

Управляемые и организуемые агломерации расчленены на части, пронизаны магистралями и полицентричны. Большой город и его окружение – почти сплошь застроенное пятно с одним центром. Уникальный шанс российской столицы приобрести новый центр на присоединенной территории Новой Москвы не был использован.

Развитие агломерации идет вдоль магистралей по радиальным направлениям, большой город приобретает все новые кольцевые пояса, плотные многоэтажные пригороды, придающие ему неестественную форму «кратера» или «воронки». В отличие от новых китайских городов – центров особых экономических зон, ставших «драйверами» развития регионов, а затем и страны в целом, роль большого российского города, его обязательства и очертания отчетливо не прописаны; по умолчанию он становится «вещью в себе».

Увлечение большим городом вытеснило, отодвинуло тему традиционного малого города и советского моногорода. Их судьба туманна, и интерес к ним возникает от случая к случаю.

Еще менее объяснимо невнимание к «новой российской деревне», к быстро растущим пригородам, к не прерывавшейся традиции загородного отдыха, жизни на даче, работы на садовых участках и огородах, пребывания в санаториях, домах отдыха и пионерлагерях, поездок к деревенским родственникам. Между тем эта традиция явилась предпосылкой неорганизованного, но массового движения из города. Превращение загородного жилища в основное, раньше знакомое лишь высшему звену советской партноменклатуры, стало доступно новому имущему классу, двинувшемуся на свою Рублевку и указавшего путь другим. Эти настроения и усилия огромного числа активных и дееспособных людей, по сути, возрождающих деревню, меняющих ее облик, странным образом не поддерживаются и не осмысливаются, не становятся поводом для отказа от пассивного ожидания «сжатия и ликвидации» обжитого усилиями многих поколений пространства.

Каждущие отвлеченными и малопонятными темы расселения, будущего города и агломераций сильно уступают в популярности тому, что принадлежит ближнему окружению и связано с темой жилья.

Российский застройщик предельно ограничил формы владения жильем, парадоксальным образом превратив советскую социальную квартиру в коммерческий продукт и продолжив строить то, что в других странах начали сносить и трансформировать. Практическое отсутствие

социального и арендного жилья, сдерживание малоэтажного и индивидуального строительства существенно деформирует российский национальный жилой фонд, усиливает его несоответствие и реальным потребностям людей, и норме, сложившейся там, где жилищная проблема решена.

Спальные районы и селитебные зоны, старые советские и новые российские, стагнирующие и реновируемые, вбирающие основной массив жилых квадратных метров, по сути, образуют «поле неопределенности», «ни город – ни село». Островами организованности в этом поле оказываются огражденные заборами жилые комплексы для состоятельных граждан и неогражденные этнические анклав.

Многие надежды на простое и быстрое решение сложной задачи успешного развития национального пространства возлагаются на оздоровление «городской среды». Повышенное внимание к среде было порождено впечатляющими «картинами» чужого благополучия на фоне деградации советского наследия и хаоса постсоветского времени. Ничем не сдерживаемая агрессия кустарного самостроя, засорившего пригороды и малый город, разгул застройщика, захватившего города размерами побольше, обрушили остатки градостроительной культуры.

В нынешнем лексиконе среда как понятие утратило и признаки культурного феномена, какой она рисовалась в 1970–1980-х годах, и отчетливые очертания, приданные ей в англосаксонской практике. Среда утрачивает естественность и уникальность, перестает быть итогом длительных процессов самодвижения и становится одномоментно производимым благоустройством, доступным для состоятельных граждан девелоперским приложением к квартире или щедрым подарком власти, вдохновленной картинами чужой жизни.

Большая часть перечисленных черт и особенностей модели пространственного развития носят латентный, неосознаваемый характер; видимых, заявленных деталей у модели немного, и все они по-прежнему добыты из двух источников – отечественного и зарубежного. В итоге скорее интуитивной, нежели взвешенной селекции из отечественного опыта более востребованным предсказуемо оказался опыт не досоветский, а советский, а из зарубежного набора предпочтение было отдано опыту не близкой к России континентальной Европы, а опыту далекой Америки.

Профессиональная и околопрофессиональная лексика наполнилась американизмами, наделяемыми, как правило, несовпадающими смыслами. Американское законодательство, более лояльное к бизнесу и безразличное к архитектуре, оказалось привлекательнее более строго европейского, а участие юриста и экономиста, характерное для американской жизни, оказалось более важным, чем привычное для Европы участие архитектора. Импортные приобретения сложились с бережно хранимыми с советских времен изобретениями вроде «типового проектирования» и коллективного дома. При этом советское наследие было лишено его социального пафоса, а американские заимствования избавлены от породившего их культурного и политического контекста.

Основной чертой, гарантирующей непротиворечивость, адекватность и целостность модели рукотворного пространства может считаться его принципиальная «нормальность», движение к сбалансированному, естественному состоянию пространств всех уровней – общенационального, регионального и местного.

Очевидным и неоспоримым является деление страны на две макрзоны – огромный «Север» с Арктикой, источник множества ресурсов, неблагоприятный для постоянного проживания, и почти вдвое меньший по размеру, освоенный и усвоенный юго-западный пояс. У макрзон разная инфраструктура, транспортная и инженерная, разная морфология расселения, и от единства, совместности и связности этих зон зависит качество целого. Сравнение развитости связей, насыщенности связями российского пространства и пространства сопредельных стран, Китая и ЕС, отчетливо и определенно указывает на необходимость преодоления инфраструктурных разрывов и перехода в другое состояние.

Надежды на «устойчивое развитие», о котором любят рассуждать экономисты и юристы, не вполне оправданы в ситуации отсутствия современной инфраструктуры. За переход к устойчивому развитию наши соседи расплатились упорным трудом по созданию новых дорог, портов и аэропортов, полностью изменивших их пространство. Российские «институты развития», сменившие советские НИИ, попросту просмотрели эти изменения и отличия.

Состояние инфраструктуры напрямую отражается на важнейших показателях, доходах населения, производительности труда, уровне образования, продолжительности жизни. Различия этих показателей для разных регионов – следствие их инфраструктурного неравенства и явление неутешительное; локальные; культурные различия в условиях инфраструктурного равенства – норма и благо.

Основными агентами, инициаторами развития становятся города с их окружением, по сути, не имеющие сегодня альтернативы агломерационному сценарию. Самое трудноисполнимое и сложно постижимое агломерационное правило сводится к одновременному, параллельному пространственному объединению и разделению инфраструктурных сетей, к объединению и разделению частей, зон и территориальных единиц, их фокусов и центров – административных, деловых и культурно-исторических.

Многолучевые, звездообразные агломерации с исходящими в радиальных направлениях линейными образованиями или полосами расселения длиной в несколько сот километров порождают сетевые системы, которые отчетливо прочтываются в структуре ЕС, в Восточном Китае и явно проступают в российском пространстве.

Сетевая связность, доступность быстрых и разнонаправленных перемещений выводят города из изоляции, открывают возможность трансформации моногородов в устойчивые многопрофильные кластеры, индустриальные парки и полигоны, а традиционным городам позволяют восстановить потенциал, накопленный за полвека после Земской реформы 1864 года и утраченной в годы советской власти.

Мегагломерационные линейные образования, природные и сельские территории, заключенные в ячейках магистральной сети, сегодня наполняются самыми разными видами «негородских» поселений – от старых деревень и дачных поселков до подобия американской субурбии, возникшей на новых землях. Россия вступает на путь субурбанизации и возрождения деревни на полвека позже Европы и Америки без поддержки и без заинтересованного участия большой власти и большого бизнеса, без подготовленной инфраструктуры и без перехода к массовому индустриальному строительству. Ежегодный ввод кустарными методами почти тех же объемов жилья, которые обеспечиваются при действенном участии власти строителями многоквартирных домов, – свидетельство огромного, нераскрытого потенциала «сельской альтернативы» Появление новых сервисов, новых технологий и систем инженерного обеспечения, рост транс-

портной доступности и преодоление искусственного дефицита земли поможет не только забыть о городской исключительности и решительно оздоровить всю структуру национального жилого фонда, но выведет «негород» в лидеры пространственного развития.

Уставшие и разочарованные горожане становятся строителями и архитекторами собственных домов, энтузиастами возрождения деревень, воссоздания усадеб и восстановления сельхозпроизводства. Из средоточия отсталости, дискомфорта и тяжелого труда российская деревня может превратиться в пространство все более благоустроенное и благополучное, располагающее к погружению в семью, к обретению счастливого детства и обеспеченной старости. Изменение пространственного поведения, связанное с пандемией, на глазах ускоряет этот процесс.

Негород, метафорическая деревня быстро становится и местом работы. Деиндустриализация города сопровождается реиндустриализацией деревни. Город забирает уникальное и кастомизированное производство; автоматизированное и массовое уходит в «новую деревню». Новая деревня дает надежду на возвращение в оборот заброшенных земель, на возрождение малого, семейного бизнеса, легализацию и развитие «гаражно-огородной» экономики.

Расширение и изменение рынка труда, удаленная работа, рост числа свободных профессий, рабочих мест с «мягким» режимом, увеличение доли «свободного времени», времени отдыха, путешествий, новых параллельных занятий размывает границы между трудом и отдыхом, работой и домом, резко повышает привлекательность и доступность природного окружения.

Появление «новой деревни», предпочтение «лидирующими группами» двух мест постоянного проживания – в городе и в деревне – свидетельство поляризации и концентрации жилья на двух средних полюсах. Поляризация означает сжатие и размывание «поля неопределенности», его реконструкцию и преобразование в город или деревню, поддержку и развитие на обоих полюсах смешанных соседств с разными формами владения жильем, с жильем разных ценовых категорий.

Реальное обновление жилого фонда означает движение от обезличенных квадратных метров и жилых ячеек к адресному, кастомизированному жилью, отвечающему реальным возможностям и потребностям разных групп, включая людей пожилых, неимущих, одиноких, нуждающихся в особых условиях и услугах. Благоустройство, именуемое средой, становится не приложением, а продолжением домов, обустроенной землей, которой необходимо вернуть утраченную ценность. Условием повышения качества открытых городских пространств становится восстановление культуры землепользования, понятных границ и размеров владений, их статуса и принадлежности. Власть, бизнес, общество, частное или юридическое лицо – каждый из них по-своему организует пространство, за которое несет ответственность.

Пространственное развитие страны невозможно без появления трех новых индустрий: единой индустрии создания магистральной и внутриплощадочной инфраструктуры, индустрии эксплуатации, ремонта и реконструкции жилого фонда и индустрии малоэтажного жилищного строительства. Задача первой индустрии – преодоление инфраструктурного отставания. Задача второй индустрии – создание альтернативы тотальному сносу и новому строительству в виде умной, не травмирующей реконструкции. Задача третьей индустрии – создание более комфортной, эффективной и безопасной альтернативы квартирному жилью и скорейшее решение жилищной проблемы. Создание этих индустрий

– это создание новых рабочих мест и возвращение хозяйственной активности туда, где она отсутствовала десятилетиями.

Идея приведения модели пространственного развития в соответствие с «естественными» и понятными нормами может спровоцировать появление новых институтов вроде цифрового двойника национального пространства всех уровней, от общенационального до местного. Разбитый на ряд слоев, вбирающий все, что принадлежит генсхемам, территориальным планам, генпланам, ПЗЗ и т. д., и т. п., этот двойник отразит реальное состояние и динамику происходящего, устранил противоречия и белые пятна, подаст своевременный сигнал и предложит линейку корректирующих и управляющих решений с оценкой последствий.

Литература

1. Боков, А. Три утопии (памяти СССР посвящается) // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 37–41
2. Боков, А. Три утопии (памяти СССР посвящается) // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 138–141
3. Меерович, М. Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. – Новое литературное обозрение. Серия «Studia Urbanica», 2018. – 352 с. : ил.
4. Меерович, М. Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926–1932 гг. (Концепция социалистического города – формирование населенных мест нового типа). – Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. – 472 с. : ил.
5. Вебер, М. Город. – Москва : Strelka Press, 2017. – 352 с.

References

- Bokov, A. (2019). Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR). Project Baikal, 16(62), 37-41. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1539>
- Bokov, A. (2020). Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR). Project Baikal, 17(63), 138-141. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1609>
- Meerovich, M. G. (2008). Rozhdenie sotsgoroda. Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1926-1932 gg. (Kontseptsiya sotsialisticheskogo goroda – formirovanie naseleennykh mest novogo tipa) [The birth of the socialist city. Urban planning policy in the USSR. 1926-1932. (A concept of the socialist city, formation of a new type of settlements)]. Irkutsk: izd-vo IrGTU.
- Meerovich, M. G. (2018). Gradostroitel'naya politika v SSSR (1917-1929). Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku [Urban planning policy in the USSR (1917-1929). From the garden city to the departmental workers' settlement]. In Novoe literaturnoe obozrenie. Seriya "Studia Urbanica".
- Weber, M. (2017). Gorod [The city]. Moscow: Strelka Press.

Долгое время мы усматривали в избииении младенцев авангарда своего рода величайшее культурное преступление, отбросившее СССР с передовой линии архитектуры на 20–30 лет и вынудившее их начинать с нуля к 1960 году. Если бы Сталин увидел в весьма современной тогда идее магистральное направление архитектуры и всячески поддержал бы именно его, мы имели бы сегодня совершенно иную советскую архитектуру. Выбор Сталина положил конец конструктивистской утопии, по которой архитектура становилась техническим средством жизнестроительства. Конструктивизм Гинзбурга 20-х годов был ясной программой общестилевого и средового стандарта, который в руках посредственных исполнителей производил бы гнетущее впечатление. Нереализованные возможности конструктивизма теперь кажутся уже далеко не столь желанными. Парадоксальность выбора академизма и сталинского ампира, возможно, имеет другую логику – логику рефлексивных обманов и притворств. Но если конструктивизм бы удержался в качестве генеральной линии лет 30, мы имели бы образец культуры, в большей степени напоминающей Оруэлла, чем что-либо другое.

Ключевые слова: сталинский ампир; конструктивизм; стиль; выбор; предостережение. /

We have long regarded beating babies of avant-garde to be the most serious cultural crime, which threw the USSR back from the front line of architecture by 20-30 years and made them start from the beginning in 1960. If Stalin had seen a mainstream for architecture in that advanced idea and supported it, we would have had quite a different Soviet architecture today. His choice put an end to the constructivism utopia, according to which architecture would become a technical means of life organization. Ginzburg's constructivism of the 1920s was a clear program of the common style and environmental standard, which could make an oppressive impression in the hands of third-rate doers. Unrealized opportunities of constructivism now don't look so desirable. The paradoxicality of choosing academism and Stalin's Empire style has probably another logic, a logic of reflexive frauds and false pretenses. However, if constructivism had remained as a general line for about 30 years, we would have had a kind of culture resembling Orwell more than anything else.

Keywords: Stalin's Empire style; constructivism; style; choice; warning.

Роль И. В. Сталина в истории архитектуры / The role of I. V. Stalin in the history of architecture

Порой всем кажется, что Сталин вписал себя в историю архитектуры, дав имя стилю – сталинский ампир. Эта мысль понятна, исторически или, точнее, археологически бесспорна. Совокупность архитектурных манер, декоративных и композиционных приемов советской архитектуры 1935–1955 годов может быть так названа. Аналогичным образом можно говорить о «лужковской Москве» или «брежневском модерне». Но эти термины условны и не тянут на полновесные стилистические понятия и категории, потому что нам не известно, в какой мере личности упомянутых лидеров входили в существо архитектурной проблематики и архитектурного творчества. Если Томас Джефферсон все же мог рисовать и делать проекты, то едва ли Сталина кто-нибудь хоть раз видел занятым рисунком или чертежом. Даже Гитлер был ближе к архитектуре как таковой: он что-то рисовал и, возможно, проектировал вместе со Шпеером. Муссолини, кажется, был, как и Сталин, далек от ручной работы и в основном идейно поддерживал тот или иной стиль, дух и намерения.

Дмитрий Хмельницкий говорит о Сталине как о зодчем [1], имея в виду эти его вкусовые и стилистические предпочтения, соединенные с волевым воздействием на процесс проектирования и выработку общей линии развития советской архитектуры. Видимо, Сталина, как и Гитлера, вдохновили бы сооружения Древнего Рима или позднейшие городские сооружения вроде памятника Виктору Эммануилу, проекты Булле или что-нибудь подобное.

Сталин сам не писал об архитектуре ничего такого, что можно было бы истолковать как конкретизацию идей социалистического реализма, за него это делали архитекторы и критики сталинской эпохи – Алабян, Мордвинов, Чечулин, Былинкин и пр. Позднее о взглядах на архитектуру марксистских идеологов писал В. И. Рабинович.

Почему я все же склонен усматривать его личную роль в истории советской (а может быть, и мировой) архитектуры. Прежде всего потому, что Сталин проявил весьма важную по своим последствиям инициативу умерщвления советского архитектурного авангарда. Этот акт, совершившийся еще до печально известного 37 года, в начале 30-х годов, по сравнению с будущими зверствами ЧК

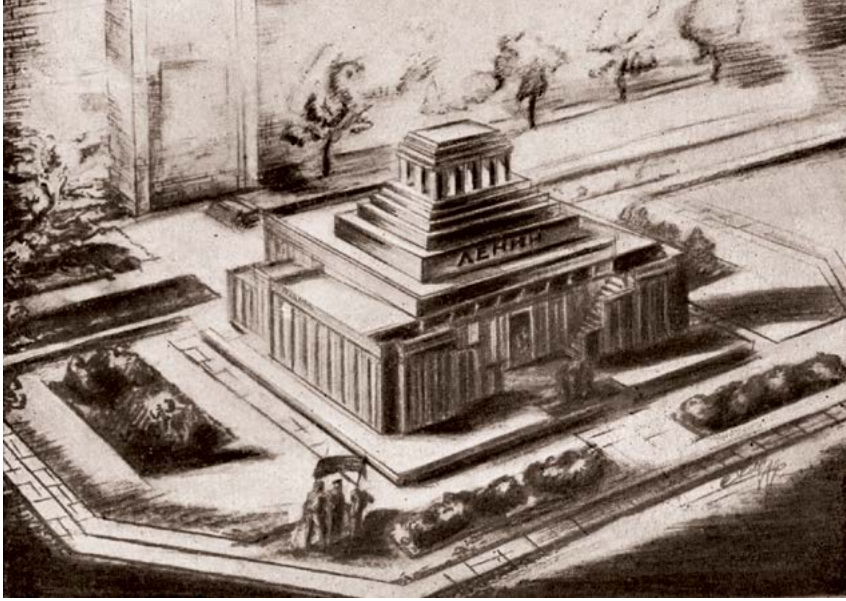
и НКВД, был относительно бескровным (среди жертв известен М. А. Охитович). Архитекторы приняли приказ и либо перестраивались, либо уходили из профессии, а остававшиеся при архитектуре и заказах ловили новые идеи и стили, обзаводились увражами Поля Летаурий и Андреа Палладио, участвовали в конкурсах.

Гибель советского архитектурного авангарда заключалась в приостановке деятельности таких его лидеров, как один из талантливых представителей авангарда и идеолог конструктивизма в архитектуре, М. Гинзбург, со всей решительностью большевика и революционера-авангардиста начавший великое дело коммунистического жизнестроительства. Долгое время мы усматривали в избииении младенцев авангарда своего рода величайшее культурное преступление, отбросившее СССР с передовой линии архитектуры на 20–30 лет и вынудившее их начинать с нуля к 1960 году.

Сталинизм ампира расцветал под эгидой соцреализма, хотя ни к социализму, ни к реализму прямого отношения не имел. Сам Сталин, видевший в нем символический вариант нового социалистического города, в личной жизни оставался скорее модернистом и жил в особняках, построенных М. Мержановым по достаточно умеренным лекалам функционализма. И возникает вопрос: почему же он выбрал классово чуждый социализму стиль римской империи, а не выращенный на большевизме конструктивизм М. Я. Гинзбурга? Полагать, что он слишком любил классицизм или ампир нет больших оснований. Не только в личной жизни, но и во всем декоруме своей роли «вождя» он плохо вписывался в триумфальные арки, и скульптору Д. Меркурову стоило больших усилий придать ему соответствующий им облик. Внушить народу превосходство конструктивизма над всем, что было до него, при наличии пропагандистской машины 30-х годов было бы не трудно.

Выбор Сталина мог диктоваться множеством вкусовых и стилистических соображений, о которых я судить не берусь. Но одно мне кажется очень важным: этот выбор положил конец конструктивистской утопии, по которой архитектура становилась техническим средством жизнестроительства. И не просто переходила к индустриальным методам, но и меняла всю гамму архитектурных

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

^ Временный деревянный мавзолей. Перспектива. Проект А. В. Шусева. Из кн.: Стоянов Н. Архитектура мавзолея Ленина. Москва : Гос. изд-во архитектуры и строительства, 1950

^ Дворец Советов. Проект Бориса Иофана. 1933

идей – от функционализма до типологии, эргономики, научной психотехники и индустриализации. Если бы Сталин увидел в этой по-своему весьма современной тогда идее магистральное направление архитектуры и всячески поддержал бы именно его, мы имели бы сегодня совершенно иную советскую архитектуру. Возможно, и совершенно иной вариант всей мировой культуры.

Многие посчитали бы такой поворот весьма прогрессивным и истинным, лежащим на магистральном пути развития современной мировой цивилизации, идущей к коммунизму. Но нельзя не заметить, что в нем человеческая личность, ее свобода и инициатива полностью подчинялись инициативе государства и власти, и человек превращался в так называемый винтик. Во всем – от сна и семьи, воспитания детей до физкультуры и отдыха, массовых действ и музыки – он подчинялся бы единым стандартам и выверенным технологиям. Все управлялось бы сверху по проектам и планам, и все инициативы подвергались тщательной оценке и экспертизе с точки зрения социально-экономической, идеологической и стратегической линии партии. Выдержали бы массы такой идеальный строй жизни, сказать трудно.

Возможно, что сам Гинзбург, как пишет Д. Хмельницкий [1], был склонен к индивидуализации своих проектов и его планировки жилых домов отличаются уютом и индивидуальностью. Разумеется, рассчитывать на то, что в массовом масштабе строительства таковыми стали и все проектировщики нет никаких надежд. Более того, не вполне понятно как бы выглядели города, застроенные даже самим Гинзбургом, ибо отмечаемые Д. Хмельницким достоинства его проектов едва ли видны неспециалисту.

Важно, на мой взгляд, другое – принципиальный конструктивизм Гинзбурга времен журнала «Современная архитектура» был ясной программой общестилевого и средового стандарта, который в руках посредственных исполнителей производил бы гнетущее впечатление. Даже поселок Ле Корбюзье Пессак не очаровывал. Масштаб строительных планов Сталина не мог принять такой стилистический стереотип.

Вторая причина в том, что большевистский энтузиазм Гинзбурга показывал в нем своего рода решительность,

которая Сталину могла быть чужда в среде его подчиненных, он предпочитал послушных и заискивающих. Поэтому удушение конструктивизма было стратегическим решением. И оно не строилось на вкусе к театральной пышности. Сам облик вождя, выработанный Сталиным, в корне такой театриализации противоречит.

Мне кажется, что парадоксальность выбора академизма, сталинского ампира или даже барокко можно объяснить другим – логикой рефлексивных обманов и притворств. То, что эта линия, вопреки идеальной рационально продуманной программе конструктивистов, свернула на путь театриализованных инсценировок, своего рода маскарадов и бутафорской пышности, дорогостоящих материалов и всевозможных «излишеств» (слово эпохи Н. С. Хрущева), остается фактом. Хотя и совершенно невообразимым с точки зрения логики и экономики страны, готовившейся к войне.

Теперь можно объяснять его множеством идейных причин, хотя история не знает сослагательного наклонения. Но история потому и становится историей, что ВЫБИРАЕТ какой-то путь из нескольких возможных. В данном случае путь противоположный большевистской идеологии конструктивизма.

В книге Е. Сидориной «Конструктивизм без берегов» [2] сам конструктивизм отнюдь не сводится к программе М. Гинзбурга, и автор находит следы и идеи конструктивизма в огромном многообразии постсимволического искусства авангарда. Но я имею в виду именно тот вариант «конструктивизма», который осознавался как техника построения жесткой системы государственного управления и индивидуальной, и социальной жизнью.

Вполне возможно, что этот большевистский конструктивизм самим его идеологам напоминал военный коммунизм и троцкизм, но они принимали его как необходимость, продиктованную временем и ограниченностью средств. А к чему он мог привести в дальнейшем, можно только гадать. Но если бы он удержался в качестве генеральной линии лет 30, мы имели бы образец иной культуры. И не исключено, что это была бы культура, в большей степени напоминающая Оруэлла, чем что-либо другое.

Сейчас на это не стоит тратить время: исторический момент был пройден и возврат к нему едва ли возможен.

Массовая культура по образцу военного лагеря уступила место массовой потребительской культуре, в которой командует не фельдфебель, а продавец и дизайнер, не лозунг, а реклама. Формы одежды диктует не военный министр, а модный кутюрье, жилище дома следуют не схеме казарм, а схеме вилл и прочим радостям индивидуализированного потребления и отчасти – роскоши. Но это – своего рода иная утопия, чем утопия конструктивизма, и она пока что входит в реальность даже в государствах, в которых еще недавно все носили одинаковые штаны и пиджаки а-ля Мао.

С точки зрения истории, однако, эти нереализованные возможности, которые порой воспринимаются как жертвы диктатуры, теперь могли бы казаться уже далеко не столь желанными и самим их авторам. Можно ли было в дальнейшем по ходу дела менять стратегию и переходить на проектные концепции, ориентированные на индивидуальный стиль и образ жизни, сказать трудно, так как такие переходы были бы уже опутаны массой технических, идеологических и прочих условий реализации.

И дело не только в индивидуализме. Тут же возникает вопрос и о своего рода культовой энергетике архитектуры. Проект Дворца Советов и архитектонки Малевича не так уж далеки друг от друга. Мавзолеей Щусева мог бы быть вариантом супрематической логики. Сталин, видимо, имел в виду эти культовые обертоны зодчества и сомневался в том, что в его власти руководить культом, построенным на монастырской логике самоограничений. Ему требовался эффектный прорыв этой самоорганизованности духа, и он в большой мере был прав, подозревая, что его реализация в принципе ведет в никуда.

А классицизм в таком случае был хорош уже тем, что он не ложился ни в какую логику и был своего рода валянием дурака, обманом всех своих верноподданных, и в то же время провокацией и соблазном. Сталин был величайшим обманщиком и хитрецом, и потому этот классический спектакль устраивал его как самая надежная игровая тактика.

То, что поэзия не пошла по пути ничевоков, ограничивавших стихи только звуками, отбросив слова, отчасти было обусловлено технически: люди продолжали говорить, а не просто «мычать». В поэзии не было нужды пускать ее на индустриальные рельсы и в каком-либо варианте конструктивизма, приравнивать стихи к штыку винтовки и автомату Калашникова.

Но теоретически это все же можно считать интересным. Физики для исследования законов микромира вынуждены строить дорогие гигантские ускорители – коллайдеры. Социальные ускорители и коллайдеры (адронные) могли бы быть аналогами этих экспериментальных устройств, проверяющих степень устойчивости и податливости привычек и норм поведения для элементарных частиц социума – человек. В таких ускорителях, возможно, в массовом порядке производились бы Павлики Морозовы, Стахановы, Паши Ангелины и прочие специальные социальные частицы.

Джордж Оруэлл рисовал нечто подобное в своем «Новой мире», где трудящиеся «землю попашут, попишут стихи», причем стихи, вероятно, способные поднимать производительность труда на вполне измеримые единицы. В 20–30 годы в институте труда, вероятно, думали и о таком.

Разумеется, одновременно с конструктивизмом в архитектуре имелись и другие варианты жизнестроительства. Не говоря уж о биологическом скрещивании человека с обезьяной. Могли рассматриваться разные психотехники и технические варианты труда и отдыха, например особые коллективные спальни, о которых мечтал Мельников (проект «Сонная соната»).

В работах других конструктивистов могли рассматриваться и принципиально индивидуализированные варианты творчества, и конструкции, возвращавшиеся к пластическим чудесам архаики (например, «Башня Татлина», чем-то напоминающая сушилку для бутылок Дюшана).

Иные рефлексивные и игровые варианты конструктивной фантазии реализовались в творчестве дадаистов и обэриутов, где проектировались исключительно индивидуальные или стандартные и порой бессмысленные конструкции смыслов.

Авангардистские поиски 20–30 годов, с одной стороны, ушли в прошлое и музеи, с другой же стороны, для тех, кто задумывается о будущем новой глобальной цивилизации с ее совершенно новыми техническими средствами коммуникации и интерактивности, все эти идеи могут неожиданно стать новыми ориентирами.

Было бы крайне важно, играя в такую реанимацию авангарда, не забывать, что последствия игр, становясь реализуемыми с помощью организационных норм или технических систем, могут привести к неожиданным результатам, существенным для будущего человека как антропологического типа.

«Эффективный менеджер» И. В. Сталин оказался инициатором торможения некоторых из возможных продолжений авангардных игр, он притормозил большевистский вариант конструктивизма, но в будущем подобные ситуации могут оказаться уже во власти менее заметных фигур – каких-нибудь проектировщиков компьютерных игр или инициаторов новых видов спорта.

Тут вся загадка в том, возможна ли в будущем гибридизация тоталитарных и рыночных систем массового управления. Радикализм и экстремизм в таком случае могут легко стать инициаторами своего рода терроризма, направленного на те или иные социальные группы, притом с достаточно благими намерениями.

Видимо, борьба с терроризмом в таком случае становится уже не только делом политических и военных стратегов и тактиков, но и вопросом принципов проектирования и социальной организации массовых процессов жизни и их всесторонней прогностической оценки. В том числе и в архитектуре. Уроки авангарда начала XX века важны не только как стимулы, но и как предостережения.

Литература

1. Хмельницкий, Д. С. Зодчий Сталин. – Москва: Новое литературное обозрение. – 2007. – 312 с.
2. Сидорина, Е. В. Конструктивизм без берегов. Исследования и этюды о русском авангарде. – Москва: Прогресс-Традиция, 2012. – 656 с.

References

Khmel'nitsky, D. S. (2007). *Zodchii Stalin [Architect Stalin]*. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.

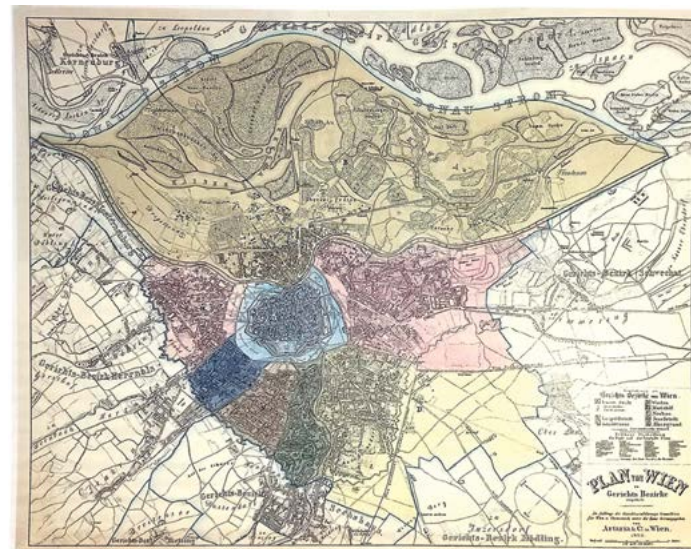
Sidorina, E. V. (2012). *Konstruktivism bez beregov. Issledovaniya i etyudy o russkom avangarde [Boundless constructivism. Studies and sketches on Russian avant-garde]*. Moscow: *Progress-Traditsiya*.

Политические события и глобальные социально-экономические реформы, проведенные социал-демократами в начале XX в., экспансия столицы Австрии и наплыв рабочего класса стали причиной строительства «города-сада» с богатой инфраструктурой, парками и доступным комфортным жильем. Умения прогрессивных австрийских проектировщиков, идеологический смысл вместе с экономическими силами, пространственной концепцией и социалистическими лозунгами породили новую архитектурную идентичность.

Ключевые слова: социал-демократическая партия; социальное муниципальное жилье; Гемайндебаутен; архитектурная идентичность; школа Отто Вагнера; австрийские архитекторы. /

The political events and global socio-economic reforms carried out by social democrats in the early 20th century, expansion of the capital of Austria and the inflow of the working class caused the building of a “garden city” with rich infrastructure, parks and available and comfortable dwelling. The skills of advanced Austrian architects, ideological meaning together with economic forces, spatial concept and socialist slogans gave birth to a new architectural identity. Keywords: Social Democratic Party; social municipal housing; Gemeindebauten; architectural identity; Otto Wagner school; Austrian architects.

> Рис. 1. План города Вены. Голубым обозначен город и пригороды, другим цветом – прилегающие районы. 1850. Музей Вены, издательство Artaria & Co

Plan von Wien in Gerichtsbezirken, Verlag Artaria & Co., 1850 (Wien Museum)

Красная Вена. 1919–1934 / Red Vienna. 1919–1934

ТЕКСТ

Наталья Глебова
Михаэль Кламер /
text
Natalya Glebova
Michael Klamer

Введение

Красная Вена – неофициальное название столицы Австрии в период с 1918 по 1934 г., когда социал-демократическая партия, победив на выборах в городском парламенте Вены в 1919 г., инициировала радикальную программу реформ. Венское социальное муниципальное жилье «Винер Гемайндебаутен» (Wiener Gemeindebauten) – величайшее ее достижение, масштабная строительная программа, ставшее символом венских социал-демократов. 400 жилых кварталов с 64000 единиц жилья, распределенных по всему городу, с обширной инфраструктурой социальных и культурных учреждений,

с бесплатной медициной, с парками и садами были построены в столице с двухмиллионным населением.

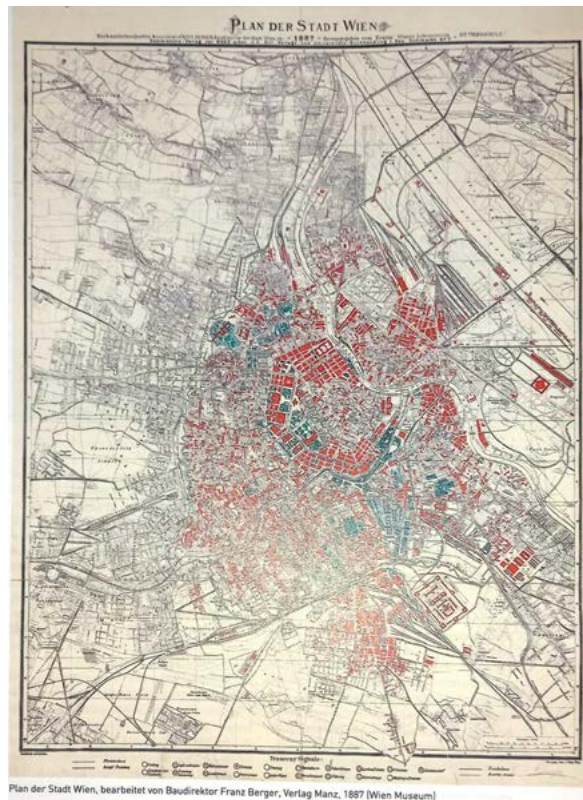
В это время всей остальной Австрией управляло консервативное, антисоциалистическое политическое большинство, что повлекло в дальнейшем политический конфликт.

Гемайндебаутен представляли собой нечто большее, чем просто жилые здания. Судя по их героическому размаху, они воплощали нечто более политически смелое и потенциально хрупкое. Как отмечает Ева Блау [1] в своем прекрасно проработанном исследовании, общественные дома были ярким выражением восхождения рабочего класса к власти.

Что предшествовало Красной Вене

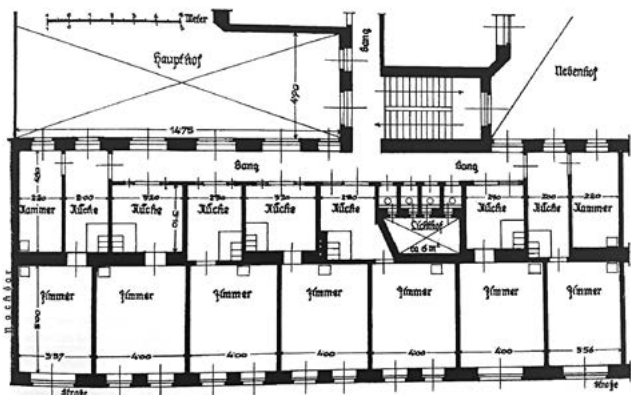
В 1850 г. пригороды Вены были присоединены к городу и стали его районами [2]. На месте бывшей границы города появилась великолепная Рингштрассе – широкое кольцо на месте гласиса, состоящее из целой системы бульваров, парков и площадей. Ее украшали самые значимые и пышные государственные здания, театры, дворцы знаменитых австрийских семей, провозглашая величие Габсбургов и Австрийской империи [3]. Для такого строительства требовалась рабочая сила и производство. Началась бурная индустриализация и экспансия Вены. Люди прибывали тысячами. Международная выставка 1873 г. в ожидании 20 миллионов посетителей привлекла огромное количество новых приезжих. В бывшем королевском охотничьем заповеднике в Леопольдштадте между Дунайским каналом и Дунаем было построено более двухсот выставочных зданий. Появлялись новые улицы, площади, трамвайные пути, три новых моста через Дунайский канал. Ярмарка стимулировала и частное спекулятивное строительство крупных отелей, кафе, ресторанов.

Население внутренних и внешних урбанизированных районов Вены увеличилось с 1850 по 1870 г. с 500 тыс. до миллиона жителей. Однако жилье в пригородах Вены оставалось почти прежним: инвесторам было невыгодно вкладывать деньги в жилищное строительство для низкооплачиваемых рабочих. Новые иммигранты стекались в существующие здания рядом с заводами и фабриками.

Plan der Stadt Wien, bearbeitet von Baudirektor Franz Berger, Verlag Manz, 1887 (Wien Museum)

> Рис. 2. План объединенной Вены. Широкий бульвар, опоясывающий центральную часть города, – Рингштрассе. 1887. Музей Вены

Условия их жизни ухудшались с каждым днем: в неблагоустроенных комнатках ютились целые семьи. Перепись жилищного фонда, проведенная в 1917 г., показала, что 92% всех существующих квартир в то время не имели собственного туалета, а 95% всех квартир – водопровода. Об антисанитарии свидетельствуют вспышка холеры, сифилис и другие массовые заболевания. После завершения Первой мировой войны, распада и раздела Австро-Венгрии, бывшей дуалистической монархии под скипетром династии Габсбургов, 12 ноября 1918 г. Германская Австрия была провозглашена республикой.

4 мая 1919 г. социал-демократическая партия получила абсолютное большинство. После муниципальных выборов в 1923 году мэром назначен Карл Зейтц, именем которого был назван один из кварталов Красной Вены. К 1921 г. усложненная Первой мировой войной ситуация добавила «диких» переселенцев из земель, принадлежавших ранее Австрийской империи, которая сильно сократилась территориально. Теперь их было два миллиона.

Расселение выходило из-под контроля; люди, оставшись без поддержки правительства, строили из подручного материала, без соблюдения норм, на государственных землях. В целом они не были связаны ни идеологией, ни социальной принадлежностью: ветераны войны, рабочие, чиновники, государственные служащие и интеллектуалы, оставшиеся без работы после смены правительства. Во внутренних пригородах население выросло до 743000 человек, на окраинах – до 600000.

Построенные в начале индустриализации доходные дома в 5–6 этажей переполнялись. Квартиры были стандартны и скучены, представляли собой комнаты 20–30 м², разделенные длинным общим внутренним коридором; туалеты были общими. Истинный характер жилых помещений – замкнутый, зловонный, сырой – не был виден снаружи: с точки зрения массы, пропорций и орнамента уличные фасады были неотличимы от жилых домов среднего класса, построенных в то же время в других частях города.

Объединение великой Вены

К 1880-м гг. отсутствие административной координации между пригородами и городом стало серьезным пре-

пятствием для дальнейшей урбанизации и модернизации Вены. В декабре 1889 г., после многих лет усилий, Австрийской ассоциации инженеров и архитекторов удалось убедить муниципальные власти в необходимости расширить границы муниципалитета, включив в него сорок три населенных пункта. Решение было принято, и в 1890 г. новые границы и столичный статус Вены с населением 1,4 млн жителей был провозглашен правительством.

Генплан города 1892 г.

Промышленные зоны было решено разместить во внешних юго-восточных районах города и отделить их от жилых. Но некоторые оставались функционально смешанными и включали жилые дома с большими садами или дворами (для рабочих), располагающимися между фабриками и мастерскими. В центре и во внутренних районах преобладало смешанное жилое и коммерческое использование с высокой плотностью населения. В северо-западных внешних районах на окраине Венского леса располагалось 178 жилых домов и домов с террасами и особняками с меньшей плотностью застройки. Для внутренних районов характерна жилая застройка высокой плотности. Внутри обозначенных жилых зон в центральном и внутренних районах разрешалось строительство до четырех-пяти этажей; трехэтажные здания – вблизи этих районов; не более двух этажей – в западных, преимущественно городских, внешних районах среднего класса.

Две выигрышные схемы транспорта и инфраструктуры, щедро обогащенные общественными зелеными пространствами, разработанные немецким теоретиком планирования Йозефом Штюббенем и архитектором Отто Вагнером, стали основой генплана. Улицы следовали контурам местности, были дифференцированы и спланированы: главная улица, коммерческие, жилые. Жилые – короткие, чтобы не превращаться в аэродинамические трубы, вдоль них – деревья или вид на близлежащий парк. Был достигнут консенсус между движимым спекулятивным строительным рынком и формированием городского пейзажа, идеей Камилло Зитте, чей трактат «Планирование города согласно художественным принципам» появился

^ Рис. 3. Типичный многоквартирный дом для рабочих. Хаберлгассе (XV район Вены). Фрагмент фасада и план. 1900 [1, с. 67–69]

в 1889 г. Зитте сформулировал идею о важности планирования метро; оно и было впоследствии реализовано. Дизайн всех основных станций разработал Отто Вагнер.

Изменялось население Вены: беженцы из австрийской Галиции (ныне Западная Украина), бывшие солдаты Императорской армии, представители средних классов, оказавшиеся в нищете, огромное количество рабочих. С другой стороны, прагматичные интеллектуалы вроде Ганса Кельзена, который составил республиканскую конституцию, увидели открывающиеся широкие поля для социальных и политических действий. Для них настало время новых рубежей и оптимизма. Интеллектуальные ресурсы Красной Вены были значительны: Илона Дучинская и Карл Поланьи, а также несколько других интеллигентов-социалистов с удовольствием переехали в Вену, присоединившись к Зигмунду Фрейду, Альфреду Адлеру, Карлу Бюлеру, Артуру Шницлеру, Карлу Краусу, Людвигу Витгенштайну, Адольфу Лоосу, Арнольду Шенбергу и многим другим ученым, художникам, издателям и архитекторам. Вероятно, в это же самое время Ленин с Троцким вели свои бурные политические дискуссии за чашечкой кофе в кафе «Централь» в центре Вены, а в России рабочие устраивали забастовки...

Общая политика

В ноябре 1918 г. был введен 8-часовой рабочий день, реализована система пособий по безработице и законодательно основана Палата Рабочих. В 1920 г. коалиция распалась; во всей Австрии социал-демократы перешли в подполье, но Веной продолжали управлять «красные». Поэтому появилась формулировка «Красная Вена». Целью партии была реализация успешной социал-демократической политики. Их стратегии в то время считались выдающимся и отслеживались во всей Европе.

Вена – центр земли Нижняя Австрия на протяжении семи веков. Но политические распри привели к отделению Красной Вены от «Черной Нижней Австрии». В 1921 г. Национальный парламент принял конституционный закон, закреплявший такое положение до 1934 г. Уже ретроспективно, после 1934 г., многие историки, например, американский писатель, историк и журналист Джон Гюнтер (John Gunther), отмечали, что именно в Вене социалисты были самым успешным муниципалитетом в мире, чьи достижения стали наиболее значительным общественным движением в послевоенной Европе.

Государственное жилье и финансовая политика

В 1919 г. федеральный парламент принял Закон о требованиях к жилью для повышения эффективности существующих жилищных структур. Ему предшествовал закон о защите съемщиков жилья еще 1917 г., принятый Императорским правительством, который сдерживал цены за аренду на уровне 1914 г. Низкий частный спрос на землю под застройку и низкие затраты на строительство оказались благоприятными факторами для тщательного планирования строительства государственного жилья городской администрацией. Съемщики новых квартир выбирались на основе рейтинговой системы, в которой, например, лица с инвалидностью получали дополнительные «очки». Социал-демократы продолжили улучшения – ввели новые налоги: налог на роскошь (на верховых лошадей, большие частные автомобили, прислугу в частных хозяйствах, а также гостиничные номера), налог на строительство жилья, взимающийся в растущих процентах. Налоги покрывали 40% расходов на строительство. Стало возможно реализовать эту масштабную стройку, и многие здания сегодня по-прежнему имеют таблички с надписями: «Erbaut aus den Mitteln der Wohnbausteuer» (построено на поступления от налога на строительство жилья). Принятые законы позволяли устанавливать очень низкую арендную плату за квартиры: от 4% до 30% дохода се-

ми; по уважительной причине арендные платежи могли быть отсрочены.

Было введено бесплатное медицинское обслуживание. Родители получали «пакет одежды» для каждого ребенка, чтобы «ни один ребенок в Вене не был обернут в газету» [1]. Открыты детские сады и детские курорты, созданы спортплощадки, общественные бани и прачечные (Waschsalon), спортивные сооружения. Бюджетные расходы на социальные услуги увеличились в три раза по сравнению с довоенным периодом. Доступные тарифы на газ, электроэнергию и за уборку мусора, находившиеся в ведении муниципалитета, улучшили санитарное состояние города. Таким образом, процесс, начавшийся со спонтанного «дикого» заселения государственных земель, усложненный первой мировой войной и распадом Австрийской империи, вскоре превратился в высокоорганизованное движение муниципального строительства и расселения в Вене.

«Большие архитекторы для маленьких домов»

Этот лозунг провозгласил прогрессивный архитектор-реформатор Адольф Лоос [1]. К 1921 г. движение Гемайндебаутен получило поддержку «левых» архитекторов, журналистов и интеллектуалов: Адольфа Лооса, Маргарет Шютте-Лихоцки (именно она одной из первых европейских женщин-архитекторов впоследствии разработает эргономичную встроенную систему кухни, полюбившуюся во всем мире), Йозефа Франка (архитектор и дизайнер, автор ярких обоевых принтов, используемых знаменитыми фабриками и известными теперь во всем мире), философов и политиков Макса Эрмерса и Отто Нойрата (социолог, автор венского метода графической статистики – плаката, созданного для понимания малограмотными рабочими). Было создано Архитектурное бюро (Architekturabteilung), в котором осуществлялось проектирование и надзор за строительством муниципальных зданий, где постоянно работало около двадцати муниципальных архитекторов.

Лоос был назначен главным архитектором кампании и сыграл важную роль в определении архитектурного и идеологического характера венского расселения. Он разработал план зонирования поселений для Вены с районами малоэтажных рядных (блокированных) домов (1215 га под дома и 770 га под огороды). Для Лооса сад, а не внутреннее пространство дома, имел первостепенное значение; улицы, а не дома должны были быть ориентированными на восток-запад (в отличие от принципов городской композиции Камилло Зитте), и узкие огороды, следуя рекомендациям садоводческих экспертов, быть спланированы таким образом, чтобы весь день быть на солнце.

Но консервативные чиновники, по свидетельству Макса Эрмерса, часто саботировали его планы, вызывая к нему яростную вражду. В то же время и сам Лоос не всегда был настроен на нужды и чаяния своих пролетарских клиентов, хотел «депролетаризировать» поселенцев, сделать из них джентльменов с помощью собственных домов. Из-за сопротивления бюрократов Лоос вышел из кампании в июне 1924 г.

Но проектирование муниципального жилья продолжалось, и работы становилось слишком много. До 1923 г., согласно отчету в журнале Австрийской ассоциации инженеров и архитекторов, проектирование и строительство 22-х больших зданий продолжалось днем и ночью, включая подготовку рабочей документации, смет, субподрядов, материалов. Вскоре пришлось нанять частных архитекторов, объединяя их в проектные группы. Иногда проводились конкурсы для самых сложных и престижных проектов. В жюри входили известные частнопрактикующие архитекторы, руководители профессиональных институтов и профессора архитектурных школ, например,

Adolf Loos: Präsentationsblatt Eckhaus einer Reihenhaussiedlung (Entwurf ca. 1921)

^ Рис. 5. Адольф Лоос. Проект рядных (блокированных) жилых домов для поселения Хойберг. Рисунок. 1921. Вена, Галерея Альбертина [8, с. 313]

^ Рис. 6. Типичные рядные дома. Фото поселения Шмельц. Арх. Хьюго Майер. 1925 [1, с. 111]

v Рис. 4. Адольф Лоос. Проект рядных (блокированных) жилых домов для поселения Хойберг. Рисунок. 1921. Вена, Галерея Альбертина [8, с. 313]

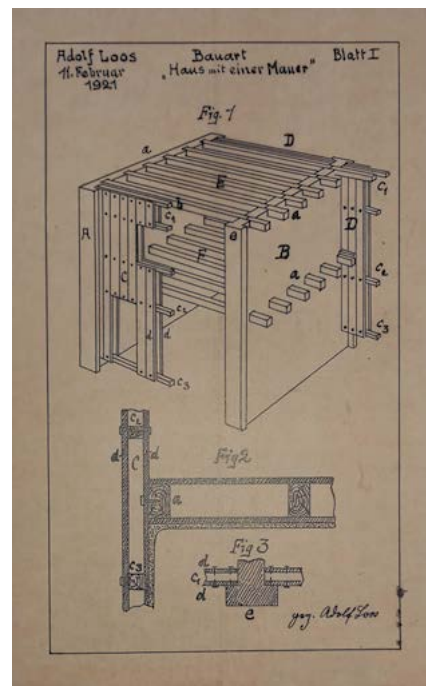
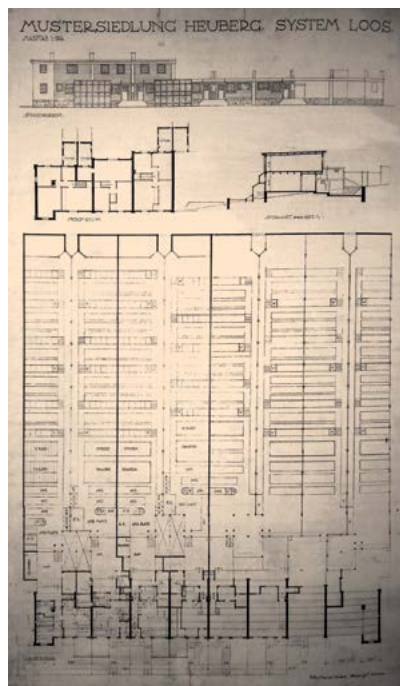
Йозеф Хоффманн, Хьюберт Гесснер, Петер Беренс, Зигфрид Тайсс и Роберт Эрлей, работая с двумя высокопоставленными чиновниками и распределяя работу между проектными бюро. В период с 1923 по 1928 г. муниципальные архитекторы спроектировали 54 из 250 зданий. 400 новых зданий, построенных к 1934 г., спроектировали 190 частных архитекторов.

После 1923 г. архитектурное бюро функционировало в основном как консультативное и координирующее звено между городской администрацией как клиентом и сторонними частными архитекторами как исполнителями проектов.

Архитекторы, создавшие облик Красной Вены

Архитектуру Красной Вены сформировали значительные мастера: Карл Эн (Karl Ehn), автор Карл-Маркс-Хоф; Хьюберт Гесснер (Hubert Gessner), автор Карл-Зайтц-Хоф; Эмиль Хоппе, Отто Шёнхаль, Франц Матушек, Зигфрид Тайс, Ханс Якш, Франц Краусс, Йозеф Тёльк, (Emil Noppe & Otto Schönthal & Franz Matuschek & Siegfried Theis & Hans Jaksch & Franz Krauss & Josef Thölk) – авторы Сандляйтенхоф. Также Маргарет Шютте-Лихоцки, Йозеф Франк, Йозеф Хоффман [4]. Все они – ученики знаменитой школы Отто Вагнера в Венской Академии изящных искусств, или Теофила Хансена (например, Йозеф Тёльк), или школы Фридриха Омана (например Зигфрид Тайс), или выпускники Венского технического университета [5].

Они сыграли ключевую роль в формировании революционной пространственной организации Красной Вены, взаимодействием ее с традиционным городом, в отношении между частным и общественным пространством. Подход этих опытных архитекторов к крупномасштабному строительству в Вене был основан на их довоенном обучении в мастерской Отто Вагнера, они были способны справиться с масштабом и сложностью архитектурной программы. Но есть и более неуловимые факторы близости социал-демократов к архитекторам. Интерес к народному языку зародился в Академии изящных искусств и был поддержан самим Вагнером. Студенты изучили местную сельскую архитектуру стран, которые они посетили благодаря стипендиям Академии. Маршрут включал не только Италию, но и Северную Африку, Балка-

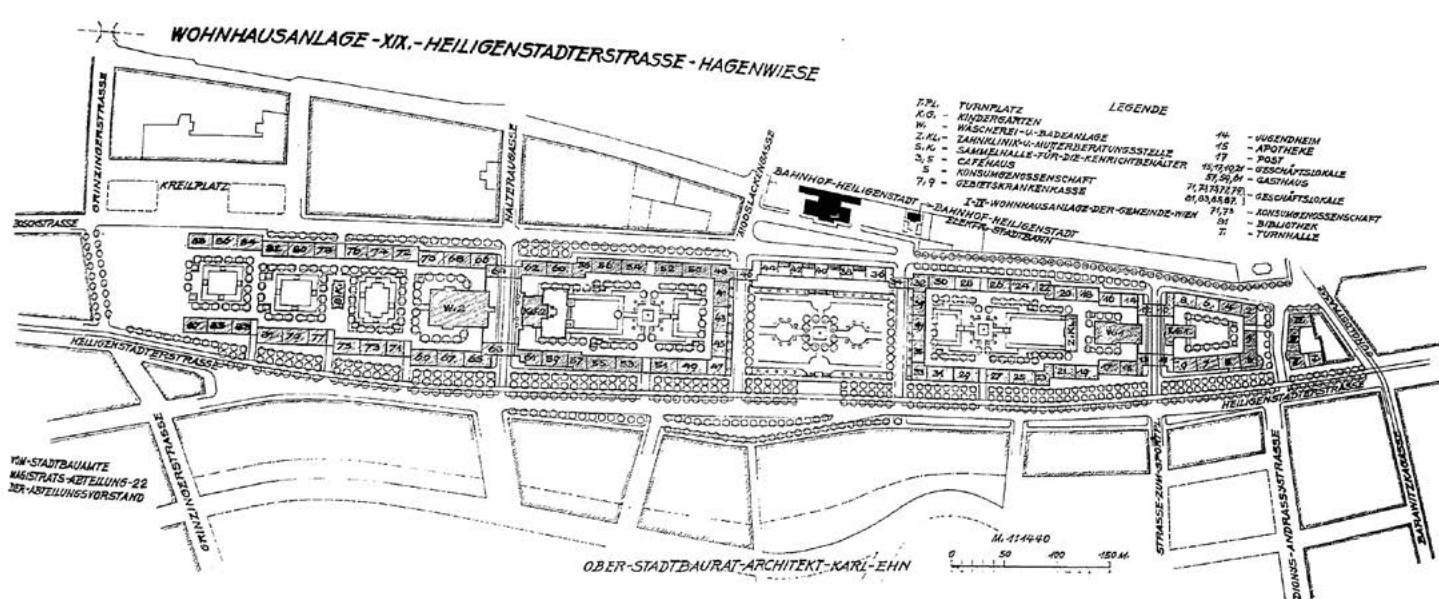

ны и Турцию, Западную Европу. Вагнер советовал своим студентам изучать просторечие, современный городской диалект столиц и промышленных центров. Этот синтез «дворцовой» архитектуры Вагнера одновременно с его революционно-прогрессивными взглядами и интересом к новому классу пролетариата отразился в итоге в новой архитектурной идентичности Красной Вены.

Самые крупные Гемайндебаутен этого периода

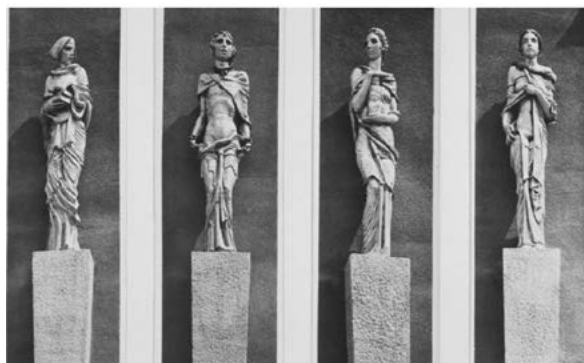
- Менцляйнсталерхоф (5-й район, 1919–1920)
- Лассаль-Хоф (2-й район, 1926)
- Ройманхоф (5-й район, 1924–1926, 478 квартир)
- Рабенхоф (3-й район, 1925–1928)
- Виктор-Адлер-Хоф (10-й район, 1924)
- Пауль-Шпайзер-Хоф (21-й район, 1929, 469 квартир)

^ Рис. 7. Разработка конструктива «Дома с одной стеной» для проекта рядных (блокированных) жилых домов в поселении Хойберг. Чертеж. Арх. Адольф Лоос. 1921. Вена, Галерея Альбертина [8, с. 313]

^ Рис. 8. Схема генплана жилого комплекса Карл-Маркс-Хоф. Арх. Карл Эн. 1927–1930 [1, с. 323]

> Рис. 14 а, б, в.
14а. Прачечная;
14б. фигуры скульптора
Йозефа Ридла;
14в. Отто Хофнер. Сеятель.
Скульптура в парке
[7, с. 92]

> Рис. 9. Карл-Маркс-Хоф.
Фото Google map. 2021

Джордж-Вашингтон-Хоф (10-й и 12-й районы, Мейдлинг, 1927–1930)

Сандляйтенхоф (16-й район, 1924–1929, 1587 квартир)

Карл-Маркс-Хоф (19 район, 1927–1933, 1325 квартир)

Карл-Зайтц-Хоф (21 район, 1926–1933, 1173 квартиры)

Гётехоф (22-й район, 1930, 727 квартир)

Фридрих-Энгель-Платц (20-й район, 1930–1933, 1467 квартир)

Фухзенфельд-Хоф (11-й район, 1922–1925, 452 квартир)

Карл-Маркс-Хоф (Karl-Marx-Hof). 1927–1933

Гордостью программы жилого строительства Вены стал величественный Карл-Маркс-Хоф. Это «икона» Красной Вены, самое длинное непрерывное жилое здание в мире (1050 м), памятник архитектуры. Протянувшийся вдоль главной железнодорожной линии, он отличается пышными внутренними дворами, а также богатейшей социальной инфраструктурой [6]. Только 23% площади занято под постройки, остальная часть используется как рекреационная озелененная территория. Основывается на принципе классической архитектуры с внутренним двором, что способствует вентиляции свежим воздухом, сдерживанию тепла и чувству единения,

^ Рис. 11. Карл-Маркс-Хоф. Фото 1961 [1, с. 323]

^ Рис. 10. Карл-Маркс-Хоф. Фото 1931 [1, с. 325]

v Рис. 12. Карл-Маркс-Хоф. Фото Натальи Глебовой. 2016

v Рис. 13. Карл-Маркс-Хоф. Просторные дворы и детский сад. Фото 1931 [6, с. 65]

что полностью соответствует идеалам Красной Вены. Фигуры, установленные над массивными арками, выражают центральные ценности социализма как олицетворения свободы, заботы, просвещения и физической культуры. Посреди парка – скульптура Отто Хофнера «Сеятель». Преднамеренная провокация через красный цвет фасада, огромные арки с их башнями и тему скульптур можно рассматривать как манифест Красной Вены и как символ эмансипированного рабочего класса. Напротив, репрезентативный дизайн центрального крыла, монументальных парадных входов и внутренних дворов отражает элементы дворцовой и придворной архитектуры знати и высших сословий [7]. Но в остальном здание не украшено; гладкий фасад и четкая геометрическая структура создают ощущение современного. Аналогии можно найти в зданиях Отто Вагнера или Фрэнка Ллойда Райта.

В Карл-Маркс-Хофе 1325 квартир, все с кухней и одной или двумя комнатами. Туалет и ванная общие для всех жителей этажа. Дневной и электрический свет стандартный для всех комнат. В каждой кухне – кран с холодной водой; теперь не приходилось брать воду из коридора. В некоторых квартирах были даже балконы, которые в то время обычно предназначались только для среднего класса. Вход в частный жилой блок через отдельную прихожую, а не прямо через кухонную дверь, как это принято в старых многоквартирных домах, также был нововведением, которое было известно только из буржуазных домов [9].

Карл-Зайц-Хоф (Karl-Seitz-Hof). 1926–1933

Выполненный в типичном для архитектора Хуберта Гесснера стиле, он почти идеален. Это муниципальное жилье представляет собой настоящую кульминацию первой фазы жилищной программы и ее парадигмы в чистом виде – закрытого суперблока. Именно здесь происходит апофеоз принципа «дворца народа» – отчасти из-за большего пространства, которое не ограничено плотной застройкой; возможно, также из-за сильного подъема и случайного пафоса культуры рабочего класса; наконец, из-за значительно большего объема застройки [8]. Монументальный многоквартирный дом является

^ Рис. 15, 16. Карл-Зайтс-Хоф. 2021. Фото Михаэля Кламера

> Рис. 20, 21. Карл-Зайтс-Хоф. 2021. Фото Михаэля Кламера

чем-то вроде памятника пришедшим к власти партии и рабочего класса.

Комплекс нельзя было расположить строго симметрично, но Гесснер грамотно организовал его на воображаемой оси, обращенной к внутренней главной улице; к ней же направлен полукруглый главный фасад, в центре находится башня с часами (символически напоминающая деревенскую площадь) и круглый арочный портал с тронным залом наверху (бальный зал рабочих). Все эти ретроспективы призваны придать неровной конфигурации идеальный осевой порядок. На противоположном конце комплекса предполагалось построить круглое здание театра; композиционные приемы для этого были уже приняты, как видно из сильно утопленных частей здания и вогнутого фасада, но проект не был реализован из-за отсутствия средств. Длинный, изогнутый и гладкий фасад структурирован выступающими объемными круглыми арками с пешеходными переходами, балконными планками и горизонтальными оконными проемами. Интересный мотив триумфальной арки находится в центре главного фасада. В боковых крыльях, в центральной и северной части башни с часами – круглые окна-иллюминаторы.

В более поздних постройках Гесснера можно заметить тенденцию к сглаживанию поверхности стены и уменьшению форм. Также заметна более сильная горизонтальная структура, более сильный статический акцент на стене и определенная тенденция к асимметрии. В этом отношении последнее муниципальное здание Гесснера является доказательством прогрессирующего художественного развития этой архитектуры в целом и замечательного художественного изменения бывшего студента Вагнера в частности [8].

Сандляйтенхоф (Sandleitenhof). 1924–1929

Победившая в конкурсе группа архитекторов – Эмиль Хоппе, Отто Шентль и Франц Матушек – создали этот великолепный уютный жилой район.

Построен в 16-м типичном рабочем районе Оттакринг, на месте бывших песчаных карьеров. Здание, возведенное в 5 этапов, является крупнейшим общественным зданием в Красной Вене межвоенного периода, с 1587

> Рис. 22. Сандляйтенхоф. 2021. Фото Михаэля Кламера

v Рис. 23. Сандляйтенхоф. Интерьер прачечной. Фото 1930 [1, с. 208]

< Рис. 24. Сандляйтенхоф. 2021. Фото Михаэля Кламера

v Рис. 26. Сандляйтенхоф. Фото Михаэля Кламера. 2021

квартирами и более 4000 жителей (первоначально более 5000). Центром Сандляйтенхоф является Маттеоттиплац. Хоппе и Шенталь объединили «детали необидермайера» с городской монументальностью [9].

Здания Красной Вены безошибочно узнаваемы в городском пейзаже, несмотря на все различия, – пишет Герт Келер, немецкий архитектурный критик, историк и публицист. Был создан новый стиль, и этот стиль не был просто неизбежным развитием, основанным на учениях Вагнера, Лооса или Зитте, а мог возникнуть только в связи с происходящими политическими событиями, стать отражением эпохи. Здесь слились воедино «пренебрежение» эклектизмом XIX века, развившимся в архитектуре на рубеже веков (например, жилой комплекс Лобмайрхоф 1900 г. постройки), «дикое» движение поселенцев и новая архитектурная задача – создание больших жилых пространств.

Заключение

Новая жилищная политика с ее революционными методами и колоссальным коллективным усилием воли обеспечила гигантскую стройку, а население – комфортным доступным жильем. Однако вся остальная Австрия с опаской поглядывала в сторону Вены как на «очаг красной заразы», что, в конце концов, закончилось Гражданской войной 1934 г. и дальнейшей остановкой строительства до окончания Второй мировой войны. Многие документы были утеряны, и некоторые аспекты реализации этой программы остались неясными.

Лидеры Красной Вены предполагали, что пространственный и архитектурный характер «Новой Вены» отразит политические, социальные и культурные компоненты. Плакаты и лозунги, выдвинутые прогрессивными интеллектуалами, принятые рабочим классом и «организованные» пространственно, материализовались в новых формах архитектурной идентичности. В свою очередь, новая архитектура качественно изменила жизнь рабочего класса, подняв ее на более высокий социальный и культурный уровень.

После создания корпоративного государства «Ständestaat» в 1934 г. в рабочих кварталах попыталась закрепиться церковь, в каждом Гемайндебаутен уstra-

> Рис. 27. Сандляйтенхоф. Фото Михаэля Кламера. 2021

ивая молельные дома в простых помещениях, которые были предназначены еще и для собраний жителей [9; 10] (подобно им в СССР функции религии стали выполнять Дома культуры, размещенные в религиозных сооружениях). Позже, после окончания Второй мировой войны и преодоления политических конфликтов, новые уникальные модернистские церкви появлялись рядом с общественными зданиями как их функциональное расширение и культурное развитие.

Гемайндебаутен продолжили строить и после 1945 г., сохраняя и обогащая традиции комфортного жилья, но их стиль и архитектура изменились за десятилетия, как и люди, в них проживающие. В 1960-х гг. добавились высотные здания; новые районы появляются и сейчас, уже в XXI веке, и их имидж наверняка трактуется какую-то новую современную философию жизни и новую архитектурную идентичность.

Литература

1. Blau, Eve. *The Architecture of Red Vienna, 1919–1934*. – The MIT press Cambridge Massachusetts, London, England. – 1999. – 510 с.
2. Кламер, М., Глебова, Н. М. Общественные парадные пространства Венского Ринга – из истории в современность // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. – 2016. – № 2 (17). – С. 228–242
3. Pfundner, Hg. Michaela. *Wien Wird Weltstadt / Die Ringstrasse und ihre Zeit*. Katalog zur Ausstellung, 22.5–1.11.2015. – Metroverlag, Österreichische Nationalbibliothek, Wien. – 2015. – 256 S. – URL: www.onb.ac.at.
4. Лекция-презентация экспертов в Венском Техническом университете 04.03.2021 г. «ExpertInnenvorträge – Loos, Frank, Neutra, Schütte-Lihotzky und die Werkbundsiedlung». – URL: www.youtube.com/gbltuwien
5. *Архитектурная энциклопедия*. Архитектурный центр Вены. – URL: <http://www.architektenlexikon.at>
6. Mang, Brigitte. *Grünräume im Roten Wien*. In: *Historisches Museum der Stadt Wien (Hrsg.): Das Rote Wien 1918–1934*. Katalog zur 177. Sonderausstellung, 17. Juni bis 5. September 1993. – Wien. – 1993. – 190 S.
7. Pirhofer, Gottfried. *Die Roten Burgen – Zur Dialektik des Sozialen im Urbanen*. In: *Historisches Museum der Stadt Wien (Hrsg.): Das Rote*

Wien 1918–1934. Katalog zur 177. Sonderausstellung, 17. Jun bis 5. September 1993. – Wien. – 1993. – 190 S.

8. Wehsmann, Helmut: *Das Rote Wien – Sozialdemokratische Architektur und Kommunalpolitik 1919-1934*. – Promedia Verlag, Wien. – 1985. – 500 S.

9. Achleitner, Friedrich. *Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert*, Band III/3, Wien 19.-23. Bezirk. – Residenz Verlag, Salzburg. – 2010. – 500 S.

10. Achleitner, Friedrich: *Österreichische Architektur im 20. Jahrhundert*, Band III/2, Wien 13.-18. Bezirk. – Residenz Verlag, Salzburg. – 1995. – 256 S.

References

- Achleitner, F. (1995). *sterreichische Architektur im 20. Jahrhundert*, Band III/2, Wien 13.-18. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag.
- Achleitner, F. (2010). *sterreichische Architektur im 20. Jahrhundert*, Band III/3, Wien 19.-23. Bezirk. Salzburg: Residenz Verlag.
- Architectural encyclopedia*. The Vienna architectural center. <http://www.architektenlexikon.at>
- Blau, E. (1999). *The Architecture of Red Vienna, 1919–1934*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
- Klamer, M., & Glebova, N. M. (2016). *Obschestvennyye paradnye prostranstva Venskogo Ringa – iz istorii v sovremennost* [Public grand spaces of the Vienna Ring - from history to modern times]. http://journals.istu.edu/izvestia_invest/journals/2016/17/articles/27
- Lecture - presentation of experts at the Vienna Technical University. «ExpertInnenvorträge – Loos, Frank, Neutra, Schütte-Lihotzky und die Werkbundsiedlung». www.youtube.com/gbltuwien
- Mang, B. (1993). *Gruenräume im Roten Wien*. In: *Historisches Museum der Stadt Wien (Hrsg.): Das Rote Wien 1918-1934*. Katalog zur 177. Sonderausstellung, 17. Juni bis 5. September 1993. Wien.
- Pfundner, Hg. M. (2015). *Wien Wird Weltstadt / Die Ringstrasse und ihre Zeit*. Katalog zur Ausstellung, 22.5.-1.11.2015. Wien: Metroverlag, österreichische Nationalbibliothek. www.onb.ac.at.
- Pirhofer, G. (1993). *Die Roten Burgen – Zur Dialektik des Sozialen im Urbanen*. In: *Historisches Museum der Stadt Wien (Hrsg.): Das Rote Wien 1918-1934*. Katalog zur 177. Sonderausstellung, 17. Jun bis 5. September 1993. Wien.
- Wehsmann, H. (1985). *Das Rote Wien – Sozialdemokratische Architektur und Kommunalpolitik 1919-1934*. Wien: Promedia Verlag.

В западной части Балкан все еще можно найти множество примеров укрупнения городов, которое происходило в эпоху социалистической Югославии. Историки архитектуры и критики вновь проявляют интерес к архитектуре Югославии в период с 1948 по 1980 год. Однако, что более примечательно, мы находим образы бывших социалистических городских утопий в современных музыкальных клипах, особенно в рэп-клипах, где они служат фоном для необычного сочетания насилия, наркотиков, секса, религии и танца. Каким-то неожиданным образом грубая красота брутализма в Новом Белграде и модернизма «Сплита-3» переходит от его социалистических идеологических истоков к современной молодежной культуре. Застроенная среда времен Тито приобретает совершенно иное значение. Мы не пытаемся объяснить, КАК или ПОЧЕМУ это произошло. Эта статья направлена на повышение осведомленности о том, что ЭТО ПРОИСХОДИТ, и мы делаем это с помощью графических средств.

Ключевые слова: Югославия; Новый Белград; Сплит; хулиганство; рэп-видео; архитектура; брутализм; модернизм; массовое строительство жилья. /

In the Western Balkans, one can still find many city enlargements produced in the era of socialist Yugoslavia. There is a renewed interest by architectural historians and critics in Yugoslavia's architectural production between 1948 and 1980. However, and more remarkably, we find the images of the former socialist urban utopias back in recent music videos, especially rap videos, where it serves as the backdrop to an unusual mix of violence, drugs, sex, religion, and dance. Somehow the raw beauty of the Brutalism in Novi Beograd and the Modernism of Split 3 crosses over from its socialist ideological origins to contemporary youth culture in unexpected ways. The built environment from the time of Tito gets a different meaning altogether. We do not try to explain HOW or WHY this has happened. This article aims to raise the awareness THAT this happens, and we do so with pictorial means.

Keywords: Yugoslavia; New Belgrade; Split; hooliganism; rap video; architecture; brutalism; modernism; mass housing.

Когда хулиганство и социалистический город становятся единым целым / When hooliganism and the socialist city melt into one

ТЕКСТ

Франк ван дер Хувен
Милена Ивкович /
text
Frank van der Hoeven
Milena Ivković

Неприсоединившийся социализм

Во второй половине XX века Югославия под руководством Тито провозгласила себя сначала федеративной народной республикой (в 1946 году), а затем, в 1963 году, вскоре после того как было основано Движение неприсоединения совместно с такими главами государств, как Неру (Индия), Нкрума (Гана), Сукарно (Индонезия) и Насер (Египет), социалистической федеративной республикой (Miskovic, Fischer-Tin & Boskovska, 2014).

Тем самым Югославия выбрала курс, независимый как от Запада, так и от Востока. Она вступила в отношения с Югом, которые критики часто упускают из виду в нынешнем дискурсе о колониализме. Помимо того взаимодействия между Севером и Югом, что основывалось на британо-французском позднем колониализме или американском империализме, существовало и другое. Югославские инженеры и архитекторы пользовались уникальным положением своей страны. Их работы отражают влияние капиталистического Запада, коммунистического Востока и опыт проектирования в Африке и на Ближнем Востоке: в таких странах, как Нигерия, Замбия, Уганда, Зимбабве, Габон, Гана, Эфиопия, Ирак и Кувейт.

Эксперты отмечают высокое качество и разнообразие архитектурных работ в бывшей Югославии, которые были достигнуты благодаря проведению архитектурных конкурсов. Так, преобладание брутализма отражало текущие тенденции в Швеции, Великобритании и США. Однако если говорить о градостроительстве, Югославия была ближе к Востоку, чем к Западу. В стране не произошло разрастания с низкой плотностью населения, которое стало символом для Соединенных Штатов. Крупные градостроительные проекты, такие как «Новый Белград» (Нови Београд) и «Сплит-3» (Split 3), являются классическими примерами проектов коллективного массового жилья с чертами, которые обычно ассоциируются с социалистическим городом.

МОМА

В конце 1940-х годов правительство Югославии начало освоение болот на противоположном от Белграда берегу реки Савы (Kulić, 2013). Эта равнинная местность превратилась в tabula rasa, на которой затем возник спланированный и функционально разделенный город с огромными бульварами и ортогональной сеткой больших жилых кварталов. Новый Белград стал перевернутым

в Рис. 1. Знаковое изображение Тито, Неру и Насера, основателей Движения неприсоединения (Esfandiari, 2012) / Image 1. Iconic image of Tito, Nehru and Nasser, founders of the non-aligned movement (Esfandiari, 2012)

Non-aligned socialism

Tito's Yugoslavia declared itself in the second half of the 20th century first a federal people's republic in 1946 and then, shortly after it established the Non-Aligned Movement together with Nehru's India, Nkrumah's Ghana, and Sukarno's Indonesia and Nasser's Egypt, a socialist federal republic in 1963 (Miskovic, Fischer-Tiné & Boskowska, 2014).

By doing so, Yugoslavia chose a course that was independent of both West and East. Instead, it engaged in a relationship with the global south that critics often overlook in the current discourse of colonialism. Other North/South exchanges did exist next to those based on British/French late-colonialism or American imperialism. Yugoslav engineers and architects benefited from the unique position of their country. Their work reflects influences from the capitalist west, the communist east, and their experiences in Africa and the Middle East: countries like Nigeria, Zambia, Uganda, Zimbabwe, Gabon, Ghana, Ethiopia, Iraq and Kuwait.

Experts point at the high quality and diversity of the architectural production in the former Yugoslavia, which resulted from a practice to organise design competitions. The prevalence of

изображением старого города, построенного на холме, с его смесью улиц и зданий времен Османской империи и монархической Югославии начала XX века.

Другие градостроительные вмешательства последовали в небольших городах, таких как Тусла, или в более известных городах, таких как Загреб и Сараево.

Градостроительный проект «Сплит 3» в городе Сплит на Адриатическом побережье был одним из последних крупномасштабных вмешательств в Югославии (Božić, 2003).

Проекты «Новый Белград» и «Сплит 3» были широко представлены в 2018 году на грандиозной выставке в Нью-Йоркском музее современного искусства (МОМА). Эта выставка – верный признак возобновления интереса к наследию архитектуры и градостроительства эпохи Тито (см. «К конкретной утопии: архитектура в Югославии, 1948–1980 годы») (Stierli, Stephanie, Kulić & Tamara, 2018). Кураторы Мартино Стирли, Владимир Кулич и Анна Кац определили окончание этого периода 1980 годом – годом смерти Тито. Распад Югославии длился гораздо дольше и достиг своей кульминации в гражданской войне в Боснии с осадой Сараево, где в 1992 году сгорели башни-близнецы «Момо» и «Узеир» по проекту Ивана Штрауса.

Постсоциализм

Прошло уже три десятилетия. Новое поколение выросло в постсоциалистической новой реальности государств – преемников Югославии – Хорватии, Боснии и Герцеговины и Сербии, подвергшихся воздействию обновленной националистической риторики и религиозного возрождения и столкнувшихся с мучительным и медленным процессом интеграции в Европейский Союз. Для этого поколения районы социалистических времен – это данность, оторванная от идеологических корней коллективизма и антиклерикализма. В этом новом контексте социалистическое наследие Нового Белграда (Сербия) и Сплита (Хорватия) стало появляться в социальных сетях, в музыкальных клипах и особенно в рэп-видео. Эта тенденция затронула даже многоэтажные дома в небольших городах, таких как Тусла (Босния).

Brutalism hints at an understanding of trends in Sweden, Britain and the US. However, when it comes to urban development, Yugoslavia was more east than west. The country did not produce the low-density sprawl that became emblematic for the United States. Large urban development projects like New Belgrade (Novi Beograd) and Split 3 are classic examples of collective mass housing projects with features usually associated with the socialist city.

МОМА

In the late 1940s, the Yugoslav government started reclaiming the marshlands opposite Belgrade on the other side of the Sava river (Kulić, 2013). This flat terrain became a tabula rasa to create a planned and functionally separated city with over-dimensioned boulevards and large orthogonal residential blocks. New Belgrade would become the inverted image of the old city built on a hill, with its mixture of streets and buildings from the pre-modern Ottoman and early 20th-century monarchist Yugoslavia periods.

Other urban interventions followed in smaller cities like Tuzla or more prominent cities like Zagreb and Sarajevo.

Split 3 in the Adriatic coastal town of Split was one of the last large-scale urban interventions in Yugoslavia (Božić, 2003).

В случае Нового Белграда на первый взгляд это может показаться очевидным. В этом районе монументальные здания бруталистов, такие как башня Genex, так называемые лестницы и здание телевидения (Televizorke), представляют собой привлекательное место для съемок. Похоже, что местная эстетика легко сочетается с жанром «гангста-рэп из гетто». На самом деле Новый Белград – далеко не захудалый район. Дела его идут хорошо. Он стал центральным деловым районом столицы Сербии и быстро развивается.

Случай со Сплитом-3 кажется еще большей загадкой. Вступив в ЕС, Хорватия никогда не сталкивалась с такими серьезными экономическими санкциями, как Сербия. В результате уровень обслуживания жилых домов социалистического периода намного выше, чем в Новом

^ Рис. 3. Новый Белград, Блок 63 (Ifyouseekjelena, 2015) / Image 3. Novi Beograd, Blok 63 (Ifyouseekjelena, 2015)

< Рис. 2. Башни-близнецы в Сараево по проекту Ивана Штрауса в огне, 1992 год (SARAJEVO.co.ba., 2018) / Image 2. Twin Towers in Sarajevo by Ivan Štraus in flames, 1992 (SARAJEVO.co.ba., 2018)

New Belgrade and Split 3 were prominently on display in 2018 at the grand exhibition in the New York Museum of Modern Art (MOMA). This expo is a telltale sign of renewed interest in the legacy of architecture and urban planning from the Tito-era: *Toward a Concrete Utopia: Architecture in Yugoslavia, 1948–1980* (Stierli, Stephanie, Kulić & Tamara, 2018). Curators Martino Stierli, Vladimir Kulić and Anna Kats cut this period off when Tito died: 1980. The disintegration of Yugoslavia took much longer and found its climax in the civil war in Bosnia with the siege of Sarajevo, where the twin towers 'Momo and Uzeir' by Ivan Štraus burnt down in 1992.

Post-socialism

We are now three decades later. A new generation grew up in the post-socialist new normal of Yugoslavia's successor states Croatia, Bosnia & Herzegovina and Serbia, exposed to a renewed nationalist rhetoric and religious revival, and facing an agonising slow integration process into the European Union. For that generation, the districts from socialist times are a given, detached from their ideological roots of collectivism and anti-clericalism. In that new context, the socialist built heritage of New Belgrade (Serbia) and

Split (Croatia) began to feature in social media, music videos, and especially rap videos. Even the towerblocks of smaller cities like Tuzla (Bosnia) make their appearance.

In the case of New Belgrade, this may be obvious at first glance. New Belgrade provides monumental Brutalist buildings like the Genex Tower, the so-called staircases and the TV building (Televizorke) as eye-catching video scenes. Here the esthetics seems an easy match with 'ghetto gangster rap' as a genre. The fact is that New Belgrade is far from being a rundown neighbourhood. It is doing fine. It has become the central business district of Serbia's capital and is developing fast.

The case of Split 3 is even more puzzling. Croatia entered the EU and never experienced crippling economic sanctions as Serbia did. As a result, the maintenance level of the socialist housing blocks is much higher than in New Belgrade. The clean city image of aesthetically shot apartment blocks in a gangster rap video seems to work as a composition. However, Split 3 does not represent the harsh environment that could explain the uncompromising attitude of the artists. Hooliganism and the socialist city melt into one in a post-ideological composite.

Белграде. Чистый городской образ эстетично снятых многоквартирных домов в гангстерском рэп-видео, кажется, выступает в роли композиции. Однако Сплит-3 не представляет собой суровую среду, которая могла бы объяснить бескомпромиссное отношение артистов. Хулиганство и социалистический город сливаются в одну постидеологическую композицию.

Когда форма и смысл могут так плавно переходить от неприсоединившегося антиклерикального социализма к националистическому религиозному хулиганству, возникает острая необходимость в переосмыслении того, как обращаться с идеологией и наследием архитектуры и градостроительства. Чтобы прояснить этот вопрос, мы представляем четыре раскадровки хорватских, боснийских и сербских рэп-видео от Grše, Surreal, Bombe Devedesetih и King Mire, в которых описывается суровая жизнь, но в то же время прекрасно представляются эстетические качества окрестностей.

GRŠE – «Badr Hari»

«Сплит-3 принадлежит мне!» – эта фраза лучше всего описывает то, как хорватский рэп-исполнитель Grše ис-

пользует модернистскую социалистическую среду в своем музыкальном видео. Другой термин, который хорошо отображает этот стилистический подход к жизни среди зданий, – «грубый». Грубый, громоздкий рэп о насилии как идентичности, использующий все атрибуты, которые принадлежат этому направлению: оружие, машины, злые собаки и банды, а также грозные обращения в адрес любого, кто хотел бы ступить на «территорию» Grše. «Кто знает – знает», – говорит Grše, считая себя единственным человеком, знающим настоящую жизнь в гетто, в то время как идентификация со знаменитым боксером Бадром Хари (в названии песни) служит для того, чтобы показать, что значит быть «настоящим бойцом».

«Rat i slava» – война и слава – еще одна метафора, используемая для изображения единственной жизни, которую знает Grše, жизни, которая возможна только в таком районе.

«Мои люди – животные», – утверждает Grše, потому что они живут в замкнутом, похожем на джунгли мире с правилами, подобными закону джунглей. «Уважайте мой район и попробуйте жизнь в нем» (Blockstar Digital, 2019).

When form and meaning can crossover so fluidly from non-aligned, anti-clerical socialism to nationalist religious hooliganism, there is an urgent need to rethink how to deal with the ideology and heritage of architecture and urban planning. To illuminate this, we present four storyboards of Croatian, Bosnian and Serbian rap videos by Grše, Surreal, Bombe Devedesetih and King Mire, whose lyrics may describe a rough life but at the same time know perfectly well how to highlight and frame the photographic and aesthetic qualities of their neighbourhoods.

GRŠE – Badr Hari

"Split 3 Belongs to Me!" could be the best description of how Croatian rap artist Grše uses the modernistic socialist built environment in his music video. Another term that well depicts this stylistic approach to life among buildings would be "raw". Raw, oversized rapping about violence as an identity and using all the props that belong to this narrative: guns, cars, angry dogs, and gangs, as well as threatening words and lyrics towards anyone else who would like to step on Grše's "territory". "Who knows – knows", says Grše, putting himself as the only authority on what is the

real ghetto life, while identification with famous boxer Badr Hari (song's title) is there to show what being a "real fighter" means.

"Rat i slava" – war and glory is another metaphor used to depict the only life that Grše knows, the life that is only possible in this kind of neighbourhood.

"My people are animals", claims Grše because they live in an enclosed, jungle-like world with jungle-like rules. "Respect my neighbourhood, and try it" (Blockstar Digital, 2019).

< ^ > Рис. 4а, b, c, d, e, f, g. Кадры из видео GRŠE «Badr Hari» / Image 4a, b, c, d, e, f, g. Stills from the GRŠE – Badr Hari video

^ v Рис. 5а, б, с, д, е, ф, г. Кадры из видео SURREAL «Seks, Zdravlje i Pravoslavlje» (Новый Белград глазами художника и фотографа Boogie) / Image 5a, b, c, d, e, f, g. Stills from the SURREAL – Seks, Zdravlje i Pravoslavlje video (Novi Beograd as seen through the lens of visual artist and photographer Boogie)

SURREAL – Seks, Zdravlje i Pravoslavlje

Surreal claims that the essential things in life are "sex, health and Orthodox religion". The high-rise concrete environment of New Belgrade in which trap rapper Surreal 'survives' together with his loyal crew of friends is the backdrop for a story about "been there, done that and now accepting new life". Surreal describes how he manages to find a remedy for his "past doings" by embracing a mix of traditional religious beliefs, Orthodox iconography of martyrdom, purity and brotherhood as a way to stay sane in an environment that is brutal and conflicting (we often see images of police forces, dilapidated houses, tired people and decimated nature). Like in many other similar rap-culture poetics, Surreal attacks everyone from the "rival group", dismissing them as fakes, while praising his formula of "sex, health and Orthodoxy" as the proper code of conduct in a city such as New Belgrade (Bassivity Digital, 2020).

SURREAL – «Seks, Zdravlje i Pravoslavlje»

Surreal утверждает, что главными в жизни являются «секс, здоровье и православная религия». Высотная бетонная среда Нового Белграда, ловушка, в которой рэпер Surreal «выживает» вместе со своей командой верных друзей, служит фоном для истории о том, как он «попытал там, сделал это и теперь принимает новую жизнь». Surreal повествует, как ему удастся найти лекарство от своих «прошлых поступков», принимая сочетание традиционных религиозных верований, православной иконографии святых мучеников, чистоты и братства как способ оставаться в здравом уме в жестокой и конфликтной среде (мы часто видим изображения полицейских, полуразрушенных домов, усталых людей и уничтоженной природы). Как и во многих других подобных поэтических произведениях рэп-культуры, Surreal нападает на всех из «группы противников», отвергая их как фальшивки и восхваляя свою формулу «секс, здоровье и православие» как правильный кодекс поведения в таком городе, как Новый Белград (Bassivity Digital, 2020).

BOMBE DEVEDESETIH – Daga Daga

Bombe Devedesetih (literally: The bombs of the 1990s) celebrates mind-numbing drug-enhanced hedonism among the oversized, dehumanising infrastructure and housing blocks of New Belgrade. Although the majority of the video depicts three young rappers in what is an illustration of their philosophy on how to party in the city (with provocative half-naked young female dancers, oddly dressed party-goers and other nocturnal animals), images of driving through the grim winter landscaped New Belgrade are flashing in between those colourful depictions of ecstasy and escapism.

"Every day is the same. Every day is suicide. Every day is my birthday, and every day I am celebrating it, every day is the speed like I make it" is one of the most striking lines of lyrics. Finally, the song ends with something that may be imitating the gun noise (daga daga) or just the resemblance of another dance beat (Bombe Devedesetih, 2018).

BOMBE DEVEDESETIH – «Daga Daga»

Bombe Devedesetih (буквально: бомбы 1990-х) прославляет ошелмляющий гедонизм, усиленный наркотиками, среди огромной, бесчеловечной инфраструктуры и жилых домов Нового Белграда. Хотя большая часть видео изображает трех молодых рэперов, повествующих нам о том, как нужно проводить вечеринки в городе (с провокационными полуобнаженными молодыми танцовщицами, странно одетыми тусовщиками и другой ночной публикой), мелькающие мрачные зимние пейзажи Нового

Белграда вспыхивают между этими красочными изображениями экстаза и бегства от жизни.

«Каждый день – одно и то же. Каждый день – самоубийство. Каждый день – мой день рождения, и каждый день я его отмечаю, каждый день – это скорость, которую я выбираю» – одна из самых ярких строк лирики. Наконец, песня заканчивается чем-то, что похоже на шум выстрела (daga daga) или просто имеет сходство с другим танцевальным битом (Bombe Devedesetih, 2018).

< ^ Рис. 6. Кадры из видео BOMBE DEVEDESETIH «Daga Daga» / Image 6. Stills from the BOMBE DEVEDESETIH – Daga Daga video

KING MIRE ft EDO MAAJKA, FRENKIE, BRCKOBEATZ & STAY POSITIVE – Imamo Problem

King Mire and his rapping friends describe the local neighbourhoods they have grown up, in the smaller, secondary cities of Bosnia and Herzegovina. Although smaller in scale than in New Belgrade or Split 3, the grey concrete blocks in the backdrop share the same feeling of monotony and greyness. Through their lyrics, the rappers illustrate both the madness and absurdity of the life they know, where violence and poverty are often dominant elements of daily life. The rappers rely on their philosophy of "resignation", refusing to accept the "new optimistic times in old, decayed neighbourhoods", and instead choose to depict their world in a realistic, honest way. "We have a problem", the translation of the video's title – depicts that life in the neighbourhood is the life of insecurity, and without having the support of a tight group to which you belong and trust, you may never know when things may turn against you (FMJAM, 2015).

KING MIRE ft EDO MAAJKA, FRENKIE, BRCKOBEATZ & STAY POSITIVE – «Imamo Problem»

King Mire и его друзья-рэперы описывают кварталы в небольших второстепенных городах Боснии и Герцеговины, в которых они выросли. Несмотря на меньшие масштабы, чем в Новом Белграде или Сплите-3, серые бетонные блоки на заднем плане создают то же ощущение монотонности и серости. В своих текстах рэперы иллюстрируют безумие и абсурдность той повседневной жизни, которую они знают, где насилие и бедность зачастую являются доминантами. Рэперы придерживаются своей философии «отказа», не принимая «новые оптимистические времена в старых, ветхих кварталах», и вместо этого предпочитают изображать свой мир реалистично и честно. Перевод названия видео – «У нас проблема» – показывает, что жизнь в этом районе небезопасна, и без поддержки тесной группы единомышленников, к которой вы принадлежите и которой доверяете, все внезапно может обернуться против вас (FMJAM, 2015).

> ^ Рис. 7а, b, c, d, e, f, g. Кадры из видео KING MIRE ft EDO MAAJKA, FRENKIE, BRCKOBEATZ & STAY POSITIVE «Imamo Problem» (четыре разных рэпера с четырьмя разными точками зрения на одну тему: жизнь в районе на территории пост-социалистических Балкан) / Image 7a, b, c, d, e, f, g. Stills from the KING MIRE ft EDO MAAJKA, FRENKIE, BRCKOBEATZ & STAY POSITIVE – Imamo Problem video (Four different rappers with four different perspectives on the same topic: neighbourhood life in the post-socialistic Balkans).

Литература / References

Bassivity Digital. (2020, January 13). Surreal - Seks Zdravlje Pravoslavlje [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=WBDz2YcWc6w>

Blockstar Digital. (2019, June 9). GRŠE - BADR HARI (OFFICIAL VIDEO) [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=xJXnZmKL1mo>

Bombe Devedesetih. (2018, August 4). Bombe Devedesetih - Daga Daga (Prod. By Salier Del Flores) [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=RvU2Vj100ko>

Božić, N. (2003, July 3-6). Novi Zagreb and Split 3: Planned Towns of the Second half of the 20th Century in Croatia. The planned city, 939-944.

Esfandiari, G. (2012, August 23). What Is The Nonaligned Movement? RadioFreeEurope/Radioliberty. <https://www.rferl.org/a/nonalignment-movement-explainer/24685623.html>

FMJAM. (2015, April 14). King Mire ft. Edo Maajka, Frenkie, Brčkobeatz & Stay Positive - #ImamoProblem [Video]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=1E5jv_0lnfQ

Ifyouseekjelena. (2015, June 5). File:Blok 63, Novi Beograd.jpg. Wikimedia Commons. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/85/Blok_63%2C_Novi_Beograd.jpg

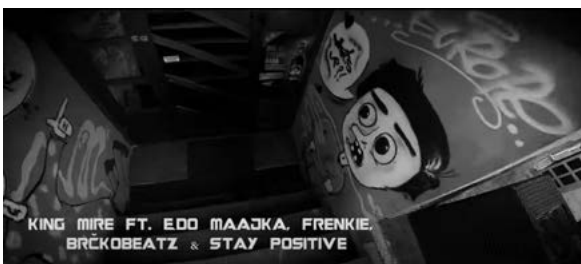
Kulić, V. (2013). National, supranational, international: New Belgrade and the symbolic construction of a socialist capital. Nationalities Papers, 41(1), 35-63.

Miskovic, N., Fischer-Tiné, H., & Boskovska, N. (Eds.). (2014). The non-aligned movement and the cold war: Delhi-Bandung-Belgrade. Routledge.

Reuters. (2019, November 2). Yugoslavia's brutalist relics fascinate the Instagram generation. ABC News. <https://abcnews.go.com/International/yugoslavia-brutalist-relics-fascinate-instagram-generation/story?id=66677826>

SARAJEVO.co.ba. (2018, August 25). Sjećanje: Ivan Štraus. <https://sarajevo.co.ba/sjecanje-ivan-straus/>

Stierli, M., Stephanie, E., Vladimir [VNV] Kulić, & Tamara, B. K. (2018). Toward a Concrete Utopia: Architecture in Yugoslavia, 1948-1980. Museum of Modern Art.

Анна Бокова. Авангард как метод: ВХУТЕМАС и педагогика пространства, 1920–1930 / предисл. К. Фрэнкитон, А. Лаврентьев. – Park Books, Zurich, 2020. – 624 с.; ил. /

Anna Bokov. Avant-Garde as Method: Vkhutemas and the Pedagogy of Space, 1920–1930. Park Books, Zurich. – 2020. – 624 p.; illustrations. With forewords by Kenneth Frampton and Alexander Lavrentiev.

Новое исследование новаторской учебной программы Высших художественно-технических и технических мастерских в Советской России, известных как ВХУТЕМАС, которая до сих пор является источником вдохновения для поколений архитекторов, дизайнеров и художников. Автор анализирует процессы институционализации авангарда, объединения науки и архитектуры, педагогики и прaxis. Особое внимание уделяется экспериментальной методике педагогического процесса. Ключевые слова: ВХУТЕМАС; архитектура; педагогика; авангард; прaxis. /

The book presents a new study on the Soviet Union's Higher Art and Technical Studios, known as Vkhutemas, and their pioneering curriculum that has been a source of inspiration for generations of architects, designers, and artists until the present day. The processes of institutionalizing the avant-garde, integrating architecture and science, teaching and praxis are analyzed. The experimental methodology of the pedagogical process is highlighted.

Keywords: Vkhutemas; architecture; pedagogy; avant-garde; praxis.

Авангард как метод: ВХУТЕМАС и педагогика пространства, 1920–1930 / Avant-Garde as Method: VKhUTEMAS and the Pedagogy of Space, 1920–1930

ТЕКСТ
Анна Бокова /
text
Anna Bokov

Книга является первым англоязычным изданием, посвященным главному институту русского авангарда – Высшим художественно-техническим мастерским, известным как ВХУТЕМАС. Целью было восстановить справедливость в отношении реального вклада ВХУТЕМАСа в современную художественную культуру и архитектуру, продемонстрировать те творческие открытия, которые до сих пор не исчерпаны.

Несопоставимо мало известно о ВХУТЕМАСе в сравнении с его современником – немецким Баухасом. Подобно Баухаусу, ВХУТЕМАС ставил целью воплощение новых идеалов и ценностей модернизма. Основой образовательной модели ВХУТЕМАСа были актуальные на тот момент научные методики и самые яркие достижения художественных средств и пластического языка. Школа выстроила новый тип отношений между студентами и преподавателями, сделав их участниками общего процесса – поиска новой предметности и современной архитектуры. Качество работ преподавателей и студентов ВХУТЕМАСа дает основание рассматривать эти произведения как уникальную и важную часть мировой культуры и искусства.

Книга посвящена новаторской модели массового образования, разработанной во ВХУТЕМАСе в 1920-е годы, ее влиянию на изобразительное искусство, дизайн, архитектуру и культуру в целом. Массовое образование в Советской России стало принципиально новым словом в подготовке кадров в области изобразительного искусства и архитектуры. Страна, ставящая своей задачей строительство нового мира, решила опереться на открытия родившегося авангарда. Задачей ВХУТЕМАСа была скорейшая подготовка множества энергичных, умелых и убежденных специалистов из молодых людей, зачастую не имевших предварительного среднего образования. Новая модель обучения, созданная на основе «объективного метода», предполагала максимальное раскрытие и мобилизацию внутреннего потенциала учащихся. Книга знакомит с работами учеников и преподавателей ВХУТЕМАСа, а также рядом новаторских методик обучения в рамках культурно-исторического контекста. Подчер-

кивается особая роль архитектурного факультета, место архитектуры как в общей образовательной системе, так и в мировоззрении ВХУТЕМАСа.

Особое внимание сосредоточено на принципиально новой методике обучения и проектирования, обозначенной подзаголовком «Авангард как метод». Подробнейшим образом описываются и впервые реконструируются упражнения и детали преподавания двух пропедевтических дисциплин, разработанных во ВХУТЕМАСе – «Пространство» Николая Ладовского и «Графика» Александра Родченко.

Важным аспектом книги является формирование богатого зрительного ряда и макету книги, сделанного выдающимися графиками в соответствии с пожеланиями автора.

Иллюстрации представляют параллельный визуальный «текст», дающий максимально широкое представление о ВХУТЕМАСе и его новаторских методиках.

Концепция социалистического города складывалась в острой борьбе сторонников идеи города-сада и адептов соцгорода. У каждого направления имеется официально признанный основатель, своя философия и программа. Столкновение концепций в советской архитектуре приобрело непримиримый и бескомпромиссный характер. Но насколько эти направления антагонистичны на самом деле? Вопрос рассматривается как на историко-теоретическом материале, так и на конкретных примерах градостроительных решений в городах Восточной Сибири, Урала и Кузбасса.

Мы продолжаем обращать особое внимание на укрепление фактологической базы по истории этого все еще мало изученного периода. В статьях о Севастополе и Магнитогорске целый ряд документов публикуется впервые и тем самым вводится в научный оборот.

Константин Лидин

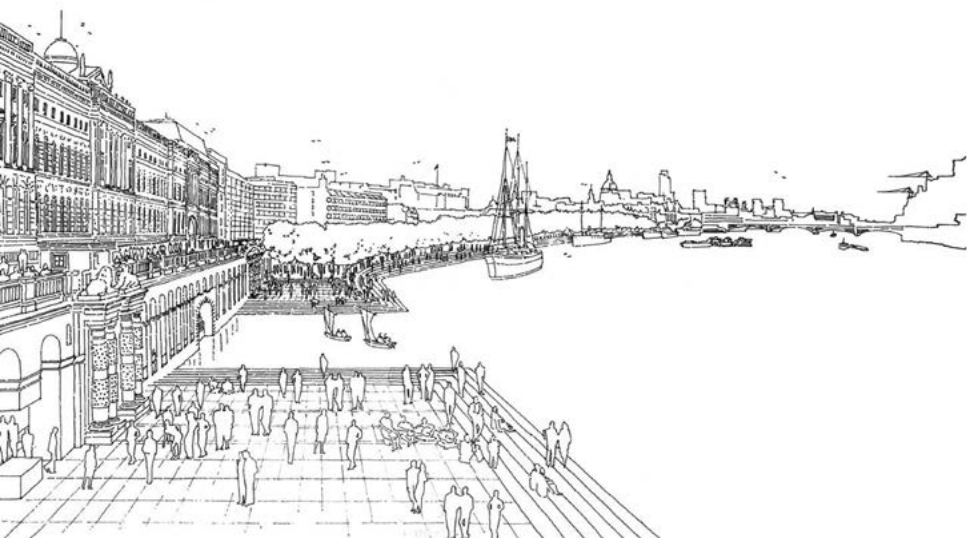
город-сад и/или соцгород? a garden city and/or a socialist city?

The concept of a socialist city took shape in a keen struggle between supporters of the idea of a garden city and adherents of the social city. Every movement has an officially recognized founder, its own philosophy and program. The confrontation of concepts in the Soviet architecture has acquired an irreconcilable and uncompromising character. But to what extent are these movements really antagonistic?

The issue is considered on the basis of both historical and theoretical materials and on specific examples of urban planning solutions in the cities of Eastern Siberia, the Urals and Kuzbass.

We continue to focus on strengthening the factual basis of the history of this still unexplored period. In the articles about Sevastopol and Magnitogorsk, a number of documents are published for the first time and thus are introduced into the scientific discourse.

Konstantin Lidin

На материале архивных документов рассмотрена дискуссия между последователями концепции «города-сада» по Говарду и сторонниками фордианского концепта «соцгорода». Дискуссия имела место в 20-х годах XX века и завершилась административным подавлением одной из сторон, что во многом определило дальнейшие пути развития социалистического градостроительства. В статье высказан тезис о том, что противоборствующие концепты вовсе не были антагонистами. Развитие архитектуры в последующие сто лет показало, что обе концепции успешно развиваются, дополняя друг друга. Ключевые слова: архитектура; урбанистика; история архитектуры; социалистический город; город-сад; фордизм./

The discussion between the followers of Howard's garden city concept and supporters of the Fordian social city concept is considered on the basis of archival documents. The discussion took place in the 1920s and ended with the administrative suppression of one of the parties, which largely determined the ways of further development of the socialist urban planning. The article expresses the thesis that the opposing concepts were not antagonists at all. The development of architecture over the next hundred years has shown that both concepts are successfully developing, complementing each other.

Keywords: architecture; urban studies; history of architecture; socialist city; garden city; Fordism.

Бинарная логика и социалистический город / The binary logic and the socialist city

текст
Константин Лидин
Марк Меерович
Анастасия Малько /
text
Konstantin Lidin
Mark Meerovich
Anastasia Malko

Введение

Великий философ античности, воспитатель Александра Македонского Аристотель сформулировал методологические основы западного мышления на много веков вперед. Менялись эпохи, идеологии и религии, но авторитет Аристотеля оставался непрекращаемым. В «темные столетия» Средневековья отцы церкви называли его просто Философ, а в Новое время Аристотелева логика послужила базисом для научно-технических революций – от паровой машины до компьютерных сетей.

Один из базовых принципов Аристотелевой логики – принцип «исключенного третьего» – гласит: если две сущности порознь равны третьей, то они равны и между собой. Третьего не дано, сущности или равны, или не равны. Ноль либо единица, черное либо белое, благо либо зло.

Бинарность классической логики, этот мощный мыслительный инструмент, продолжает демонстрировать свою эффективность во многих областях – от абстрактных научных моделей до решения повседневных бытовых проблем. Он стал настолько привычным и постоянным элементом картины мира, что порой начинает выглядеть уже не как мыслительный прием, условность, а как неотъемлемое свойство самой реальности. Мы забываем, что реальность не делится на взаимоисключающие пары, – это мы создаем дихотомии. Причем создаем достаточно произвольно, в зависимости от текущей задачи. Можем противопоставить красное зеленому, а можем – спектральное ахроматическому (и тогда красное и зеленое окажутся в одном классе сущностей). Как захотим, так и поделим мир на пары. Сам же мир, в отличие от наших представлений о нем, един и непрерывен.

Дискуссии о наследии социалистической эпохи сильно тяготеют к бинарной, дихотомической логике (что и неудивительно, учитывая почтенную традицию). Был ли это период упадка, угнетения творческой мысли и забвения гуманистических принципов великого XIX века? Или же это была эпоха масштабных свершений, достижений, прорывных озарений и ярких личностей? Следует ли нам воспринимать идеи социалистической эпохи в качестве тяжелого груза, от которого необходимо последовательно избавляться? Или же это наследие – сокровищница

идей и образов, реализованных лишь частично, и нам следует внимательно и почтительно изучать их, чтобы использовать в решении сегодняшних задач архитектуры и зодчества?

Однозначного ответа нет. Да и быть не может, потому что сама эта эпоха поразительно противоречива и никак не помещается между четкими и ясными полюсами бинарного подхода. Ярким примером, характеризующим эпоху социалистического города, может служить дискуссия о соотношении градостроительных идей «города-сада» и «соцгорода». На первый взгляд эти парадигмы выглядят взаимоисключающими противоположностями.

Рождение концептов

Концепция города-сада возникла на фоне стремительного развития промышленности Великобритании в самом конце XIX века. Именно тогда машинное производство достигло такой концентрации, при которой природные биоценозы оказались неспособны справляться с потоками загрязнений. Энергетика, основанная на угле, выбрасывала в воздух тысячи тонн сажи и ядовитых окислов. Сточные воды бесконтрольно сливались в природные водоемы (задача контроля над загрязнениями никому еще даже не приходила в голову). Почва пропитывалась кумулятивными ядами: медью, свинцом, оловом и цинком – и быстро становилась не просто бесплодной, но смертельно опасной для живущих на ней людей. «Промышленную столицу мира» – Лондон раз за разом поражали зловонные удушливые туманы, а «батюшка Темза» превратился в сточную канаву, рассадник холеры и тифа.

На этом фоне и возникла концепция города-сада – наполовину мечта, наполовину бизнес-проект рассредоточения производства до уровня, способного сосуществовать с природными системами. Эбенизер Говард поэтично рисовал, а затем с цифрами в руках доказывал жизнеспособность небольших городков при фабриках. Получалось нечто среднее между рабочим поселком и богатой деревней – с коллективными формами организации быта, с общественным управлением процессами градостроительства и повседневной эксплуатации поселений, с комфортабельными индивидуальными домами коттеджного типа

^ Споры о том, следует ли возродить концепцию «города-сада» или следовать принципам искусственной среды обитания горожан в духе «фордизма», продолжают и сегодня. Так, в 2014–2015 годах Ричард Роджерс выступил резко против планов жилищной программы мэрии Лондона, основанной на идеях Э. Говарда. Вот так, по мнению Р. Роджерса, мог бы выглядеть Лондон – с балансом многоэтажной застройки, общественных пространств и озеленения

< Плакат, рекламирующий Фордландию, город-утопию в джунглях Бразилии. Признаки «города-сада» (семейные коттеджи, комфортабельные и экономичные, массовое озеленение, коллективные формы организации быта) в этом проекте плавно перетекают в игнорирование «духа места» и перенос американских стандартов в чуждую среду амазонских джунглей

для отдельной семьи, с персональными участками земли для разведения сада, огорода, домашней живности [1].

Почти одновременно с концепцией города-сада возникла другая, во многом противоположная (а во многом – очень сходная) парадигма поселений, привязанных к производственным мощностям. Генри Форд повел борьбу за лидерство на рынке массовых автомобилей за счет новых принципов организации. Не только производство машин «Форд Т» строилось вокруг конвейера и разделения технологического процесса на элементарные звенья. Весь образ жизни рабочих и инженеров подчинялся тем же принципам. Питание строилось на «быстрых» технологиях полупродуктов и готовых стандартизированных блюд. Жилье возводилось стандартное, гигиеничное, с оптимальным соотношением комфорта и экономности. Строго контролировался образ жизни: было ограничено употребление алкоголя, совсем запрещены азартные игры и уклонение от социальных выплат (например, алиментов). Небывалый уровень заработной платы в пять долларов в день (что примерно равно 120 современным долларам), сорокачасовая рабочая неделя, бонусы и корпоративные пенсии заставляли квалифицированных рабочих мириться с вмешательством администрации в их личную жизнь [2].

После окончания Гражданской войны в СССР на повестке дня стояли вопросы масштабной застройки и восстановления жилого фонда страны. Значительное число авторитетных архитекторов горячо поддерживали концепцию города-сада.

Архитекторы видели в этой концепции прообраз поселений коммунистического будущего – с общественной собственностью на землю и государственным финансированием возведения жилища и инфраструктуры, лишенным стремления к получению прибыли. С этих сторон идея поселков-садов для рабочих той или иной фабрики или завода, трансформировавшаяся в сторону государственного финансирования и бесплатного выделения национализированной земли под застройку, рассматривалась в трудах архитекторов старшего поколения, начавших сотрудничать с большевиками: Г. Бархина, Б. Великовского, И. Везузова, Е. Виленц-Горовиц, Л. Воронина, Я. Гевирца, И. Гельмана, А. Глазырина,

И. Диканского, В. Иванова, В. Карповича, П. Кожаного, В. Мачинского, М. Петрова, П. Прейса, С. Семенова, З. Френкеля, Д. Шейниса и др. [3].

Российские архитекторы, гражданские инженеры, гигиенисты, экономисты – все, кого объединяла идея города-сада, – стремились в новых политических условиях реализовать наиболее привлекательные и прогрессивные на тот момент принципы планировки города-сада: живописность трассировки улиц с учетом ландшафта; эстетическую привлекательность среды обитания; комплексное формирование застройки; создание полноценной инженерной инфраструктуры и озеленения; формирование выразительной объемно-пространственной и художественной композиции: единое решение системы общественных пространств: улиц, кварталов, площадей, поселения в целом и т. д.

Однако совершенно неожиданно эта позиция встретила жесткое сопротивление со стороны государственных структур. Первый раунд борьбы за изгнание «идентичности» и «духов места» из советского архитектурно-градостроительного проектирования развернулся в середине 1922 г., когда дореволюционный подход к архитектурно-планировочному обустройству поселений столкнулся с позицией Главного управления коммунального хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД), которое активно претендовало в этот период на роль основного государственного субъекта проектирования и управления поселениями.

Поводом для прямого столкновения сторонников переноса концепции города-сада на советскую почву с противниками применения традиционных подходов к планировке поселений явилось заседание по возрождению в Советской России общества городов-садов, собранное по инициативе апологетов этой доктрины. Заседание проходило 30 июня 1922 г. в Москве на совершенно законных основаниях и даже под «патронажем» представителей новой власти: председателем заседания был заместитель народного комиссара здравоохранения З. П. Соловьев [4]. На нем сторонники идеи городов-садов говорили о необходимости развивать то позитивное, что выработала предшествовавшая мировая практика градостроительной деятельности. А их противники утверждали, что проектный подход, характерный для идеи

города-сада, основанный на учете особенностей места, категорически неприменим в советских условиях. Прежде всего из-за его социального содержания – участия гражданского сообщества в принятии архитектурно-планировочных решений, которое, собственно, и обеспечивало учет и проектное воплощение традиций, обычаев, обрядов, культурных ценностей в результате самодеятельности населения.

Непосредственно на заседании и позднее, на страницах периодических изданий, представители органов, осуществлявших государственную градостроительную и жилищную политику (в частности, ГУКХ НКВД), высказывали принципиальное несогласие с направленностью инициатив на возведение городов-садов на основе «соучаствующего проектирования» (если использовать современные термины). Они утверждали, что социализм должен сознательно и целеустремленно формировать поселения совершенно иного, «некапиталистического» типа. Эти поселения должны базироваться не на учете каких-то мистических – культурно-исторических, эмоционально-чувственных, ментально-событийных, природно-энергетических и прочих особенностях места, а на государственных механизмах «индустриально-производственного обустройства среды обитания трудящихся масс».

Подход к проектированию рабочих поселений, принятый на вооружение Генри Фордом, кроме очевидных выгод концентрации производства, приносил еще целый ряд экономических преимуществ. Регулярная планировочная схема (с укрупненным строительным кварталом) позволяла сокращать: общую протяженность проездов; число проездов с односторонней ориентацией застройки; протяженность инженерных сетей (водных и канализационных), что в совокупности, приводило к снижению расходов на благоустройство и инженерное оборудование территории, а в целом – к уменьшению общих затрат на строительство поселений. Установка на экономию денег также диктовала сокращение числа скверов, объезды вокруг которых увеличивали протяженность улиц.

Точка бифуркации: концепция соцгорода против доктрины города-сада

Переломным моментом в затаяжной (почти десятилетней) борьбе архитекторов за возможность выражать в своих проектах советских рабочих поселков идеи города-сада стало принятие Инструкции НКВД № 184 (28 мая 1928 г.), диктовавшей правила, по которым впредь должны проектироваться все без исключения советские города и рабочие поселки [5].

Эта Инструкция была последним из советских градостроительных документов, который, в нормативной форме содержал одновременно и концептуально-теоретические представления, генетически вытекавшие из идеи города-сада (условно назовем их «нормативы города-сада»), и фордианские представления о поселениях нового типа – соцгородах и соцпоселках (условно назовем их «нормативы соцгорода»). Эти нормативы представляли собой две совершенно разные по содержанию и идеологической направленности группы требований.

Существование в одном нормативном документе диаметрально противоположных друг другу «нормативов города-сада» и «нормативов соцгорода» выглядит парадоксально. Инструкция, в той части, которая была сформирована на основе доктрины города-сада, предлагала обязательную программу широкого предпроектного изучения специфических характеристик, присущих лишь данному месту: культурных – изучение «памятников старины, искусства, и природы»; ландшафтно-географических – влияние на устройство города его топографического расположения, геологии, гидрографии и орографии окружающей местности; природно-климатических –

влияние на планировку поселения климата и растительного мира; исторических – сведений об особенностях предшествовавшего пространственного развития города, вытекавших из истории его возникновения и развития в культурном, экономическом и административном отношениях; фактических данных, выявляющих благополучие/неблагополучие города в целом и по отдельным его районам и кварталам в отношении заболеваемости и смертности; эпидемий, их частоты и продолжительности; характера общественно-политической жизни и т. п.

Именно результаты предпроектного анализа должны были задавать специфическую основу разработки задания для проектирования планировочной схемы и типов застройки каждого конкретного поселения. Причем подчеркивалось, что «разработка основных заданий для проекта планировки (города или поселка) является задачей чрезвычайно важной и ответственной, так как лишь при правильно поставленном задании может быть правильное разрешение проблем переустройства и будущего развития города (поселка)» [6].

Ориентация на индивидуальный характер обследования каждого конкретного места строительства и устремленность на индивидуальность разработки задания на проектирование, предписываемая «нормативами города-сада», проявлялись также и в предусмотренной Инструкцией определении конкретного списка позиций программы обследования, который наиболее полно соответствовал бы особенностям конкретного места. Инструкция предоставляла возможность организациям, осуществлявшим изучение города, самостоятельно разрабатывать собственные программы обследований в соответствии со спецификой конкретного поселения: «... в зависимости от обширности города и сложности входящих в состав последнего сооружений... на месте разрабатывается детальная программа изучения, в которой может быть изменена последовательность статей, отдельные части основной программы должны получить сообразное обстоятельствам дела развитие, а некоторые пункты, как не имеющие существенного значения для данного города, могут вовсе отпасть» [5, с. 404].

«Нормативы города-сада», будучи генетически связанными с говардовской идеей общественного самоуправления поселением, основывались на широком привлечении общественности к работам по изучению городов и поселков, рассматривали ее как главного «субъекта» управления развитием города, выявления духа места, формирования идентичности поселения. Это было впрямую зафиксировано в Инструкции: «кроме технического аппарата, по возможности, привлекаются широкие массы трудящегося населения города или поселка через секции совета, общества краеведения и другие научные и общественные учреждения» [5, с. 403].

Диаметрально противоположный смысл несли «нормативы соцгорода». Они противостояли «нормативам города-сада» в том, что были принципиально безразличны к «духу места», нейтральны ко всем особенностям территории будущего города, кроме технических (геологические условия, климатические характеристики и проч.). Даже по отношению к такой традиционно важной для градостроительного проектирования характеристике, как рельеф, они оказывались нейтральными, потому что площадка для возведения будущего промышленного комплекса и привязанной к нему селитьбы изначально – еще на предварительной стадии выбора места для будущего строительства – подбиралась максимально ровной, как это было законодательно предписано еще в декабре 1927 г. Постановлением Экономического совещания (ЭКОСО) РСФСР «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР» [8].

В этот период в советской градостроительной теории (и, соответственно, в нормировании) боролись представители этих двух антагонистических градостроительных концептов. Сегодня трудно определить, чего больше было в этой борьбе – реального столкновения несовместимых концепций или личных амбиций и стремления к власти ведущих архитекторов. Однако в итоге верх одерживал концепт соцгорода. Именно он активно разрабатывался, законодательно оформлялся и принудительно вводился органами государственной власти в повседневную практику проектирования. Второй (идея города-сада) пока еще продолжал существовать, но все более активно критиковался, идеологически отвергался и постепенно вытеснялся из градостроительной концептуально-теоретической и проектной действительности.

Концепция социалистического расселения, интеллектуально обеспечившая «великий поворот к индустриализации», утверждала ценность строительства новых городов как мест, свободных от пережитков прошлого и тем самым благоприятных для формирования новых – подлинно «социалистических» поселений. Она утверждала принципы «искусственно-технической» организации процессов функционирования населенных мест. Быт, труд, отдых должны быть организованы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов так, чтобы исключить неконтролируемые процессы деятельности и жизни. Концепция социалистического расселения базировалась на идее тотального планового распределения минимума социальных благ и предметов жизнеобеспечения.

Концепция соцрасселения предписывала формировать соцгорода-новостройки как места сосредоточения пролетариата («классовые пролетарские центры») за счет расположения их подле промышленных предприятий или в центрах сельскохозяйственных округов с обязательным административным подчинением им проживавшего на прилегающих территориях крестьянского населения. Концепция требовала осуществлять реформирование нового административно-территориального деления так, чтобы обеспечивать: для крупных районов – сосредоточение промышленности, технических культур, путей сообщения (железнодорожного, водного и авто-транспорта), а также конкретную заранее рассчитанную численность населения и его и национального состава; для мелких районов – тяготение населения «к существовавшим ранее или образовавшимся после Октябрьской революции центрам распределительной системы» (т.е. «местам сдачи продуктов местного хозяйства и пунктам товарообмена или распределения»).

Концепция соцрасселения предписывала соцгородам их основное предназначение – быть центром промышленного производства, требовала обеспечить рациональную взаимную увязку в расположении промышленных объектов, располагавшихся на территории соцгорода.

Заключение

Сегодня, по прошествии ста лет со времени тех бурных и драматичных дискуссий, мы по-прежнему не можем однозначно решить, какая же из градостроительных концепций оказалась более плодотворной. С одной стороны, города-сады, построенные по принципам Э. Говарда, существуют до сих пор во многих странах. Разумеется, с годами первоначальная концепция заметно модернизировалась, в некоторых случаях были утрачены принципиальные элементы (например, многие современные города-сады вовсе не привязаны к производствам, а представляют собой спальные пригородные микрорайоны или фрагменты, встроенные в городскую структуру) [8]. Единственный город, построенный на принципах фордизма еще при жизни самого Генри Форда (Фордленд, Бразилия), не просуществовал и десяти лет. Он оказался

настолько дискомфортным, что бразильцы, работающие на плантациях гевеи, отказались в нем жить – вплоть до столкновений с полицией. Проект провалился, принеся убытки на 20 миллионов долларов (в сегодняшних ценах – около полумиллиарда).

Тем не менее фордианские принципы стандартизованной застройки, игнорирующей историю, географию и даже геологию места, продолжают жить и побеждать. Кристаллическая прямоугольная сетка из стандартных зданий – так сегодня выглядят многие (большинство) районы крупного города в любой части света. Выгоды концентрации производства и проживания продолжают одерживать верх над «гениями мест». Население всего мира переселяется не просто в города, а в крупные города, которые становятся все крупнее. Процесс возникновения и опережающего роста мегаполисов и агломераций захватил Азию и перекинулся на Африку.

Возможно, главный урок, который демонстрирует нам история борьбы концепций города-сада и соцгорода на заре социалистической эпохи, заключается не в победе одного из концептов. Может быть, генеральный путь развития градостроительства в текущем веке будет опираться на иную, не бинарную логику, на такую картину мира, в которой есть место многим другим цветам и оттенкам, кроме черного и белого.

Литература

1. Howard, E. Garden Cities of To-Morrow. – London: Faber and Faber, 1902. – 147 p.
2. Grandin, G. Fordlandia: The Rise and Fall of Henry Ford's Forgotten Jungle City. – New York: Picador, 2010. – 432 p.
3. Меерович, М. Г. Градостроительная политика СССР, 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 347 с.
4. Шлиосберг, И. А. Нужно ли общество городов-садов? // Власть Советов. – 1923. – № 5. – С. 59–62
5. О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков: Инструкция НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. // Бюллетень НКВД. – 1928. – № 21 (276). – С. 397–412
6. Меерович, М. Г. СССР как мегапроект. Числовые регулятивы искусственного формирования населения соцгородов [Электронный ресурс]. – http://archi.ru/lib/publications_virtual.html?fl=5&sl=3 (дата обращения: 20.09.2020)
7. Советское градостроительство. 1917 – 1941. – Москва: Прогресс-Традиция, 2018. – 820 с.
8. Лидин, К. Природа в городе: романтика и экономика // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – 48–53

References

- Howard, E. (1902). Garden Cities of To-Morrow. London: Faber and Faber.
- Grandin, G. (2010). Fordlandia: The Rise and Fall of Henry Ford's Forgotten Jungle City. NY: Picador.
- Lidin, K. Nature in the city: Romance and economy. Project Baikal, 13(49), 48-53. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49.1049>
- Meerovich, M. G. (2008). SSSR kak Megaproekt. Chislovyie regulyativy iskusstvennogo formirovaniya naseleniya socialist cities [The USSR as Megaproject. Numerical regulations of artificial formation of population of socialist cities]. http://archi.ru/lib/publications_virtual.html?fl=5&sl=3
- Meerovich, M. G. (2017). Gradostroitelnaya politika SSSR, 1917–1929: ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku [Urban planning policy of the USSR, 1917-1929: from a garden city to a departmental workers' settlement]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- O poryadke sostavleniya, rassmotreniya i utverzhdeniya proektov planirovki gorodskikh poselenii i rabochikh, dachnykh, kurortnykh poselkov: Instruksiya NKVD № 184 ot 28 maya 1928 g. [On the order of elaboration, consideration and approval of development plans for urban settlements and workers' dacha and resort settlements: NKVD Guidelines № 184 as of May 28, 1928] (1928). In NKVD Bulletin № 21(276) (pp. 397–412).
- Shliosberg, I. A. (1923). Nuzhno li obshchestvo gorodov-sadov? [Is the society of garden cities necessary?]. Vlast Sovetov, 5, 59–62.
- Sovetskoe gradostroitelstvo. 1917–1941 [Soviet urban planning. 1917–1941] (2018). Moscow: Progress-Traditsiya.

Барокко и классицизм называли двойной звездой. В отечественной архитектуре двойной звездой можно назвать авангард и неоклассику. Модель последовательной смены стилей в архитектуре не отражает действительного положения дел в 20–50-е годы XX века. Неоклассицизм и различные направления «современной архитектуры» существовали параллельно, как на Западе, так и в СССР. В 20-х годах ярче был авангард. В 30–50-х в СССР – неоклассика. «Новый мир социализма» в 20-х годах партийным идеологам во главе со Львом Троцким виделся в образах «современной архитектуры». В 30-х годах политическая ситуация изменилась, образы «нового мира» стали земными и обрели исторические корни. Взаимовлияние авангарда и неоклассики создало уникальный стиль эпохи. К сожалению, памятники этой эпохи быстро разрушаются.

Ключевые слова: архитектура советского авангарда; современная архитектура; неоклассика; стиль; двойная звезда. /

Baroque and classicism were called a binary star. In the national architecture, the avant-garde and neoclassicism can be also called a binary star. The model of succession of styles in architecture does not reflect the real situation in the 1920–1950s. Neoclassicism and different movements of “contemporary architecture” run parallel to each other both in the West and in the USSR. In the 1920s, the avant-garde was brighter, while in the 1930–1950s in the USSR – neoclassicism. “The new world of socialism” was observed in the patterns of “contemporary architecture” by party ideologists headed by Lev Trotsky. In the 1930s, the political situation changed, and the patterns of the “new world” came down to earth and acquired historical roots. The interaction of the avant-garde and neoclassicism produced a unique style of the epoch. Unfortunately, the monuments of that epoch decay very quickly.

Keywords: architecture of the Soviet avant-garde; contemporary architecture; neoclassicism; style; binary star.

Двойная звезда / The binary star

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Грустно. Рушатся монументальные декорации трагической, великой и еще не осмысленной эпохи. 20–50-е годы в истории СССР до сих пор рождают сильные чувства – у кого-то ностальгию, у кого-то ненависть – в зависимости от личной истории семьи.

Спокойному анализу советской архитектуры этого периода все еще мешает брезгливое отношение, которое возникло у шестидесятников по отношению к сталинскому ампиру, и восторженно-романтическое – к советскому авангарду.

Архитектура авангарда до сих пор с именами вождей революции не ассоциируется и представляется материальным воплощением бескорыстного энтузиазма и порыва. Михаил Белов справедливо считает, что «партийная и политическая поддержка вынесла то, что называют «русским авангардом», на историческую поверхность, и как только эта поддержка исчезла, то в России исчез с поверхности и сам авангард» [1]. «Троцкистский авангард» – звучит непривычно. О влиянии Льва Давидовича Троцкого на процессы, которые происходили в культурной жизни 20-х годов, предпочитают не вспоминать. Но именно он придумал и возглавил III Интернационал, был инициатором массовых действий, поддерживал Всеволода Эмильевича Мейерхольда, был идеологом домов-коммун и рабочих клубов. Макет башни III Интернационала Татлина украшает выставки, посвященные советскому авангарду, а о Льве Троцком забывают. Этот демон революции до сих пор наполовину *persona non grata*.

Барокко и классицизм называли двойной звездой. В отечественной архитектуре двойной звездой можно назвать авангард и неоклассику. В архитектуре эти направления существовали параллельно, как на Западе, так и в СССР. Но в 20-х годах ярче был авангард. В 30–50-х в СССР – неоклассика. Свет двойной звезды сделал менее заметным в СССР ар-деко, выступающее в стилистических играх под разными масками. Ар-деко стали серьезно изучать только в XXI веке.

Зигфрид Гидион был пристрастен, когда писал свою знаменитую книгу «Пространство, время, архитектура», изданную в 1941 году. Творения мастеров современной архитектуры виделись ему тогда вершиной, но рядом была не менее высокая гора неоклассики и горная гряда эклектики. Кризиса современной архитектуры в 40-х годах еще не предвиделось. В удобную схему последовательной смены стилей, которой придерживался Гидион, сосуществование неоклассики и современной архитектуры не укладывалось. Гидион не упоминает и об ар-деко [2].

В отличие от историков и теоретиков, Константин Мельников прямо называет два полюса архитектуры своего времени: «Колебания нашей архитектуры между

> Екатеринбург. Дом офицеров Центрального военного округа. 1932–1941 гг. Архитектор В. В. Емельянов

^ Екатеринбург. Дом офицеров. Центральный вход. Фрагмент

^ Екатеринбург. Дом офицеров. Фрагмент

двумя крайностями – голым конструктивизмом и ложноклассическим направлением – объясняются тем, что еще не найдены формы и образы для воплощения величия и героики нашей эпохи» [3].

Новый мир в 20-х годах виделся идеологам в образах современной архитектуры, порвавшей с прошлым. Но способны были оценить минималистическую эстетику немногие. В 1922 году педагог Павел Блонский писал, что «наряду с растениеводством и животноводством должна существовать однородная с ними наука – человеководство» [4]. И если бы на научной основе «человеководства» появился «новый человек», он, вероятно, был бы похож на Андрея Бабичева из знаменитого романа Юрия Олеши «Зависть», который так здоров и жизнерадостен, что «...поет по утрам в клозете» [5]. Что бы предпочел этот «новый человек» – авангард или неоклассику, зависело бы от вкусов «человековеда».

Были ли конструктивисты, рационалисты и другие ниспровергатели основ столь романтичны и невинны, как казалось шестидесятникам и как многим кажется до сих пор? Можно предположить, что они построили бы архитектуру оруэлловского или, что ближе, мира, который мыслился Троцкому, где человек ощущал бы себя винтиком, а «трудобывовые» коллективы жили бы в домах-коммунах по жесткому расписанию, ходили бы строем в столовую и на зарядку... Хотели же конструктивисты из ОСА проектировать не здания, а новые формы жизни. Что было бы, если бы власть приказала строить в духе конструктивизма? Кто бы посмел послушаться? Но случилось то, что случилось: если Льву Троцкому ближе были образы, явленные авангардистами, то у Сталина были вполне традиционные вкусы.

Не стоит забывать и то, что в 20-е годы авангардистским группировкам ОСА, АСНОВА, ВОПРА и неоклассицистам, сторонникам Жолтовского и Щусева, приходилось сражаться за место под солнцем, а потому, чем ярче были декларации и конкурсные проекты, тем больше шансов было получить заказы для своих мастерских, которые были в ту пору еще частными, а не государственными. Представители всех течений с одинаковым рвением клялись в верности идеалам социализма и коммунизма, не забывая при этом упрекнуть в ревизионизме, форма-

лизме и прочих смертных грехах коллег-конкурентов. Роман Хигер в журнале «Современная архитектура» в статье «Формализм» пишет: «В листке «Известий АСНОВА» теоретики формализма откровенно пишут, что теорию архитектуры необходимо строить «под знаком рационалистической эстетики». Рационалистическая эстетика, идущая от Канта, – это эстетика абстрактных формально-логических схем, витающих вне времени и пространства. Тем самым органическая связь идеологии формализма с разветвлениями буржуазной идеалистической философии – связь, на которую я указывал выше, устанавливается ими самими в достаточно категоричной, не подлежащей сомнению, форме» [6].

В 30-х годах образы «нового мира» стали земными и обрели исторические корни. Монументальные площади, клубы и кинотеатры, похожие на античные храмы, ЦПКИО – все это строилось как доказательство, что «светлое будущее» не за горами, марксизм-ленинизм бессмертен, а общество движется по пути прогресса к богатству и процветанию. Кинематографические и литературные образы «нового мира» тоже должны были убеждать в правильности пути.

Картины грядущего счастья и изобилия в тяжелую эпоху перемен были необходимы, поэтому слово «дворец» неизменно появлялось в заданиях архитектурных конкурсов начиная с 1917 года. Все попытки создать дворец минималистическими средствами были обречены на провал. Вековые представления о том, как должен выглядеть самый лучший, самый богатый дом, сыграли решающую роль в отказе от эстетики авангарда.

Неслучайно в кинофильмах 30-х годов действие часто разворачивалось на фоне изобильно декорированных интерьеров. Дворцовый вид приобрели в эти годы и реальные постройки – здания домов советов, кинотеатров, аэровокзалов, клубов, станций метрополитена.

И если в декларациях 20-х годов ниспровергатели основ нередко отказывали архитектуре в праве быть искусством, то в последующие десятилетия уже никто не сомневался, что не стоит путать архитектуру со строительством. Архитектура однозначно понималась как искусство. К началу 30-х годов, как вспоминал Кирилл Николаевич Афанасьев, который был активным членом

ОСА, «начался развал, когда сам конструктивизм пришел к стандарту обыкновенности. Стали искать композиции – невольно стали заниматься искусством» [7].

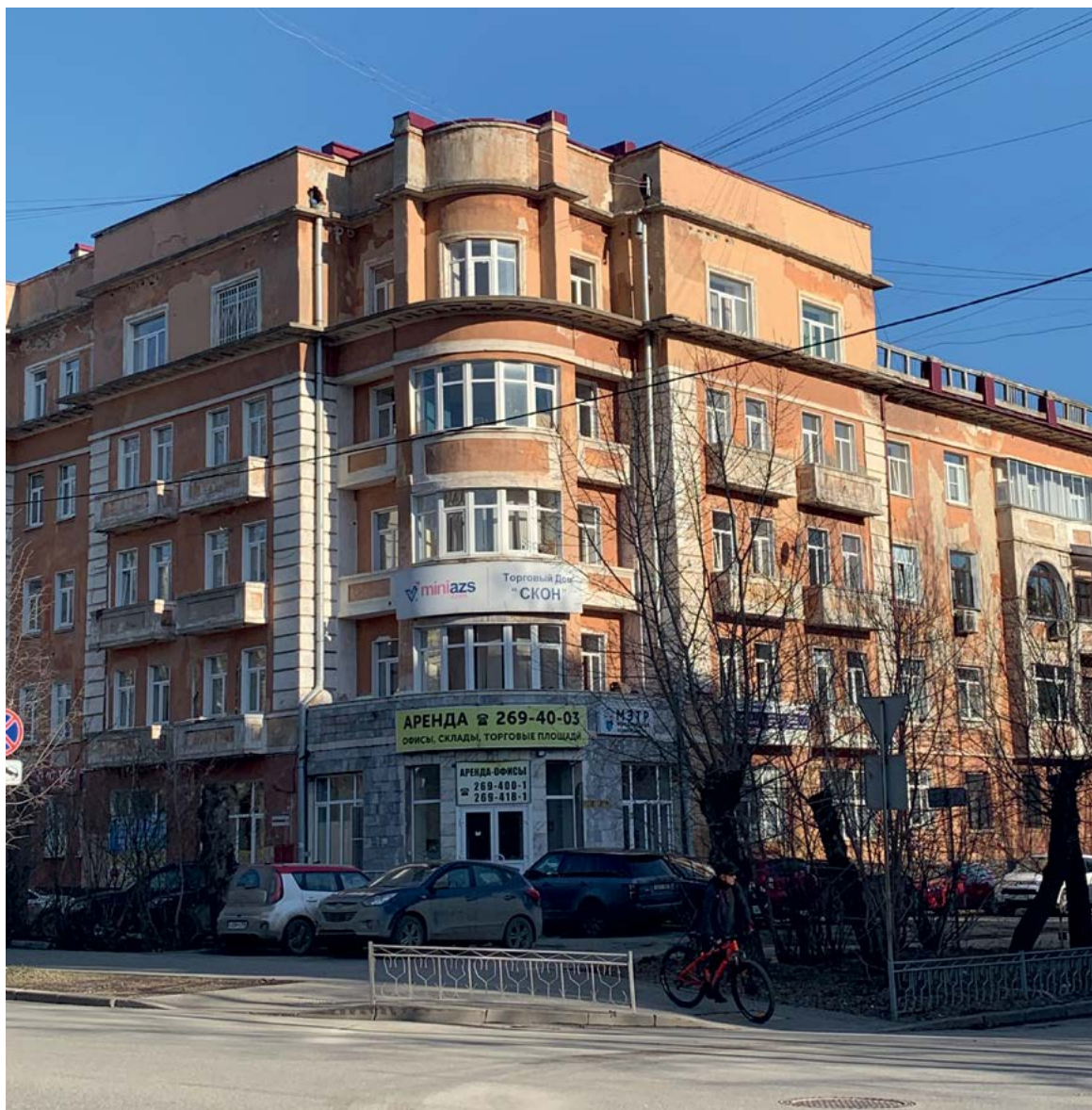
Можно не верить высказываниям архитекторов 30-х годов и считать, что мастера были вынуждены приветствовать помимо своей воли ориентацию на изучение и применение исторического опыта, а на самом деле хотели проектировать в духе Гинзбурга, Ле Корбюзье и Миса ван дер Роэ; что тень Сталина нависала над каждым кульманом и несчастные рабы-архитекторы покорно выполняли волю вождя, не получая никакого удовольствия от творчества, что архитекторы писали и говорили то, что нужно было писать и говорить. Риторика книг, журнальных статей, докладов видных архитекторов, какой бы они ни была – искренней или лукавой – сильно влияла на мировоззрение профессионального сообщества. А в какие времена было иначе?

Для примера: «Помещая проект архитекторов Ханнеса Майера и Г. Виттвера (Базель) «Дом Лиги Наций», мы

оговариваемся: мы даем не представителя буржуазной, чуждой нам идеи, а проект ЗДАНИЯ; оно, скорей всего, могло бы – по своему внутреннему содержанию и оформлению, по трактовке организации – быть Дворцом Труда, местом собрания народов, взявших в свои руки собственные судьбы» [8].

«Любопытно, что такое максимально вещное искусство, как архитектура, не избегло общей участи искусства эпигонствующих групп – его бездейственности, беспредметности и социально-бытовой бескостности. Взгляните на московские особняки, на здания вокзалов, на театры и музеи, на эти, наконец, расставленные тумбы по площадям, и они поразят вас своей громоздкой роскошью – это с одной стороны, а с другой – своей кричащей неприспособностью к нуждам улучшения, продвижки быта и к растущей индустриализации страны!» [9].

Вот еще два высказывания. Одно – М. Я. Гинзбурга, другое – А. В. Щусева. Об одном и том же – об «освоении наследия».

> Екатеринбург. Жилой дом штаба Уральского военного округа. Архитектор А. М. Дукельский. 1937–1940 гг.

< Екатеринбург.
Жилой комплекс НКВД
(Городок Чекистов).
Общезитие. 1930–1936 гг.
Архитекторы И. П. Антонов,
В. Д. Соколов,
А. М. Тумбасов

Алексей Викторович Щусев в начале 30-х годов писал: «Стало очевидно, что для осуществления заданий правительства необходимо обеспечить архитектуре возможность дальнейшего творческого развития путем углубленной проработки и использования наследия прошлых веков.... Старая схоластика и романтика должна уступить место трезвому творчеству без предвзятых акцентов, избыточного техницизма, затрудняющего полет свободной фантазии» [10]. Можно ли заподозрить в неискренности Алексея Викторовича? Нет, наверное. Всем своим творчеством он эту позицию подтверждает.

Гинзбург, получивший прекрасное архитектурное образование, знал историю архитектуры не по уврачам и мутным фотографиям. Где вынужденность, где горечь в его словах: «Попытаемся добросовестно отнестись к вопросу усвоения наследия прошлого. Этот вопрос стоит перед нами во всей широте. В этом вопросе можно наделать много ошибок. Я попытаюсь коснуться всех установок, которые имеются в этом вопросе. Первая установка – установка реставраторская. <...> Другая установка – ее можно увидеть на проектах, которые рождаются в недрах Моспроекта, – заключается в том, что берут хороший исторический памятник и подвергают его хирургической операции – кое-что убавляют, кое-что снимают, кое-что вытягивают и т. д. <...> Есть, наконец, третья точка зрения – это сравнительно радикальная точка зрения. Эта точка зрения очень мудра. Она говорит: «Не подражайте памятникам прошлого, а только его композиционным законам» [11].

Гинзбург в этой дискуссии четко сформулировал свою позицию: «При изучении истории архитектуры необходимо понять закономерность смены элементов формы и композиционных систем пространственного мышления. Изучением этим нужно заниматься всю жизнь и тогда архитектор повышает свою культуру, обогащаясь безмерно. Какой вывод? – Вывод конкретный и ясный, и вывод этот каждый должен претворить в жизнь в своей повседневной работе – это понимание генетического возникновения художественного образа из эпохи в эпоху» [11].

«Понимание генетического возникновения художественного образа» ни к чему конкретному не обязывает, а говорит о грамотности архитектора и возможности

свободы выбора. В работе над санаторием НКТП в Кисловодске (1940 г.) Гинзбург не изменяет своим принципам, сформулированным в 20-е годы. Он пишет: «Мы стремились создать архитектурный образ санатория в его характерных, типических чертах, притом социалистического санатория, т. е. учреждения не только ранее не существовавшего, но и не могущего возникнуть в другие исторические эпохи и в условиях капиталистического общества. Следовательно, все характерные черты этого образа должны быть не вообще архитектурными чертами, а вытекать из возможности полно, по возможности органически из особенностей содержания этого сооружения» [12].

< Екатеринбург.
Жилой комплекс НКВД
(Городок Чекистов).
Жилой дом. 1930–1936 гг.
Архитекторы И. П. Антонов,
В. Д. Соколов,
А. М. Тумбасов

v Свердловск (Екатеринбург). Бани на ул. Первомайской.
Фото начала 1950-х гг. Архитекторы В. И. Хмуренко и П. И. Лантратов

> Свердловск (Екатеринбург). Бани на ул. Первомайской. В процессе строительства. 1951 г. Архитекторы В. И. Хмуренко и П. И. Лантратов

И первый, и второй, и третий пути «освоения архитектурного наследия», о которых говорил Гинзбург в дискуссии 1934 года, были реализованы. Четвертый путь, по которому шел сам Гинзбург, для большинства был закрыт, поскольку предполагал наличие индивидуальной философии. Гинзбург не изменил себе. Не изменили себе и те, кто проектировал «в стиле конструктивизма». Для них этот стиль был отчасти «детской болезнью левизны». Они просто стали проектировать в другом стиле, а тех, кто проектирует «в стиле», в профессиональном цехе всегда большинство.

Какую бы идеологическую нагрузку ни несла архитектура сталинского ампира, она опиралась на вековой опыт и была гораздо человечнее, чем то, что предлагали авангардисты. Даже знаменитые московские послевоенные высотки вызывали скорее восхищение, чем подавляли. Я помню рассказ моей мамы о том, как поразило ее главное здание МГУ. Она вспоминала скульптуры Веры Мухиной, фрески, колонны, тяжелые двери, нарядные интерьеры аудиторий, рояли в холлах на каждом этаже. Если учесть еще то, что «гид» играл для нее на рояле на каждом этаже Чайковского... Но это уже другая история.

Какую бы идеологическую нагрузку ни несли эксперименты ОСА и АСНОВА, их находки были оценены по достоинству последующими поколениями, повлияли они и на архитектуру неоклассицистов 30–50-х годов. Буров, Синявский, Афанасьев и другие не забыли то, чему их учили во ВХУТЕМАСе и ВХУТЕИНе Ладовский и Кринский, усвоили они и уроки Жолтовского.

Кирилл Николаевич Афанасьев, когда его спросили, был ли болезненным уход от конструктивизма, сказал, что болезненным он ни для кого не был, но опыт конструктивизма не прошел даром.

Понятие «стиль» за время своего существования с начала XIX века менялось. В первой половине XX столетия бывало простое винкельмановское определение – стиль как набор характерных деталей, параллельно было распространено и понимание стиля как набора характерных приемов. «Стиль эпохи» – понятие неуловимое, такое же, как *l'air du temps*, но в то же время понятное всем. В книге «Стиль и эпоха» Гинзбург писал: «Мы охва-

тываем словом «стиль» часто особенности в тончайших оттенках искусства (например, говорим «стиль сороковых годов» или «стиль Микеле Санмикели») и иногда приписываем ему значимость целых эпох, группы столетий (как, например, египетский стиль, стиль Возрождения). Во всех этих случаях мы имеем в виду какое-то закономерное единство, замеченное в рассматриваемых явлениях» [13]. Архитектура Гинзбурга, Весниных, Мельникова, Жолтовского, Щусева – неотъемлемая составляющая стиля эпохи 20–50-х годов, определяющее ее единство.

Прошло почти сто лет. Мифы о советском авангарде и неоклассике живы и не дают увидеть факты вне рамок этих мифов. До сих пор об эпохе «двойной звезды» поверхностных суждений и осуждений больше, чем спокойного анализа. Достаточно вспомнить историю с памятником Каро Алабяну в Москве. Протестовали и поддерживали, писали статьи за и против. Чем же провинился Каро Алабян? Он испортил своими зданиями столицу? Нет! Но протестовавшие испытывают к нему почему-то такую неприязнь, что готовы бороться даже с бронзовым Каро... Памятник Алабяну не шедевр. Стоило бы обратить внимание на его художественные достоинства и оспаривать установку именно этой скульптуры, а не саму идею поставить памятник видному архитектору.

Отношение к архитектуре советского авангарда и неоклассики сегодня меняется: появились статьи Андрея Бархина, Николая Васильева, Петра Капустина, Елены Овсянниковой и др. Много нового открывают исследование Петра Завадовского об Иване Леонидове 30-х годов, его увлечении египетской архаикой. Вводится в оборот большое количество новых материалов, которые противоречат сложившемуся мифу. Но архитектура этого времени сегодня, как говорят кинематографисты, – уходящая натура. Двойная звезда может погаснуть.

Великая утопия умерла. Ее материальные свидетельства исчезают очень быстро.

P. S. Пока историки и теоретики дискутируют, «небоскребы» разрушают неоклассические ансамбли, не рассчитанные на такое соседство. Охранные зоны в 200 метров хороши, когда высота новых домов незначительна, но что такое 200 метров для 150-метрового небоскреба?

< Свердловск
(Екатеринбург).
Набережная
городского пруда.
Фото начало 1950-х гг.

< Екатеринбург.
Фрагмент жилого
дома на ул. Пушкина.
Архитектор
С. В. Домбровский.
Середина 30-х гг.

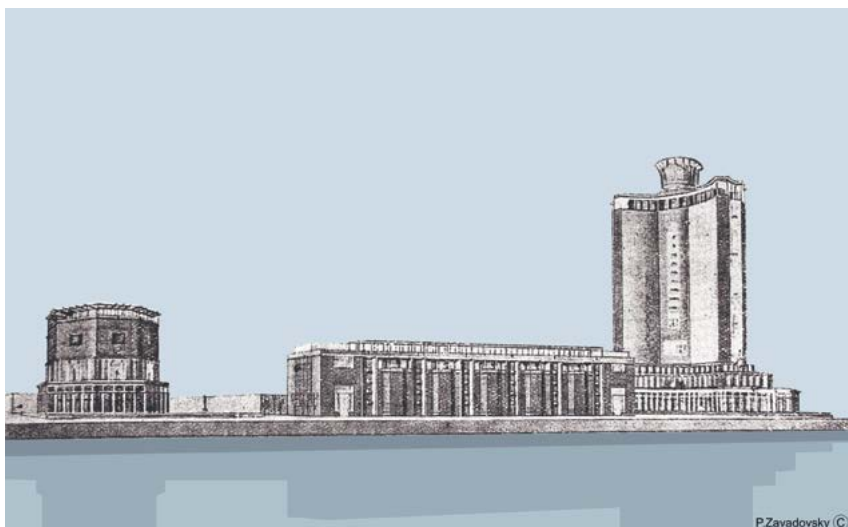
Он неизбежно будет мешать восприятию выверенной классической композиции сохранившихся советских неоклассических ансамблей.

Литература

1. Белов, М. А. Проявленный Иосиф и скрытый Лев в архитектуре [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100004443222756> (дата обращения: 16.04.2021)
2. Гидион, З. Пространство, время, архитектура / пер. с нем. М. В. Леонене, И. Л. Черня). – 3-е изд. – Москва: Стройиздат, 1984. – 455 с., ил.
3. Работы архитектурных мастерских. Т. 2. Мастерская № 7. – Москва, 1937. – 440 с.
4. Блонский, П. П. Педология. – Москва: Работник просвещения. – 1925. – 356 с. – С. 298
5. Олеша, Ю. Зависть [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hunter.cuny.edu/classics/russian/repository/files/zawist.pdf> (дата обращения: 10.04. 2021).
6. Хигер, Р. Я. Формализм. Идеология упадничества в советской архитектуре // Современная архитектура. – 1929. – № 4. – С. 143
7. Багина, Е. Беседа с К. Н. Афанасьевым // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 82–89
8. Результаты конкурса дворца Лиги наций в Женеве // Современная архитектура. – 1927. – № 6. – С. 169
9. Чужак, Н. Искусство быта // Современная архитектура. – 1927. – № 1. – С. 22
10. Щусев, А. В. Как будет организована наша работа. Конец архитектурной схоластики // Строительство Москвы. – 1933. – № 9. – С. 8
11. Гинзбург, М. Я. Творческие пути советской архитектуры и проблема архитектурного наследия // Архитектура СССР. – 1934. – № 4. – С. 12
12. Гинзбург, М. Я. Архитектура санатория НКТП в Кисловодске. Проблемы социалистического реализма, 1940 г. Цит. по: Мастера советской архитектуры об архитектуре: избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. В 2 т. / Под общ. ред. М. Бархина [и др.]. – Москва: Искусство, 1975. – С. 315
13. Гинзбург, М. Я. Стиль и эпоха [Электронный ресурс]. – URL: <https://archi.ru/russia/83611/stil-i-epokha-pereizdanie> (дата обращения: 14. 04. 2021)
14. Завадовский, П. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119
15. Капустин, П. Ар-деко. Поэтика отравы // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 138–148

References

- Bagina, E (2019). A conversation with K. N. Afanasiev, Project Baikal, 16(59), 82-89. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1436>
- Belov, M. A. (n.d.). Proyevlenniy Iosif i skrytyi Lev v arkhitekture [Unveiled Iosif and hidden Lev in architecture]. Retrieved April 16, 2021, from <https://www.facebook.com/profile.php?id=100004443222756>
- Blonsky, P. P. (1925). Pedologiya [Pedology]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Chuzhak, N. Iskusstvo byta [The art of household] (1927). Sovremennaya arkhitektura, 1, 22.
- Giedion, S. (1984). Prostranstvo, vremya, arkhitektura [Space, time, architecture] (M. V. Leonele, & I. L. Chernya, Trans.) (3rd ed.). Moscow: Stroizdat.
- Ginzburg, M. Ya. (1934). Tvorcheskie puti sovetskoj arkhitektury i problema arkhitekturnogo naslediya [Creative paths of the Soviet architecture and the problem of architectural heritage]. Arkhitektura SSSR, 4, 12.
- Ginzburg, M. Ya. (1975). Arkhitektura sanatoriya NKTP v Kislovodske. Problemy sotsialisticheskogo realizma, 1940 g. [Architecture of the NKTP Sanatorium in Kislovodsk, 1940]. In M. Barkhin (Ed.), Mastera sovetskoj arkhitektury ob arkhitekture: izbrannye otrvyki iz pisem, statej, vystuplenij i traktatov. In 2 Vols. Moscow: Iskusstvo.
- Ginzburg, M. Ya. (2019, June 13). Stil I epokha [The style and the epoch]. Archi.ru. <https://archi.ru/russia/83611/stil-i-epokha-pereizdanie>
- Kapustin, P. (2019). Art Deco. Poetics of poison. Project Baikal, 16(62), 138-147. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1561>
- Khiger, R. Ya. (1929). Formalism. Ideologiya upadnichestva v Sovetskoj arkhitekture [Formalism. Ideology of decadance in the Soviet architecture]. Sovremennaya arkhitektura, 4, 143.
- Olesha, Yu. (n.d.). Zavist [Envy]. Retrieved April 10, 2021, from <http://www.hunter.cuny.edu/classics/russian/repository/files/zawist.pdf>
- Raboty arkhitekturnykh masterskikh [Works of architectural workshops] (1937). Vol. 2. Masterskaya № 7 [Workshop № 7]. Moscow.
- Rezultaty konkursa dvortsa Ligi natsii v Zheneve [Results of the competition for the Palace of the League of Nations in Geneva] (1927). Sovremennaya arkhitektura, 6, 169.
- Shchusev, A. V. (1933). Kak budet organizovana nasha rabota. Konets arkhitekturnoi shkolastiki [How our work will be organized. The end of architectural scholasticism]. Stroitelstvo Mosckvy, 9, 8.
- Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the “Narkomtyazhprom” style. Project Baikal, 16(2), 112-119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>

В третьей статье цикла, посвященного стилистике позднего конструктивизма и роли И. И. Леонидова в ее формировании, рассматривается использование и трансформация леонидовских мотивов в позднем творчестве М. Я. Гинзбурга (1935–1945 гг.) с привлечением малоизвестного и не публиковавшегося ранее материала и авторских реконструкций.

Ключевые слова: И. Леонидов; М. Гинзбург; Ле Корбюзье; стилистика; постконструктивизм; поздний конструктивизм. /

The third article of the series devoted to the stylistics of late constructivism and the role of I. I. Leonidov in its formation reviews the use and transformation of Leonidov's patterns in the late creative works by M. Ya. Ginzburg (1935–1945). The study includes little-known and previously unpublished materials and the author's reconstructions.

Keywords: I. Leonidov; M. Ginzburg; Le Corbusier; stylistics; postconstructivism; late constructivism.

М. Я. Гинзбург: стилистика 1935–1945 гг. / M. Ya. Ginzburg: Stylistics (1935–1945)

текст
Петр Завадовский /
text
Petr Zavadovsky

Футино-архаическая стилистика позднего творчества Леонидова как своеобразное и внутренне закономерное явление была выявлена и проанализирована в статье «Иван Леонидов и «стиль Наркомтяжпром» [1, с. 112–119]. Тема продолжена второй статьей [2, с. 88–96], в которой на основе выявленных ранее стилистических признаков рассмотрены свидетельства влияния И. И. Леонидова в объектах, создававшихся в его присутствии, но записанных за иными авторами. Они свидетельствуют о степени влияния и дают аргументы в пользу уточнения атрибуции этих объектов с учетом творческого вклада Леонидова.

Следующим шагом становится дальнейшее расширение рамок исследования, включение в него ряда объектов, несущих черты формального влияния Леонидова, однако возникших без его участия. Их создатели, при всей индивидуальности авторской манеры, систематически оперировали хорошо узнаваемыми элементами формального словаря Ивана Леонидова.

Для сегодняшнего восприятия и оценки творчества «мастеров авангарда» характерно сформированное поколениями исследователей (наиболее выдающимся из которых был С. О. Хан-Магомедов) заведомое предположение их работ авангардистского периода, составивших международную славу «советского конструктивизма». Позднее творчество данных мастеров оказалось в тени этого блестящего периода, став жертвой его популярности. В свете господствующего модернистского мейнстрима все отличия от канонизированного авангардистского стандарта стали оцениваться как нежелательные отклонения, результат насильственного искажения творческих намерений, существенно уменьшающего ценность и значение поздней архитектурной практики недавних «мастеров авангарда».

Этот феномен был нами отмечен на примере творчества Ивана Леонидова [1, с. 112]. Но он ничуть не менее характерен и для восприятия наследия других фигур авангарда, не исключая крупнейших, в том числе и героя настоящей статьи М. Я. Гинзбурга.

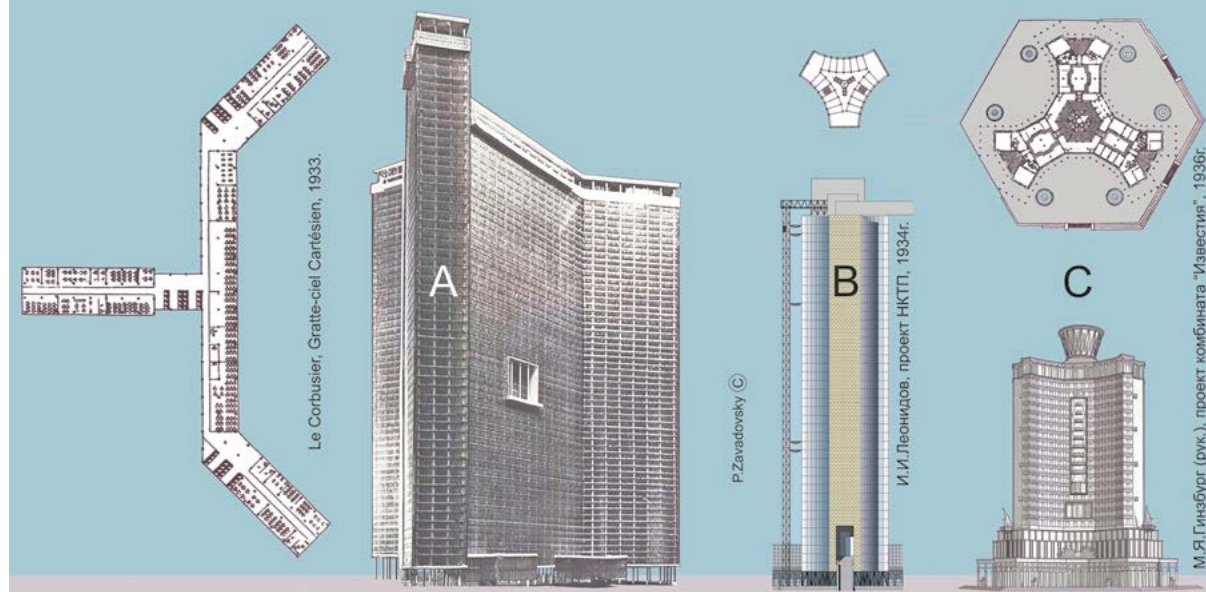
Следствием этого, ставшего привычным, пренебрежения оказывается отсутствие языка, позволяющего описать и анализировать архитектуру позднего конструк-

тивизма. Она в равной степени противоречит стереотипам как ортодоксального функционализма, так и академического неоклассицизма – двух разновидностей формального языка, вполне освоенных сегодняшними историками архитектуры. Не укладывающаяся в их рамки экстравагантность форм и мотивов непонятого происхождения ставит в тупик исследователей, не находящих слов и понятий для их анализа и описания. В качестве примера приведу фразу С. О. Хан-Магомедова, касающуюся позднего проекта М. Я. Гинзбурга (о котором ниже поговорим подробнее), с помощью которой исследователь избавил себя от необходимости подробного разбора чуждого и непонятого ему проекта: «Интересно решение с точки зрения функциональной организации всего комплекса и отдельных корпусов, проект носит на себе следы лабораторной работы по экспериментированию с различного рода необычными по форме объемно-пространственными композициями» [3, с. 58].

Просматривая имеющиеся монографии, посвященные архитекторам 1930-х годов, нетрудно заметить контраст между подробным разбором их авангардистских произведений и беглым упоминанием их поздних работ, вызывающих очевидное смущение исследователей.

Ценная попытка выработки аналитического языка, облегчающего понимание архитектуры поздних 1930-х, содержится в недавнем исследовании Александры Селивановой «Постконструктивизм» [4, с. 102–174]. Однако рассматривая «постконструктивизм» как единое целое и поверяя его лекалами западного ар-деко, исследователь концентрируется на общем «стиле эпохи», неизбежно нивелируя разнообразие стилистических течений, различных по генезису и творческой природе. Цели настоящей работы менее амбициозны: раскрыть и понять лишь одно, хотя и важное, течение советской архитектуры 1935–1940 годов – проектную практику М. Я. Гинзбурга, а затем архитекторов его круга. Рабочей гипотезой, которую мы постараемся доказать, является существенное значение формально-стилистического языка И. И. Леонидова для формирования стилистики «позднего конструктивизма»; то, что именно позднее творчество Леонидова является искомым ключом для адекватного понимания этой архитектуры.

^ Рис. 1. Конкурсный проект комбината газеты «Известия». Варианты 1–2. Вид ансамбля со стороны реки. Слева – клуб, справа – офисная башня. Арх. М. Я. Гинзбург (рук.), Ф. И. Михайловский, А. М. Гражданкин, Ф. И. Яловкин. 1936

< Рис. 2. А – проект «картезианского небоскреба» Корбюзье, 1933; В – трехлучевая башня И. И. Леонидова из проекта НКТП, 1934; С – проект башни «Известий» группы М. Я. Гинзбурга, 1936, приведенные к одному масштабу

Наконец, несколько слов нужно сказать о непосредственном объекте рассмотрения – проектных и иллюстративных материалах. Своеобразие отношения к архитектуре этого периода не могло не отразиться на степени их сохранности и публикациях. В настоящее время, когда доступ к архивным собраниям затруднен, полное исследование всего корпуса имеющегося материала остается делом будущего. Поэтому придется ограничиться тем, что было опубликовано в профессиональной прессе 1930-х годов и изданиях последних десятилетий. Некоторые, ранее не публиковавшиеся в СССР и России изображения, можно встретить на западных ресурсах. Качество этих материалов, как правило, требует их значительной графической обработки, что практиковалось еще С. О. Хан-Магомедовым, перечерчивавшим журнальные иллюстрации 1920-х годов, исходное качество которых не позволяло их повторное использование. В ряде случаев оказывается полезно наложение нового чертежа на ослабленный оригинал для демонстрации верности его воспроизведения.

При рассмотрении зрелого и позднего творчества М. Я. Гинзбурга необходимо учитывать, что для него была характерна работа в соавторстве с одним или несколькими коллегами, причем смена соавтора нередко отражалась на стилистике проекта. Возглавив Мастерскую № 3 Наркомтяжпрома, Гинзбург стал «руководителем авторского коллектива», специализировавшегося на крупномасштабных ансамблевых и градостроительных проектах, отдельные части которых имели конкретных авторов. Так, например, только недавно, с приобретением ГНИМА им. А. В. Щусева архива И. Ф. Милиниса, стало известно о его авторстве жилой застройки в проекте «Красный камень» в Нижнем Тагиле. Указывая авторство М. Я. Гинзбурга, необходимо поэтому учитывать условность такой атрибуции и сохраняющуюся возможность ее уточнения.

При рассмотрении творчества М. Я. Гинзбурга после 1935 года будут опущены объекты, имеющие конкретных авторов, в которых участие Гинзбурга заключалось в роли «руководителя» (без какого-либо приуменьшения его роли и авторства). Это рассмотренный ранее санаторий НКТП в Кисловодске и проект застройки «Красный Камень» в Нижнем Тагиле, автором большей части ко-

торой, как недавно выяснилось, является И. Ф. Милинис [5, с. 136–143].

1. Конкурсный проект комбината «Известий» (1936)

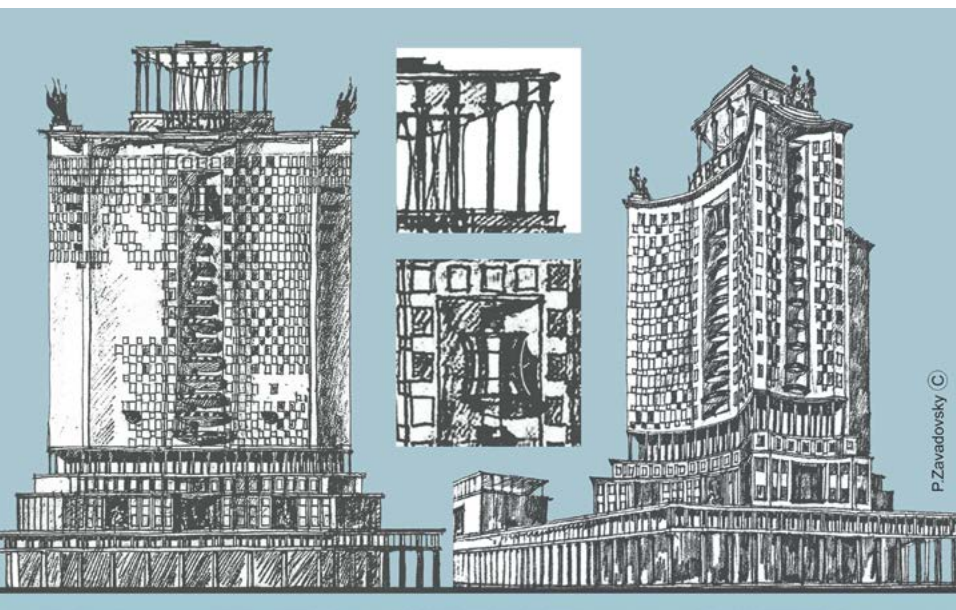
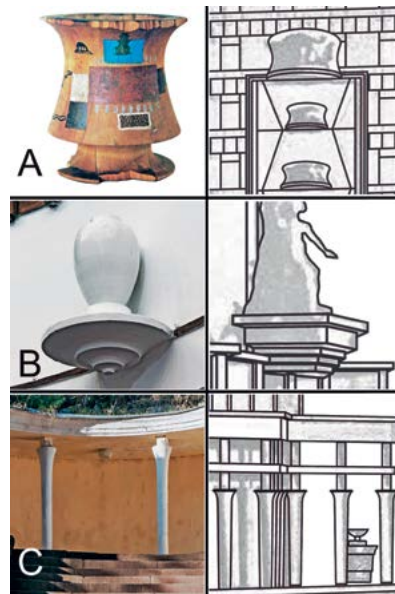
Комплекс зданий комбината проектировался на Берсеневской набережной и площади Киевского вокзала. Материалы этого крайне важного, но до сих пор недооцениваемого, проекта еще ждут своего полного выявления, исследования и публикации. Для ограниченных целей настоящего исследования достаточно иллюстраций из архитектурной прессы 1930-х годов и монографий С. О. Хан-Магомедова, посвященных М. Я. Гинзбургу, которые существенно дополнены пакетом фотографий макета и эскизов, не так давно размещенных на портале thechanelhouse.org [6]. Именно они дают возможность уверенно говорить о присутствии характерных леонидовских мотивов в этом и, как мы позже покажем, последующих проектах мастерской М. Я. Гинзбурга.

В ходе работы над конкурсным проектом выполнено не менее трех вариантов решения комбината. Из них нас будут интересовать варианты 1–2, отличающиеся наличием трехлучевой в плане офисной башни и многогранного призматического объема клуба (рис. 1). Для удобства дальнейшего анализа и во избежание проблем с правообладателем автором статьи были исполнены перспективные виды частей ансамбля на основе фотографий с макета. Соответствие их оригиналу читатель может оценить в первоисточнике: башни [7] и клуба [8].

1.1. Административная башня

Тип административного здания на трехлучевом плане, вероятно, впервые был предложен Г. Пельцигом в 1921 г. Однако учитывая, что, начиная с 1927 года, проектная практика М. Я. Гинзбурга и всего его окружения из ОСА развивалась в тесной связи с творчеством Ле Корбюзье, наиболее вероятным прототипом башни комбината «Известий» является т. н. «картезианский небоскреб» Корбюзье, в своем трехлучевом варианте впервые появившийся в 1933 году в проектах для Стокгольма и Антверпена [9, с. 154–159]. На рис. 2 показаны приведенные к одному масштабу «картезианский небоскреб» Ле Корбюзье 1933 года (2 А), трехлучевая башня И. И. Леонидова из проекта НКТП 1934 года (2 В)

> Рис. 3. Фасад башни «Известий» и его детали в сопоставлении с характерными элементами стилистики Ивана Леонидова. Чертеж автора статьи на основе фото с макета

^ Рис. 4. Проект комбината «Известия». Эскизный вариант решения башни. Фасад и перспектива

и проект башни «Известий» М. Я. Гинзбурга (2 С). Здесь можно оценить и гигантизм замыслов Корбюзье (заметьте, при полном отсутствии лестниц), и такие элементы его архитектуры, как нижняя и венчающая колоннада или многоэтажная двухколонная лоджия по оси фасада, перенесенные Гинзбургом в башню «Известий». Начиная с проекта Лиги Наций, в творчестве Корбюзье усиливаются монументальные аспекты, в частности, проявившиеся в московском здании Центросоюза. Эти тенденции, чутко уловленные советскими последователями Корбюзье, получили развитие с возникновением спроса на более представительную архитектуру после 1932 года.

Детали архитектуры фасадов башни «Известий» обнаруживают близкую связь с формальным языком И. И. Леонидова. Перечислим их поэлементно в соответствии с рис. 3.

З А. Гиперболические эркеры и балконные ограждения с признаками суперграфики. К гиперболическим элементам следует добавить и венчание здания в виде

половинки гиперboloида в окружении ажурной сетки перекрещивающихся тяжей.

З В. Консольные пластически разработанные площадки для монументальной скульптуры. В отличие от полукруглых у Леонидова трибун (балконов, декоративных консолей; здесь показан элемент декора холла санатория в Кисловодске), Гинзбург делает свои гранеными.

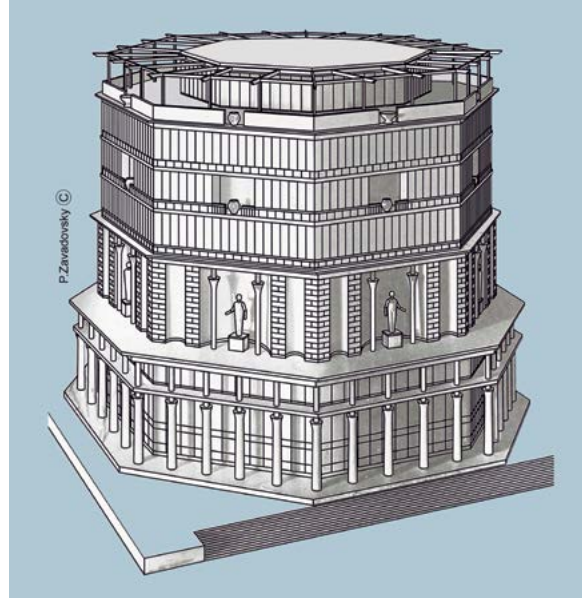
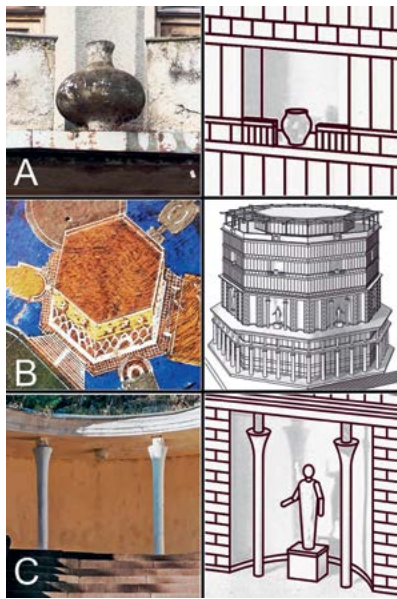
З С. Характерно леонидовские египтизирующие колонны. На иллюстрации – нижняя колоннада башни с колоннами, аналогичными экседрам лестницы в Кисловодске. Подобные колонны немного других пропорций применены также в верхней колоннаде и двухколонной лоджии башни Гинзбурга.

На варианте проекта, известном нам в эскизах, интересны фасад и перспектива, показывающие эти леонидовские мотивы едва ли не более отчетливо. Гиперболический эркер по оси фасада здесь крупнее, и его суперграфика видна более отчетливо. Венчание решено в виде колонной ротонды с леонидовскими египтизирующими колоннами, а консольные граненые основания для скульптурных групп перенесены с цокольной части на уровень карниза основного объема (рис. 4).

1.2. Здание клуба

В практике М. Я. Гинзбурга клубное здание в форме многогранной призмы здесь появляется впервые. В то же время оно является одной из излюбленных форм И. И. Леонидова. Примененная им впервые в 1933 году в проекте клуба газеты «Правда» (рис. 4 А) как десятигранник, она была повторена в проекте колхозного клуба с залом на 180 мест 1935 года как пятигранник (рис. 5 В) и в виде шестигранного клубного здания в Ялте в проекте застройки Южного берега Крыма 1936 года (рис. 5 С). Все многогранные клубы Леонидова имеют общую структуру с остекленным низом, где расположен входной холл, окруженный клубными помещениями, и зрительным залом сверху, выраженным на фасаде глухим объемом. Характерны облицовка с корбюзийским рисунком и редкие декоративные лоджии.

Клубный корпус в проекте комбината «Известий» М. Я. Гинзбурга полностью воспроизводит эту леонидовскую схему, давая ее парадный, столичный вариант

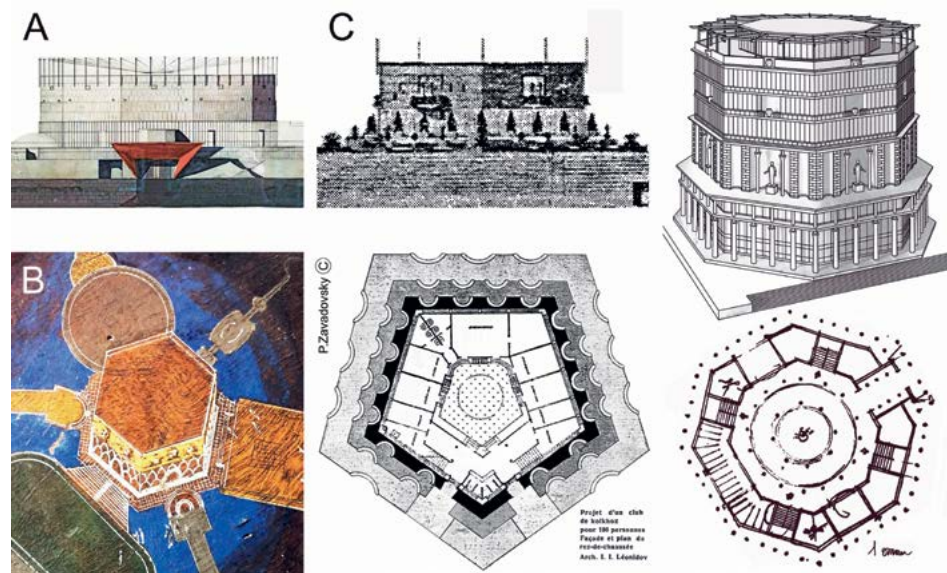
< Рис. 6. Клубный корпус комбината «Известия» (справа). Детали архитектуры в сопоставлении с леонидовскими аналогами (слева). Чертеж автора статьи на основе фото с макета

с колоннадой, окружающей первые остекленные этажи. Даже венчающая пергола, излюбленный прием Гинзбурга, находит соответствие в коллизеоподобной ажурной конструкции велама в проекте клуба газеты «Правда» Леонидова (рис. 5).

Тесная связь проекта Гинзбурга с леонидовской стилистикой находит многочисленные подтверждения в детализовке здания.

Окружающая здание по низу колоннада аналогична такой же колоннаде башни. Ее колонны также аналогичны колоннам навесов эскедр леонидовской лестницы санатория НКТП в Кисловодске. Такие же колонны, более стройных пропорций, украшают лоджии верхней части здания клуба (рис. 6 С). В разрывах парапетов лоджий и верхней террасы установлены расписанные вазы. Они поставлены в разрывах глухих парапетов совершенно аналогично тому, как их применяет Леонидов в проекте дома в Ключиках 1935 года и южном фасаде 1-го корпуса санатория в Кисловодске (рис. 6 А). Таким образом, «леонидовский» характер клуба «Известий» оказывается едва ли не более полным, чем у рассмотренной нами ранее офисной башни (рис. 6).

Многогранная призма, как и другие элементы леонидовской стилистики, не останутся в творчестве М. Я. Гинзбурга изолированным эпизодом. В завершение этого раздела присмотримся к фрагменту большой карикатуры К. П. Ротова из журнала «Крокодил» 1937 года, посвященной предстоящему I Съезду советских архитекторов и демонстрирующей восприятие современниками стилистических поисков поздних конструктивистов. На ней М. Я. Гинзбург изображен за прилавком, с напоминающей гигантский флакон башней по левую руку и многогранником клуба, также напоминающим парфюмерную упаковку – по правую. По оси башни-флакона идет вертикальная надпись «Моя мечта» с логотипом ТЖ внизу. «ТЖ» – это «Трест Жиркость», основной производитель мыла и парфюмерии в довоенном СССР. Фигура, стоящая перед прилавком спиной к зрителю – это, согласно подписи к карикатуре, «архитектор Мельников на себе лично пробует те методы, какими он пользовался в своих проектах».

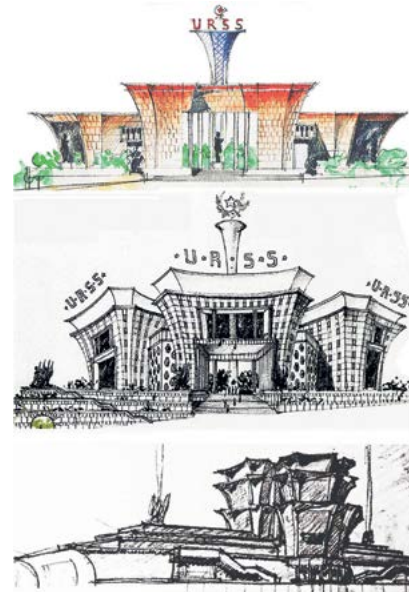
^ Рис. 5. Клубный корпус комбината «Известия» (справа) в сопоставлении с многогранными клубами Леонидова (слева)

< Рис. 7. М. Я. Гинзбург с проектом комбината «Известия». Фрагмент карикатуры К. П. Ротова. 1937

> Рис. 8. Павильон для Экспо-37 в Париже. Конкурсный проект. Слева – предварительные эскизы; справа – фото с макета. Арх. М. Я. Гинзбург с сотрудниками. 1936

2. Конкурсный проект павильона СССР для Экспо – 1937 в Париже (1936)

Проект был выполнен М. Я. Гинзбургом при участии С. О. Лисагора, М. М. Воробьева и А. А. Соломко [10, с. 3]. Долгое время формы павильона представлялись необычайно экстравагантными, и лишь контекст позднего творчества Леонидова позволяет понять и интерпретировать эту необычную архитектуру. Недостающим звеном, придавшим убедительность предположениям о связи этого объекта с возможным влиянием Ивана Леонидова, стали два эскиза, опубликованные в 2013 году [11, с. 77].

Эскизы отражают ранние стадии проектирования и имеют мало общего с итоговым проектом (рис. 8, справа). Однако помещенная в центр их композиции гиперболическая башня (круглая в одном и граненая в другом) является очевидным оммажем леонидовскому проекту НКТП 1934 года (рис. 8, слева).

С учетом проекта комбината «Известий», как было нами показано, многократно и систематически интерпре-

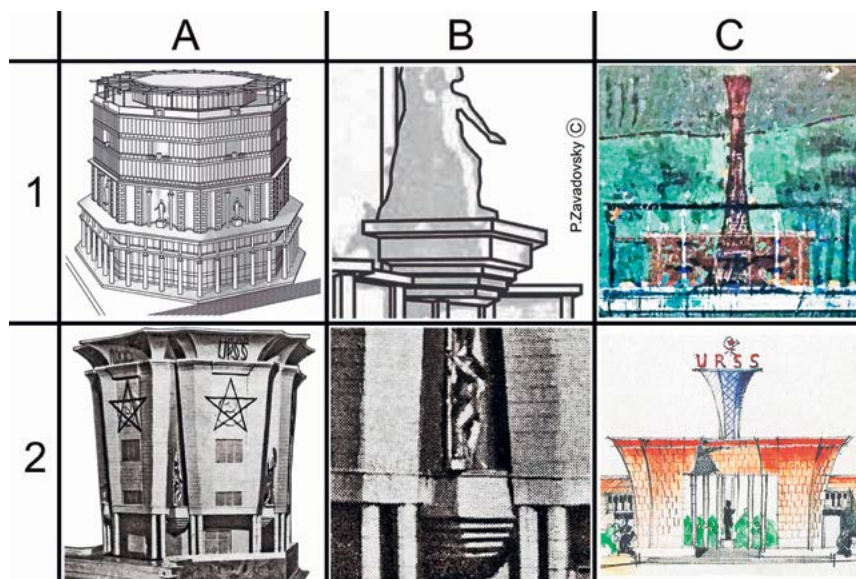
тирующего формальные мотивы И. И. Леонидова, можно провести достаточно детальный анализ форм парижского павильона, результаты которого были сведены нами в таблицу 1 (рис. 9). В верхней строчке таблицы даны формальные аналоги архитектурных тем павильона, показанных в нижней строчке таблицы.

9 А. Сама многогранная форма павильона (рис. 9, 2 А) – вариант многогранного сооружения, многократно предлагавшегося Леонидовым в проектах клубов (впервые – в проекте клуба газеты «Правда», 1933) и сооружений иных назначений (в проекте Южного берега Крыма, 1935–1937). Многогранники в практике группы Гинзбурга впервые появляются в проекте района «Красный Камень» в Нижнем Тагиле (1935), а как отдельное здание – в проекте клубного корпуса комбината «Известий» (1936), следующего как типологии Леонидова, так и его формальному языку (рис. 9, 1 А). Расширение кверху и завершение в виде египетских карнизов-выкружек придает павильону вид огромной египтизирующей капители. Это также помещает павильон в контекст египетских увлечений Леонидова, хотя сам он такое сложно-манерное сооружение едва ли одобрил бы.

9 В. Сложно-крепованное решение углов павильона (рис. 9, 2 В) очевидным образом связано с консольно-вынесенными постаментами для монументальных скульптурных групп в проекте «Известий» (рис. 9, 1 В). Их аналоги в павильоне также являются основаниями для монументальных скульптур (в этом случае – барельефов) и имеют такое же ступенчатое сужение к низу. Подобные сильно вынесенные (в проекте «Известий») консольные площадки имеют единственным прецедентом леонидовские трибуны – «чаги», впервые появившиеся в проекте НКТП и позднее использованные Леонидовым в интерьерах и лестнице санатория в Кисловодске.

9 С. Композиция, организованная вокруг гиперболической башни, видная на предварительных эскизах парижского павильона (рис. 9, 2 С), имеет прямой аналог в сооружениях с панорамами Южного берега Крыма И. И. Леонидова (рис. 9, 1 С). Это говорит о том, что делавшиеся параллельно проекты «Известий», Южного берега Крыма и санатория им. Г. К. Орджоникидзе

в Рис. 9. Таблица 1. Павильон для Экспо-37 в Париже. Конкурсный проект. Формально-стилистический анализ. Арх. М. Я. Гинзбург с сотрудниками. 1936

< Рис. 10. Проект жилого дома «повышенного типа» Гинзбурга-Михайловского (1937) в сопоставлении с проектом «дома вилл» Ле Корбюзье (1922)

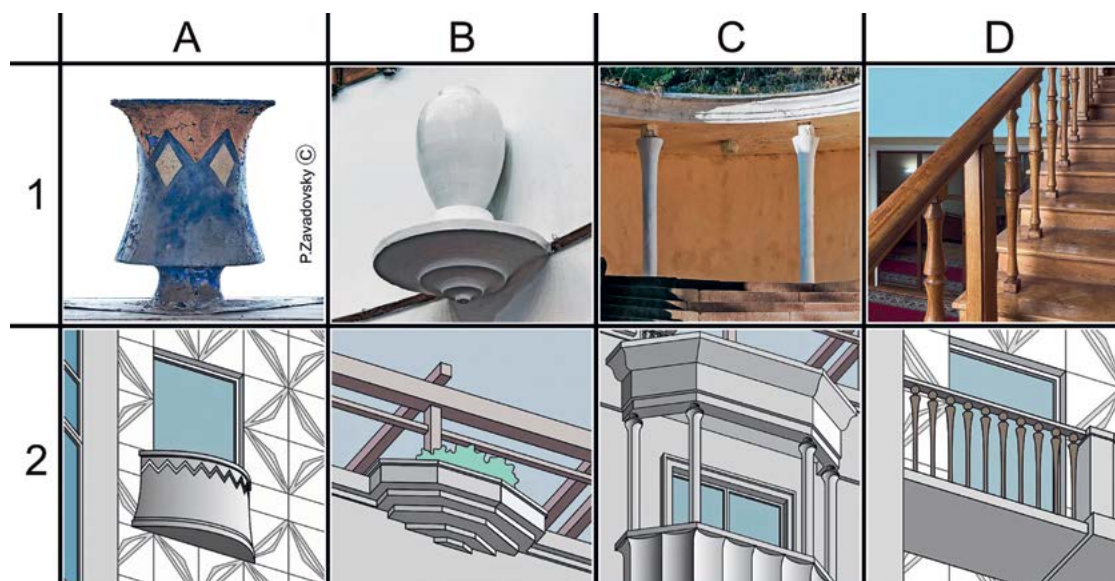
в Кисловодске представляют единый репертуар формальных мотивов, связанный с творчеством И. И. Леонидова.

3. Проект жилого дома «повышенного типа», М. Я. Гинзбург и Ф. И. Михайловский (1937)

Проект был впервые опубликован в номере «Архитектуры СССР», посвященном проектам типового жилья [12, с. 51–52]. Размеры и характер квартир – двухуровневых с двухсветной гостиной и глубокими лоджиями в два этажа – предполагает жильцов, принадлежащих к верхним уровням советской управленческой иерархии. В позднейших монографиях Гинзбурга публиковались только планы, поскольку качество журнальной репродукции перспективы фасада затрудняло ее воспроизведение. Для настоящей статьи на основе этого изображения была заново выполнена аксонометрия. Галерейный дом с двухэтажными квартирами, с гостинными и лоджиями двойной высоты ясно указывают на прототип проекта: «immeubles-villas» Ле Корбюзье, несколько вариантов которых были разработаны Ле Корбюзье в течение

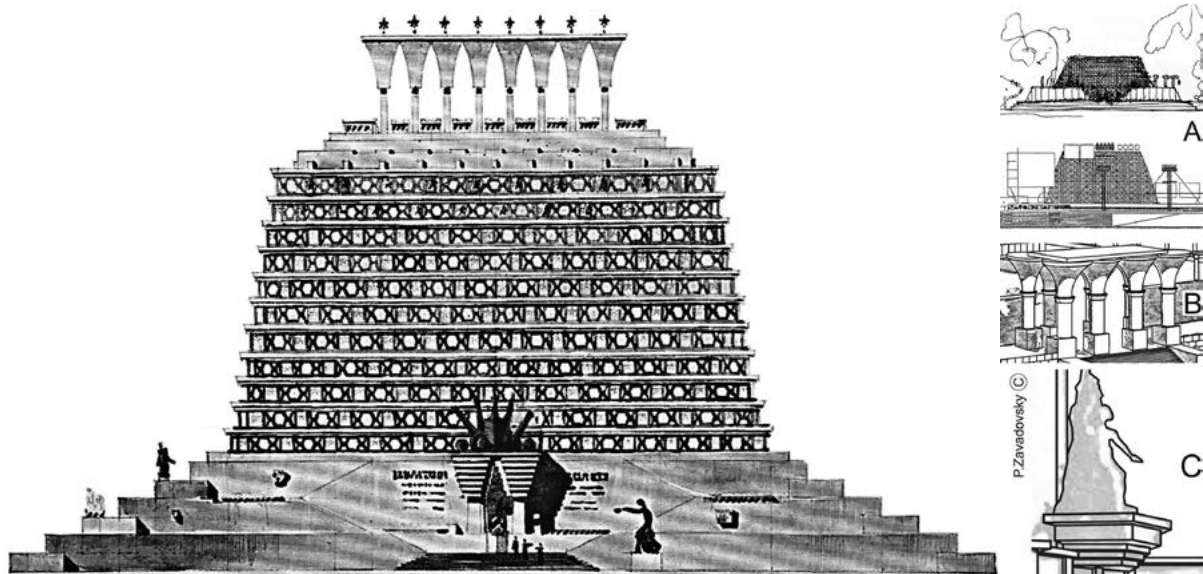
1922–1926 годов (рис. 10, слева). Моисей Гинзбург и в период «освоения наследия» не оставил своих корбюззианских пристрастий. И если его знаменитый дом Наркомфина (1928) возродил интерес Корбюзье к массовому «минимальному жилищу», то ранние опыты Корбюзье с буржуазными «домами вилл» показали Гинзбургу подходящим прототипом «повышенного типа» жилья для советского начальства. Важность этого проекта для всего творчества Гинзбурга состоит в том, что он завершает десятилетие жилищных экспериментов Гинзбурга, начатое работами секции типизации Стройкома в 1927 году и отмеченное преобладающим влиянием Ле Корбюзье.

Разобравшись с корбюззианской в своей основе типологией сооружения, перейдем к рассмотрению стилистики наружной архитектуры. Она знакома по единственно известной авторской перспективе дворового фасада, на основе которой выполнена представленная аксонометрия, с ритмом остекленных граненых эркеров, соответ-

< Рис. 11. Таблица 2. Фасад жилого дома «повышенного типа» Гинзбурга-Михайловского. Формально-стилистический анализ. 1 – леонидовские прототипы; 2 – формальные темы фасада дома. 1937

> Рис. 12. Проект панорамы «Оборона Севастополя». Фасад здания панорамы с аналогами формальных тем.
Арх. М. Я. Гинзбург. 1943

ствующих двусветным гостиным квартир, с лоджиями двойной высоты между ними (рис. 10, в центре и справа). Мы видим здесь уже встречавшиеся нам в предыдущих объектах архитектурные элементы, сведенные в таблицу 2 (рис. 11).

А. Глухим парапетам французских балконов придана форма уплощенных гиперboloидов (рис. 11, 2 А). Зигзагообразный бордюр, идущий по верху парапета, адресует нас к одному из типов раскраски гиперболических ваз 1-го корпуса санатория им. Г. К. Орджоникидзе в Кисловодске (рис. 11, 1 А).

В. Граненые и ступенчатые снизу консольные цветочницы, размещенные по верху объема здания (рис. 11, 2 В), уже знакомы нам по постаментам под скульптуры башни комбината «Известий» и парижского павильона. Наиболее вероятным первоисточником такого решения являются леонидовские полудисковые консольные трибуны в проекте НКТП 1934 года, балкон его знаменитой лестницы в Кисловодске (1936) или показанный здесь постамент под светильник в холле того же санатория в Кисловодске (рис. 11, 1 В).

С. Колонны лоджий, венчающих эркеры, представляют знакомый египтизирующий тип, развивавшийся Леонидовым начиная с проекта НКТП 1934 г. и многократно примененный в санатории Г. К. Орджоникидзе в Кисловодске (рис. 11, С 1–2).

Д. Балюстрады балконов представляют разновидность ограждений внутренних лестниц все того же санатория, составленных из вытянутых гиперboloидов (рис. 11, D 1–2).

Наконец, необходимо упомянуть элементы архитектуры здания, выходящие за рамки леонидовского словаря. Это:

Е. Венчающая здание пергола – излюбленный прием Гинзбурга, восходящий к объектам 1920-х годов, присутствующий в клубе комбината «Известий» и позже многократно реализованный им, начиная с лечебного корпуса санатория в Кисловодске вплоть до последних послевоенных объектов архитектора.

Ф. Декоративная плитка с диагональным орнаментальным мотивом, которой отделаны задние стены лоджий – мотив, нередкий в архитектуре поздних 1930-х годов,

возможно, восходящий к облицовке венецианского дворца Дожей и более Гинзбургом не применявшийся.

4. Проект панорамы «Оборона Севастополя» (1943)

В проектной практике Гинзбурга военных лет, в основном посвященной утилитарным целям военного и послевоенного восстановления, проект здания панорамы «Обороны Севастополя» выделяется своим масштабом и репрезентативным характером. Рассмотрим основные композиционные мотивы центрального сооружения ансамбля.

А. Основной объем здания представляет собой сужающийся кверху ступенчатый объем со стенами, сложенными из ажурных бетонных блоков – решение, встречающееся в западном ар-деко (О. Перре), популярное в советских проектах поздних 1930-х гг. и осуществленное как минимум в одном случае: ныне утраченном павильоне метро Смоленская (Н. Я. Колли и С. Г. Андриевский, 1934). Сужающийся кверху трапециевидный объем рождает понятные ассоциации с египетским пилоном или усеченной пирамидой-мастабой. Тема, популярная в советской архитектуре середины 1930-х гг. Однако особенности ее трактовки Гинзбургом адресуют нас к прецедентам в авангардистском периоде творчества И. И. Леонидова начала 1930-х гг. Сходную со зданием Гинзбурга композицию мы находим на одном из эскизов Леонидова, относящегося к его работе в Игарке в 1931 году [13, с. 101] (рис. 12, А, вверху). Решенная как единая витражная конструкция, мастаба покоится на стилобате, также расширяющемся к низу, не очень далеко от ступенчатого у Гинзбурга. Аналогичная гигантская стеклянная мастаба была предложена бывшими студентами Леонидова в проекте Дворца Советов 1932 г. (проект бригады ВАСИ), и здесь трудно не усмотреть влияния их учителя и кумира (рис. 12, внизу). В леонидовском проекте реконструкции площади Крестьянской Заставы (1932) центр ансамбля занимает сооружение в форме усеченной пирамиды. И если ранний эскиз Леонидова мог быть Гинзбургу неизвестен, то эти два проекта были ему известны наверняка.

В. Сверху мастаба здания панорамы завершена на-весом, составленным из криволинейно расширяющихся кверху опор, с лежащей на них плитой. Предположение

< Рис. 13. Односемейный жилой дом М. Я. Гинзбурга (1944) в сопоставлении с виллой Штайн в Гарше Ле Корбюзье (1926)

о влиянии гиперболической эстетики Леонидова подкрепляется и конкретным аналогом – входным портиком в проекте «колхозного клуба с залом на 800 мест» 1935 г. (рис. 12 В, справа).

С. Входной портал в здание панорамы образуют два пилона, несущие две перевернутые ступенчатые пирамиды, несущие плиту со скульптурной композицией на ней. В этой композиции, не особо рискуя, можно усмотреть развитие консольных постаментов под скульптурными группами в проектах комбината «Известий» (рис. 12 С, справа) и других вышеописанных проектов Гинзбурга.

Таким образом, и этот поздний проект М. Я. Гинзбурга, кажущийся на первый взгляд беспрецедентным, вполне укладывается в логику развития позднего творчества архитектора, тесно связанного с формальным миром Ивана Леонидова.

5. Деревянный односемейный жилой дом (1944)

Этот необычный для своего времени дачный дом скрывает некоторую загадку. Опубликованный его как «одноквартирный загородный дом» Селим Хан-Магомедов не указывает его месторасположения [3, с. 106]. Относительно даты создания также имеются разногласия: то ли 1944, то ли 1945 год. Мог ли быть его владельцем сам Гинзбург или кто-то другой в военные годы имел возможность заказать немаленький частный дом настолько вызывающе модернистской архитектуры?

Судя по всему, это, увы, не сохранившаяся дача самого М. Я. Гинзбурга в поселке СНТ «НИЛ» в Истринском районе, где, начиная с 1935 года, строились многие известные архитекторы: Семенов, Веснин, Владимиров и др. В архитектуре собственной дачи Гинзбург смог реализовать мечту о «вилле», демонстрируя актуальность своих корбюзьянских пристрастий и на излете своей профессиональной карьеры.

Обширная открытая терраса 2-го этажа с ведущей на нее лестницей являются очевидным напоминанием о знаменитой вилле Штайн «Les Terraces» (1926) Ле Корбюзье (рис. 13). При этом сам перевод изначально бетонного корбюзьянского прототипа в дерево имеет прецедент, авторизованный самим Корбюзье: бревенчатый дом Антонина Раймунда в Каруизава (Япония,

который является репликой неосуществленного проекта каменного дома Эрразуриц Ле Корбюзье.

6. Санаторий в Нижней Ореанде, М. Я. Гинзбург и Ф. И. Михайловский (1945–1948)

Последними проектами М. Я. Гинзбурга, реализованными уже после его смерти в феврале 1946 года, стали два санатория: «Горный воздух» в Кисловодске (совместно с Н. С. Полюдовым) и санаторий в Нижней Ореанде (с Ф. И. Михайловским). Объект в Кисловодске – по сути, 3-й корпус санатория им. Г. К. Орджоникидзе – интересен как продолжение конструктивистской типологической линии правильных многогранных призм. Однако стилистически здание уже полностью принадлежит послевоенному сталинскому монументализму и выходит за рамки данного исследования.

Значительно больший интерес представляет санаторий в Нижней Ореанде. Первый вариант проекта санатория на месте руин сгоревшего еще в 1882 году императорского дворца выполнен И. Ф. Милинисом в 1936 году. Начатое строительство было прервано войной. Обстоятельства перехода объекта к М. Я. Гинзбургу нам неизвестны.

Санаторий имеет два жилых корпуса – № 1, решенный в формах сухой неоклассики, и меньший корпус № 2, экстравагантная архитектура которого и станет предметом дальнейшего рассмотрения.

Лаконичный двухэтажный призматический объем с внутренним двориком увенчан характерной для Гинзбурга перголой. Гладкая облицовка, отсутствие выраженных вертикальных акцентов приближают архитектуру корпуса к мягкому модернизму, близкому межвоенным европейским аналогам. Такой атрибуции не противоречат и аркадные портики первого этажа с деликатным рисунком швов каменной кладки (рис. 14). Здание характерно едва намеченными карнизными полочками при единственном исключении – трехэтажном ризалите северного фасада с карнизом-полкой большого выноса.

При столь сдержанной архитектуре больший вес приобретают немногочисленные декоративные детали. Аркадные портики обоих фасадов имеют участки карниза-выкружки узнаваемо египетского рисунка. А углы южного трехгранного портика акцентированы

> Рис. 14. Санаторий в Нижней Ореанде. Корпус № 2. Вид с севера (слева), вид с юга (справа).
Арх. М. Я. Гинзбург и Ф. И. Михайловский.
1945–1948.
Фото Н. Васильева

клиновидными креповками. Напоминая решение углов в проекте парижского павильона, эти клиновидные акценты выглядят следующей стадией трансформации элемента, исходно бывшего консольной трибуной, затем основанием для скульптуры или цветочницы (рис 15 E). Южный, обращенный к морю портик с его тремя идентично трактованными гранями логично встает в ряд позднеконструктивистских многогранных призм, особенно учитывая параллельное проектирование Гинзбургом многогранника санатория «Горный Воздух» в Кисловодске (рис. 15 A). Египетские ассоциации поддержаны формой колонн лоджии третьего этажа северного фасада (рис. 14, слева). Эти колонны прямо соотносятся со своими предшественницами в проекте комбината «Известий», отличаясь от них восьмигранным (вместо круглого) сечением. Стойки перголы с характерным криволинейным расширением сверху принадлежат той же, леонидовской в своих истоках, линии (рис. 15 B).

Существенной частью стилистики позднего Леонидова являются вазы и фонтаны. Есть они и в Нижней Ореанде. Фонтан во внутреннем дворе, представляющий собой стилизованное граненое соцветие, в то же время продолжает линию леонидовских гиперболических объектов (рис. 15 C). Пара ваз, фланкирующих подход к санаторию с севера, своей параболической формой соотносится с другой разновидностью ваз Леонидова. Ваза у Гинзбурга, в отличие от круглых леонидовских, опять же, граненая (рис. 15 D).

В таблице 3 (рис. 15) в хронологическом порядке показаны архитектурно-декоративные темы И. И. Леонидова с таковыми же у М. Я. Гинзбурга. Нетрудно заметить, как в творчестве И. И. Леонидова экстравагантные формы зданий начала 1930-х к середине десятилетия переходят в масштаб архитектурных деталей и декоративных элементов. А у позднего Гинзбурга этот уже сложившийся репертуар декоративных приемов эволюционирует в формы санатория в Нижней Ореанде. Единственной темой, сохранившей архитектурный масштаб, оказывается многогранная призма, а круглые у Леонидова консоли, вазы и колонны Гинзбург также превращает в граненые – шести- или восьмигранные.

В заключение процитирую фрагмент из бесед С. О. Хан-Магомедова с И. Г. Кузьминым: «В 1944–1945 годах Леонидов работал над оформлением интерьера в санатории в Ореанде – банкетный зал (или гостиная). Очень хороший был проект <...>. Но ничего не было сделано. Проект утрачен. Но развертка одной из стен сохранилась у Кузьмина и он отдал ее сыну архитектора» [14, с. 323].

Данный фрагмент ставит ряд вопросов: требует уточнений датировка; упомянутый чертеж развертки в настоящее время неизвестен.

Тем не менее, это важное свидетельство сотрудничества Леонидова с Гинзбургом вплоть до последних лет жизни последнего. И еще один аргумент в пользу сформулированной в статье концепции стилистики позднего конструктивизма как единого феномена, начало которому было положено И. И. Леонидовым в 1933–1934 гг., пик популярности приходится на 1936–1938 гг., а признаки бытования прослеживаются вплоть до 1945–1946 гг.

Литература

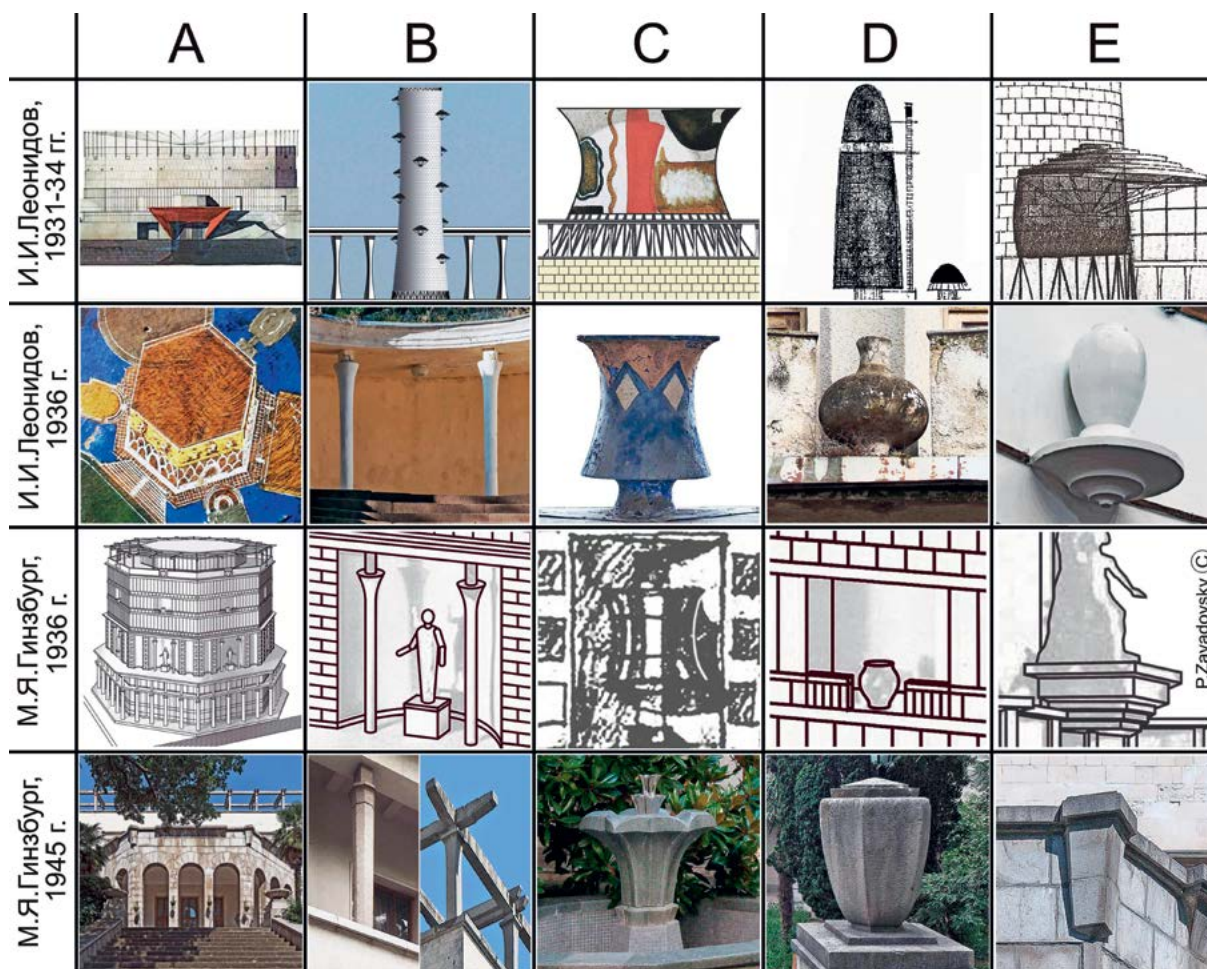
1. Завадовский, П. К. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119
2. Завадовский, П. К. Иван Леонидов: предполагаемые реализации в Кисловодске и Москве // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 88–96
3. Хан-Магомедов, С. О. Моисей Гинзбург. – Москва : Архитектура-С, 2007. – 135 с. : ил.
4. Селиванова, А. Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. – Москва : Буксмарт, 2020. – 320 с.
5. Чепкунова, М. Р., Аметова, М. Р. Архитектор Игнатий Милинис. От конструктивизма к модернизму. – Москва : ГМА им. А. В. Щусева, Кучково поле, 2019. – 208 с.
6. Dukhan, I. Typology and ideology: Moisei Ginzburg revisited. – URL: <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/> (дата обращения: 24.11.2020)
7. URL: <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-editing-block-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/> (дата обращения: 24.11.2020)
8. URL: <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-club-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/> (дата обращения: 24.11.2020)
9. Le Corbusier. Oeuvre Complète, vol. 2 (1929–1934). – Basel : Birkhauser, 1995. – 199 p.

10. Архитектурная газета. – 1936. – № 32. – С. 4
 11. Подгорская, Н. О. Павильоны СССР на международных выставках. – Москва : Майер, 2013. – 223 с.
 12. Типовые проекты архитектурно-проектной мастерской № 3 Наркомтяжпрома // Архитектура СССР. – 1937. – № 11. – С. 45–59
 13. Gozak, A., Leonidov, A. Ivan Leonidov. – London : Academy Editions, 1988. – 216 с. : ил.
 14. Хан-Магомедов, С. О. Кумиры авангарда. Иван Леонидов. – Москва : Фонд «Авангард», 2010. – 32(68) с.

References

Arkhitekturnaya gazeta [Architectural newspaper] (1936). 32, 4.
 Chepkunova, M. R., & Ametova, M. R. (2019). Arkhitektor Ignatyi Milinis. Ot konstruktivizma k modernizmu [Architect Ignatyi Milinis. From constructivism to modernism]. Moscow: GMA im. A. V. Shchuseva, Kuchkovo pole.
 Dukhan, I. (2013). Typology and ideology: Moisei Ginzburg revisited. <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/>
 Gozak, A., & Leonidov, A. (1988). Ivan Leonidov. London: Academy Editions.

Khan-Magomedov, S. O. (2007). Moisei Ginzburg. Moscow: Arkhitektura-S.
 Khan-Magomedov, S. O. (2010). Kumiry avangarda. Ivan Leonidov [Heroes of avant-garde. Ivan Leonidov]. Moscow: Fond "Avangard".
 Le Corbusier. (1995). Oeuvre Complète, vol. 2 (1929–1934). Basel: Birkhauser.
 Photograph of a model for the club of the Izvestiia newspaper combine (2017, June 24). [Photograph] Moscow. <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-club-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/>
 Photograph of a model for the editing block of the Izvestiia newspaper combine (2017, June 24). [Photograph] Moscow. <https://thecharnelhouse.org/2017/06/24/typology-and-ideology-moisei-ginzburg-revisited/photograph-of-a-model-for-the-editing-block-of-the-izvestiia-newspaper-combine-moscow/>
 Podgorskaya, N. O. (2013). Pavilyony SSSR na mezhdunarodnykh vystavkakh [USSR pavilions at international exhibitions]. Moscow: Mayer.
 Selivanova, A. N. (2020). Postkonstruktivism. Vlast i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR [Postconstructivism. Power and architecture in the 1930s in the USSR]. Moscow: Buksmart.
 Tipovye proekty arkhitekturno-proektnoi masterskoi № 3 Narkomtyazhproma [Standard projects of Narkomtyazhprom architectural and design bureau № 3] (1937). Arkhitektura SSSR, 11, 45–59.
 Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the "Narkomtyazhprom" Style. Project Baikal, 16(62), 112–119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>
 Zavadovsky, P. (2020). Ivan Leonidov: supposed realizations in Kislovodsk and Moscow. Project Baikal, 17(66), 88–96. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1723>

^ Рис. 15. Таблица 3. Эволюция «стиля Наркомтяжпром». В нижней строчке – элементы архитектуры корпуса № 2 санатория в Нижней Ореанде как ее результат

Опыт проектирования в Севастополе архитектурно-ландшафтных объектов впервые рассмотрен на примере лечебных учреждений. Севастопольские больницы были задуманы с павильонной системой планировки и качественным озеленением. Они стали частью ряда жилых кварталов, созданных в духе городов-садов в ходе возрождения города-героя после Великой Отечественной войны. Ключевые слова: Севастополь; лечебные учреждения; ландшафтные проекты; послевоенные архитектурные ансамбли. /

Elaboration of architectural and landscape projects in Sevastopol is first considered through the example of healthcare facilities. Sevastopol hospitals were designed with a pavilion planning system and high-quality landscaping. They became part of a number of residential neighborhoods created in a similar way to garden cities during the revival of the hero city after the Great Patriotic War. Keywords: Sevastopol; healthcare facilities; landscape projects; post-war architectural ensembles.

Роль лечебных учреждений в городском ландшафте послевоенного Севастополя / The role of healthcare facilities in the cityscape of post-war Sevastopol

текст

Елена Овсянникова
Николай Васильев /
text
Elena Ovsyannikova
Nikolai Vassiliev

Архитектура Севастополя развивалась на основе генерального плана восстановления города-героя, разработанного в 1945 году Г. Б. Бархиным и серьезно скорректированного В. М. Артюховым и Ю. А. Траутманом, молодыми зодчими, приехавшими из Ленинграда. Их вариант был принят к реализации в 1949 году и отличался практичным использованием сохранившейся части застройки [1–3]. Думая о развитии города как военного порта с ведомственными жилыми кварталами, со сферой социального и культурного обслуживания населения, они отказались от монументальных ансамблей, видевшихся и М. Я. Гинзбургу и Г. Б. Бархину, выполнивших первые эскизы городских доминант в 1943–1944 годах. Детализация генерального плана Севастополя отразила ряд новых архитектурных приоритетов, в том числе – строительство лечебных учреждений среди жилых кварталов, и эти объекты были трактованы как престижные ландшафтные ансамбли.

Кратко обрисует специфику архитектурных и ландшафтных преобразований в послевоенное десятилетие – период основного восстановления города. Видимое приезжим и попавшее на многочисленные открытия и в путеводители благоустройство касается в основном нескольких общественных пространств – заново разбитых площадей Ушакова и Лазарева, Приморского бульвара, главных лестниц – части «пешеходного каркаса» – прежде всего Синопской и Таврической и других лестниц, соединяющих центральный городской холм с улицами, идущими вокруг него.

Жители города получили также многие малые озелененные пространства, это и скверы у значимых общественных зданий, таких как кинотеатры «Победа» и «Украина», монументы и т. п. В районах, примыкавших к центру, это скверы в засыпанных балках, например Комсомольский сквер на месте Одесского оврага. Такое выделение неудобных для строительства территорий под зеленые зоны не было ново. Именно так сложилась главная рекреационная зона для всей Корабельной стороны Севастополя в Ушаковой балке. Однако специфика послевоенного Севастополя в другом. Ввиду сохранения В. М. Артюховым и Ю. А. Траутманом красных линий главных улиц из-за сложного рельефа местности,

сохранности подземных коммуникаций и частично – зданий, типичное для советского послевоенного градостроительства превращение прежних улиц в широкие бульвары не было возможным. Вместо этого было реализовано постепенное, «капиллярное» проникновение зелени в жилую застройку. Вытекает это, конечно, из общей для советского градостроительства концепции двора как социального пространства.

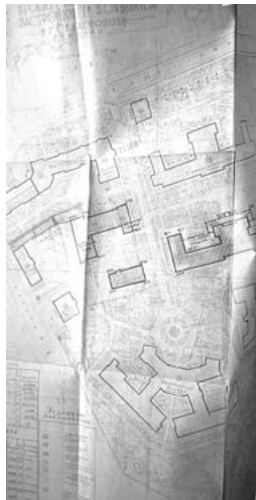
Но из просто замкнутого двора – внутриквартального пространства (более обширного, чем дворы-колодцы высокоплотной коммерческой застройки иных городов начала XX века) – еще в предвоенные годы вырисовывается система разных по назначению дворов – парадных курдонеров со стороны улиц и «хозяйственных», внутриквартальных. Таким образом выстраивалась подобная иерархия от частных к общественным пространствам квартального и районного масштаба. В широком контексте ступени этой иерархии можно проследить от коридора, кухни и других помещений квартиры, вынужденно обобществленных в случае покомнатного расселения, через дворы к площадям и паркам общегородского значения, вроде обязательных центральных парков культуры и отдыха – ЦПКиО.

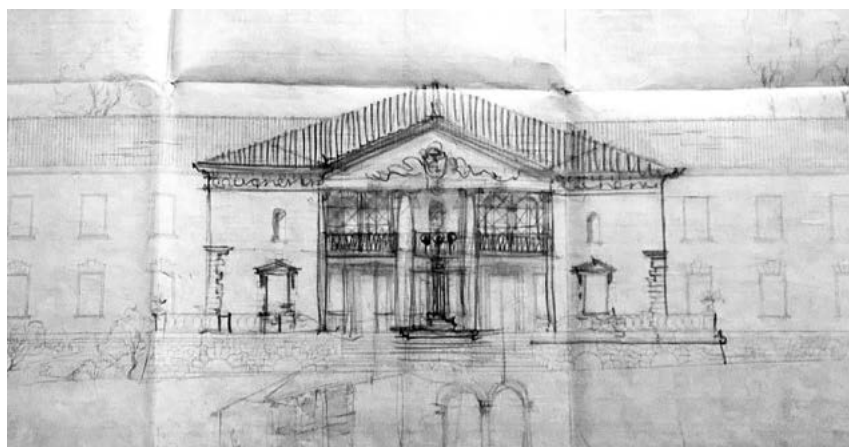
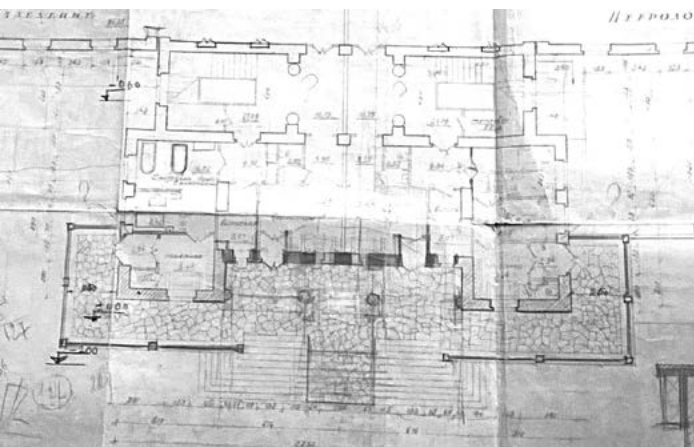
Сама городская ткань становилась «пористой», проницаемой, местное пешеходное движение осуществлялось через ворота в решетках курдонеров, проездные арки, лестницы в подпорных стенках и т. п. А транзитное движение оставалось по улицам.

Соподчинение таких «пустот» оказывалось не менее важным в городском ансамбле, чем соподчинение объемов и форм. Конкретные архитектурные решения, которые сейчас воспринимаются как обезличенная атрибутика «большого стиля» – повышенные угловые секции домов, аттики, арочные лоджии, увенчанные обелисками башни – доминанты в виде важнейших общественных зданий, которые служили ориентирами и необходимыми декорациями общественных пространств.

Кроме районных и общегородских парков, именно благоустроенные территории лечебных заведений становились важным элементом городского зеленого каркаса. Если в Москве, Петербурге и других исторических городах Центральной России в больницы часто были

▲ в Рис. 1, 2. И. А. Брауде, В. П. Петропавловский. Севастопольский горпроект. Городская больница. Перспектива. Фрагмент генплана Публикуется впервые (публикуемые в данной статье материалы (см. рис. 1–10) находятся в Государственном архиве Севастополя)

превращены здания и парки усадеб и дворцов, то новое строительство предполагало и разбивку территорий с низкой плотностью застройки, павильонным расположением отдельных корпусов (о чем говорила в межвоенный период и медицинская наука), и открытой, проницаемой для пешеходов территорией.

Озеленение территорий больниц соответствовало общей концепции озеленения города, сложившегося в засушливом климате на берегу моря, где традиционно растительность имела в оврагах, но в 1950-е годы стала культивироваться на холмах, где высаживались самые засухоустойчивые растения.

Судя по не опубликованному ранее архивным документам, первой и самой значительной по занимаемой площади стала новая городская больница, выходящая импозантным зданием с портиком на площадь Восставших. Ее территория расположена на одном из городских холмов. Комплексный проект больницы был разработан в 1948 году севастопольским Горпроектом под руководством И. А. Брауде, выпускника Харьковской архитектурной школы, и автором ряда корпусов В. П. Петропавловским, выпускником Московского архитектурного института. Эти архитекторы, всю жизнь проработавшие в Севастополе, придавали первостепенное значение взаимосвязи архитектуры и ландшафта. Так, в городе важное место занимает сквер с полукруглой колоннадой у площади Суворова – творение Петропавловского.

Надо сказать, что мощная ландшафтная составляющая – характерная черта архитектуры лечебных учреждений конца XIX – первой половины XX века. Озеленение их территорий рассматривалось как важнейший лечебный фактор. Многие больницы в конце XIX и первой половине XX века были павильонного типа, то есть со многими отдельно стоящими корпусами в парке, поскольку была актуальна изоляция пациентов с заразными болезнями. В парках при больницах выздоравливающие могли гулять, общаться с родственниками и друзьями. По этому принципу построены, к примеру, Боткинская больница в Москве, городская больница им. Н. А. Семашко в Симферополе (ул. Киевская, 69, архитектор Б. И. Белозерский), больницы в Ленинграде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Свердловске и многие подобные объекты в России

и за рубежом. И часто лечебные учреждения представляли собой престижные архитектурные ансамбли. Такова, в частности, импозантная больница Сант-Пау в Барселоне (архитектор Л. Доменеч-и-Монтанер), выстроенная в 1900-е годы рядом с храмом Саграда Фамилия – знаменитым произведением А. Гауди.

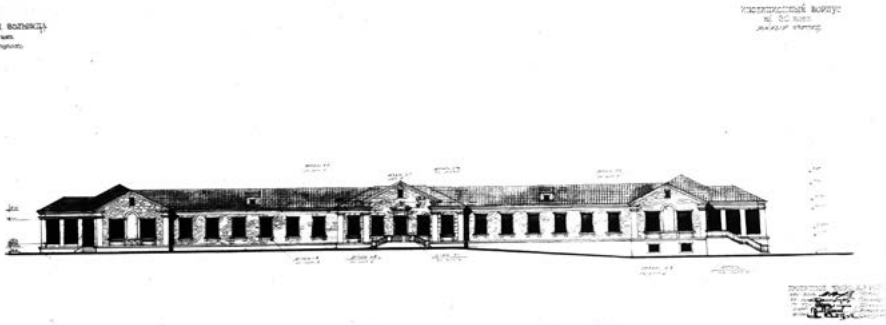
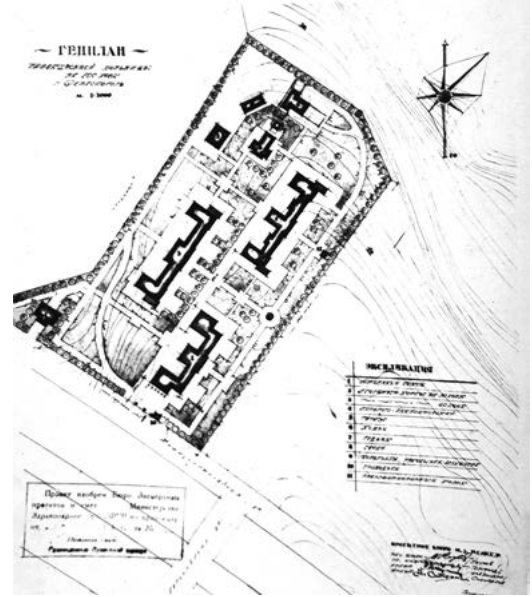
Разумеется, павильонная планировка городской больницы на площади Восставших, работающей до сих пор, отражала специфику средиземноморского климата – возможность больных почти круглый год находиться на свежем воздухе. Этому принципу соответствовала не только планировка большого участка, но и архитектура отдельных построек. Почти все здания первоначально здесь были спроектированы с глубокими лоджиями. Естественно, что античные архитектурные прототипы с ордерными формами, взятые за основу всеми зодчими, работавшими в послевоенном Севастополе, хорошо вписывались в эту концепцию. Архитекторы ориентировались на невысокие сооружения с колоннадами, верандами, балюстрадами, мощением террас естественным камнем.

Аналогичным образом была спроектирована в 1949 году и Туберкулезная больница в Севастополе на территории, примыкающей с южной стороны к городскому кладбищу на ул. Пожарова. Проект больницы неоднократно перedelывали исходя из расчета на разную вместимость. Его исходное проектное задание разработали в 1950 году заместитель главного архитектора В. М. Артюхов и главный архитектор Севастопольского горпроект Н. И. Гришин. Они отметили, что ориентировались на нормы, принятые для больниц в СССР тех лет, в которых указывался значительный процент зеленых насаждений. Теперь здесь лечат различные инфекционные заболевания, и неслучайно больница сохранила свой павильонный характер, хотя сначала речь шла лишь о специфике борьбы с туберкулезом. Территория этой больницы была хорошо озеленена. Сохранившие проекты ленинградского архитектора А. Н. Сибирякова отражают реализованный вариант ее малозэтажных зданий, которые до сих пор сохранились.

Обе больницы, у площади Восставших и инфекционная, показаны на генеральных планах Севастополя 1949 и 1965 годов, что говорит о взаимосвязи их замысла

^ Рис. 3, 4. В. П. Петропавловский. Севастопольский горпроект. Городская больница. Эскиз фрагмент фасада и фрагмент плана корпуса детского и неврологического отделений. 1948. Публикуются впервые

> в Рис. 5, 6. А. Н. Сибиряков. Проектная контора Министерства здравоохранения РСФСР. Ленинградское отделение. Генеральный план туберкулезной больницы в Севастополе на 100 койек. Фасады корпусов. 1951. Публикуются впервые

в Рис. 7, 8, 9. Архитектор Роговенко. Проектная контора Министерства здравоохранения РСФСР. Ленинградское отделение. Генплан больницы на Северной стороне на 82 койки. Фасады корпусов. Фрагмент генплана поселка (города-сада). 1949. Публикуются впервые

с концепцией всей городской инфраструктуры. Сеть больниц расширялась в городе одновременно с градообразующими предприятиями, планы развития которых со временем менялись. Так, после Великой Отечественной войны стало актуально возведение Центрального конструкторского бюро «Черноморец», необходимого для развития Черноморского флота. Его здание стало архитектурной доминантой в историческом центре, на площади Лазарева, вместе с расположенными вокруг ведомственными жилыми домами (1949–1952, архитектор Л. Н. Павлов). Естественно, строительство городской больницы на площади Восставших было связано с близостью центрального городского холма, на котором и вокруг которого расположились штаб Черноморского флота и жилые кварталы для ряда морских предприятий, в том числе эти градообразующие объекты [3].

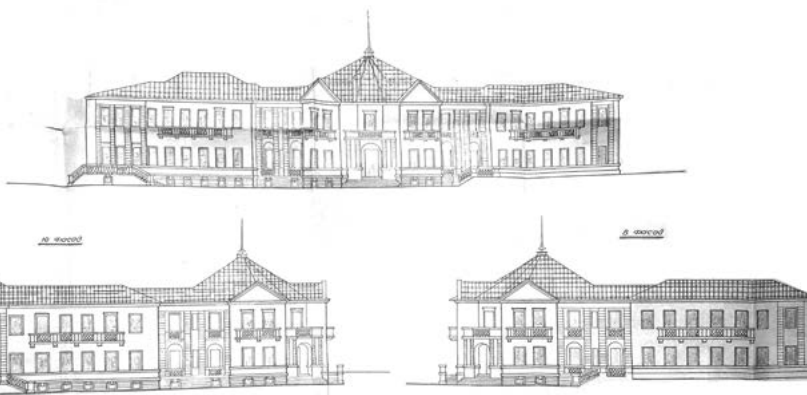
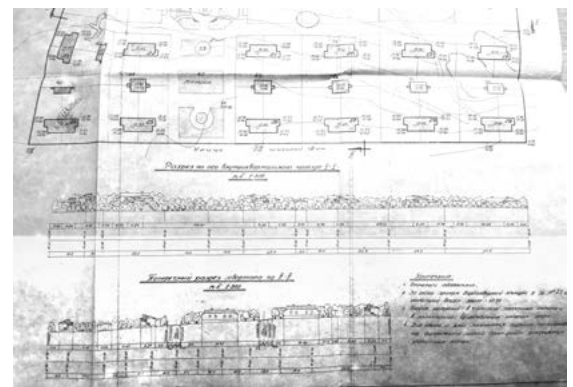
Не забыта была и Северная сторона Севастополя. Там еще в XIX веке были возведены Константиновская и Михайловская батареи, а в 1890–1900-х годах сложился большой комплекс казарм для моряков, включающий около тридцати каменных малоэтажных зданий. Далее массовая застройка отошла к востоку, в сторону Братского кладбища со знаменитой Никольской церковью в виде пирамиды (1870, архитектор А. А. Авдеев).

Для обслуживания жителей Северной стороны, до сих пор отчасти оторванных от исторического центра города, в который они могут попасть только морским путем

или долго ехать по автодороге, в 1949 году было задумано строительство больницы на ул. Леваневского. Она так же, как и две предыдущие больницы, проектировалась по павильонному принципу одновременно с планировочной концепцией малоэтажного города-сада по проекту архитектора Роговенко (имя и отчество неизвестны), подписавшего все данные чертежи и зданий больницы, и кварталов жилых домов. В тот же период восточнее морского берега, на ул. Богданова, в Бартеневке, были выстроены двухэтажные жилые дома с представительными фасадами. И неслучайно территория больницы застраивалась в комплексе с историческим и новым окружением, что отразило соответствовало увеличению численности населения Северной стороны, на которой далее были выстроены и многоэтажные дома, и многие севастопольцы получили садовые участки.

Улица Леваневского, на которой расположена больница, поднимается в гору от причала, связывающего эту часть города с его историческим центром. Напротив больницы была построена баня. Неподалеку выстроили кинотеатр (1952, архитектор Н. Н. Сдобняков). Так здесь сложился общественный центр. Расположение больницы среди малоэтажных домов объясняет тот факт, что ее озеленению не придавалось такого значения, как при освоении холма у площади Восставших.

Итак, ландшафтная составляющая больницы на Северной стороне намного скромнее и уступает реализованно-

му проекту городской больницы на площади Восставших, строившейся вместе с высадкой растений окружающего ее парка. Однако она была показана на генеральном плане Севастополя 1965 года как существенный элемент инфраструктуры.

Иная ситуация сложилась с больницей на Корабельной стороне (больница им. Даши Севастопольской). Ее возвели намного позднее «золотого века» послевоенного Севастополя, в 1970-е годы, когда архитекторы и строители мыслили практичнее, поставленные в условия типового проектирования. Кроме того, очевидно, что архитекторы рассчитывали на соответствующее зеленое убранство окружающей среды.

Надо сказать, что эта больница была задумана как ведомственная при Морском заводе им. Орджоникидзе еще в 1956 году. К тому времени уже было запроектировано кардинальное благоустройство парка в Ушаковой балке [2, 4]. Но проект обновления этого исторического парка не был реализован (1951–1952, Ленкоммунстрой, архитектор В. Д. Зайцев, руководитель архитектурной мастерской Ю. Н. Дьяконов.). Территория больницы им. Даши Севастопольской начинается севернее жилого квартала, на улицах Папанина и Матвея Воронина (1949–1950, Одесская проектная контора, архитектор Г. В. Топуз.), и тянется вдоль западной границы Ушаковой балки [4]. Между этим кварталом и больницей была запроектирована монументальная лестница, чтобы спуститься в парк в Ушаковой балке с улицы Надеждинцев, расположенной южнее территории позднее выстроенной больницы.

Надо сказать несколько слов о сегодняшней ситуации на Корабельной стороне, исторической территории, примыкающей к морю и к Малахову кургану, на которой сформировался Морской завод им. С. Орджоникидзе. Здесь зародились верфь, адмиралтейство, которые стали важнейшими градообразующими объектами [5]. Лишь намного позднее территории этого завода распространились и на Северную сторону города, где был построен самый большой в Севастополе док.

Для Морского завода им. С. Орджоникидзе на Корабельной стороне были спроектированы в 1951–1952 годах новые ведомственные жилые дома, разработан проект обновления довоенного здания общежития для заводской дирекции, у этого монументального здания была сформирована обширная площадь, получившая название Ластовая. С восточной стороны ее был сформирован новый жилой квартал (ул. Надеждинцев, 1/5, 3, 5). Но до строительства больницы в этом районе дело в 1950-е годы не дошло, как и до благоустройства парка в Ушаковой балке (сегодня это памятник природы с краснокнижными растениями). В тот же период напротив Корабельной стороны с Морским заводом, с востока от нее, Ушакова балка получила также послевоенное архитектурное обрамление новыми жилыми домами, выстроенными с престижными фасадами с ее восточной стороны, на ул. Адмирала Макарова (фасады по проекту архитектора А. Л. Шеффера) [6]. Тогда же был благоустроен Малахов курган (архитекторы П. В. Кумпан, А. А. Шувалова, В. П. Мелик-Парсаданов и др.) и возведены импозантные жилые дома.

В 2000–2010-е годы статус Морского завода им. С. Орджоникидзе и других градообразующих предприятий неоднократно пересматривался и до сих пор остается под вопросом. Это привело к деградации Корабельной стороны Севастополя, будто бы забытой краеведами и органами охраны наследия. Не стала исключением и больница им. Даши Севастопольской. При этом очевидно, что данное лечебное учреждение было частью единой и хорошо продуманной городской инфраструктуры.

< Рис. 10. Ленкоммунстрой, архитектор В. Д. Зайцев, руководитель архитектурной мастерской Ю. Н. Дьяконов. Фрагмент проекта парка в Ушаковой балке с парадной лестницей. 1951–1952

В качестве выводов стоит отметить актуальность таких проблем, как благоустройство территории больницы им. Даши Севастопольской на Корабельной стороне, приведение в порядок запущенной Ушаковой балки и территории больницы на Северной стороне с сохранением ее исторических зданий – кинотеатра и бани начала 1950-х годов, до сих пор не включенных в списки культурного наследия. Сегодня их надо рассматривать как комплексные объекты культурного наследия, включающие здания и ландшафтные элементы, необходимые для оздоровления городской среды. Если сами здания – объемы, а также принципы планировки кварталов и площадей послевоенного города постепенно воспринимаются как наследие, то «изнанка» – рукотворное озеленение, приспособленный под нужды конкретных людей ландшафт – все еще недостаточно ценится, и это вопрос не столько формального статуса, сколько общего восприятия.

Литература

1. Овсянникова, Е. Б., Васильев Н. Ю. Архитектор В. М. Артюхов и его роль в формировании послевоенного облика Севастополя // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2019. – № 2 (47). – С. 28–42
2. Васильев, Н. Ю. Ландшафтные элементы послевоенных жилых кварталов центра Севастополя // *Комфортная среда – здоровая среда. Создание терапевтических садов в структуре города: Сб. междунар. науч. конференции, 26–27 декабря 2020 г.* – Севастополь: СевГУ, 2021. – С. 132–137
3. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Свидетельство эпохи в постройках, проектах и заметках севавтопольского архитектора А. Л. Шеффера // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2020. – № 3 (52). – С. 14–29
4. Овсянникова, Е. Б. Проект парка в Ушаковой балке в контексте 1952 года в историко-архитектурном контексте // *Комфортная среда – здоровая среда. Создание терапевтических садов в структуре города: Сб. междунар. науч. конференции, 26–27 декабря 2020 г.* – Севастополь: СевГУ, 2021. – С. 63–70
5. Веникеев, Е. В. Севастопольские маршруты: путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1988
6. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Севастополь. Целостность ансамбля // *Проект Байкал*. – 2020. – № 65. – С. 64–72

References

- Ovsyannikova, E. B. (2021). Proekt parka v Ushakovoi balke v kontekste 1952 goda v istoriko-arkhitekturnom kontekste [The project for a park in Ushakova Balka in the context of 1952 in the historical and architectural context]. *Proceedings of the international scientific conference, 26-27 December, 2020. Komfortnaya sreda-zdorovaya sreda. Sozdanie terapevticheskikh sadov v structure goroda* (pp. 132-137). Sevastopol: SevGU.
- Ovsyannikova, E. B., & Vassiliev, N. Yu. (2019). Architect V. V. Artyukhov and his role in the formation of post-war Sevastopol reconstruction. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2(47), 28-42.
- Ovsyannikova, E. & Vassiliev, N. (2020). Sevastopol: the integrity of the ensemble. *Project Baikal*, 17(64), 64-72. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1635>
- Vassiliev, N. Yu. (2021). Landshaftnye elementy poslevoennykh zhilykh kvartalov tsentra Sevastopolya [Landscape elements of the post-war residential neighborhoods in the center of Sevastopol]. *Proceedings of the international scientific conference, 26-27 December, 2020. Komfortnaya sreda-zdorovaya sreda. Sozdanie terapevticheskikh sadov v structure goroda* (pp. 132-137). Sevastopol: SevGU.
- Vassiliev, N. Yu., & Ovsyannikova, E. B. (2020). Evidence of the times in the buildings, projects and notes of the Sevastopol architect A. L. Sheffer. *Architecture and Modern Information Technologies*, 3(52), 14-29.
- Venikeev, E. V. (1988). Sevastopolskie marshruty: putevoditel [Sevastopol routes: A guide]. Simferopol: Tavriya.

> Рис. 2. Лучший стахановец-огнеупорщик Магнитки В. Н. Бардаков и его семья слушают патефон в своей квартире. 1936 – МАММ / МДФ (Мультимедиа арт музей, Москва / Московский дом фотографии): сайт. – URL: <https://russiainphoto.ru/search/archive/9559/?index=5>

На основе архивных документов, связанных со стахановским движением Восточно-Сибирского края, рассматриваются жилищные и бытовые условия жизни передовиков производства 1935–1936 гг. Исторический материал – письма, воспоминания, отчеты и прочие сохранившиеся источники – иллюстрирует ход и результаты жилищной и социальной политики советского государства на конкретных примерах.

Ключевые слова: Восточно-Сибирский край; стахановцы; жилищная политика; культура; жилищно-бытовые условия. /

Basing on the archive documents related to the Stakhanovism in the East-Siberian region, the authors study the dwelling and household conditions of the foremost workers' life in 1935–1936. The historical materials, including letters, memoirs, reports etc., show the course and results of the housing and social policy of the Soviet government through specific examples.

Keywords: East-Siberian region; Stakhanovites; housing policy; culture; dwelling and household conditions.

«Здесь дом дадут хороший нам...» (1930-е) / “Here we’ll be given a good house...” (the 1930s)

текст

Яна Лисицина
Василий Лисицин /
text
Yana Lisitsina
Vasily Lisitsin

Жилье – важнейший вопрос, связанный с базовыми потребностями каждого человека. Природно-климатические условия регионов страны естественным образом определяют типологические особенности архитектуры. Но кто и как должен проживать в этих строениях, в период в 1920–1930 гг. определял политический климат, который регламентировал, «кому на Руси жить хорошо». Причем в буквальном смысле: кто достоин или не достоин жить в нормальных условиях или вообще занимать хоть какую-нибудь жилплощадь. Система контроля в распределении жилья в условиях жесточайшего жилищного кризиса того времени, фактически, коснулась всех представителей советского общества.

Жилищным проблемам периода становления и укрепления советской власти посвящены многочисленные

труды профессора, доктора архитектуры и доктора исторических наук М. Г. Мееровича (1956–2018), в том числе и опубликованные в журнале «Проект Байкал» [1]. Марк Григорьевич комплексно рассматривал содержание и механизмы реализации советской жилищной политики (1917–1941), которая осознанно использовалась властью как мощное и эффективное средство управления людьми [2, с. 5]. Ученый считал, что «жилище играло неизменную роль кнута и пряника в организационно-управленческой стратегии власти. <...> Распределение жилища в СССР целиком и полностью находилось в системе государственного распределения, наряду с другими статьями жизненных потребностей: продукты, вещи, медицинское обслуживание, льготы в системе образования, обеспечение по старости и прочее» [2, с. 6].

Сузив охват исследовательской оптики в изучении этой глобальной темы до отдельного краевого масштаба, на основе архивных документов 1930-х гг. любопытно рассмотреть «реальную фактографию» [2, с. 7] жилищно-бытового положения жителей Восточно-Сибирского края. В 1930-х гг. в городах и промышленных центрах страны наблюдался активный прирост населения, обусловленный, прежде всего, индустриальным развитием страны, которое повлекло за собой внутреннюю миграцию из деревень и поселков. Согласно официальной советской статистике, процент рабочих и служащих в 1924 г. составлял 14,8; крестьян-единоличников и некооперированных кустарей – 75,4. В 1939 г. ситуация резко меняется: 50,2% первой вышеприведенной группы и 2,6% второй соответственно. Стоит отметить, что в 1959 г. процент рабочих и служащих в классовом составе населения страны составлял 50,2, единоличников-крестьян – 0,3%, колхозного крестьянства – 31,4% [3, с. 30].

Кто был этот новоиспеченный пролетариат? Исследователь Е. Добренко отмечал: «Прежде всего, конечно, это вчерашние крестьяне, лишенные какой бы то ни было «пролетарской сознательности». Они шли, подобно Ивану Журкину из «Людей за холустьем» Александра Малышкина, с одной целью: «Нам бы только до лета кусок заработать да ребят окопировать¹. Набедавались мы больно» [4, с. 246]. Необходимо также отметить особый способ

> Рис. 1. Стахановцы Восточно-Сибирского края. 1930-е. Из личного архива В. Филатовой

1. экипировать.

^ Рис. 3. Знатный забойщик Никита Изотов инструктирует и дает задание членам своей бригады перед спуском на работу в шахту. Украинская ССР, Горловка. 1934. Фото Марк Марков-Гринберг. – МАММ / МДФ: сайт. – URL: <https://russiainphoto.ru/search/archive/9558/?index=2>

< Рис. 4. Стахановец Ушаков с детьми. Магнитогорск. 1930-е. – МАММ / МДФ: сайт. – URL: <https://russiainphoto.ru/search/archive/9560/?index=3>

пополнения численности трудового элемента на обширных территориях Сибири – за счет спецпереселенцев, депортированных со своих основных мест проживания по классовому или национальному признаку. Так, в г. Черемхово и Черемховском районе появились раскулаченные крестьяне, привезенные из разных областей СССР по запросу Черемховского рудоуправления Восточной Сибири для работ в Черемховских угольных коях. Трудоспособные, годные для подземных работ были направлены в шахты [5]. Многие рабочие Черембасса (Черемховского угольного бассейна) проживали в бараках или поселках колонии – как в отдельных квартирах, так и в общих комнатах, независимо от пола и семейного положения.

Развитие жилищного кризиса, уменьшение количества официально разрешенных квадратных метров жилой площади на душу населения ускорили приток населения в города. Советский хозяйственный деятель, экономист, публицист Юрий Ларин (М. А. Лурье; 1882–1932) в своей книге «Жилище и быт. Жилищный вопрос в реконструктивный период» приводит таблицу, «приуроченную» к 1931 г., в которой рассматривается величина заработка и количество занимаемой площади девяти различных социальных групп населения страны. Так, рабочие и приравненные к ним лица с семейным заработком от 50 до 100 руб. в месяц (низшая категория по заработку) составляли 14,1% населения городов и занимали на человека всего 4,2 м² жилплощади. Рабочих самого высокого заработка – от 400 до 500 руб. был всего 1%, и на человека приходилось 11,5 м². Самый большой процент составляли рабочие с заработком до 200 руб. – 43,2%, и каждому было положено 6 м² площади. Лишеницев с доходом до 250 руб. в месяц было 2%, на человека приходилось 5,5 м² жилья. В среднем по стране выходило 5,9 м² [6, с. 33].

В своей книге Ларин определяет две крайние группы: «процент, имеющий более восьми и процент имеющих до двух метров на душу» [6, с. 38]. Он приводит таблицу, в которой указано, что, например, в Ленинграде, 4% рабочих имели площади до 2 м², а 25% – более 8 м². А в городе Яхроме (Московская область) 25,2% рабочих занимали площадь до 2 м² и 0,6% – более 8 м² [6, с. 39].

Пролетариат пролетариату рознь, и это очевидно по вышеприведенным данным советского экономиста: разница между заработком свыше 500 руб. и 50 руб. существенна. Рабочие, зарабатывающие значительные суммы, как правило, были стахановцами. Стахановское движение, начатое в 1935 г., охватило страну и не только дало возможность его участникам получать невиданные ранее деньги за свой всерхнормативный труд, но и очевидные знаки поощрения от властей. Передовики-новаторы, перевыполняющие план и нормы производства на сотни процентов и ставящие рекорды в выработке продукции, стали элитой рабочего класса.

И. Сталин на Первом Всесоюзном совещании стахановцев назвал их так: «Люди новые, особенные» [7, с. 303]. Эти «новые» люди в массе своей состояли из людей «старых» – вчерашних крестьян, батраков, рабочих. Часть из них была неграмотной или малограмотной. Так, на Первом краевом съезде стахановцев промышленности и транспорта Восточно-Сибирского края (1936) из 450 делегатов, согласно докладу первого секретаря крайкома ВКП (б) М. О. Разумова, было 4 неграмотных и 76 малограмотных. Беспартийных делегатов больше половины от количественного состава – 64% [8, с. 228]. Но все они были «сверхлюдьми» – героями социализма, обращение с которыми было иным, чем с простыми работягами: полагались льготы, бонусы, привилегии. Стахановцы имели возможность входа в партийное акустическое пространство: власти их слушали. Не только на слете, но и в «рабочем порядке»: после мероприятия крайком партии направил письма к делегатам с просьбой дать информацию как о трудовых подвигах и проблемах, так и о собственном материально-бытовом положении и проблемах. Люди писали в ответ, старательно выводя дрожащие буквы простым карандашом или фиолетовыми чернилами, писали с чудовищными орфографическими ошибками, но искренне повествуя о своем житье-бытье, донося «до верха» безыскусную неотцензурированную правду. И получали обратную связь в виде распоряжений, проверок и приказов по улучшению положения, спущенных местным чиновникам. Из посланий стахановцев, отчетов, а также рассекреченных в наше время материалов, входящих в фонд документов крайкома ВКП (б)

^ Рис. 5. Рис. 5. Стахановец Магнитки в своей квартире за чтением литературы. Магнитогорск. 1939. – МАММ / МДФ: сайт. – URL: <https://russiainphoto.ru/search/archive/9561/?index=1>

^ Рис. 6. В Красном уголке жены стахановцев Магнитки при организованных курсах повышают свою грамотность. Магнитогорск. 1939. – МАММ / МДФ: сайт. – URL: <https://russiainphoto.ru/search/archive/9561/?index=5>

2. Велосипед

Восточно-Сибирского края, можно узнать об истинном бытовом положении рабочих Восточно-Сибирского края в 1935–1936 гг., причем лучших из лучших по меркам той эпохи.

«С приветом остаюсь жив!»

Было бы совсем неверным утверждать, что все стахановцы априори жили в прекрасных условиях. Очевидно, они испытывали те же трудности, что и непривилегированные рабочие: низкий уровень жизни, дефицит жилья, отсутствие элементарных вещей, нехватка самого необходимого, причем зачастую местные власти ничего не предпринимали для улучшения ситуации и начина-

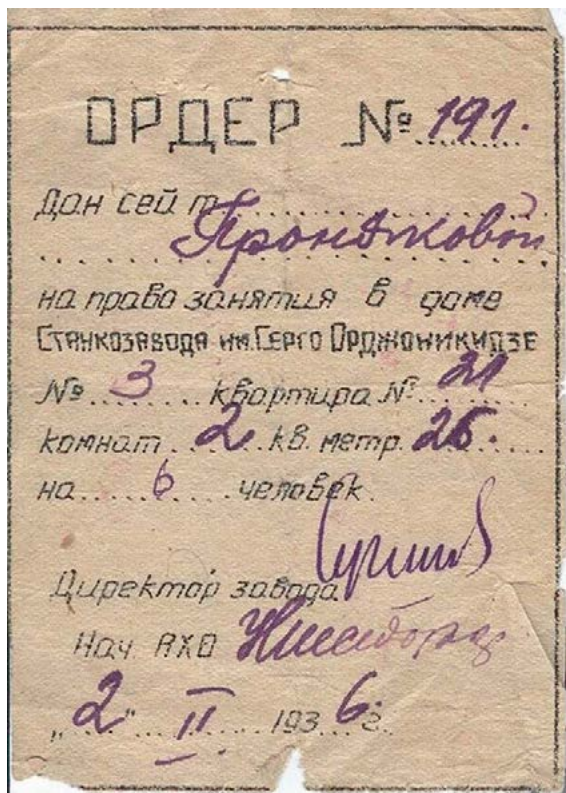
ли какие-то действия только после указания сверху. Передовики жаловались: «В области улучшения бытовых запросов стахановцев, как-то: выделение лучших квартир, оборудование мебелью Дирекцией завода делается кое-что, но недостаточно и Стахановцы в своем большинстве совершенно не выделяются от общей массы рабочих» [9, с. 31].

Стахановец Гаращук делил с холостяком проходную комнату вместе с больной женой и пятилетним ребенком. Несмотря на «проведенный через газету» (скорее, опубликованный) приказ, как пишет рабочий, квартиру ему не выделяли [9, л. 134].

Стахановец Титов жил в маленькой, тесной комнате, где стены и потолок были сырыми настолько, что, как он описывал: «завелись крупные мокрицы, букашки, бывает так – кушаешь, а она упадет с потолка в суп или чай, сразу чувствуешь отвращение и проклинаешь барак и всех богов и богородиц, конечно администрация знает об этом, но мер не принимает и ночью кровожадные клопы не дают спать» [9, л. 46]. Карандашом на его письме стоит пометка, по-видимому, от проверяющих крайкома: «Факты – правильные беспорядков много».

Стахановка Е. Исаичева сообщает в своем письме: «Для нас стахановцев квартиры обещают со всеми удобствами и мы надеждой об этом живем. В бараках, где живут рабочие, все больше и больше развивается пьянка и картежная игра, от пьянки несколько человек сгорело и несколько сошло с ума, этого не замечает наша администрация» [9, л. 114].

Примечательна история стахановца Пыжанова, который бедовал с семьей (трое детей от года до 4-х лет, мать, жена и сестра) в бараке в холодной квартире, состоящей из одной комнаты 14 м² и маленькой кухни на 2 семьи. Мебели не было, даже табуреток. «Дети спят на кровати, а сами спят на полу». Профсоюзная и хозяйственная организации, несмотря на его просьбы, ни в чем не помогли: радио не провели, отказали в установке плитки в комнате, квартиры не дали. Даже с «обстановкой» ничего не получилось: просил, чтобы дали в рассрочку кровать, 4 стула и гардероб. Был получен ордер на получение вещей, но, когда его жена пошла забирать просимое, заведующий коммунальным отделом на ордер посмотрел,

> Рис. 7. Ордер на получение советской жилплощади. 1936. – Ваш 1922-91 год рождения: информационно-исторический портал. – URL: <http://22-91.ru/foto-vremen-sovetskogo-soyuza/order-na-polucheniye-sovetskoyj-zhilploshhadi-1936-god-7260.html>

< Рис. 9. Шахтеры-стахановцы с руководством шахты № 8 и активом треста «Черемховуголь». – Прибайкалье: сайт. – URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4038.html>

но мебель не выдал, и лишь жестоко посмеялся над ней: «Начал спрашивать ее: – А ты знаешь с чем едят гардероб, ведь ты из деревни и т. д.» [10, л. 35].

Вопрос нехватки мебели, элементарных бытовых вещей стоял очень остро. Например, стахановец Соколетов жил вместе с семьей своего отца-инвалида, спал на поломанной койке без матраца и простыни. Просил администрацию выдать необходимое, но получил отказ [10, л. 36]. С одеждой тоже были проблемы. Так, рабочий-передовик Воронов пишет: «<...> я считаю, что я живу на свете и стараюсь работать не щажу своим здоровьем все зиму проходил в осеннем пальто и ботинках» [9, л. 50]. Вопрос одежды волновал стахановцев и с точки зрения повышения эффективности работы: «Раньше я работал в шубе, процент был меньше, начал работать в пиджаке, проценты увеличились, теперь работаю в куртке процент еще больше. А если раздеться, значить развязать себя, достижения будут гораздо больше, можно работать и не быть потным, вот в чем причина <...>». Приписка-комментарий – указание карандашом на этом письме: «Форма для старших стрелочников» [9, л. 55 об.]. Администрация все же форму выдавала и с гордостью рапортовала об этом: «Стахановцев мы немного одели, дали комбинезоны, и они приняли у нас приличный вид» [9, л. 74]. Но в ответ неслось из рабочих масс: «Вот купили комбинезоны, а не рассказали как его носить» [9, л. 77 об. –78].

Отдельный вопрос статусности – наличие радио. «Радиоустановка – молчала всю зиму; имеющиеся рупора на днях захрипели заржавленными мембранами и опять умолкли», – жаловались рабочие [9, л. 81]. О радио писали многие: иметь свою радиоточку в собственном жилье было и престижно, и удобно: «<...> я попросил чтобы они постарались провести мне в квартиру радио, а я так и не знаю жизни нашего края кроме газеты» [9, л. 69]. Особая обида состояла в том, что в соседнюю комнату, где проживали нестахановцы, провели радио, а вот самим стахановцам – нет.

«Дочь имеет отдельную кровать, стол»

Не все передовики находились в столь стесненных обстоятельствах; выделялся условный «мидл-класс»

среди пролетариата: люди, живущие в вполне сносных условиях.

Стахановец Жушман с семьей (жена, мать, шестиклассница дочь, сын) жил в двухкомнатной теплой квартире, чистой, уютной, с «хорошей обстановкой». В баню семья ходила каждую пятидневку, в кино 2–3 раза в месяц. Дочка спала на своей кровати, занималась за собственным столом. Сам хозяин читал газеты: «Восточно-Сибирскую правду», «Черемховский рабочий», беллетристику, а вот хозяйка была неграмотной, но хотела учиться. Жили вполне обеспеченно: имели радио, гитару, балалайку, веломашину², корову, телку, поросенка, 5 куриц. Но была жалоба: хозяин хотел во время отпуска заготовить сена, но вызвали на работу, потому что «его бригада расхлябалась». Обещали предоставить сено, он даже заплатил, но дали мало. Также просил ссуду 2000 руб., чтобы в рассрочку приобрести одежду, но и тут отказали [10, л. 33].

Стахановец Угарников с семьей (жена и четырехмесячный сын) занимал теплую и чистую однокомнатную квартиру, получил в рассрочку гардероб и 4 стула, был премирован велосипедом. Держал поросенка, дойную корову, 8 штук кур. Но тоже обижался: не построили стайку для его живности. Жалоба на то, что не возводят подсобные помещения для скота, встречается достаточно часто: по-видимому, стахановцы перестали обслуживать себя в этом отношении, переложив решение проблемы на плечи администрации – в связи, возможно, с нехваткой времени. Стоит отметить: корова и свиньи были привычны, понятны и желанны для хозяйства людям, имеющих в массе своей крестьянские корни и, как правило, скот держали многие стахановцы того же Черембасса.

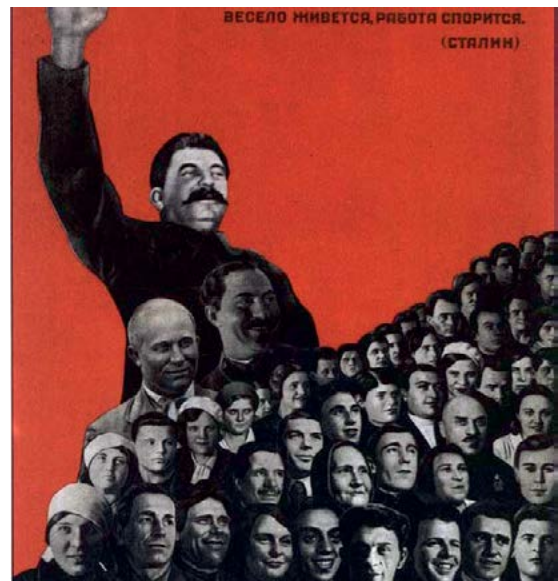
Элитные рабочие напрямую сталкивались с конкретными реалиями государственной жилищной политики: «<...> жилотдел хочет отобрать у меня одну комнату на том основании, что по новой норме 4 кв. метра у меня 6 метров лишней площади. Как мастер и член ИТС я должен был воспользоваться льготой по жилплощади. Но мне некогда занимать дорогое время на хождение по этим вопросам». Приписка-комментарий карандашом проверяющих гласила: «Излишки квадратов 4 чел. 28 полезн. площади 7 метров дочери 15-16 л. Сын 10 л. ИТР» [9, л. 63, 64]. Последовал ответ председателя президиума

^ Рис. 8. Значок стахановца, 1936. – Ваш 1922-91 год рождения: информационно-исторический портал. – URL: <http://22-91.ru/foto-vremen-sovetskogo-soyuza/znachok-stakhanovca-1251.html>

^ Рис. 10. Шахтеры-стахановцы шахты № 8. – Прибайкалье: сайт. – URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4038.html>

^ Рис. 11. Плакат. – Ваш 1922-91 год рождения: информационно-исторический портал. – URL: <http://22-91.ru/foto-vremen-sovetskogo-soyuza/krasnye-trudjagi-3921.html>

крайпромсовета Вахрушева: «Отторжение одной комнаты у т. Теплякова на основании последнего постановления Крайисполкома с формальной стороны законно, но есть ряд моментов, которые нам дали право поставить перед Горжилсоюзом и Горсоветом вопрос о сохранении за т. Тепляковым дополнительной площади» [9, л. 61].

Одoleвали и вопросы санитарного порядка. Стахановец Ступин с семьей (четверо детей и жена) жил в двухкомнатной квартире с кухней. Ему была выделена мебель, также имел радио, корову и телку, причем его обеспечили необходимым сеном. Но мешали клопы, которые так расплодились, что пришлось писать жалобу, потому что сам передовик «ничего не может сделать» [10, л. 37].

«...я купил велосипед, ружье, патефон, комод, зеркало, стулья, корову кажется завел...»

Наталья Лебина справедливо отмечает, что «Квартира становилась инструментом социального стратифицирования, где существовала страта «знатных рабочих» [11, с. 114]. Быт рабочей советской элиты все более и более отличался от жизни общей массы трудящихся: «В числе наших стахановцев у нас есть т. Митюков – орденносец, которому дана хорошая квартира, закреплена уборщица, т. к. он одинок» [9, л. 75]. Неплохо обстояли дела и у стахановца Бойгарова: хорошая квартира с линолеумом на полу, комплект мебели в рассрочку, у детей – отдельные кровати. Имел радио, вилтролу, велосипед. Ходил с женой в кино каждую «пятиневку», причем профсоюз выделял бесплатные билеты, а его дочка первоклассница Лидочка посещала «детское кино». Выписывал газеты, но их читала жена, а сам был малограмотен, в связи с чем прикрепленный учитель приходил к нему прямо на дом, но нерегулярно [10, л. 38].

По воспоминаниям художника Ф. Мигаева, для подготовки картин к выставке портретов стахановцев было решено ознакомиться с их бытовыми условиями: «И вот я в новом доме, квартире передового человека. Две комнаты, кухня. В переднем углу, где ранее висели бы иконы, а на треугольном столике лежало, быть может, Евангелие, сейчас в углу стоял довольно большой столик. На столике стоял радиоприемник, два патефона, какие-то альбомы. На стене в рамках Почетные грамоты» [12].

Вещи, добротные и престижные для того времени, стали доступны для людей, пришедших на заработки только лишь «в пиджаке из сукна своей работы» [13, л. 46].

«Советская власть подчеркивала материальный уровень и культурное развитие стахановцев. Участники совещания комбайнеров-стахановцев рассказывали, как покупают велосипеды, граммофоны и книги. <...> Пропаганда показывала, как живут стахановцы: у них новые просторные жилища, которые они поддерживают в идеальной чистоте и со вкусом украшают» [7, с. 304].

М. О. Разумов на съезде стахановцев Восточно-Сибирского края рассказал о рабочем, у которого была пустая трехкомнатная квартира без обстановки. «Он с октября месяца начал зарабатывать очень много <...> в октябре месяца заработал около 3 тысяч, в ноябре тоже около 3 тысяч <...>. Рабочий жаловался: «<...> после того как я начал зарабатывать по стахановски, я купил велосипед, ружье, патефон, Комод, зеркало, стулья, корову кажется завел, после этого вдруг оказалось, что моя квартира, которую я считал слишком великой уже тесна. Я стал подумывать еще о большей» [14, л. 11–12].

Рабочие не только хорошо зарабатывали, их также премировали различными вещами за ударный труд, в том числе и музыкальными инструментами – пианино, баяном. Неизвестно, освоили ли они игру на этих инструментах, но важен сам факт почетного подарка как маркера особых заслуг и особого положения. Пианино можно поставить в почетный красный угол и накрыть вязаной салфеткой, оно будет молчать или иногда кто-нибудь «побренчит» на нем, нажимая случайные клавиши, но суть не в этом. Важно, что оно есть, и совершенно несущественно – играют на нем или нет; значимо само присутствие музыкального инструмента наряду с коровой или выводком поросят как показатель успешной жизни.

Точно – полом!

Стоит коснуться и темы медицинского обслуживания стахановцев, которое чаще отмечалось как неудовлетворительное. В документах описывается случай, как стахановец получил на работе «полом» ноги. В поликлинике его осмотрели врачи, «дали микстуру для смазки и рекомендовали делать припарки и ходить каждый день

в поликлинику на осмотр, но ломота ноги не определили, думали, что ушиб, а после 8 дней хотели ему резать, но он не дал». Точный диагноз помогла поставить какая-то кочка на пути в поликлинику: рабочий неудачно наступил на нее, и «поломанная кость приподнялась кверху». После этого уже точно определили перелом, и бедолагу отвезли в больницу [10, л. 38]. Можно сказать, что перелому рабочему, несмотря на такой крайне своеобразный способ диагностики, повезло: в 1935 г. его все-таки осматривали и лечили врачи. А вот двух заболевших простых рабочих в 1933 г. в городскую больницу просто не приняли, и они «лежали голодными без всякого присмотра на территории строительства в нескольких шагах от амбулатории, столовой и конторы завода с 20 апреля с. г. на глазах у всех». Лежали больными, голодными, в условиях достаточно низких температур. По-видимому, их вид нервировал руководство, и врач вместе с начальником социально-бытового сектора распорядились 26 апреля вынести больных за территорию завода и оста-

вить в «мелком кустарнике» без присмотра, где их случайно обнаружили два командира РККА. Военные оказались решительными людьми, они добились (но не сразу!), чтобы рабочих все-таки отправили в больницу. Один из мужчин умер от болезни и истощения, второй же был спасен [15, л. 116].

Невольно вспоминается стихотворение В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»: «сливеют губы с холода», и «неважен мокр уют», и «сидят впотьмах рабочие». Задokumentированные случаи, отражающие особенности быта рабочих Восточно-Сибирского края – малая часть пестрого kaleidoscope, составляющего сложную картину советской действительности, они отражают и подтверждают эти образы. Но был ли через четыре года построен «город-сад», как это предсказывал поэт?

Литература и источники

1. Меерович, М. Г. «Награжденные трудом», или Кочевники поневоле // Проект Байкал – 2010. – № 24. – С. 114–118
2. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
3. Народное хозяйство СССР. 1922–1982: Юбил. стат. Ежегодник / ЦСУ СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1982. – 624 с.
4. Добренко, Е. Политэкономика соцреализма. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
5. Кириллова, Г. Шахтеры: черемховские спецпереселенцы в годы Великой Отечественной войны // Прибайкалье: сайт. – URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4038.html> (дата обращения: 01.03.2021)
6. Ларин, Ю. Жилище и быт. Жилищный вопрос в реконструктивный период. – Москва : Издательство ВЦИК «Власть Советов», 1931. – 126 с.
7. Хоффман, Д. Л. Возвращение масс. Современное государство и советский социализм. 1914–1939. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.
8. Лисицина, Я. Ю., Лисицин, В. Г. Культурная составляющая образа стахановца Восточно-Сибирского края в быту и искусстве // Известия Иркутского государственного университета. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2017. – Т. 22. С. 227–233
9. ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. 123. Оп. 19. Д. 262
10. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 19. Д. 290
11. Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 488 с.
12. Дело В. Ф. Мигаева. [В. Ф. Мигаев. Воспоминания о художниках. Стахановская командировка : на правах рукописи] // Арх. ИОХМ им. В. П. Сукачёва
13. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 19. Д. 255
14. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 19. Д. 257
15. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 54а. Т. 2

References

- Dobrenko, E. (2007). Politekonomiya sotsrealizma [Politeconomy of social realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Hoffman, D. L. (2018). Vrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939 [Growing masses. A modern state and the Soviet socialism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kirillova, G. (2010, April 10). Shakhтеры: chermkhovskie spetspereselentsy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Miners: Chermkhovo special settlers in the period of the Great Patriotic War. Probaikalie. <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4038.html>
- Larin, Yu. (1931). Zhilishche i byt. Zhilishchnyi vopros v rekonstruktivnyi period [Dwelling and household. A housing question in the reconstruction period]. Moscow: Izdatelstvo VTSIK "Vlast Sovetov".
- Lebina, N. (2016). Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu [Soviet everyday life: norms and abnormalities. From the war communism to the grand style]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lisitsina, Ya.Yu., & Lisitsin, V. G. (2017). Kulturnaya sostavlyayushchaya obraza stakhanovtsa Vostochno-Sibirskogo kraia v bytu i iskusstve [A cultural element in the image of a Stakhanovite of the East-Siberian region in everyday life and art]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 22, 227–233. Irkutsk: Izdatelstvo IGU.
- Meerovich, M. G. (2008). Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyudmi (1917–1937 gody) [Punishment by dwelling: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917–1937)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. Eltsina.
- Meerovich, M. G. (2010). "Awarded with labour", or nomads against their will. Project Baikal, 24, 114–118. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.24>
- Migaev, V. F. (n.d.). Delo V. F. Migaeva [The case of V. F. Migaev]. In Vospominaniya o khudozhnikakh. Stakhanovskaya komandirovka [Manuscript]. V. P. Sukhachev IRAM Archive.
- Narodnoe khozyaistvo SSSR. 1922–1982: Yubil. stat. Ezhegodnik [National economy of the USSR. 1922–1982: Anniversary stat. annual] (1982). TsSU SSSR. Moscow: Finansy i statistika.
- SACHIR. (State Archive of Contemporary History of the Irkutsk Region) Fund 123, Inv. 19, File 255.
- SACHIR. Fund 123, Inv. 19, File 257.
- SACHIR. Fund 123, Inv. 19, File 262.
- SACHIR. Fund 123, Inv. 19, File 290.
- SACHIR. Fund 159, Inv. 1, File 54a, Vol. 2.

Автор обращается к истории рождения генерального плана Соцгорода Магнитогорска в связи с новыми публикациями и появлением новых проектных материалов. Делается попытка расширить границы версии конкурса советских и немецких специалистов, отмечается ценность всех проектов планировки, созданных в 1929-1930-х годах, вновь подчеркивается необходимость сохранения и развития квартала № 1 Соцгорода как всемирно известного памятника градостроительства.

Ключевые слова: проект планировки; генплан; соцгород; градостроительство; функционализм; традиционность; сохранение культурного наследия. /

The author reviews the history of the birth of the master plan for the socialist city of Magnitogorsk in connection with new publications and new design materials. An attempt is made to expand the boundaries of the version of the competition for Soviet and German specialists, the value of all planning projects created in the 1929-1930s is highlighted, and the need for preservation and development of the quarter No. 1 of the Socialist City as a world famous urban planning monument is again pointed out.

Keywords: planning design; masterplan; socialist city; urban planning; functionalism; conventionalism; preservation of cultural heritage.

Пейзаж после битвы / Landscape after the battle

текст

Александр Кудрявцев /
text
Alexander Kudryavtsev

*Посвящается светлой памяти
М. Г. Мееровича*

Сложное слово новояза «Соцгород» рождает во мне два устойчивых образа – элегантно желто-зеленой книги Н. А. Милютина издания 1930 г. и картины квартала № 1 Магнитогорска, который я посетил по случаю международной научной конференции, посвященной юбилею славного города, первенца первой пятилетки.

Книга Н. А. Милютина мирно стояла как один из манифестов нашего авангарда 1920-1930-х годов в огромной библиотеке деда – С. Е. Чернышева. Спрос на нее возник у моих друзей, студентов-архитекторов, когда в конце 1950-х годов они в группе А. Гутнова готовили дипломный проект города будущего, который скромно назвали НЭР – новый элемент расселения. А я не знал тогда, что принципы социалистического города, изложенные в книге, были порождены жесточайшей критикой проектного предложения планировки рабочего поселка при металлургическом комбинате, разработанного С. Е. Чернышевым. Заседание на эту тему состоялось 2 октября 1929 г. в московском представительстве Магнитостроя, на котором архитектор «делал доклад, рассказывая об основных принципах предлагаемой им планировки поселка» [1, с. 28]. Н. А. Милютин был на этом совещании, и через несколько дней он публикует в газете «Известия» резкие критические суждения о проекте, упрекая автора в традиционности проектного подхода [1, с. 29-30]. Уже в ноябре выходит постановление СНК РСФСР о строительстве магнитогорского комбината и города Магнитогорска, которое законодательно задает статус Магнитогорска как поселения особого типа – «социалистического города» [1, с. 31]. Кардинально и политически меняется задание на проектирование, начинается схватка гигантов за получение госзаказа не только на Соцгород Магнитогорск, но и еще на сотню подобных городов при промышленных предприятиях – «флагманах пятилетки». Гладиаторами были назначены архитекторы, которых сегодня удобно назвать «традиционалистами» и «функционалистами».

История конкурса на город Магнитогорск 1929–1930 годов подробно, день за днем, реконструирована

Е. Конышевой и М. Мееровичем [1]; о ней подробно рассказывают И. Череди́на [3], И. Лыкошин [4]. Вышли в свет капитальные труды немецких коллег Т. Флирля [2], Х. Боденшатца и К. Пост [5], наконец, под редакцией Ю. Л. Косенковой двухтомник «Советское градостроительство» (I том – 1917–1941) [6].

Поле исследований все расширяется, но, к сожалению, не появляются графические градостроительные документы, демонстрирующие проект С. Е. Чернышева. Естественно, немецкие коллеги прекрасно и полно представляют работы группы Э. Мая. Проектных материалов его соперника нет; лишь в 2014 г. впервые опубликован фрагмент с птичьего полета в книге И. Черединой [3]. Случайно это или нет?

С. О. Хан-Магомедов, говоря о своей деятельности по сбору материалов о советском архитектурном авангарде и конкретно по наследию ВХУТЕМАСа, отмечал, что в архивах сохранились письменные документы: стенограммы, отчеты, письма, но не графические произведения. Хорошо понимая именно их художественную и историко-культурную ценность, он своим самоотверженным спасательным трудом смог сохранить ценнейший пласт нашей культуры. Отсутствие графических материалов проекта С. Е. Чернышева, безусловно, воспринималось М. Г. Мееровичем как недостаточная полнота картины рождения соцгорода Магнитогорска. При нашем знакомстве он спрашивал, не сохранился ли в семейном архиве генплан Магнитогорска и искренне огорчился моему отрицательному ответу.

Я полагаю, что эпопея 1929–1930 гг. была не только конкурсом между могущественными ведомствами за крупный госзаказ, с чем согласны наши исследователи, но и противостоянием профессиональных подходов в градостроительстве.

К 1929 г. в СССР был накоплен богатый опыт проектирования рабочих поселков, сложилась школа советских градостроителей во главе с В. Н. Семеновым, успешно внедрявшим в России идею города-сада. С. Е. Чернышев постоянно с ним сотрудничал, в том числе в качестве соавтора, и, конечно, исповедовал общие с ним взгляды на градостроительство. К 1929 г. он был победителем многих конкурсов, в том числе рабочих поселков Гроз-

^ Рис. 1. Портрет С. Е. Чернышева (1881–1963). Фото С. И. Овчинникова. 1929–1930

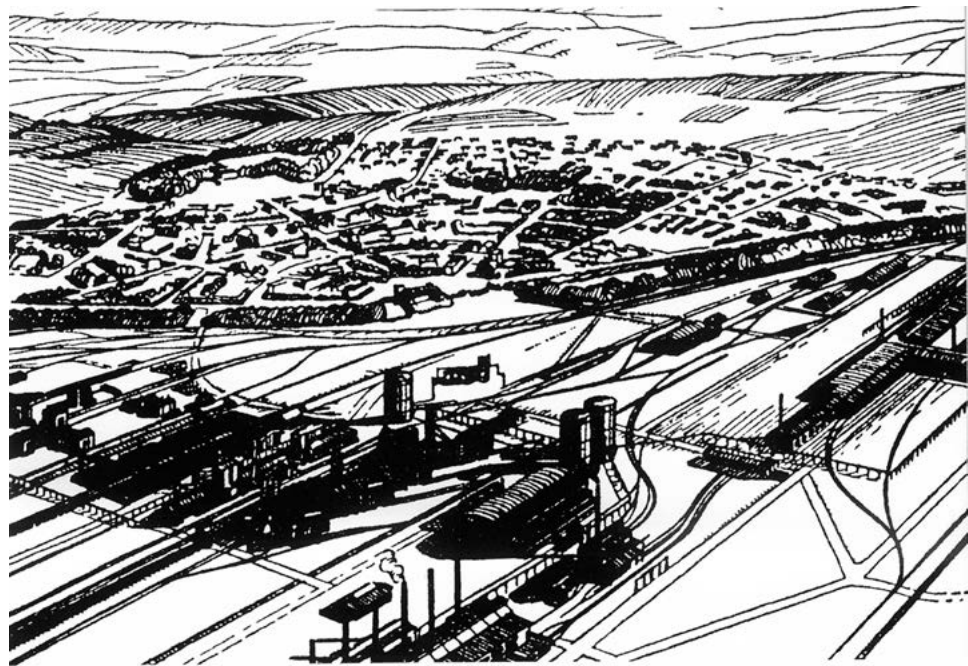

> Рис. 2. С. Е. Чернышев у планшета генерального плана Магнитогорска. 1930. Третий слева – Эрнст Май [5, с. 64]

нефть, Донские огороды, поселок в Иваново-Вознесенске. Вместе с В. Н. Семеновым он основал во ВХУТЕМАСе кафедру градостроительства. Думаю, что он не скрывал своего отношения к поточно-функциональному методу проектирования городов, к строчной застройке, к пренебрежению реалиями быта десятков тысяч рабочих и их семей, чему доказательство – успех его проектов секции жилых домов Моссовета 1925 г., которые и были, по мнению проф. В. Федосихина [3, с. 187] реализованы первыми в квартале № 1 соцгорода Магнитогорска. В том числе и тот, исторически первый, с табличкой «Здесь 5 июля 1930 г. в присутствии 14000 строителей заложен фундамент первого капитального дома г. Магнитогорска». Характерно, что в личном архиве эти дома не упоминаются [3, с. 187].

В книге Е. Конишевой и М. Мееровича 2012 г. опубликованы ранние проекты генплана поселка при Магнитогорском металлургическом комбинате [1, с. 101]. На с. 101 размещен проект с подписью «Проект. Ленгипромез. 1929. Источник: Магнитогорский металлургический завод. Проект. Л., 1929. Приложение». На следующей странице – фото С. Е. Чернышева у планшета с проектом генерального плана Магнитогорска (1930. Источник: Bodenschatz H., Post C. Staedtebau im Schatten Stalins. Die internationale Suche nach der sozialistischen stadt in der Sowietunion, 1929-1939. Berlin, 2003. S. 60». Эта книга была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге в 2015 г. [5].

Сначала я увидел эту фотографию в немецкой книге, поразился абсолютной непохожести на ней деда. Но радость (наконец-то!) появления зримого, хотя и плакатного, пропавшего генплана в фундаментальном немецком труде заглушила мои сомнения. Мы обсуждали с М. Г. Мееровичем появление этого плана, его трехлучевую основу, но я с ним советовался и по поводу обнаруженных у себя дома, в чулане на черной лестнице, двух фотографий планировочных чертежей, на одной из которых был заголовок «Эскиз планировки г. Магнитогорска», другой был без заголовка. На обоих – подписи: С. Чернышев и В. Семенов-Прозоровский. Даты нет. Я показал эти чертежи М. Г. Мееровичу во время нашей последней встречи, незадолго до его кончины. Он спросил: «А что с трехлу-

чим?». И порекомендовал быстрее вводить фотографии в научный оборот: «А мы уж их исследуем!». Теперь с глубокой горечью я веду с ним диалог через книгу, которая является бесценным источником знаний об этом невероятном времени, когда было разработано небывалое количество проектных и программных документов, практически изменилась целевая установка советского градостроительства.

Замечательная книга М. Мееровича и Е. Конишевой буквально день за днем описывает эту эпопею – с октября 1929 г. по декабрь 1930-го. Их исследование, казалось бы, закрыло тему, но сами авторы говорят о сохранении неясности по многим вопросам, в том числе – почему проект С. Е. Чернышева, отмеченный правительственной комиссией как лучший 2 декабря 1930 г. (а в нее входили И. Жолтовский, А. Щусев, В. Семенов, А. Иваницкий,

^ Рис. 3. Магнитогорский металлургический комбинат и будущий социалистический город [5, с. 65]

И. Машков), та же комиссия называет проект Э. Мая более разработанным и передает ему дальнейшее проектирование? Мне кажется, что неясности связаны с тем, что исследования по этому конкурсу велись по архивным стенографическим материалам при отсутствии проектной документации советского проекта. Об этом мне говорил М. Меерович, надеясь, что личный архив С. Е. Чернышева приоткроет завесу.

К сожалению, сравнение генплана на планшете, плакате и перспективе говорит о том, что это один объект, разработанный Гипромезом в 1929 г., а докладчик – не С. Е. Чернышев: это другой человек, возможно, представитель ленинградского Гипромеза. Предлагаю сравнить с портретом деда 1929–1930 гг.

Эскизная же планировка в виде двух фотографий, очевидно, та самая, которая была раскритикована Н. А. Милютиным. Для подкрепления этой моей версии приведу цитату. Проектируя рабочий поселок (о соцго-

роде еще нет и речи!), «<...> архитектор предлагает две очереди строительства: первую – временное поселение, вторую – капитальный город. Композиционная ось планировочной структуры в проекте С. Е. Чернышева – широкая магистраль с бульварами и скверами – ориентирована, как то негласно требует проектная идеология, на градообразующее промышленное предприятие – металлургический комбинат. Городской центр предлагается сформировать с двумя «ядрами»:

а) административно-политическим (площадь на территории временного поселка) со зданиями Дома Советов, партийных организаций, учреждений культуры,

б) «производственным» (площадь в основном городе) со зданиями заводоуправления, главной заводской конторы, ФЗУ, гостиницы, столовой.

Жилая застройка намечается в двух видах:

– «крупная» – кварталами, «притянутыми» к основной магистрали, с 4-этажными секционными домами (секция Моссовета) с плотностью 300 чел/га;

в Рис. 4. Эскиз планировки г. Магнитогорска. Арх. С. Чернышев, В. Семёнов-Прозоровский. Архив А. П. Кудрявцева

– «мелкая», малоэтажная, с плотностью 50 чел/га – на периферии.

Примечателен факт указания на необходимость наличия в поселении коллективного социально-бытового обслуживания, развитие которого предполагалось лишь в будущем – «с развитием общественной жизни».

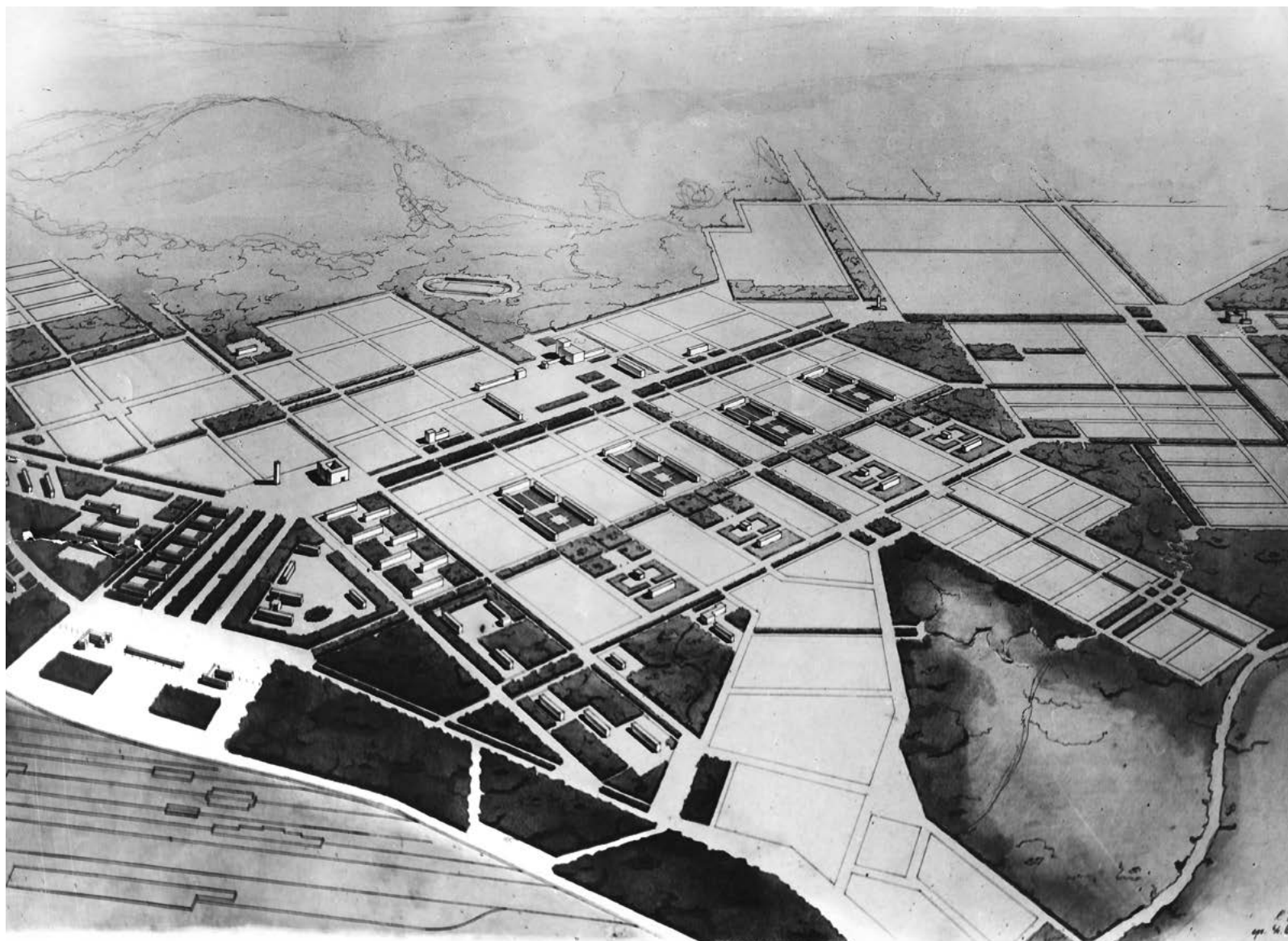
Автор предусматривает размещение в городе двух рынков» [1, с. 28–29].

Отмечу, что соавтором С. Е. Чернышева был В. В. Семенов-Прозоровский, сын В. Н. Семенова, прибавивший себе вторую фамилию в честь первого города-сада в России на станции Прозоровская. Этот эскиз имеет черты русского градостроительства: иерархию площадей и улиц, обилие зелени – парков и скверов, организацию перспектив на группы зданий или природные доминанты. Таким образом, безусловной градостроительной характеристикой является «ансамблевость» или «традиционность», по характеристике Н. А. Милютина. Это

то, что будет определять советское градостроительство после 1935 г. – года разработки генерального плана социалистической реконструкции Москвы.

Но этот героический – трагический – период оставил в Магнитогорске уникальный культурный след – квартал № 1 Соцгорода. Прежде всего, это воплощение небывалой в России организации жилого пространства, озелененных общественных пространств с фонтанами, новым типом детских образовательных учреждений, жилых зданий с элементами обобществления быта, с попыткой ввести новую урбанистическую эстетику «прямого угла», контрастных цветовых фасадных плоскостей. Это был широкомасштабный опыт ускорения градостроительного и архитектурного проектирования («поточно-функциональный метод»), индустриализации строительства и его экономической оптимизации. Строчная застройка стала градостроительным лейтмотивом, заменив привычную плотную городскую застройку (спустя полвека видный

в Рис. 5. Перспектива с птичьего полета эскиза планировки г. Магнитогорска. Арх. С. Чернышев, В. Семенов-Прозоровский. Архив А. П. Кудрявцева

> Рис. 6. Магнитогорск с птичьего полета. 1931 [2, с. 156]

советский градостроитель Н. Н. Уллас обидно назовет этот прием «палкой по забору»). Мы же знаем, что Э. Май остается знаковой фигурой современного градостроительства; его соратники М. Стам и М. Шютте-Лихотски – культовые фигуры современного движения в архитектуре. Увы, шельмование было методом унижения не только иностранных зодчих. Как известно, Э. Май вернулся в послевоенную Германию и продолжал успешную практику, которую показал в Москве в 1959 г. Он и С. Е. Чернышев встретились в ЦДА и долго разговаривали. Вот бы послушать их сейчас...

Квартал № 1 города Магнитогорска, несмотря на небрежение и разруху, любят жители Левобережья, гордятся им. Я встречался с муниципальными депутатами и мэром города. Они знают, что их квартал – всемирно известный, и они протестуют против планов сноса исторических домов и уплотнения застройки. Против этих печальных перспектив выступают и профессионалы – отечественные и зарубежные; неоднократно в защиту квартала № 1 выступал национальный комитет ИКОМОС Германии [7]. Есть разработанный план восстановления общественных зеленых придомовых пространств. Сверстник квартала поселок Вайзенхоф в Штутгарте, не так давно обретший вторую жизнь, показывает, какую благородную миссию может иметь памятник градостроительного искусства 1920-х гг. Я считаю, что квартал № 1, являясь совместным с Германией объектом культурного наследия, мог бы номинироваться в список ЮНЕСКО, чрезвычайно бедный объектами XX века.

Сегодня две фотографии эскиза планировки г. Магнитогорска экспонируются в Государственном музее архитектуры имени А. В. Щусева на выставке «ВХУТЕМАС 100. Иллюминаторы завтрашних городов. Архитектурный факультет». Она открылась 25 декабря 2020 г. Публикацией этой статьи я выполняю завет М. Г. Мееровича, друга, коллеги и первооткрывателя.

Литература

1. Конышева, Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). – Москва : Ленанд, 2012. – 224 с.
2. Ernst May 1886–1970. Prestel. Munchen London New York. 2015
3. Чередина, И. Архитекторы Москвы. С. Е. Чернышев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – 359 с.
4. Лыкошин, И., Чередина, И. Сергей Чернышев. Архитектор Новой Москвы. 1881–1963. Berlin : Dom publishers, 2015. – 264 с. : ил.
5. Боденшатц, Х., Пост, К. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города. – Санкт-Петербург : SCIO Media, 2015. – Т. 1. – 415 с.
6. Советское градостроительство. 1917–1941 / отв. ред. Ю. Л. Косенкова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – Книга 1. – 820 с.
7. Alexander Kudryavtsev. Outstanding works of the Soviet Architectural Avantgarde as joint Heritage: Past, Present, Future. In.: A Future for Our Recent Past. Model Projects of Modern Heritage Conservation in Europe. 2020. ICOMOS Hefte Des Deutsche National Komitees LXXIII. Berlin. – S.92–100

References

- Bodenshatz, H., & Post, K. (2015). Gradostroitelstvo v teni Stalina. Mir v poiskakh sotsialisticheskogo goroda [Urban planning in the shadow of Stalin. The world in search of a socialist city]. Vol. 1. Saint Petersburg: SCIO Media.
- Cheredina, I. (2014). Architektory Moskvy. S. E. Chernyshev [Architects of Moscow. S. E. Chernyshev]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Ernst May 1886–1970 (2015). Prestel. Munchen London New York.
- Konyshova, E. V., & Meerovich, M. G. (2012). Ernst May I proektirovanie sotsgorodov v gody pervykh pyatiletok (na primere Magnitogorska) [Ernst May and designing of socialist cities in the years of the first five-year plans (a case study Magnitogorsk)]. Moscow: Lenand.
- Kosenkova, Yu. L. (Ed.) (2018). Sovetskoe gradostroitelstvo. 1917–1941 [Soviet town-planning. 1917–1941]. Moscow: Progress-Traditsiya. Kniga 1.
- Kudryavtsev, A. (2020). Outstanding works of the Soviet Architectural Avantgarde as joint Heritage: Past, Present, Future. In A Future for Our Recent Past. Model Projects of Modern Heritage Conservation in Europe. ICOMOS Hefte Des Deutsche National Komitees LXXIII. Berlin.
- Lekoshin, I. & Cheredina, I. (2015). Sergey Chernyshev. Arkhitektor Novoi Moskvy. 1881–1963 [Sergey Chernyshev. Architect of New Moscow. 1881–1963]. Berlin: Dom publishers.

Поздний этап развития социалистического города во второй половине XX века принято относить к феномену «модернистской волны». На этот период пришелся высочайший взлет иркутской архитектурной школы, и мы продолжаем публиковать материалы о замечательных иркутских шестидесятниках и их лучших градостроительных проектах, ничуть не потерявших актуальности.

Живой, современный характер многих аспектов социалистического города обсуждается в статьях из Иркутска, Красноярска и Хабаровска. Рассказом об обновлении одесских Черемушек мы продолжаем публикацию материалов международного российско-германско-украинского проекта по сравнительному исследованию наследия социалистической эпохи в городах трех стран. А Зимний университет демонстрирует попытки примерить на модернистские районы Иркутска современные стандарты комплексного развития территорий.

Елена Григорьева
Константин Лидин

модернистский город / a modernist city

The late stage in the development of a socialist city in the second half of the twentieth century is usually attributed to the phenomena of the “modernist wave”. This period saw the highest rise of the Irkutsk school of architecture, and we continue to publish materials about the wonderful Irkutsk sixtiers and their best urban planning projects, which have not lost their relevance.

The lively, modern character of many aspects of the socialist city is discussed in articles from Irkutsk, Krasnoyarsk and Khabarovsk. The article on updating Cheryomushki in Odessa is a continuation of a series of materials of the international Russian-German-Ukrainian project on a comparative study of the socialist legacy in the cities of the three countries. And the Winter University demonstrates attempts to apply modern standards of the integrated development of territories to the modernist districts of Irkutsk.

Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

Изложены вопросы эволюции и потенциала развития планировочной структуры на примере микрорайона Солнечный в Иркутске. Методы структурного анализа потенциала развития микрорайона применены в масштабах микрорайона и типологии жилой застройки, что положено в основу моделирования, адаптации сложившейся жилой застройки к изменению внутренних и внешних условий развития. Предложенная методика адаптации застройки позволяет расширить представление о пространственном потенциале структуры и индивидуальности микрорайона, а также о повышении комфортности жилья, оживлении жилого пространства. При разработке проектных и регулятивных стратегий развития микрорайонов массовой застройки целесообразно в сложившихся морфотипах применить инструменты пространственно-планировочной адаптации.

Ключевые слова: модернизация микрорайонов; пространственная адаптация массовой застройки; морфология массовой застройки; комфортная городская среда. /

The article touches upon the questions of the evolution and potential for the development of urban fabric in the case study of the Solnechnyi microdistrict in Irkutsk. The methods for structural analysis of the potential for the neighborhood development are applied on the scale of the microdistrict and housing typology. It serves as a basis for modeling and adaptation of the existing housing to a change in the internal and external conditions of development. The proposed adaptation methods for the development allow to enhance our insight into the spatial potential of the structure and identity of the microdistrict, as well as into improving the comfort of housing and revitalizing the living space. When elaborating design and regulatory strategies for the development of large scale housing estates, it is advisable to use the tools of spatial and planning adaptation in the existing morphotypes.

Keywords: modernization of microdistricts; spatial adaptation of large scale development; morphology of large scale development; comfortable urban environment.

Микрорайон Солнечный: градостроительный манифест сибирского города / Microdistrict Solnechnyi: An urban design manifesto of the Siberian city

текст
Валерий Козлов
Анастасия Малько
Людмила Козлова /
 text
Valery Kozlov
Anastasia Malko
Lyudmila Kozlova

Последние десятилетия обозначили завершающий этап почти столетней эволюции концепций расселения и жилой среды, смену их творческой направленности. Особенно отчетливо они отразились в теоретических работах, посвященных районной планировке, взаимосвязи города и природы, формированию жилых комплексов [1, с. 51]. Значимость темы микрорайонов, крупных жилых комплексов определялась социальными потребностями в жилье в условиях освоения природных ресурсов Сибири, миграции населения в города. Межуниверситетский исследовательский проект 2016–2019 годов был посвящен выявлению характерных признаков крупных жилых районов в Германии, России и Украине и возможности адаптации микрорайонов панельной застройки к современным требованиям [2, 3]. В рамках проекта на базе сравнительного анализа проводится изучение особенностей местных микрорайонов в сравнении с городами Европы.

Первые градостроительные шаги в эпоху индустриализации жилой застройки в Иркутске 1960–1980 годов отразили уникальность этого исторического момента: веру в безграничные перспективы социально-экономического развития восточных регионов, незыблемость рационалистической мысли на этапе роста городов. В мировой теории и практике второй половины XX века особое внимание уделялось решению проблем районной планировки, сохранению исторического наследия, взаимодействию городской культуры и природы, формированию новых жилых комплексов. В европейских странах отмечались яркие градостроительные реализации жилых комплексов, отвечающих гуманистическим идеям периода послевоенного развития. В Иркутске новые микрорайоны и жилые комплексы второй половины XX века, примером которых может служить микрорайон Солнечный, стали градостроительными манифестами этого периода.

Как составная часть запроектированного в начале 1970-х годов крупного жилого района Верхний бьеф на территории более 780 га микрорайон Солнечный стал первым этапом реализации этого проекта [4]. В период проектирования и реализации первой очереди большая часть территории Верхнего бьефа размещалась за городской чертой, перенос состоялся значительно позднее – на этапе разработки генплана города 2007 года.

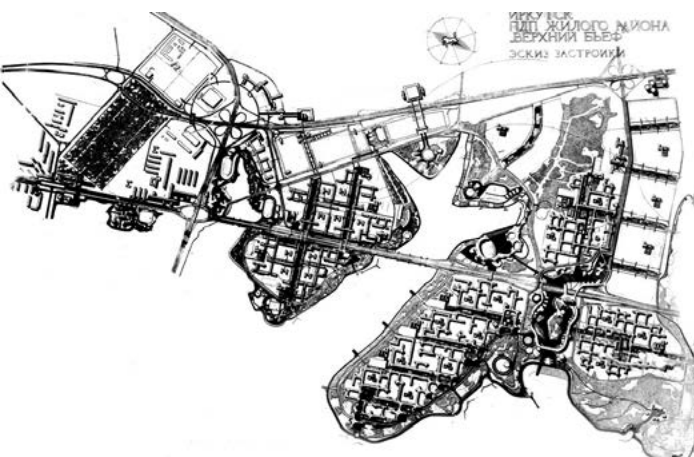
От предместья к микрорайону

Микрорайон Солнечный, на территории которого в короткие сроки создавались территориальные жилые комплексы, является характерной градостроительной новостройкой Иркутска периода массового жилищного строительства. В предшествующие исторические периоды такими единицами застройки пригорода были предместья с индивидуальными участками. Построенный с использованием более совершенных технологий строительства и радикально новых градостроительных приемов, микрорайон Солнечный стал одним из самых высоких по плотности «пригородов» Иркутска. Как и исторические предместья, микрорайон в большей мере связан с открытыми озелененными пространствами, чем исторический центр, и воспринимается как «город в пригороде».

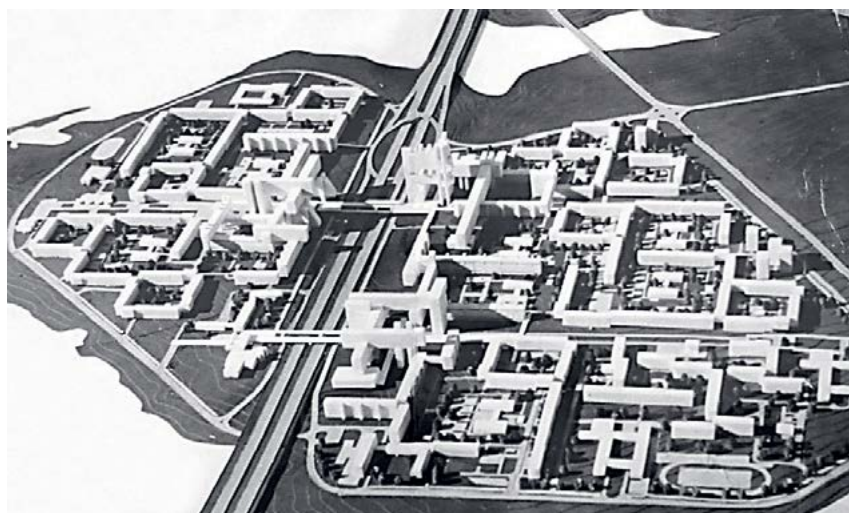
Строительство микрорайона охватывает период с 1971 по 1980 год. Более половины застройки микрорайона составляют 5-этажные жилые дома самой распространенной серии 1–464, около четверти – 7–9-этажные дома, небольшая часть застройки имеет более 12 этажей. Размещение высотных доминант в микрорайоне на центральной магистрали основывалось на функциональных методах застройки и стремлении отойти от однообразия часто критикуемых жилых районов. В случае Солнечного высотные акценты застройки позволяли создать выразительность пространственной композиции с дальних точек обзора. В соответствии с проектом детальной планировки микрорайон имел несколько вариантов компоновки, а реализация проекта отражала тенденции построения жилых комплексов, характерные для архитектуры последней четверти XX века. Проектирование микрорайона приходится на 1970-е годы. Авторы проекта застройки – В. Воронежский, В. Бух, Н. Бух, В. Павлов, Н. Беляков [5]

Символическая ось и иерархия

Жилой район Верхний бьеф включал в себя микрорайоны Солнечный и Чертугеевский, объединенные одной из основных пространственных осей города в направлении озера Байкал. Исторически сложившийся кратчайший путь из города на природу объединен в символическую планировочную ось Иркутск – Байкал (площадь Кирова, ул. Ленина, ул. Седова, ул. Байкальская, проспект Жуко-

^ Рис. 1. Эскиз застройки жилого района Верхний бьеф

^ Рис. 2. Макет застройки микрорайона Солнечный. 1970-е

ва). Градостроительное значение Большой оси Иркутска или Байкальского луча на современном этапе усилилось размещением общегородского культурного центра, регенерацией 130-го квартала, строительством новых крупных торговых центров на ул. Байкальской, новым микрорайоном Верхний бьеф [6]. В этой пространственной связанности микрорайон Солнечный уникален уже тем, что, в отличие от других периферийных микрорайонов города, он имел как прямую связь с центром города, так и выход к природе. Размещение современной высотной застройки на главной оси города и микрорайона акцентирует урбанистический пейзаж в панораме микрорайона, акцентирует восприятие высотных объемов с уровня пешеходного движения и усиливает контраст с пейзажем побережья.

Развитие застройки планировочного района параллельно Ангаре, близость к чистой воде, открытая солнцу акватория водохранилища создавали объективные преимущества и перспективы освоения периферийных природных территорий города при соответствующем внимании к природоохранным вопросам. Создание жилых комплексов в микрорайоне имело место на этапе его проектирования и строительства, и основной задачей в будущем в архитектурной работе должно стать возведение новых моделей жилых комплексов на принципах интеграции природы и города (рис. 2).

Микрорайон на лугу

Градостроительные тенденции и опыт беспрецедентных по объему градостроительных реализаций в условиях типового проектирования, индустриализации жилищного строительства создавали трудности в сохранении архитектурной выразительности Иркутска, что определило усиление в проектах акцента на природном окружении, тем самым наметив одно из важных направлений поиска своеобразия архитектурной среды новых жилых комплексов.

Связанность с природными условиями места определяет своеобразие развития микрорайона Солнечный, расположенного в живописной местности в 7 км к востоку от исторического центра Иркутска, где новая геометрия береговой линии Ангары образована при сооружении

плотины ГЭС. Расположение повлияло на характер планировочной структуры нового микрорайона: пространство Солнечного формировалось на контрасте регулярной геометрии кварталов и живописного берегового ландшафта полуострова, с сохранением береговой полосы как открытого пространства. Структура нового микрорайона построена на принципе ориентации большинства кварталов на большую воду и парковый массив с зонами отдыха и водноспортивными станциями, речным портом. С севера новые кварталы застройки взаимосвязаны с городской магистралью в направлении восток – запад.

На более высоком пространственном уровне в парковой береговой полосе были размещены школы, спортивные объекты. Таким образом, комплексы школ были расположены по периметру полуострова. Детские сады занимали глубинное местоположение внутри жилой группы. Была заложена идея разграничения пространства пешеходов и автомобилей, дошкольного образования и двора жилой группы (рис. 4)

Следует отметить, что опыт массовой застройки микрорайонов практически исключал в проектах разделы организации ландшафтной архитектуры. Диапазон композиционных средств, использованных для этой цели, был не очень широк: функциональное благоустройство улиц и жилых дворов, размещение игрового оборудования.

Связанные пространства

В пространственно-планировочной организации микрорайона Солнечный можно отметить частичный отход от установок функционализма, доминировавшего в градостроительстве с начала XX века. Планировочная модель микрорайона базировалась на принципе разделения движения пешеходов и транспорта, с размещением остановок общественного транспорта по периферии района. При центральном размещении транспортной магистрали в Солнечном изоляция от нее пешеходов компенсировалась как перпендикулярным примыканием к магистрали пешеходных путей, так и свободным выходом к зеленому периметру и набережной водохранилища Ангары. Пешеходные пространства микрорайона, наряду с общественным транспортом, были приоритетом в планировочной концепции проекта и решались широкими бульварами,

> Рис. 3. Школа в структуре микрорайона Солнечный. Автор фото – Роман Малинович

перпендикулярными центральной магистральной – проспекту Жукова.

В геометрии застройки и регулярности сеть улиц содержится пространственно-планировочный прием контраста по отношению к живописной линии прибрежного ландшафта полуострова. Связующим элементом застройки являются детские сады, занимающие центральное положение внутри жилых дворов, соотносящиеся с другими элементами композиции (рис. 3). При этом школы располагаются на озелененных периферийных территориях.

Планировочная структура

Структура микрорайона образована планировочной регулярностью и иерархией вспомогательных и центральных осей. Севернее, за Байкальским трактом, расположен промышленный узел. Длина главной транспортно-планировочной оси от Солнечного до центра города превышает пешеходную доступность, на ней продублированы зоны торговли и другие виды повседневного обслуживания, что обеспечивает их лучшую доступность для прилегающих к ней соседних районов города.

Планировочная геометрия пешеходных связей микрорайона строилась на двух внутренних параллельных пешеходных осях, ориентированных на воду и пересекающих микрорайон с юга на север. Пешеходные оси стали главными планировочными направлениями, на которых было размещено первичное обслуживание. Кроме того, визуальные перспективы с пешеходных осей раскрывались на широкую прибрежную акваторию водохранилища. В проекте детальной планировки микрорайона были четко разграничены общественные пространства: жилые улицы, жилые дворы, набережные, парки.

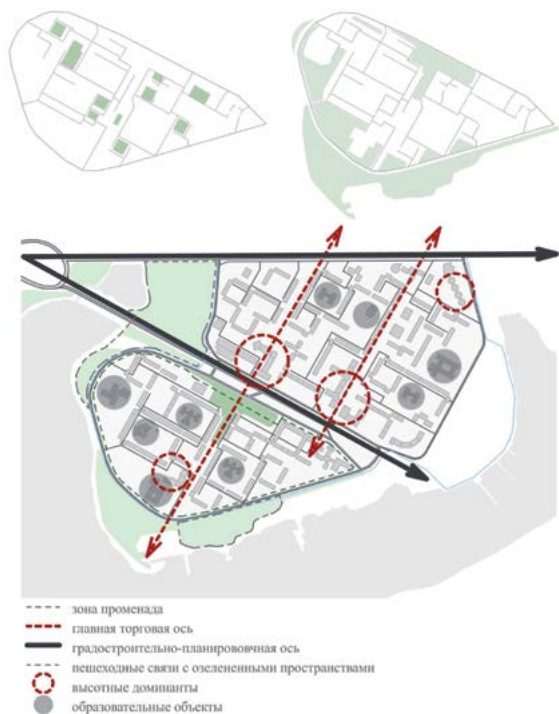
Планировочный прием большинства микрорайонов Иркутска строился на применении пешеходных связей, ориентированных преимущественно перпендикулярно к основным транспортным магистралям. Такие планировочные решения реализованы в микрорайонах Ново-Ленино, Университетский, Первомайский, Академгородок, Студгородок и др. В периферийных микрорайонах в 1960–1980-х годах впервые в городе были построены разные типы пешеходных улиц, и такой же принцип

дифференциации транспортного и пешеходного движения был применен в Солнечном. Являясь привлекательным общественным местом для жителей микрорайона, «пешеходные оси общения» как жилые улицы выполняли функции общественной жизни с минимальным набором функций обслуживания. Эта концепция составляла основу построения жилого комплекса. Основные функции обслуживания населения микрорайона размещались преимущественно вдоль основной транспортной магистрали, которая служит общественным центром и как линейное пространство до настоящего времени демонстрирует потенциал развития и концентрации разных функций.

Морфология и идентичность застройки

Модель застройки микрорайона отражала коллективный поиск и накопленный за прошедшие десятилетия опыт в архитектурно-композиционной организации массовой застройки крупных жилых районов – создание уютных, соразмерных и по возможности разнообразных жилых пространств. Формирование новой городской среды микрорайона отражено в создании связанных четырехугольных пространств жилых дворов, застройка которых имеет осязаемый контакт с живой природой. Одновременно крупные пространственные акценты с повышением плотности, этажности застройки группируются вдоль главной городской магистрали, имеющей большое значение в обеспечении внутренней функциональной и композиционной целостности, в формировании архитектурно-художественной логики, восприятии силуэта микрорайона. На этой планировочной оси размещались жилые комплексы повышенной этажности, в то время как открытое пространство прибрежной полосы предлагалось для развития рекреации (рис. 5).

Застройка микрорайона с первых этапов велась на основе типовых зданий, сблокированных с помощью поворотных вставок по периметру прямоугольных дворов, которые по структуре и масштабу напоминают кварталы исторической части города. Композиционный контраст достигается сопоставлением протяженных и коротких зданий, применяемых материалов – бетона панели и кирпича.

< Рис. 4. Оценка планировочных характеристик микрорайона Солнечный: система открытых и дворовых пространств, градостроительная структура. Автор – К. Ходыкина

v Рис. 5. Оценка планировочных характеристик микрорайона Солнечный: этажность застройки, серии. Автор – К. Ходыкина

Тема интегрирования жилых зданий с учреждениями обслуживания отражала ведущую тенденцию развития жилья в 1970-х годах – тенденцию к индивидуализации жилой среды. Результатом такого подхода стал проект экспериментального 10-этажного жилого комплекса галерейного типа на 110 квартир с обслуживанием в цокольном и первом этажах. Расположенный в начале проспекта Маршала Жукова, жилой комплекс (авторы проекта застройки – В. Павлов, Н. Беляков) [7, 8] имел оригинальное объемно-планировочное решение – секционно-галерейный тип жилого дома. Помимо уникального для того времени планировочного решения, авторами была предложена и особая социальная концепция «пространства для общения» внутри жилого дома. Своеобразная «внутренняя улица» создавалась как рекреационная зона внутри дома (рис. 6).

Конкретный архитектурный проект жилого комплекса отражал социальные идеи развития комплексности, рационализации строительной технологии. Для ее решения были приняты меры, существенно снижающие удельную стоимость квартиры: сокращение жилой площади квартиры, номенклатуры и площади подсобных помещений, уменьшение высоты помещений, переход на типовое проектирование и индустриализацию строительного монтажа работ, применение в застройке 4–5-этажных жилых домов как наиболее экономичных для города, позволяющих обходиться без лифтового оборудования, без обустройства мусоропроводов и т. д. [9, 10].

Проекты рационализации застройки, эффективного использования территории включали приемы блокировки зданий с использованием вставок между домами, чем достигался эффект замкнутого жилого двора с площадками для игр детей и отдыха взрослых и с соответствующим благоустройством, озеленением, мощением. Пластика фасадов жилых домов с использованием кирпича, включением панелей, оштукатуренных поверхностей или открытых бетонных элементов, различная трактовка традиционных балконов, лоджии, эркеры, мансардные этажи – эти архитектурные приемы значительно расширяли палитру и облик жилых групп.

Градостроительный модернизм застройки микрорайонов на периферии города преимущественно на основе

регулярной и строчной планировки быстро возводимыми типовыми зданиями с минимальной пространственной маневренностью внес свой вклад в улучшение жилищных условий населения.

При всех противоречиях и недостатках периода массовой типовой застройки в развитии Иркутска именно в эти годы были реализованы основы массовой архитектуры жилища. В социальном заказе в архитектуре жилища – отсутствие частной собственности на средства производства и землю, ориентация на нового массового потребителя, превращение архитектурного сооружения из объекта извлечения прибыли и средства рекламы в материальное благо для удовлетворения растущих потребностей трудящихся, плановая организация строительства, – все это коренным образом изменило условия и результаты работы архитекторов [11]. Со второй половины 1950-х годов широким фронтом разворачивалось проектирование и строительство новых социалистических городов в европейских и восточных регионах страны, что положило начало современной строительной индустрии, разрабатывались новые типы зданий – рабочие клубы, дворцы культуры и т. д. [12].

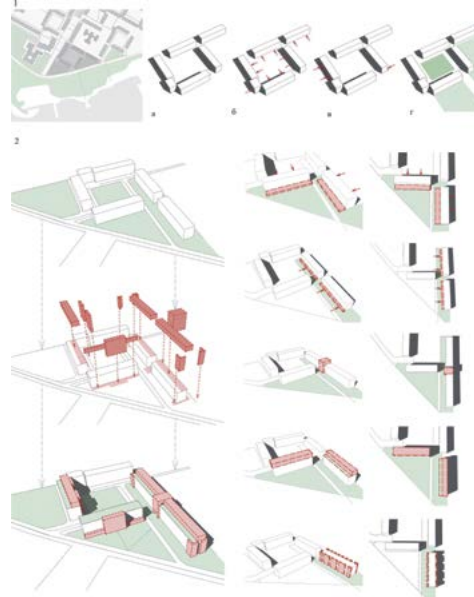
Идея и реальность. Адаптируемое пространство

При сравнении первоначального проектного предложения с завершенной разработкой обнаруживаются значительные расхождения, что связано с экономическими изменениями после 1990 года. Не удалось полностью осуществить идею пешеходной оси, не были реализованы переходы через проспект Маршала Жукова, в результате чего движение по рельефу с множеством лестниц вызывает трудности у людей с ограниченными возможностями. Пешеходная ось также была прервана новым жилым комплексом, который находился напротив памятника маршалу Жукову и разделил пешеходную ось на две части. В большинстве случаев запланированное благоустройство жилых дворов и пешеходных зон не было реализовано.

Дальнейшее строительство новых жилых комплексов приводит к изменению заложенной планировочной структуры. Для сохранения уникальной урбанистической идеи создания поливалентных комплексов, заложенной

^ Рис. 6. Обсуждение проектирования микрорайона Солнечный с архитекторами из Восточной Германии. Автор фото – Эдгар Брюханенко. 1984

^ Рис. 8. 1. Общий вид жилища и базовый морфотип застройки микрорайона Солнечный (а – разрабатываемый морфотип; б – расположение входных групп; в – объекты обслуживания в первом этаже здания; г – рекреационные зоны). 2. Концептуальная модель и схемы трансформации жилой застройки. Автор – К. Ходыкина

в микрорайоне Солнечный, необходимо оценить и выявить характерные черты, формирующие идентичность района, а также параметры возможной адаптации жилого пространства для улучшения качества городской среды [11, с. 56] (рис. 7).

Быстровозводимые жилые комплексы имеют специфический характер в планировке (модернизм) и архитектурной форме (индустриализм). В то же время индустриальное строительство имеет свою собственную логику и приводит к определенным правилам их трансформации.

На проектных семинарах в магистратуре университета ставились задачи по исследованию потенциала адаптации массовой застройки к современным условиям на примере микрорайона Солнечный. В исследованиях и проектах магистрантов адаптируемое пространство микрорайона оценивалось как:

- потенциал адаптации среды жизнедеятельности к потребностям людей (в этом смысле любая архитектурная среда является адаптивной уже по своей сути);
- реадаптация устаревших форм жилых комплексов (реконструкция средовых объектов под новые функции и т. д.);
- адаптация архитектурной среды к изменяющимся внутренним требованиям за счет заложенного при проектировании потенциала.

Адаптация жилой застройки как органичное приспособление к динамично меняющимся внутренним и внешним условиям ставит задачу оценки потенциала дальнейшего развития микрорайона посредством изучения основных слоев планировочной структуры в масштабе микрорайона, определения характерных морфотипов застройки в масштабе квартала, блока, здания (рис. 8) и определения приемов трансформации.

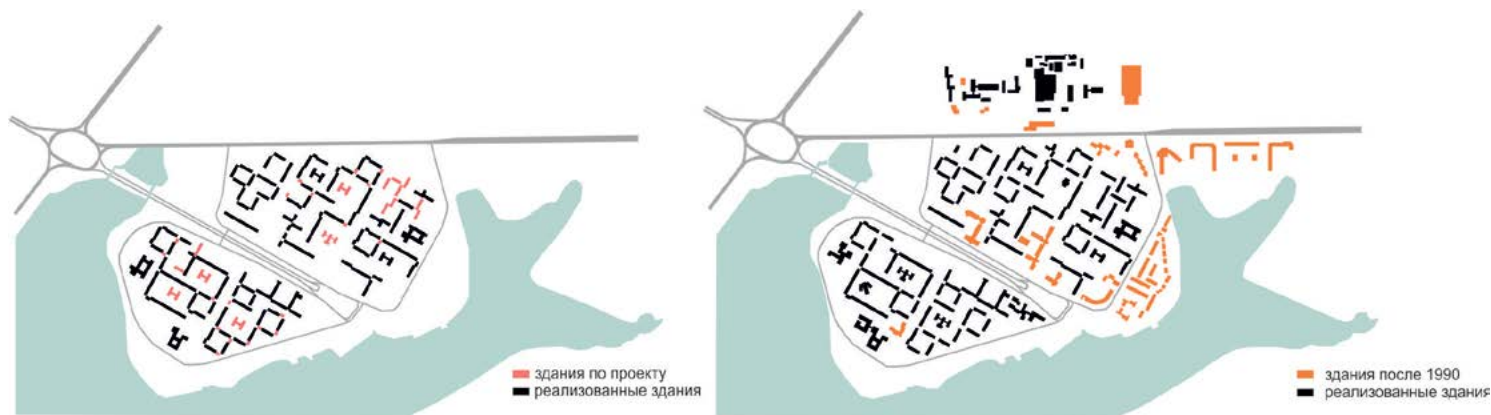
Методические задачи в рамках исследовательских проектов магистратуры связаны с изучением опыта межуниверситетского исследовательского проекта и внедрением его в обучение: ставится задача определить ценность базовых морфотипов типовой застройки и будущее модернизированного жилья. Анализ теоретического и практического опыта позволил определить основные подходы и инструменты простран-

ственно-планировочной трансформации сложившейся жилой застройки микрорайонов: расширение внешнего периметра жилых зданий с устройством лоджий; трансформация первых этажей, расширение корпуса зданий для социальных функций; использование надстройки зданий с устройством специальных типов квартир и коммуникаций; улучшение функционального зонирования квартир в процессе капитального ремонта. Основные приемы использованы в моделировании базовых морфотипов сложившейся застройки микрорайонов с целью адаптации с учетом изменившихся условий микрорайона Солнечный (рис. 8).

Выводы

Проблема реновации массовой жилой застройки является крайне актуальной в крупных городах страны и восточных регионах, где более половины жилого фонда представляет собой типовую застройку. Сложившиеся крупные районы массовой застройки 1960–1980-х годов, такие как микрорайон Солнечный, обладают значительным потенциалом развития. В совместном исследовании университетов России, Германии, Украины (с 2016 года) подчеркивается, что сегодня не хватает позитивных оценок и проектов, которые позволяют исследовать, модернизировать сложившуюся типовую застройку микрорайонов, адаптировать структуру жилого фонда, дифференцированного по уровню комфорта и с учетом конструктивных и градостроительных характеристик, а также развивать их социальную инфраструктуру.

Проблема модернизации массовой застройки актуальна на уровне градостроительной политики, муниципального управления, исследования социальных условий проживания и форм расселения. Как градостроительная форма микрорайон показал наиболее эффективное использование таких градостроительных ресурсов, как меньший расхода энергии и ресурсов, адаптация к переменам и укрепление общин, создание комфортной архитектурной среды. Перспективы городских микрорайонов подчинены политическому, экономическому, культурному, городскому и эстетическому контексту, которые сочетают как индивидуальные интересы, как и коллективные идеи, амбиции, и ценности.

^ Рис. 7. Сравнительный анализ: запланированный проект (1970) и текущее состояние района (2020). Автор – М. Тумуреева

Рассмотренные аспекты развития микрорайона, сложившиеся пространственные морфотипы позволили смоделировать интеграцию объектов обслуживания на первых этажах жилых зданий, рационально распределить их площадь на территории района.

Следующий этап межуниверситетского исследовательского проекта связан с выявлением градостроительного наследия массовой типовой застройки, учетом интересов собственников и социальных групп, адаптацией социальных пространств разных масштабов к меняющимся требованиям. Задача определения потенциала базовых морфотипов типовой застройки микрорайона включает поиск будущих моделей модернизации жилища. Процесс развития общества и образа жизни домохозяйств становится более диверсифицированным, и это должно быть исследовано на следующем этапе проекта с учетом масштаба жилых пространств.

Модели жилой застройки будут меняться в зависимости от социальных требований, традиций и новых архитектурных решений. Сложившиеся микрорайоны массовой застройки обладают значительным потенциалом, который будет использован с развитием техники, с ростом доходов населения. В реализованных проектах застройки, ставших результатом поисков нетрадиционных решений, можно видеть различные концепции, которые будут востребованы и разработаны более полно.

Литература

1. Энгель, Б., Францева, Ю., Малько А., Рогге, Н. Массовое жилье в социалистическом городе: наследие, ценности и перспективы: монография. – Берлин: DOM Publishers, 2019. – 240 с.
2. Малько, А. В., Козлова, Л. В., Наследие социалистических городов (Россия, Германия, Украина) // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 128–134
3. Меерович, М. Г., Малько, А. В., Козлов, В. В., Козлова, Л. В., Гладкова, Е. А. Опыт реновации панельной застройки 1960–1980 годов в Германии // Проект Байкал. – 2017. – № 51. – С. 154–161
4. Серёдкина, С. Вячеслав Степанович Воронежский (1937–1999) // Проект Байкал. – 2004. – № 1. – С. XII–XVII
5. Жилой район Верхний бьеф (Солнечный) // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 138
6. Бух, В. Григорьева, Е. Владимир Павлов. Байкальский луч. – Екатеринбург: TATLIN, 2013. – 67 с.
7. Жилой дом галерейного типа по проспекту Карл-Маркс-Штадт (ныне проспект Жукова) // Проект Байкал. – 2010. – № 26. – С. 90–95

8. Проекты и постройки Владимира Павлова // Проект Байкал. – 2010. – № 26. – С. 132–135
9. Pätzold, R. Schneider, S., Grabow, B. Perspektiven Großer Wohnsiedlungen. – Berlin, 2015. – 216 p.
10. Stouten, P. Changing contexts in urban regeneration: 30 years of modernisation in Rotterdam. – Amsterdam: Techne Press, 2010. – 248 p.
11. Малько, А. В., Козлова, Л. В., Выявление «скрытых» ценностей микрорайонов панельной застройки. Идентичность и будущее // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 56–61
12. Глебушкина Л. В. Реконструкция территорий жилой застройки городов Восточной Сибири. – Москва, 2012. – 237 с.

References

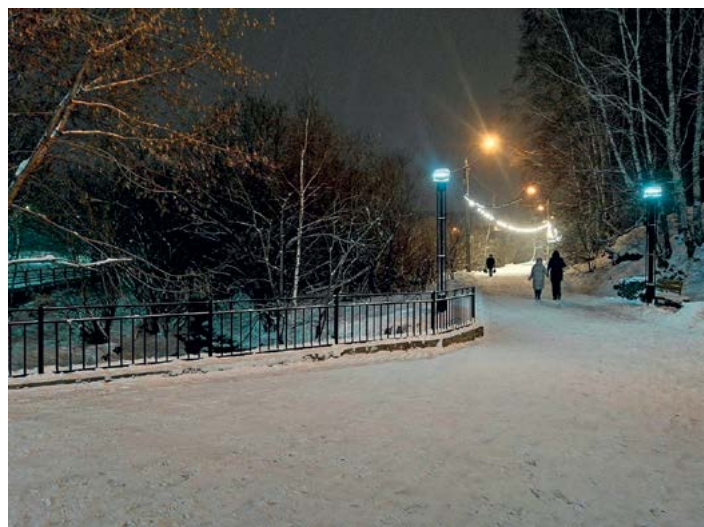
- Bukh, V. (2014). Projects and Realizations. *Project Baikal*, 11(39-40), 134-163. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.39-40.683>
- Bukh, V., Grigoryeva, E. (2013). Vladimir Pavliv. *Baikalskii Luch [Vladimir Pavlov. Baikal beam]*. Yekaterinburg: TATLIN.
- Engel, B., Frantseva, Yu., Malko, A., & Rogge, N. (2019). *Mass housing in the socialist city: heritage, values and perspectives: monograph*. Berlin: DOM Publishers.
- Glebushkina, L. V. (2012). *Rekonstruktsiya territorii zhiloi zastroyki gorodov Vostochnoi Sibiri [Reconstruction of housing areas in the cities of Eastern Siberia]*. Moscow.
- Malko, A., & Kozlova, L. (2019). Revealing the “hidden” values of the panel housing in microdistricts. Their identity and future. *Project Baikal*, 16(59), 56-61. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1432>
- Malko, A., & Kozlova, L. (2021). The heritage of socialist cities (Russia, Germany, Ukraine). *Project Baikal*, 17(66), 138-144. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1732>
- Meerovich, M., Malko, A., Kozlov, V., Kozlova, L., & Gladkova, E. (2017). Renovation of the panel house-building of the 1960-1980s in Germany. *Project Baikal*, 14(51), 154-161. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.51.1145>
- Pätzold, R. Schneider, S., & Grabow, B. (2015). *Perspektiven Groer Wohnsiedlungen*. Berlin.
- Pavlov, V. (2010a). List of designed and built projects by Vladimir Pavlov. *Project Baikal*, 7(26), 130-135. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.156>
- Pavlov, V. (2010b). Objects. *Project Baikal*, 7(26), 32-129. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.155>
- Seredenkina, S. Vyacheslav Stepanovich Voronezhskii (1937-1999). *Project Baikal*, 1(1), XII-XVII. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.1.301>
- Stouten, P. (2010). *Changing contexts in urban regeneration: 30 years of modernisation in Rotterdam*. Amsterdam: Techne Press.

В статье рассматривается место общественных пространств в ткани панельных микрорайонов Первомайского и Университетского в Иркутске. Анализируются текущее состояние общественных пространств и существующие на данный момент проблемы. Приводятся примеры благоустройства территорий в рамках федеральных и региональных программ по повышению комфорта городской среды. Выявлены особенности формирования пешеходного бульвара в рассматриваемых микрорайонах, определены необходимые факторы для создания успешного и посещаемого публичного места.

Ключевые слова: массовая застройка; федеральные программы; комфортная городская среда; общественные пространства; дворовые территории. /

The article considers the place of public spaces in the fabric of panel microdistricts, Pervomaysky and Universitetsky in Irkutsk. It analyses the current condition and problems of public spaces. It gives the examples of improvement of areas under the federal and regional programs on improving the comfort of urban environment. The specific features of the formation of a pedestrian boulevard in the given microdistricts are revealed and the necessary factors for the creation of a successful and frequented public place are identified.

Keywords: large scale development; federal programs; comfortable urban environment; public spaces; courtyard areas.

Ново-Мельниково: влияние федеральных программ на развитие пространства / Novo-Melnikovo: The impact of federal programs on the spatial development

ТЕКСТ

Мария Тумуреева
Екатерина Гладкова
Валерий Козлов /
text
Maria Tumureeva
Ekaterina Gladkova
Valery Kozlov

Методы изменения пространственной среды

За последнее десятилетие произошел сдвиг в градостроительной политике вокруг концепции регенерации городского пространства, и в частности жилой среды. События последних лет вносят перемены в образ жизни городов на фоне пандемии, усиливая внимания к качеству городского пространства, что вносит коррективы в планирование и развитие города. В динамике перемен общественные и открытые архитектурные пространства являются ключевыми структурными элементами городской среды, в особенности для жилых районов массовой застройки, для жителей которых важное значение имеет гармоничное развитие жилого района в целом. Вместе с этим такие структурные элементы городской среды нуждаются в реновации. В современных реалиях общественные и дворовые территории зачастую не организованы: территории заняты парковками, гаражами, киосками или попросту заброшены.

Регенерация городского пространства: внутренний процесс?

В России за последние годы формирование комфортной городской среды приобретает особое значение и является одной из приоритетных задач градостроительства. Так, были предприняты различные федеральные широкомасштабные проекты, нацеленные на развитие общественных и дворовых территорий. В 2016 году по инициативе президента был принят крупномасштабный проект «Формирование комфортной городской среды» [1]. С 2017 года проводится Всероссийский конкурс «Лучшая муниципальная практика» [2]. В Указе Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3] отмечена необходимость повышения на 30% индекса качества городской среды, таким образом был реализован одноименный проект [4]. Кроме того, в Иркутской области реализована программа «Народные инициативы», нацеленная на вопросы благоустройства [5]. Все эти программы направлены на создание условий для системного повышения качества и комфорта городской среды, что позволяет объединить планирование и реализацию ежегодного комплекса первоочередных мероприятий по благоустройству городов, а также вовлечь население в реализацию этих программ.

> Рис. 1. Схема реализованных программ в микрорайоне Первомайском. Авторы – Екатерина Гладкова, Мария Тумуреева

Двор как место встреч

За последние несколько лет в Иркутске был реализован ряд проектов по формированию комфортной городской среды. Так, например, в одном из самых крупных жилых микрорайонов, Первомайском, были выполнены проекты благоустройства нескольких общественных и дворовых территорий (рис. 1).

В рамках проекта «Формирование комфортной городской среды» в 2017 году по проекту градостроительной мастерской «Линия» был благоустроен сквер им. Вампилова, представляющий собой амфитеатр с видом на игровую детскую площадку. На стене теплонасосной станции, расположенной на территории сквера, было нарисовано граффити, посвященное творчеству сибирского писателя Александра Вампилова, в честь которого названа главная транспортно-пешеходная ось района (рис. 2). В 2019 году Агентством развития территорий «Градостроительная школа» был разработан проект благоустройства «Падь Долгая» между микрорайонами Первомайским и Университетским (рис. 3). Это природная территория, через которую протекает речка Демьяновка. Главной идеей является сохранение ландшафта,

< Рис. 2. Сквер им. Вампилова в микрорайоне Первомайском. Фото Романа Малиновича, 2020.

Авторы:
Юлия Лифантьева
Анастасия Богданова,
Евгения Логванова.
При участии:
Руслана Хотулева

< Рис. 3. Фрагмент реализованного проекта «Падь Долгая». Фото Екатерины Гладковой, 2021

Авторы:
Дарья Золотухина,
Ксения Золотухина,
Евгения Ямова

находящегося под угрозой исчезновения, и объединение двух жилых микрорайонов. Проектом благоустройства предусмотрены работы по асфальтированию пешеходной зоны и озеленению, установке малых архитектурных форм, опор освещения, информационного стенда.

Анализ градостроительных условий формирования открытых архитектурных пространств жилого района проводился на трех уровнях жилой среды: «каркас» жилого района, его «ткань», локальные элементы жилой среды.

Несмотря на то что реализованные программы в целом повысили качественные характеристики как общественных, так и дворовых пространств микрорайона, они выполнены частично и фрагментарно, жилая среда сформирована преимущественно на уровне локальных элементов. Так, реализованные проекты дворовых территорий по большей части сводятся к асфальтированию парковок для автомобилей и обустройству газонов (рис. 4, 5).

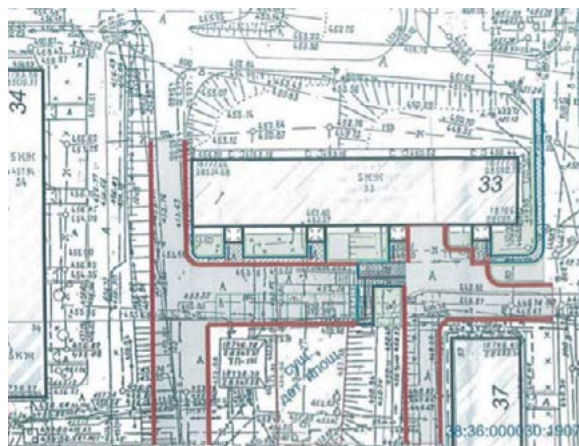
При реализации проектов отмечается фрагментарность благоустройства, отсутствие концепции или стратегии развития общественных пространств, нехватка выделенных средств на реализацию творческих проектов, соответственно, низкое качество благоустройства. Например, в паспорте приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» не даны определения понятиям «городская среда» и «комфорт», отсутствует описание перспективной планировки, функционального зонирования и застройки [6]. Помимо этого, не уделяется должного внимания поддержке малого и среднего бизнеса, не предусмотрены создание торговых улиц и каких-либо объектов притяжения жителей, организация велодорожек. Также отмечаются проблемы, связанные с неопределенностью финансирования [7], есть и проблемы в организации взаимодействия с населением, включая низкую явку на общественные обсуждения проектов благоустройства: всего треть населения Первомайского участвовала на этапе проектирования и реализации проектов благоустройства.

Анализ практики реализации муниципальных программ благоустройства жилого района Ново-Мельниково (микрорайонов Первомайского и Университетского)

позволил выявить базовые формы организации жилой среды массовой застройки: линейные пространства районного, микрорайонного и локального уровней; компактные пространства различных жилых групп. Все названные пространства интегрируют активность населения различных социальных групп населения микрорайона.

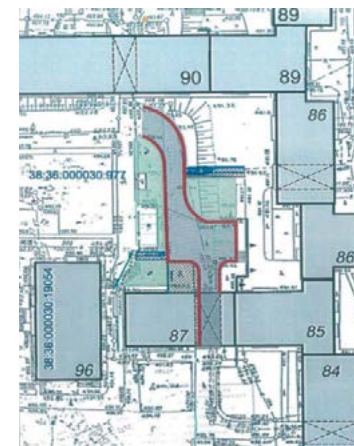
Идентичность жилой среды

Тем не менее реализованные программы имеют и ряд положительных аспектов. Большое внимание сейчас уделяется самоидентификации микрорайона Первомайского. Первомайский и Университетский расположены на территории со значительным перепадом рельефа. В изначальном проекте детальной планировки, разработанном проектным институтом «Иркутскгражданпроект», авторами которого были архитекторы В. Немишев, В. Афанасьев, Н. Бух, В. Павлов. В. Бух, Ф. Гильманова, Н. Жуковский, использовано топографическое своеобразие места: как контраст с живописным ландшафтом применена четкая ортогональная планировочная структура застройки. А одна из главных идей планировочного решения этих двух микрорайонов, заложенных проектом планировки 1970-х годов, – пешеходная ось, которая связывала бы два микрорайона (рис. 6, 7). Главная пешеход-

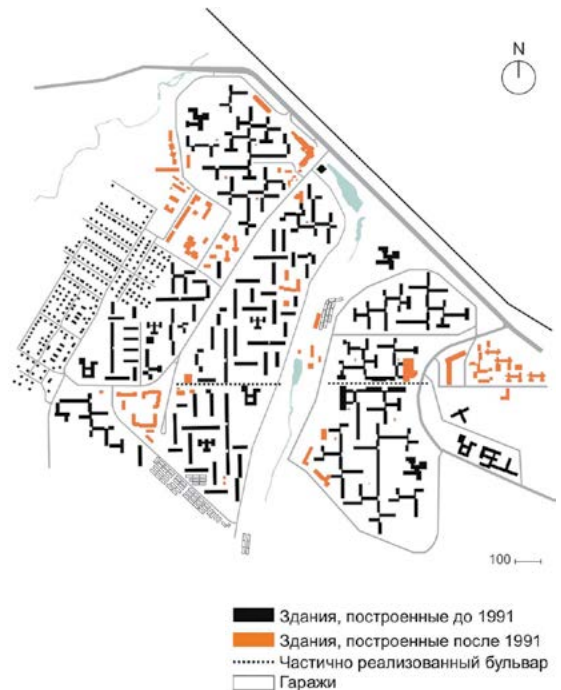
в Рис. 4. Примеры дизайн-проектов внутри дворовых территорий в микрорайоне Первомайский (<https://admirk.ru>)

в Рис. 5. Примеры дизайн-проектов внутри дворовых территорий в микрорайоне Первомайский (<https://admirk.ru>)

> Рис. 6. Сравнительный анализ проекта 1970 года и текущее состояние микрорайонов в 2021 году. Автор – Мария Тумуреева

> Рис. 7. Воссоздание бульвара с предполагаемым размещением Лаборатории. Автор – Екатерина Гладкова

ная ось, начинающаяся открытым пассажем с развитой системой обслуживания в Университетском должна была развиваться в направлении создаваемого общественного центра в Первомайском. Согласно проекту, это направление предполагалось активно «насытить» объектами спорта и отдыха для двух жилых районов в пади Долгой, а также объектами обслуживания. Поэтому сегодня, говоря о концепции развития общественных пространств в жилых районах, следует брать во внимание планировочные решения, заложенные изначальными проектами планировок как формирование идентичности среды.

Лаборатория жилой среды – «мостик» социального пространства

В рамках международного исследовательского проекта модернизации массовой жилой застройки, реализуемого в настоящее время в консорциуме европейских университетов с участием ИРНИТУ, планируется в ближайшей перспективе разработка пилотного проекта в представленных микрорайонах (рис. 8). Пилотный проект Лаборатории жилой среды с участием молодежных и многопрофильных проектных групп нацелен на то, чтобы создать «мостик» внутри социального капитала, для более широкого членства в проекте групп, проживающих и работающих в этих микрорайонах и связать пространство микрорайонов с широкими услугами и структурами города.

Будущее нового прошлого

Иркутск, как и многие города страны, имеет свой опыт формирования комфортной городской среды и свои интерпретации перспектив и положений национальных программ. Иркутск с самого начала создания новых микрорайонов массовой застройки, возникших в конце XX века на периферии исторического города, нацелен на использование потенциала места и технологий.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что реализация федеральных программ по благоустройству положительно повлияла на общественные пространства рассматриваемых микрорайонов. Принципы организации открытых архитектурных пространств в структуре города требуют учета всех факторов, оказывающих влияние на организацию пространства, на формирование

того или иного типа сложившейся жилой среды. Несмотря на отсутствие общей концепции развития общественных пространств, реализованный проект благоустройства «Падь Долгая» связывает два микрорайона, сохраняет природный ландшафт местности и создает предпосылки создания крупной планировочной связи – пешеходного бульвара. Для того чтобы реализовать успешный проект, необходимо учесть привлечение малого и среднего бизнеса, функционально наполнить пространство, создать центры притяжения и вовлекать местных жителей в процесс проектирования.

Литература

1. Стратегическое направление развития «ЖКХ и городская среда». Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» [Электронный ресурс]. – URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/> (дата обращения: 20.04.2021)
2. 0 Всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика» [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/> (дата обращения: 20.04.2021)
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 20.04.2021)
4. Индекс качества городской среды [Электронный ресурс]. – URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 20.04.2021)
5. Народные инициативы // Министерство экономического развития Иркутской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/razvitie-municipalnyh-obrazovaniy/initiatives/> (дата обращения: 25.04.2021)
6. Миншинин, Я. В. К вопросу о формировании городской среды в современной градостроительной политике Российской Федерации // Вестн. Воронеж. ин-та экономики и соц. управления. – 2018. – № 1. – С. 71–74
7. Дмитриева, Н. Н., Ипатова, Т. М. Формирование комфортной городской среды как стратегическое направление развития проекта «ЖКХ и городская среда» // Соц.-эконом. управление: теория и практика. – 2018. – № 1(32). – С. 95–98

References

Dmitrieva, N. N., & Ipatova, T. M. (2018). Formirovanie komfortnoi gorodskoi sredy kak strategicheskoe napravlenie razvitiya proekta "ZhKKh i gorodskaya sreda" [Formation of a comfortable urban environment as a strategic direction of the project "The housing and utilities sector and the urban environment"]. Sots.-ekonom. upravlenie: teoriya i praktika, 1(32), 95-98.

Indeks kachestva gorodskoi sredy [Urban environment quality index] (n.d.). Retrieved April 20, 2021, from <https://индекс-городов.рф/#/>

Minshinin, Ya. V. (2018). K voprosu o formirovanii gorodskoi sredy v sovremennoi gradostroitelnoi politike Rossiiskoi Federatsii [Revisiting the formation of urban environment in the contemporary urban planning policy of the Russian Federation]. Vestn. Voronezh. in-ta ekonomiki i sots. upravleniya, 1, 71-74.

Narodnye initsiativy [Popular initiatives] (n.d.). Ministry of economic development of the Irkutsk region. Retrieved April 20, 2021, from

<https://irkobl.ru/sites/economy/razvitie-municipalnyh-obrazovaniy/initiatives/>

O natsionalnykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda [On national aims and strategic goals of the development of the Russian Federation for the period until 2024] (2018, May 7). Decree of the President of the RF. Retrieved April 20, 2021, from <https://base.garant.ru/71937200/>

O Vserossiiskom konkurse "Luchshaya munitsipalnaya praktika" [On the All-Russian Competition "The best municipal experience"] (n.d.). Retrieved April 20, 2021, from <http://pravo.gov.ru/proxy/>

Strategicheskoe napravlenie razvitiya "ZhKKh i gorodskaya sreda" [Strategic directions of "The housing and utilities sector and the urban environment"] (n.d.). Federal project "Formation of comfortable urban environment". Retrieved April 20, 2021, from <https://minstroyf.gov.ru/trades/>

в Рис. 8

Рассматриваются модернистская застройка Иркутска и связанные с ней вопросы топонимики. Подчеркивается значение иркутской архитектурной школы 1960-х годов, ее основателей В. Павлова, В. Воронежского и В. Буха в развитии градостроительной практики. Обосновывается необходимость введения имен шести-десятичников в топонимику Иркутска. Предлагается продолжить реализацию их проектов, что позволит решить актуальные задачи повышения благоустройства бульваров – главных пешеходных осей, сформировать на них человеческие потоки и тем самым обеспечить развитие малого и среднего бизнеса на этих осях.

Ключевые слова: Иркутск; топонимика; иркутская архитектурная школа; В. Воронежский; В. Павлов; В. Бух; иркутские микрорайоны. /

The modernist development of Irkutsk and related issues of its toponymy are considered. The impact of the Irkutsk architectural school of the 1960s, its founders V. Pavlov, V. Voronezhsky and V. Bukh in the development of urban planning practice is emphasized. The necessity to introduce the names of the "sixtiers" into the toponymy of Irkutsk is substantiated. It is also necessary to continue the implementation of their projects, which will allow solving urgent tasks related to the improvement of the boulevards – the main pedestrian axes, forming human flows on them, and thereby ensuring the development of small and medium-sized businesses on these axes.

Keywords: Irkutsk; toponymy; Irkutsk architecture school; V. Voronezhsky; V. Pavlov; V. Bukh; Irkutsk microdistricts.

Бульвары архитекторов / Boulevards of Architects

ТЕКСТ

Елена Григорьева
Константин Лидин /
text
Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

Все моряки знают: как назовете корабль, так он и поплывет. Имя, название порой играет существенную роль в судьбе не только человека или корабля, но и города, и улицы.

Именования улиц и районов города составляют существенную часть имиджа города в целом. Иногда эти имена приобретают собственный характер, историю – например, знаменитая Рю-дю-Ша-ки-Пеш, улица Кота-Рыболова. Эта парижская улочка, точнее, просто щель между домами, имеет собственную легенду, восходящую к шестнадцатому веку, и является героиней романов, стихов и песен.

Исторический город Иркутск и в названиях улиц отразил свой характер, свои легенды. Среди восьмисот двадцати иркутских улиц больше всего таких, чьи имена происходят от географических названий других пунктов, близких и далеких. Есть улица Байкальская и улица Амурская, Култукский тракт и Московский, улицы Алзайская, Алтайская и даже Альпийская. Много улиц с названиями историческими (Декабрьских Событий, Иркутской 30-й дивизии). Иногда в рисунке улицы странно отражается история страны и края: так, улица Красноказахья, изломанная зигзагами, прерывающаяся и начинающаяся снова, удивительным образом перекликается с непростой судьбой сибирского красного казачества.

Одна из особенностей Иркутска – редкостное количество улиц, названных по именам деятелей культуры и науки. В одном из районов города (Студгородок) поэты и писатели образуют сплошной ряд, от Гоголя до Маяковского. Да и в других районах города не редкость имена музыкантов, литераторов, академиков, инженеров. Однако есть в этом ряду одна странность: замечательные имена в названиях улиц (за редким исключением) почему-то заканчиваются первой половиной прошлого, XX века. Как будто история города остановилась в послевоенные годы и ничего замечательного больше не увидела.

В этой статье мы предлагаем обсудить предложения о пополнении иркутской топонимики именами замечательных архитекторов и зодчих иркутской шестидесятичной школы.

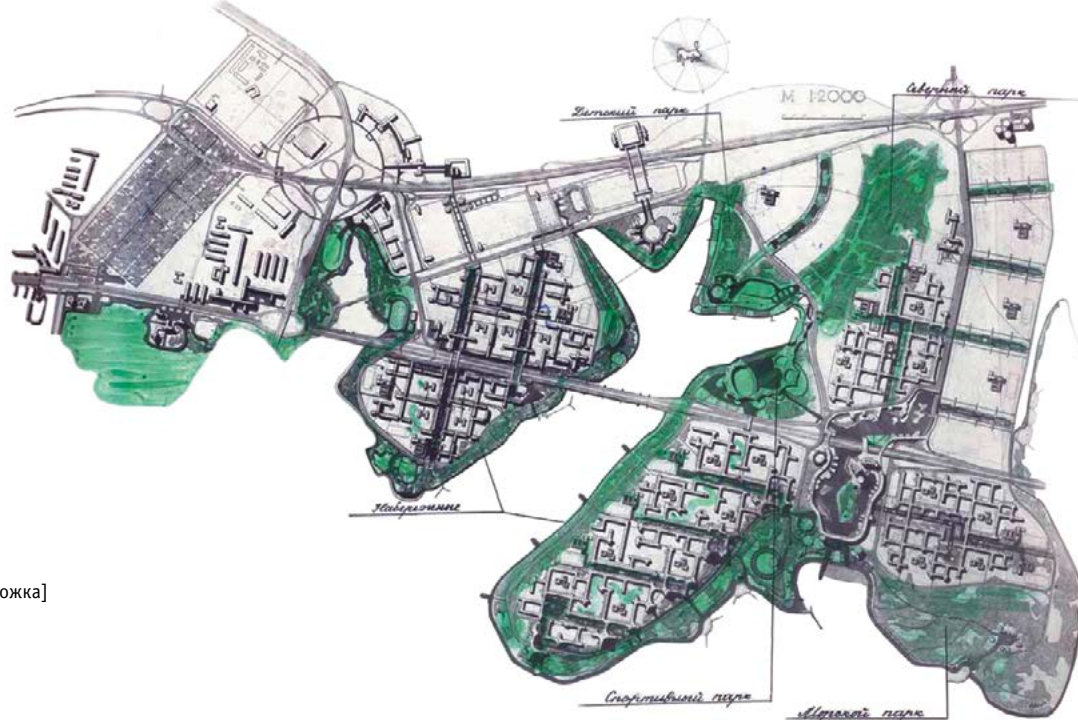
Догоня будущее

Когда-то Чарльз Мур в диалоге о будущем сказал: «Будущее у нас уже было. Им были 50-е годы». Об архитектуре и градостроительстве Иркутска вполне уместно сказать: «Будущее у нас уже было. Им были шестидесятые годы».

Именно тогда, в 1960-е, 1970-е, первой половине 1980-х годов, Иркутск пережил уникальный взлет градостроительной мысли. Именно тогда был создан целый ряд замечательных произведений архитектуры, принесших славу Иркутску, поставивших его в авангарде архитектуры СССР и в первые ряды мирового зодчества. Была основана иркутская школа архитектуры и зодчества, лидерами которой стали Владимир Павлов, Вячеслав Воронежский и Владимир Бух. В номере нашего журнала, целиком посвященном творчеству В. Павлова, академик А. Боков писал: «Открытая и реализованная Павловым формула успеха проста и актуальна по сей день – это самостоятельная и качественная архитектура. Иркутск 70-х, как ни парадоксально, был более близок современному ему миру, чем Иркутск 90-х. Он существовал в одном времени с британскими бруталистами, японскими метаболистами, голландскими структуралистами и великими американцами Л. Каном и П. Рудольфом.

> Рис. 1. Схема микрорайона Солнечный с обозначенными бульварами

> Рис. 2. Жилой район Верхний Бьеф [3, обложка]

Но, живя теми же настроениями, что и известные миру современники, иркутская школа тех лет умудрилась сохранить отчетливо видимую сегодня независимость, оригинальность и специфику, что определяется словом «регионализм» [1, с. 29].

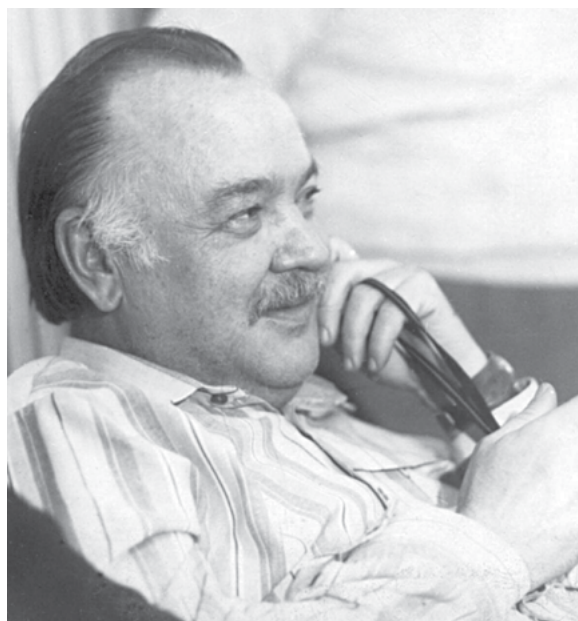
Микрорайон Солнечный

Опережать время было в традициях наших шестидесятников. Пешеходные бульвары, заложенные в конце 1960-х Вячеславом Воронежским и Владимиром Бухом в обеих частях жилого района Верхний Бьеф (в него входят построенный Солнечный и пока нереализованный Чертуге-евский), были в числе первых в СССР [2]. Пожалуй, только литовские архитекторы примерно в то же время или чуть позже основывали структуру новых микрорайонов на системе пешеходных осей.

Жилой район Солнечный имеет очень четкую, ясную градостроительную структуру: проспект (пр. Карл-Маркс-штадт, в 1997 году переименованный в проспект маршала Жукова) и два перпендикулярных ему пешеходных бульвара, идущих к берегу водохранилища, к набережной (рис. 2). Социальная инфраструктура четко зонирована и расположена следующим образом: участки трех школ – на прибрежных территориях полуострова, детские сады – внутри замкнутых жилых дворов (защита от ветра: в середине 1970-х народ называл полуостров и начинающуюся застройку на нем «На семи ветрах»). Что касается остальной инфраструктуры жилых массивов, то она организована вдоль проспекта (банки, поликлиники, кинотеатр, спортклуб) и вдоль пешеходных улиц (почта, специализированные магазинчики малого бизнеса, салоны красоты).

В структуре Солнечного протяженный пешеходный бульвар имеет хорошо просматриваемое продолжение на территории, расположенной после пересечения бульвара с Байкальским трактом, и потенциально этот участок оси вполне может быть оформлен как полноценная улица-бульвар (рис. 1).

Всю эту центральную ось района Солнечный, состоящую из двух частей, нынешнее поколение иркутских архитекторов и предлагает назвать бульваром архитектора Владимира Буха.

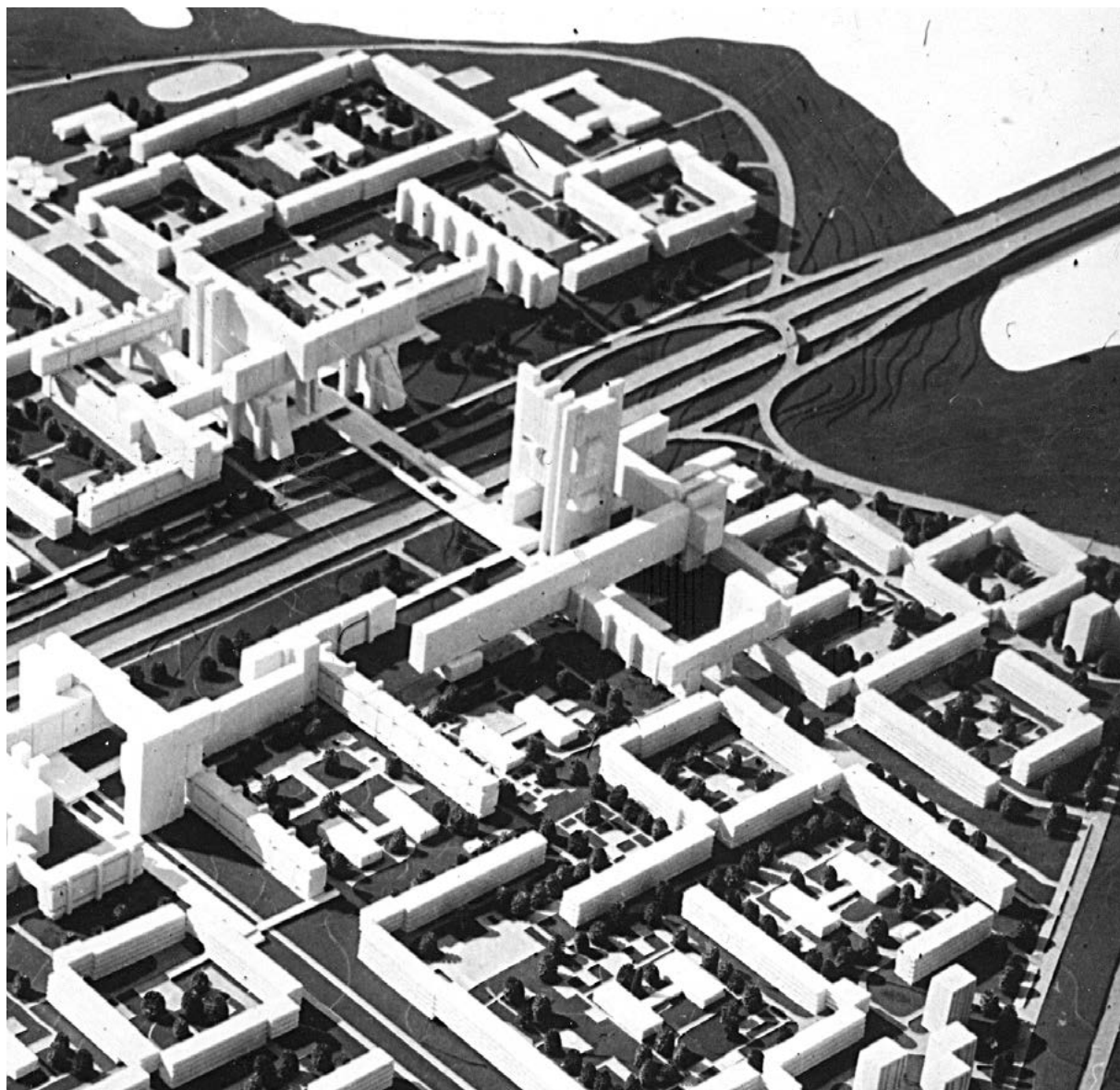
Владимир Федорович Бух (1935–2013)

С 1953-го по 1959 год учится на архитектурном факультете Киевского инженерно-строительного института. В 1960-м архитектор приезжает в Иркутск и начинает работать в институте Иркутскгражданпроект. За 17 лет трудовой деятельности Владимир Федорович поднимается по всем ступеням профессионального роста до работы главным архитектором (главный инженер). А потом более десятка лет (1977–1989) Владимир Федорович – главный архитектор города Иркутска.

Уйдя с поста главного архитектора города, работает главным архитектором Сибэкспоцентра. Сибэкспоцентр в это время переживает расцвет выставочной и деловой активности региона; на его базе проводятся Байкальские экономические форумы. В Солнечном строится Канадская деревня (В. Ф. Бух – автор проекта, инициатор продвижения новой для России технологии и новой для Иркутска типологии жилья – таунхаусов). В одном из таких новаторских домов он и провел последние годы своей яркой и плодотворной жизни (подборка материалов, посвященных Владимиру Федоровичу, см.: [3]).

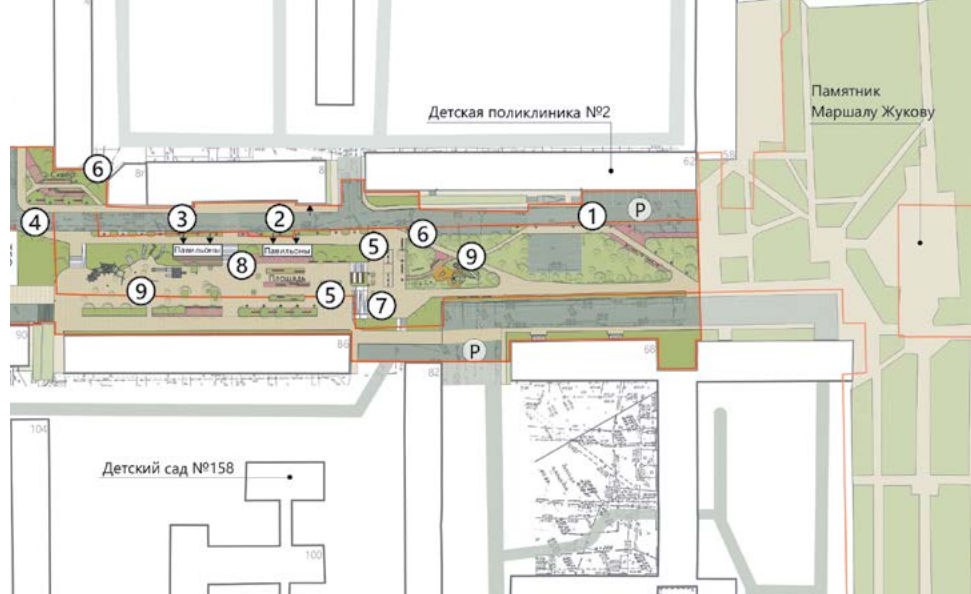
^ Рис. 3. ЗВС-XX, 24 сентября 2020 г. Выставка, посвященная архитекторам-шестидесятиникам на бульваре

> Рис. 4. Переход над проспектом. Фрагмент макета [3, с. 139]

> Рис. 5. Схема генплана. Эскизное предложение

- 1 – Упорядочивание парковочных мест с организацией продольной парковки вдоль дороги
- 2 – Организация комфортного сквозного проезда от проспекта Маршала Жукова до Поликлиники №2
- 3 – Формирование комфортных пешеходных тротуаров
- 4 – Устройство пешеходных переходов в другом мощении
- 5 – Устройство площадей
- 6 – Устройство скверов
- 7 – Создание новых спусков и пандусов
- 8 – Организация НТО
- 9 – Создание детской игровой зоны
- 10 – Организация спортивной зоны
- 11 – Организация пешеходного моста
- 12 – Досадка растительности, организация зон отдыха

Важный участок бульвара – место его пересечения с проспектом Маршала Жукова. Надземный переход над проспектом, связывающий прибрежную и «материковую» часть района, разводящий на разные уровни транспортный и пешеходный потоки, пока не реализован. Необходимость в нем не отпала: именно сейчас, когда, наконец, стало уделяться должное внимание связанности территорий, пешеходам и велосипедистам, их благополучному передвижению в городской среде, самое время осуществить эту часть большого проекта шестидесятников (рис. 4).

Вопрос об обновлении благоустройства пешеходных бульваров давно поднимался иркутскими архитекторами. Минувшим летом для того, чтобы рассказать жителям о создателях района и показать проекты в их первоначальном виде, ученики Буха и Павлова развернули на бульваре выставку «Иркутские шестидесятники», приурочив ее к юбилейному, двадцатому архитектурному фестивалю «Зодчество в Сибири» (рис. 3). Выставка, собранная из материалов архива журнала «Проект Байкал», несколько месяцев работала на бульваре в Солнечном, а затем продолжилась в историческом центре города, в сквере возле иркутского Дома архитекторов.

Первые шаги по приведению в порядок большого пешеходного бульвара уже сделаны. Архитекторы «Градшколы», получив заказ, разработали пять фрагментов части бульвара (рис. 5), и этот проект включен в программу реализации 2021 года.

Второй бульвар, идущий, как и первый, перпендикулярно проспекту, расположен восточнее, ближе к заливу и Чертугеевскому полуострову. Этот бульвар тоже сохранил свое пространственное значение и тоже требует внимания и благоустройства на новом, современном уровне. Ему уместно было бы присвоить имя архитектора Воронежского, автора района и всего Байкальского луча.

Вячеслав Степанович Воронежский (1937–1999)

Приезжает в Иркутск в 1960, добившись распределения для себя и десятка своих однокурсников – так покорил его наш город во время преддипломной практики. Выпускник МАРХИ становится лидером градостроительного направления среди когорты молодых специалистов, автором и идеологом нового культурного центра Иркутска, его Большой оси – Байкальского луча и завершения этой оси в городской черте – жилого района Верхний Бьеф (Солнечный) [4], [3, с. 178]

Подробная информация пб1 стр. XII–XVII

Первомайский и Университетский

Гуманистические идеи пешеходных бульваров нашли свое продолжение в левобережной части Иркутска в двух микрорайонах, расположенных вокруг пади Долгой. Часть оси, проходящая через Первомайский, отличается тем, что имеет на отдельных участках транспортный дублер – проезд. А вот бульвар в Университетском запроектирован как чисто пешеходный.

Авторами градостроительного решения микрорайонов была тщательно продумана связь между ними, прорисован, запроектирован спуск из Университетского в падь Долгую – зеленую зону двух микрорайонов с довольно плотной застройкой. Спуск был оформлен широкой лестницей, несколькими маршами спускающейся вниз к ручью (рис. 6).

Конечно, градостроительные идеи шестидесятников можно и нужно продолжать, развивать. Необходимо удобный спуск к новому социальному объекту – физкультурно-оздоровительному комплексу, который уже строится и вот-вот будет введен в эксплуатацию. Настало время вспомнить о нереализованном проекте, дополнить требующимися по новым нормам пандусами для маломобильных групп населения, обогатить палитру материалов (она заметно расширилась за последние тридцать лет) и соединить микрорайоны в одну непрерывную систему, ведущую к ледовым спорткомплексам, библиотеке и, в конечном итоге, к берегу Ангары.

Есть все основания для того, чтобы безымянному пешеходному бульвару присвоить имя архитектора Владимира Павлова. Интересно и важно, что инициативу увековечивания имени этого выдающегося человека выдвинули «московские иркутяне». Иркутское землячество

в столице не столь многочисленно, сколько дружно. И вот в конце сентября прошлого года было обнародовано и горячо поддержано иркутскими архитекторами обращение землячества к мэру Иркутска с просьбой рассмотреть вопрос. К поддержке присоединились многие архитекторы Сибири – участники фестиваля «Зодчество в Сибири», как раз в это время проходившего в Иркутске.

К сожалению, наследие шестидесятников в полной мере испытывает на себе то странное пренебрежение, которое Иркутск испытывает к своему относительно недавнему прошлому.

Не навредить Иркутску – городу будущего, спроектированному и отчасти построенному легендарными шестидесятниками – не получилось. Список потерь велик и продолжает расти. Потеряно продолжение Байкальского луча от городской черты до пересечения с Байкальским трактом в районе Новой Лисихи; потеряны для городской застройки две трети Чертугеевского полуострова; продолжает застраиваться Зеленый диаметр, замышлявшийся как непрерывный от Ангары до Ушаковки; варварски снесен построенный, но законсервированный на время блок А – Дом-на-ногах; фасады ряда объектов находятся в неприемлемом состоянии. Все это случилось в хаосе переходного постсоветского периода – в девяностые и нулевые; увы, некоторые регрессивные процессы продолжались и в 2010-е.

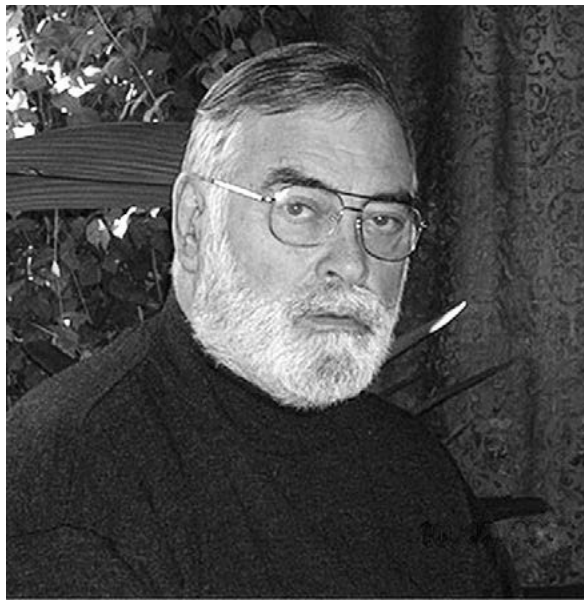
Однако не все потеряно безвозвратно. Фасады уникальных зданий вполне можно привести в исходное или близкое к нему состояние, заново отстроить деревянный шедевр – Дом рыбака, отремонтировать Дом профсоюзов на площади Конституции, вернуть ему первоначальное социальное и культурное значение. Можно и нужно ко благу города должным образом модернизировать Байкальский луч на всем протяжении улицы Седова, а улицу Байкальскую объединить дизайн-кодом, убрав визуальный шум, неподобающий ей по статусу части Байкальского луча – главной оси города. Достоинно завершить Байкальский луч доминантным ансамблем на втором Чертугеевском полуострове.

Дело ближайшего будущего – привести в порядок и довести до логического завершения пешеходные бульвары в микрорайонах Солнечном, Первомайском и Университетском.

Ни для кого не секрет, что вводу в эксплуатацию крупных жилых комплексов в советские времена часто сопутствовал аврал, и на благоустройство времени просто не хватало. А там, где оно было выполнено, уже давно, 40–30 лет не ремонтировалось, не обновлялось. Время пришло. Государство, а вслед за ним и муниципалитеты, повернулись лицом к городской среде. Умение работать со средой нынешние иркутские архитекторы уже продемонстрировали и в успешных проектах малых российских городов, и на некоторых отдельных площадках в родном городе. Комплексное и грамотное благоустройство пешеходных бульваров крупнейших жилых районов города обеспечит не только среду достойного уровня для сотни тысяч жителей, но и запустит глубокие процессы обновления жизни микрорайонов, сделает бульвары привлекательными для малого и среднего бизнеса, как это было продемонстрировано в 130 квартале в центре Иркутска.

Литература

1. Боков, А. Владимир Павлов // Проект Байкал. – 2010. – № 26. – С. 28–31
2. Лидин, К., Меерович, М. Предчувствие полицентричности // Проект Байкал. – 2006. – № 9. – С. 20–23
3. Портрет архитектора // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 119–170
4. Середенкина, С. (2004). Вячеслав Степанович Воронежский (1937–1999) // Проект Байкал. – 2004. – № 1. – С. XII–XVII

Владимир Азариевич Павлов (1938–2010)

Автор части микрорайона Первомайский, автор и идеолог градостроительного решения микрорайона Университетский – Владимир Павлов, выдающийся советский и российский архитектор, слава которого вышла за «железные занавес» (в начале 1980-х он был включен в список пятидесяти лучших архитекторов мира по версии Международного Союза Архитекторов).

Выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры приезжает в Иркутск в 1963 и 23 года работает в Иркутскгражданпроекте. Создатель нескольких десятков выдающихся произведений архитектуры – жилых и общественных зданий в Иркутске и области (подборка материалов, посвященных Владимиру Павлову, см.: [5]).

5. Бух, В., Григорьева, Е. Владимир Павлов. – Екатеринбург : ТАТЛИН, 2013. – 136 с.

References

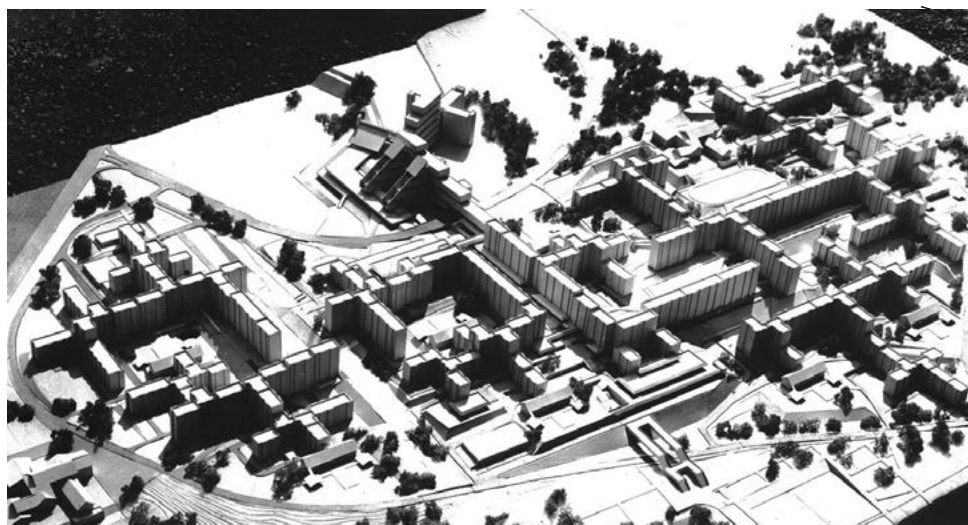
Bokov, A. (2010). Vladimir Pavlov. Project Baikal, 7(26), 28-31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.154>

Bukh, V. & Grigoryeva, E. (2013). Vladimir Pavlov. Yekaterinburg: TATLIN.

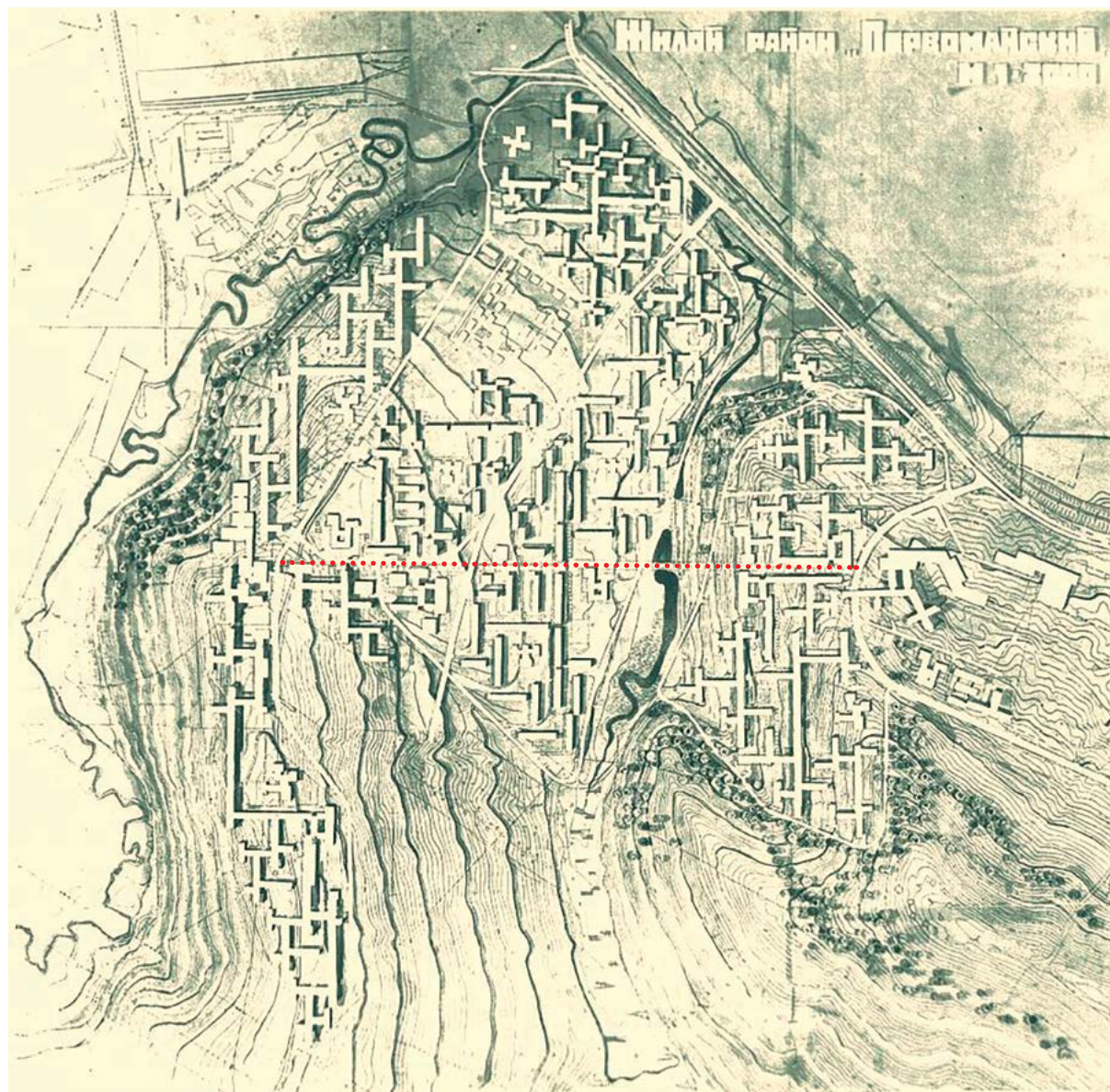
Grigoryeva, E. (2014). Portrait of the architect. Project Baikal, 11(39-40), 119-170.

Lidin, K., & Meerovich, M. (2006). Predchuvstvie polittsentrichnosti [Anticipation of the polycentricity]. Project Baikal, 3(9), 20-23. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.9.494>

Seredenkina, S. (2004). Vyacheslav Stepanovich Voronezhsky (1937-1999). Project Baikal, 1(1), XII-XVII. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.1.301>

^ Рис. 6. Макет микрорайона Университетский. В центре – пешеходный бульвар и лестница в падь Долгую

< Рис. 7. Жилой район Первомайский. 1974–1984. Арх. В. Павлов, В. Афанасьев, В. Бух, Ф. Гильманова

Справа: Микрорайон Университетский. 1885–1997. Арх. В. Павлов, Н. Беляков, Н. Жуковский, Н. Бух

Исследование основывается на историческом анализе и архивных фотоматериалах Красноярского краевого краеведческого музея. Особое внимание уделено архитектуре жилья, ее значению. Прослежена эволюция жилищного строительства правобережья Красноярска 1960–1970-х гг. Приведены примеры жилых домов, представляющих историческую и культурную ценность. Подробно рассмотрено сложение ансамблей проспекта имени газеты «Красноярский рабочий», Каменного квартала, Предмостной площади и других территорий правобережной части Красноярска.
 Ключевые слова: Красноярск; правый берег; жилищная застройка; архитектура многоквартирных жилых домов. /

The study is based on the historical analysis and archival photographic materials of the Krasnoyarsk Museum of Local Lore. The article is focused on residential architecture and its significance. It describes the housing development of Krasnoyarsk's right bank in the 1960-1970s. It presents the examples of residential buildings of historical and cultural value. The article reviews the formation of the ensembles of the prospect named after the newspaper "Krasnoyarsk Worker", the "Stone Quarter", the Bridgehead Square and other areas of Krasnoyarsk's right bank.

Keywords: Krasnoyarsk; right bank; housing development; architecture of multi-family housing.

Красноярское правобережье. Наследие индустриализации / Krasnoyarsk's right bank. Industrialization heritage

текст

Ольга Блянкинштейн
Олеся Киселева
Ольга Успенская /
 text
Olga Blyankinshtein
Olesya Kiseleva
Olga Uspenskaya

Город Красноярск уникален; он всегда отличался особым стилем в архитектуре, своим планировочным почерком, который обусловлен неповторимым природным ландшафтом, диктующим формирование городской планировочной структуры. Еще одна особенность Красноярска, влияющая на формирование облика городского пространства – окружающая природная среда. Горы, холмы, леса, реки смягчают однообразие продольно-поперечной планировочной структуры города, и визуальное завершение картинки – это всегда очертания гор и тайга.

В настоящее время Красноярск – современный мегаполис со всеми атрибутами индустриальной и инвестиционной привлекательности. Вложения бизнеса во многие сферы жизни дает возможность городу прирастать современными жилыми районами, реконструировать и реставрировать историческую застройку.

Создание краевых и федеральных инвестиционных программ, складывание красноярской агломерации, стремление к формированию туристического кластера Восточной Сибири на территории Красноярского края – все эти аспекты влияют на организацию современной жилой застройки, возникновение новых современных жилых районов с развитой инфраструктурой, своим колоритом и собственным лицом. Но главной неотъемлемой составляющей развития жилой среды Красноярска, как и любого поселения, является его историческая застройка в контексте культурного наследия прошлого.

В представлениях жителей и гостей города исторический Красноярск – левобережный исторический центр. Мало кто задумывается над тем, что история застройки правого берега начиналась в первой трети XVII столетия, и жилые поселения правобережья возникли почти одновременно с красноярским острогом.

Если историческая архитектура левобережной части Красноярска исследована достаточно многогранно и подробно, отражена во многих опубликованных работах, то история архитектурно-градостроительного освоения правого берега Красноярска изучена недостаточно. Отдельные вопросы архитектуры и застройки правого берега в разное время исследовались в работах А. В. Слабухи, В. И. Крушлинского и других преподавателей института архитектуры и дизайна Сибирского федерального

университета. Однако архитектурно-пространственная организация всего правобережья Красноярска в целом и его отдельных территорий требует своего дальнейшего научного осмысления и обобщения. Данное исследование основывается на архивных фотоматериалах Красноярского краевого краеведческого музея и отдельных фотоматериалах из личного архива А. В. Слабухи и О. М. Успенской, призвано представить архитектурное развитие территорий правого берега Красноярска доиндустриального и индустриального периодов в историческом, политическом, народно-хозяйственном и социально-экономическом контексте тех периодов через призму архитектуры жилища.

Основание и строительство Красноярского острога на стрелке левого берега Енисея в устье реки Качи в 1628 г. требовало охранных поселений в окрестных землях, в том числе и на правом берегу Енисея, где в конце 1630-х гг. были заложены казачьи станции [2]. Для русских они служили оборонительными поселениями от набегов енисейских кыргызов. Первоначально были основаны две казачьи станции – Ладейская и Торгашинская, чуть позже, возникла еще одна – деревня Базаиха.

В первой половине XVIII в. через станцию Ладейка прошел Московский тракт, и она превратилась в волостной центр, объединяющий окрестные села. Село Торгашино активно использовалось жителями Красноярска как излюбленное место отдыха, считалось живописным уголком природы и местом с самыми богатыми ископаемыми ресурсами в Енисейской губернии. Природа окрестностей Базаихи не могла оставить равнодушными ни гостей, ни коренных жителей губернии. Многие зажиточные горожане имели на Базаихе летние дачные дома. Базаиха расстраивалась очень активно и уже к рубежу XIX – XX вв. насчитывала 150 домов, в которых проживало не менее 500 душ населения Енисейской губернии (рис. 1), тогда как в Красноярске, который имел статус города, в это время проживало чуть больше шести тысяч человек [5].

Во время поселения правого берега служили Красноярску, но не были частью его территории. Связь Красноярска с правым берегом осуществлялась летом по воде на лодках, плотах, плашкоутах (рис. 2), зимой – по льду

Исследование выполнено в рамках гранта Красноярского краевого фонда науки по теме «Комплексный анализ функционально-планировочной и архитектурно-художественной организации жилых многоквартирных зданий и комплексов Красноярска». / The study was carried out under a grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation on the theme "Comprehensive analysis of the functional-planning and architectural-artistic arrangement of multi-family houses and complexes in Krasnoyarsk".

^ Рис. 1. Деревня Базаиха. Рубеж XIX–XX вв. Фото из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

^ Рис. 2. Плашкоут – средство переправы через Енисей. Начало XX в. Фото из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

^ Рис. 3. Карта Красноярска и его окрестностей. 1927. Фото из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

замерзшего Енисея. Жизнь правобережцев Красноярска была неторопливой и размеренной вплоть до конца XIX в.

Конец столетия для России ознаменовался великими свершениями, прежде всего строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. Красноярск, лежавший на середине пути от Москвы до Дальнего Востока, рассматривался как крупный стратегический узел на пути к Владивостоку и Порт-Артуру. Центральная часть транссибирской магистрали прошла по территории Енисейской губернии. В 1887 г. члены Красноярской городской Думы обратились с письмом к иркутскому генерал-губернатору А. П. Игнатьеву с просьбой о более активном строительстве железнодорожных полустанков на правобережье Енисея: «<...> это решение и быстрое его осуществление произвели на г. Красноярск необычайно сильное и вместе необычайно отрадное впечатление. Железная дорога в Сибири – это та сила, отсутствие которой не позволяло Сибири быть тем, чем она должна быть по своим естественным условиям <...>» [6]. И уже в декабре 1895 г. красноярцы встретили первый поезд с западной стороны, а в 1897 г. началось регулярное пассажирское движение от станции Енисей на правом берегу Красноярска в восточном направлении. Однако отсутствие железнодорожного моста создавало много проблем в эксплуатации этого участка железной дороги. Вагоны приходилось переправлять через Енисей на баржах, а зимой рельсы укладывали прямо на ледяной покров реки.

Железнодорожный мост через Енисей был спроектирован выдающимся русским инженером и ученым Л. Д. Проскураковым в 1896 г. Предложенный проект был очень прогрессивным для своего времени и уникален тем, что это был второй в мире мост по величине пролетов среди железнодорожных мостов со сквозными балочными фермами. Его строительство осуществлялось под руководством инженера-механика Е. К. Кнорре. Открытие железнодорожного моста через Енисей состоялось 28 марта 1899 году [3]. Мост соединил западную и восточную части Транссибирской железнодорожной магистрали.

Это знаменательное событие не могло не сказаться на благоприятном развитии Красноярска. На всем протяжении Средне-Сибирского железнодорожного участка

«Транссиба» выросли новые железнодорожные станции, которые впоследствии превращались в новые населенные пункты. Центральным пунктом Средне-Сибирской железной дороги стал город Красноярск. В город потекли потоки переселенцев из центральной части России поднимать промышленный потенциал страны, а не только добывать и перерабатывать ископаемые богатства сибирских недр, как это было ранее.

Смена государственности в первые годы советской власти принципиально не отразилась на застройке Красноярска. Совсем другая жизнь открылась городу на Енисее в середине 1920-х гг., когда советская страна взяла курс на индустриализацию в соответствии с постановлением XIV съезда ВКП (б) от 18 декабря 1925 г. В первую пятилетку стояла первоочередная задача «превращения страны из аграрной в индустриальную». Согласно постановлению правительством Красноярска было принято решение о размещении новых фабрик и заводов на правобережье Красноярска. Но по карте Красноярска и его окрестностей 1927 г. можно увидеть, что жилая часть правого берега – по-прежнему главным образом Базаиха, Торгашино и Ладейское (рис. 3).

В 1931 году Базаиха была включена в черту города; из казачьей станции Базаиха переросла в один из индустриальных районов Красноярска. Началось строительство деревообрабатывающего комбината, затем были построены три лесопилки, хлебопекарня.

Начиная с 1934 г. и до 1940 г. на правом берегу Енисея были выстроены Красноярский машиностроительный завод, верфи судостроительного завода, целлюлозно-бумажный комбинат, лакокрасочный, кирпичный, канифольный и другие заводы. С этим индустриальным богатством Красноярск становится претендентом на звание одного из ведущих индустриальных центров не только Сибири, но и страны в целом.

Новые промышленные мощности требовали рабочей силы. Большая часть рабочих в эти годы жила в землянках и бараках, где отсутствовали элементарные признаки цивилизации: электричество, водопровод, канализация. Встал вопрос о создании более комфортных условий для проживания рабочих, что, соответственно, повлекло за собой строительство новых жилых домов и развитие

> Рис. 4. Деревянные многоквартирные дома по ул. Свердловской

^ Рис. 5. «Авиадом» на ул. Академика Вавилова, 35

имеющихся жилой застройки, рост инфраструктуры [5]. Среди первых жилых массивов, возведенных на правом берегу Красноярска в 1930-е гг., можно отметить дома для работников машиностроительного завода на Московском тракте (ныне это проспект имени газеты «Красноярский рабочий»), жилую застройку кварталов будущей улицы Вавилова, жилые дома по улице Свердловской. На протяжении улицы Свердловской с 1932 по 1938 гг. было построено 28 деревянных двухэтажных восьми- и двенадцатиквартирных жилых домов. Застройка этого участка улицы, где сохранились деревянные жилые дома, и по сей день не выглядит ветхой; напротив, сохраняет атмосферу истории того времени (рис. 4).

Так в начале 1930-х годов правый берег города на Енисее принял эстафетную палочку массового жилищного строительства у левобережья. Здесь, на правом берегу, в течение десятилетия осуществлялось активное возведение многоквартирных домов, объектов быта и образования, лечебных учреждений.

К проектированию домов и улиц правобережья были привлечены голландские и немецкие архитекторы и инженеры [2]. В 1930 г. по приглашению И. Сталина в СССР прибыла группа немецких архитекторов и градостроителей, которая участвовала в разработке проектов жилой застройки более чем в 20 советских городах. Руководителем этой группы единомышленников в составе 17 человек был знаменитый немецкий градостро-

итель-функционар Эрнст Май [4], мечтавший проектировать «рациональное» жилье для Советской России. Красноярск был одним из таких городов, где Эрнст Май спроектировал несколько групп деревянных жилых домов для строителей заводов. Эти единичные дома до сих пор сохранились на улицах Свердловской и Семафорной.

В 1934 г. на правобережье был построен первый каменный дом из серии так называемых «сталинок». Находится он по адресу ул. Академика Вавилова, 35 и известен под названием «Авиадом» (рис 5). Дом изначально строился для летчиков и технического персонала гидропорта и полярной авиации.

«Авиадом» – это дом с легендой, о чем свидетельствует мемориальная табличка, появившаяся на нем сравнительно недавно. Надпись на мемориальной доске гласит: «Первое каменное здание в Кировском районе, построенное в 1934 г. – «Авиадом». С 1943 по 1945 гг. в нем жили летчики и технический персонал авиаперегонной трассы «Аляска – Сибирь». Вечная память погибшим» [1]. Благодаря своей истории и архитектурным достоинствам этот жилой дом представляет историко-культурную ценность для Красноярска.

Рядом с «Авиадомом» можно увидеть многоквартирный деревянный дом барачного типа (рис. 6). Такие дома также являются своего рода историей Красноярска. И не зря: при реновации в 2017 г. улицы Вавилова было принято решение не сносить этот дом, а провести его реконструкцию и оставить в качестве среднего арт-объекта. Есть мнение, что именно в этом доме барачного типа жили строители первых кирпичных домов правобережья.

В связи со стремительно развивающейся застройкой правого берега вся его территория в 1934 г. была выделена в новый Кировский район Красноярска. В тот период массовое строительство жилых домов выполнялось по «повторным», ранее отстроенным проектам и их привязке к конкретному месту. Такой подход позволял осуществлять строительство в кратчайшие сроки. Предполагалось, что на правом берегу уже через двадцать лет появится новый центр города, так называемый «соцгород» с современным обслуживанием, объектами соцкультбыта, домами, где будут квартиры с новой удобной планировкой. Планировалось, что именно здесь,

> Рис. 6. Жилой двухэтажный дом барачного типа на ул. Семафорная

^ Рис. 7. Застройка 1940-х гг. по ул. Циолковского (ул. Юности). – URL: www.krasplace.ru

< Рис. 8. Дом переменной этажности. Проспект им. газеты «Красноярский рабочий», 26. Застройка 1940-х гг.

на правобережье Красноярска, будет создан совершенно новый, повышенный уровень комфорта для проживания советских рабочих и служащих.

С началом Великой Отечественной войны в Красноярск, как известно, эвакуировали оборудование многих оборонных предприятий из европейской части страны. Большое строительство военного времени, столь необходимое для роста обороноспособности СССР, принял на себя правый берег.

В августе 1942 г. из Кировского района был выделен Ленинский. Этот новый район состоял из пустырей, был мало обжит, но там проживало более 16 тысяч рабочих, в том числе эвакуированных, которые работали на стратегически важных для страны заводах. Параллельно со строительством заводов массово возводилось жилье, в основном – деревянное барачного типа; однако не прекращалось и кирпичное строительство. В военные годы началось возведение многоквартирных каменных домов на улице Юности, которая до 1953 г. носила имя К. Э. Циолковского, выдающегося ученого, занимавшегося проблемами освоения космоса (рис. 7).

Сталинская архитектура микрорайона «Каменный квартал» считается историческим центром Ленинского района правобережья. Активное строительство жилья здесь, рядом с казачьей станицей Ладейкой, началось в 40-е гг. и активно продолжалось в послевоенное время. Главной постройкой этого квартала считается каменный дом с переменной этажностью, выходящий на проспект имени газеты «Красноярский рабочий» (рис 8). Строительство дома осуществлял для своих работников химкомбинат «Енисей». Этот длинный нестандартный дом имеет четкую симметрию, ось которой зафиксирована высокой, в два этажа, полукруглой аркой, прорезающей корпус дома. Центральная, крайние правая и левая части дома выполнены в пять этажей, промежуточные соединяющие части – в четыре этажа. Боковые пятиэтажные крылья дома выступают вперед по отношению к основному фасаду. Лицевой фасад, выходящий на проспект имени газеты «Красноярский рабочий» оштукатурен и в разное время имел разную окраску. Этот фасад трактуется как парадный, с его стороны на первом этаже размещены помещения общественного назначения. Стена дворового

фасада выполнена кирпичной кладкой без штукатурки и дополнительных деталей, во двор ведет центральная арка. Разное оформление лицевого и дворового фасадов вызывает некоторый диссонанс восприятия, но дом, несомненно, является запоминающимся объектом.

По ул. Текстильщиков идет жилая застройка домов, выстроенных из кирпича и шлакоблоков. Такими домами застроена основная часть «Каменного квартала». Эти дома сохранились на ул. Песочной и в пер. Ярцевский (рис 9). Дом № 25 по улице Песочной является угловым. Таких угловых домов в микрорайоне около десяти. Четко вычерчивая углы, они усиливают правильную геометрию расположения домов. Оштукатуренные и свежепокрашенные, они привлекательны и симпатичны своей простотой и масштабностью. Примером отреставрированного дома является двухэтажный дом на пересечении улиц Песочная и Крылова (рис. 10). Белые детали придают нарядность дому и акцентируют угол, выходящий на перекресток. Большинство же домов «Каменного квартала» находится в состоянии, требующем капитальных вложений в реставрацию. Но для сохранения духа места и истории потомкам город обязан задуматься о сохранении этого уголка каменной архитектуры прошлого.

Еще до Великой Отечественной войны в Ленинградском отделении института «Гипрогор» под руководством архитектора Ю. М. Килватова был разработан генеральный план застройки Красноярска, но только в 1950-м г. он был утвержден Красноярским горисполкомом. В этом генеральном плане особое внимание уделялось застройке правобережной части города. Было принято решение, что основной транспортной магистралью правого берега

< Рис. 9. Каменный квартал. Кирпичные жилые дома в пер. Ярцевском, ул. Песочной и ул. Текстильщиков. Застройка 1940-х гг.

^ Рис. 10. Двухэтажный дом на пересечении улиц Песочная и Крылова. Застройка 1940-х гг.

^ Рис. 11. Жилые многоквартирный дом на проспекте им. газеты «Красноярский рабочий». Постройка 1950-х гг. – URL: vk.com / krk_retro

должен был стать Московский тракт, по обеим сторонам которого будут возводиться жилые массивы. Здесь планировалось построить более 200 кварталов жилой застройки с инфраструктурой.

С начала 1950-х гг. началась парадная застройка главного проспекта правобережья – Московского тракта, который в 1954 г. переименовали в проспект имени газеты «Красноярский рабочий» (рис 11). На участке от КрасТЭЦ до Красмаша один за другим стали появляться новые каменные дома. Они строились вплоть до 1958 г., когда перешли на более экономное типовое строительство «хрущевок» [1].

В 1954 г. на проспекте имени газеты «Красноярский рабочий» положили первый асфальт, через два года началась прокладка трамвайных путей, и 1 мая 1958 г. трамваи двинулись по постоянному маршруту от Предмостной площади до КрасТЭЦ. Так постепенно, но целенаправленно на правобережье Красноярска приходила цивилизация, неся в себе все больше комфорта для полноценного проживания в рабочих окраинах города.

Стоит отметить, что именно на проспекте имени газеты «Красноярский рабочий» построены многоквартирные жилые дома (рис 12), считавшиеся первыми домами высотной жилой застройки: в 1956 г. был построен первый дом высотой в семь этажей (№ 62), в 1966 г. – девятиэтажный кирпичный дом (№ 83), а в 1969 – двенадцатиэтажный панельный дом (№ 122) [4].

Формировались и застраивались и другие улицы правого берега Красноярска. На улицах Павлова, Кутузова и Мичурина появлялись нарядные жилые дома, так называемые «сталинки». Строились объекты культурно-бытового назначения. Особенно важное значение придавалось созданию заводских домов культуры, которые становились объектами притяжения для рабочих заводов и, оказавшись в городской ткани правобережья, сделали застройку не только промышленной и жилой, но комплексной, чем привлекали в рабочие кварталы прослойку интеллигенции; это, в свою очередь, благотворно сказалось на образовании и культуре рабочих.

В 1950-х гг. активно начал застраиваться правобережный поселок Первомайский (рис. 13). Название рабочему поселку 2-го участка правобережья было присвоено

в апреле 1937 г. постановлением горсовета депутатов трудящихся за № 282. На карте города стали появляться новые улицы: Гастелло, Щорса, Щербакова, которые застраивались шлакоблочными и кирпичными двухэтажными домами.

В начале 1960-х гг. массовая жилая застройка поселка Первомайский практически вытеснила частные дома и деревянные бараки. А в начале 1970-х Первомайский перестал быть отдаленным районом правобережья, так как был запущен трамвай, связывающий поселок Первомайский с Предмостной площадью.

Предмостная площадь, которая стала главным градостроительно-транспортным узлом на правом берегу Красноярска, непосредственно на въезде (съезде) с нового Коммунального моста, соединившим правобережье с левым берегом города в 1961 г.

Проект застройки жилого района «Предмостная площадь» был разработан в 1962 г. и назывался по градостроительному плану «квартал 2А». Предмостная площадь со своими грандиозными замыслами создавалась на реконструируемой территории, в отличие от вновь строящихся районов Красноярска [5].

Известно, что в начале 1920-х годов прошлого столетия на этом месте был переселенческий пункт – поселок Первого августа, застроенный в основном одноэтажными деревянными домами с искривленной сетью улиц и абсолютно неблагоустроенной территорией. Этот поселок населяли люди, избегавшие гибели от репрессий. Поселок был многонациональным: кроме русских, его населяли татары, китайцы, корейцы, финны, эстонцы, калмыки и другие народности. В течение десятилетий на этой территории медленно, но последовательно в несколько этапов проводилась реконструкция. И только в 1962 г. застройка района предмостной площади окончательно приняла упорядоченный характер (рис. 14).

Архитектор С. И. Назаров занимался разработкой планировок и других районов Правобережья [3]. В 1958 г. был спроектирован жилой массив южнее шинного завода. Затем в соавторстве с И. И. Марининой был разработан проект планировки и застройки 1, 2 и 3 микрорайонов по проспекту имени газеты «Красноярский рабочий».

^ Рис. 12. Квартальная застройка вдоль проспекта им. газеты «Красноярский рабочий» в 1960-е гг. [5]

< Рис. 13. Двухэтажные каменные жилые дома поселка Первомайский. Начало 1950-х гг. [5]
< Рис. 15. Жилой дом с помещениями авиационного агентства по ул. Матросова, 4. Проект. 1976. Архитектор Э. М. Панов.

^ Рис. 14. Проект планировки и застройки предместного жилого района в правобережной части Красноярска. 1962. Архитектор С. И. Назаров

В 1965 г. улица между двумя микрорайонами правобережья, получила имя героя Великой Отечественной войны Александра Матросова (рис. 15). В том же году появился проект планировки и застройки района реки Паниковка, разработанный архитектором А. Г. Матниным.

Большой вклад в формирование архитектурного ансамбля правобережной предместной площади Красноярска внес Заслуженный архитектор России Э. М. Панов [3]. В 1967 г. им был выполнен проект застройки ансамбля высотных жилых зданий в квартале № 188 по проспекту имени газеты «Красноярский рабочий». Затем, в 1968–1975 – 16-этажное здание гостиницы «Турист» по ул. Матросова, 2 и жилой дом на 84 квартиры с помещениями авиационного агентства на первом этаже по ул. Матросова, 4 (проект 1969–1978 гг.). По проектам Э. М. Панова 1976 г. были выстроены жилой микрорайон по ул. Судостроительной, жилой микрорайон поселка Шинников. В период с 1973 по 1990 гг. был запроектирован и построен комплекс зданий на набережной Абаканской протоки на правобережье Красноярска. Ансамбль Предместной площади и прилегающих к ней территорий правого берега Красноярска по праву можно назвать детищем архитектора Э. М. Панова.

В одной статье невозможно полностью охватить всю историю формирования исторической застройки правого берега Красноярска. Можно много писать об улицах и домах, история возведения которых заслуживает отдельного внимания. Но надеемся, нам удалось сформировать представление, как индустриализация страны в целом повлияла на развитие половины города и правобережье Красноярска не осталось летней дачной усадебной застройкой и «выселками» для ГУЛАГа.

Современное правобережье Красноярска – это жилой район повышенного комфорта «Южный берег», историческая, но обновленная среда «Большого Вавиловского», микрорайон на берегу «Белые росы», новый автомобильный, четвертый по счету мост через Енисей, объекты Всемирной зимней универсиады – 2019. Но красноярцы должны помнить, что половина истории их родного города началась с казачьих застав – Торгашино, Ладейка и Базаиха.

Литература

1. Быконя, Г. Ф. Иллюстрированная история Красноярья (XVI–XX века). – Красноярск : РАСТР, 2012. – 240 с.
2. Красноярск: от прошлого к будущему: Очерки истории города / Ред. коллегия Г. Ф. Быконя, В. В. Куимов, П. И. Пимашков, В. И. Федорова. – Красноярск : РАСТР, 2013. – 640 с.
3. Слабуха, А. В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX – начало XXI века: Иллюстрированный библиографический словарь: 540 имен. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 432 с.
4. Хмельницкий, Д. С. Письмо Эрнста Мая Иосифу Сталину // ARCHI.RU. – URL: <https://archi.ru/elpub/91655/pismo-ernsta-maya-iosifu-stalinu> (дата обращения: 23.02.2021)
5. Фотоальбом «Красноярск. История города в фотографиях. 1870–1970» – Красноярск, 2014. – 252 с.
6. Чернышов, В. В. 1891 г. начало строительства Транссибирской железной магистрали // Государственный архив Красноярского края – URL: <http://xn----7sbimrdbk3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/gosudarstvennyi-arkh/news/pamyatnye-daty/57> (дата обращения: 23.02.2021)
7. Каменный квартал – исторический микрорайон Красноярска : Часть 3 : Прогулки. Ярцевский переулок. – URL: <https://krasnojaroehka.livejournal.com/4751.html> (дата обращения: 23.02.2021)
8. Успенская, О. М. Архитектурное веяние эпохи : Архитектор Чернышёв – яркий представитель сибирского модерна // Проект Байкал. – 2015. № 46. – С. 154–155
9. Успенская, О. М. Выставка в МУАР «Провинция. Архитектура Красноярска конца XIX – начала XX столетия // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 142–143

References

- Bykotnya, G. F. (2012). *Illyustrirovannaya istoriya Krasnoyarya (XVI-XX veka)* [Illustrated history of Krasnoyarye (XVI-XX centuries)]. Krasnoyarsk: RASTR.
- Bykotnya, G. F., Kuimov, V. V., Pimashkov, P. I., & Fedorova, V. I. (2013). *Krasnoyarsk: ot proshlogo k budushchemu: Ocherki istorii goroda* [Krasnoyarsk: from the past to the future: Sketches on the city's history]. Krasnoyarsk: RASTR.
- Chernyshov, V. V. (n.d.). 1891 g. Nachalo stroitelstva Transsibirskoi zheleznoi magistrali [1891. The beginning of construction of the Trans-Siberian Railway]. State Archives of the Krasnoyarsky Krai. Retrieved February 23, 2021, from <http://xn----7sbimrdbk3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/gosudarstvennyi-arkh/news/pamyatnye-daty/57>
- Kamennyi kvartal – istoricheskiy mikrorai on Krasnoyarska: Chast 3: Progulki. Yartsevskiy pereulok [Stone Quarter, historic microdistrict of Krasnoyarsk: Part 3: Walks. Yartsevsky Pereulok. Retrieved February 23, 2021, from <https://krasnojaroehka.livejournal.com/4751.html>
- Khmel'nitskiy, D. S. (2012, July 30). Pismo Ernsta Maya Iosifu Stalinu [Ernest May's letter to Joseph Stalin]. ARCHI.RU. Retrieved February 23, 2021, from <https://archi.ru/elpub/91655/pismo-ernsta-maya-iosifu-stalinu>
- Krasnoyarsk. Istoriya goroda v fotografiyakh. 1870-1970 [Krasnoyarsk. History of the city in photographs. 1870-1970] (2014). Photo album. Krasnoyarsk.
- Slabukha, A. V. (2004). *Arkhitektory Prieniseiskoi Sibiri. Konets XIX – nachalo XXI veka* [Architects of Yenisey Siberia. Late XIX – early XXI centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Uspenskaya, O. (2015). Architectural trend of the epoch: Architect Chernyshev as a bright representative of the Siberian Modern. *Project Baikal*, 12(46), 154-155. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.969>
- Uspenskaya, O. (2017). Exhibition at the Museum of Architecture "Province. Architecture of Krasnoyarsk of the late 19th – early 20th centuries". *Project Baikal*, 14(52), 142-143. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1185>

> А. С. Ческидов. 1990-е.
Автор фото неизвестен

Темой статьи является деятельность дальневосточного архитектора А. С. Ческидова, автора многочисленных проектов и построек в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Анализируются разные типы построек, созданных по его проектам, педагогическая деятельность по подготовке архитекторов, многогранная общественная работа, в том числе в комиссии по присуждению Государственных премий в области литературы и искусства.

Ключевые слова: МАРХИ; учительская семья; архитектурные произведения; «Хабаровскгражданпроект»; общественные здания; рисунки; прикладные изделия. /

The article deals with the creative heritage of the Far Eastern architect and public figure A.S. Cheskidov, the author of numerous projects and buildings in Khabarovsk and Komsomolsk-on-Amur. The article analyzes various types of buildings constructed upon his projects, his pedagogical activities related to the training of architects, his multi-faceted public work, including his participation in the Commission for the awarding of State Prizes in the field of literature and art.

Keywords: MARCHI; teacher's family; architectural works; "Khabarovsk-grazhdanproekt"; public buildings; drawings and applied products.

Творческое наследие архитектора А. С. Ческидова (1937–2000 гг.) / The creative heritage of architect A. S. Cheskidov (1937–2000)

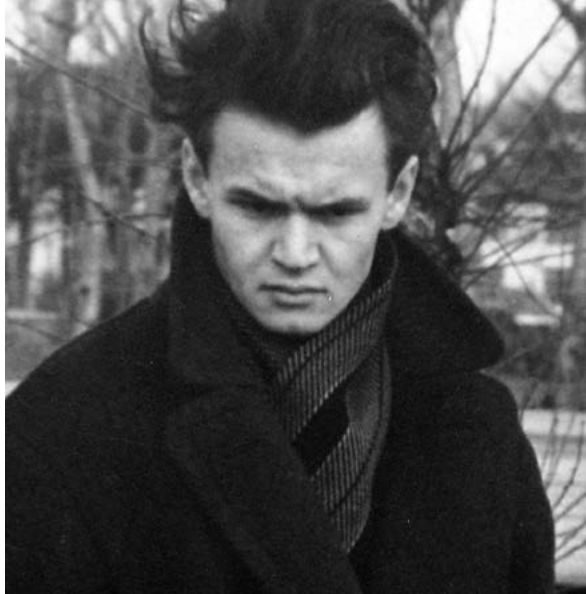
ТЕКСТ
Николай Крадин /
text
Nikolai Kradin

В любом городе найдется немало архитекторов, которые своими постройками сформировали облик кварталов, районов или улиц. Именно благодаря им город меняет свой облик, приобретая все новые и новые качества, направленные на улучшение среды, окружающей его жителей. Именно к числу таких архитекторов-зодчих и относился Александр Сергеевич Ческидов, проработавший в Хабаровске около сорока лет – почти две трети своей жизни. Практически все время, начиная с окончания института в 1962 г., он с успехом занимался архитектурной деятельностью. Именно здесь, в Хабаровске, формировалось его мастерство. Здания, построенные по его проектам, украшают многие улицы центральной части Хабаровска; есть они и в Комсомольске-на-Амуре, и в других дальневосточных поселениях. Мне не раз доводилось публиковать статьи и заметки об этом человеке и при его жизни, и после трагической гибели [1–5].

К сожалению, писать об этом замечательном человеке приходится только в прошедшем времени: трагическая случайность оборвала его жизнь на 64-м году. Говоря о Ческидове, можно составить целый список восторженных определений: добропорядочность, скромность, обязательность, внимание к людям, бескорыстие, отзывчивость, ненавязчивость, мастеровитость, обаяние... Список этот можно продолжать бесконечно, однако этим человека, к сожалению, уже не вернуть. Главное, что мы должны делать – хранить память о нем, сделать так, чтобы молодое поколение архитекторов следовало его заветам и училось на его примере, как следует работать. Перечисленные выше качества в любом человеке закладываются и формируются еще в детстве и юности, а зависят они чаще всего от того, под чьим влиянием человек воспитывался, где и у кого получал образование, с кем общался и взаимодействовал.

Как мне рассказывала его супруга Валерия Ильинична, родился Александр Сергеевич в семье педагогов на станции Завитая (позднее город Завитинск). Кроме него, в семье была еще старшая сестра. Нелишне отметить, что малыш, изображенный на этой семейной фотографии, племянник Александра Сергеевича Валерий Ческидов, тоже после окончания школы станет студентом архитектурного факультета в Хабаровске. Родители Александра

Сергеевича жили довольно скромно: отец преподавал в местной школе рисование и черчение, а мать химию и биологию. Чрезвычайно одаренный от природы, отец пользовался всеобщим уважением не только среди своих коллег-педагогов, но и среди учеников школы. Он самостоятельно научился игре на пианино и других музыкальных инструментах, вел в школе драматический кружок, принимал самое активное участие буквально во всех культурных мероприятиях, происходивших не только в школе, но и в поселке. У кого-то он приобрел списанное и непригодное для игры пианино, отреставрировал и даже настроил его: такой был рукодельник. Своих собственных детей он воспитывал в строгости, прививал им честность, трудолюбие, порядочность и обязательность. Девизом всей семьи были именно честность и трудолюбие. Жили они в деревянном доме барачного типа «с удобствами на улице». Печку топили дровами и углем, воду носили из колодца. Подобного рода условия были у многих россиян в тяжелые послевоенные годы, особенно в сельской глубинке. Дисциплинированность и непростые условия жизни способствовали выработке качеств, которые в дальнейшем помогли Александру Сергеевичу стать незаурядной личностью. Поступление его в Московский архитектурный институт тоже оказалось своеобразным: сдав довольно успешно экзамены по специальным дисциплинам, он «проколотся» на иностранном языке. Экзаменатор, увидев в его экзаменационном листе высокие оценки по рисунку и черчению, пожалела абитуриента, поставив ему «удовлетворительно». Но в итоге этого оказалось мало для зачисления: сумма баллов была немного меньше проходного. Пришлось Александру отправиться домой. Самое любопытное в этой истории, что вскоре после возвращения в Завитинск вдогонку пришло сообщение из МАИ: его все-таки зачислили на первый курс. К сожалению, денег для возвращения в российскую столицу у родителей не нашлось. Основательно познававшийся иностранным языком, он на следующий год все-таки стал студентом МАИ. Как рассказывал его племянник Валерий Ческидов, Александр жил у кого-то из знакомых на даче, сильно простудился и заболел туберкулезом; пришлось лечиться и пропустить один год

^ А. С. Ческидов в студенческие годы. Конец 1950-х

^ Вместе с родителями, сестрой и племянником. Начало 1950-х

учебы. Именно поэтому он учился в институте шесть лет, а не пять.

Жить в Москве в те годы было тоже довольно «несладко». Обитали студенты в общежитии, расположенном очень далеко от института, «у черта на куличках» – вблизи сельскохозяйственной выставки (ВДНХ). Но, несмотря на постоянную нехватку денег, жили они дружно и весело, одной коммуной. Помощь со стороны родителей была незначительной, и иной раз за несколько дней до стипендии им приходилось довольствоваться в столовой стаканом чая и хлебом, который в те времена и в Москве, и по всей России всегда на столах лежал бесплатно. Уже на старших курсах иногда удавалось найти какую-нибудь подработку, как говорится, «халтурку». После получения гонорара становилось немного легче. Будучи на последнем, шестом курсе Александр Сергеевич женился на своей однокурснице Валерии Ильиничне. Она рассказывала, что на свадьбу, которая проходила непосредственно в общежитии, приехали ее родители и привезли довольно много домашнего вина и всевозможных домашних заготовок (продуктов, солений и др.). В общем, свадьба прошла весело и шумно, не впроголодь и запомнилась всем надолго. Новая семья, как показало время, была дружной и прочной.

Учился Александр Сергеевич успешно, был, как часто говорили, «рукастым». Особенно ему удавались всякие поделки, макеты, которые он выполнял великолепно и быстро. Мог из бумаги вырезать и склеить мельчайшие детали и даже вантовые конструкции. Свой дипломный проект Александр Сергеевич защитил блестяще, и экзаменационная комиссия рекомендовала ему поступать в аспирантуру. Правда, согласно тогдашним правилам, для этого необходимо было или отработать три года в архитектурной проектной мастерской (то есть по своей специальности), или один год проработать в высшем учебном заведении на преподавательской должности. В дни, когда происходило распределение выпускников, в МАИ из Хабаровска прибыл ректор политехнического института Михаил Павлович Даниловский. Возглавляемый им ВТУЗ, открытый в 1958 году, готовил инженеров-строителей на факультете ПГС, поэтому срочно требовались преподаватели на кафедру архитектуры

этого факультета. Александра Сергеевича стали уговаривать его педагоги из МАИ, мотивируя свои доводы тем, что один год такой работы в ВУЗе как раз и предполагал возможность поступления в аспирантуру. В то время после Москвы им казалось, что Хабаровск – сущая Тмударакань; ехать в такую даль, на восточную окраину России вовсе не хотелось. Но привлекала возможность возвращения в Москву и поступления через год в аспирантуру, и Ческидовы дали согласие. Оказалось, как в пословице: «Человек предполагает, а бог располагает». Уже в период пребывания в Хабаровске у них родилась дочь, и все мысли об аспирантуре отпали сами собой. Так Ческидовы и остались в Хабаровске, ставшем для Александра Сергеевича второй родиной после Завитинска.

Много позднее в своих воспоминаниях Александр Сергеевич всегда упоминал alma-mater, непременно заходил в институт во время частых командировок в Москву. Он всегда с гордостью рассказывал, что учился у таких корифеев отечественной архитектуры, как Н. Н. Брунов, А. В. Бунин, А. В. Иконников, И. И. Леонидов, В. Ф. Кринский, И. С. Николаев, Н. Н. Уллас. Кстати, одновременно с Ческидовым в МАИ учился и известный архитектор Илья Георгиевич Лежава (1935–2018), в течение многих лет работавший там же профессором, а в 1987–2007 гг. – проректором по научной работе. Руководителем дипломного проекта у А. С. Ческидова был не кто иной, как сам ректор института, доктор архитектуры профессор Иван Сергеевич Николаев (1901–1979), кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

В МАИ и мне довелось поучиться. Во второй половине 1970-х годов я в течение трех лет был соискателем по кафедре истории архитектуры, работал под руководством доктора исторических наук профессора Владимира Владимировича Косточкина. Спустя три года, в 1979 году после подготовки кандидатской диссертации я защищал ее также в диссертационном совете МАИ. Уже в 2017 году меня избрали еще и почетным профессором МАРХИ. Так что очень давние связи с этим ведущим архитектурным вузом страны у меня тоже имеются. Кстати, в Москве с 1930 года функционировал еще один институт с идентичной аббревиатурой – Московский авиационный институт. Получалась некоторая путаница; чтобы ее

> С вице-президентом СА России Ю. А. Сдобновым. 1980-е

^ Плакат от коллег по случаю 60-летия А. С. Ческидова. 1997

устранить, вместо МАИ появилась более понятная аббревиатура – МАРХИ (Московский архитектурный институт), ныне Государственная академия. Однако вернемся к персонажу нашего повествования.

Привитые родителями с самого детства трудолюбие, честность, внимательность и уважение к людям стали для Александра Сергеевича Ческидова едва ли не самыми главными его качествами на протяжении всей дальнейшей жизни. Отработав более трех лет на кафедре в Хабаровском политехническом институте, вместе с супругой они перешли в институт «Хабаровскгражданпроект». Их дочь Марина, родившаяся в Хабаровске, тоже пошла по стопам родителей и стала архитектором после

окончания в 1984 г. архитектурного факультета Хабаровского политехнического института. Правда, спустя несколько лет после окончания института она вторично вышла замуж за американца и уехала с ним в США, куда перевезла после трагической смерти отца и свою мать Валерию Ильиничну.

Однако вернемся к жизни и деятельности А. С. Ческидова непосредственно в Хабаровске, общественной и просветительской работе по линии Союза архитекторов России. Знакомство Ческидовых с практикующим архитектором Г. И. Коробовцевым кардинально изменило их судьбу. Геннадий Иванович, работавший в то время главным архитектором в институте «Хабаровскграж-

> В группе делегатов съезда СА России. 1992

< После заседания ГАК в ТОГУ с выпускниками архитекторами. 1998

данпроект», после работы в политехническом институте пригласил Ческидовых в свой проектный институт, что стало началом нового этапа их жизни. С первых же месяцев Александр Сергеевич так увлекся новой работой, что мыслей о возвращении в Москву больше и не возникло. Вскоре он стал главным архитектором мастерской, а после отъезда Г. И. Коробовцева из Хабаровска на родину в Ташкент Александр Сергеевич занял должность главного архитектора института. Из небольшого старого здания, расположенного в Гупровском городке, институт вскоре переехал в другое, справив новоселье в новом здании недалеко от рынка, построенном по проекту А. С. Ческидова. В девятиэтажном панельном доме разместились все отделы, секторы, службы и администрация проектного института. В своем кабинете-мастерской на третьем этаже Александр Сергеевич стал работать не как большинство работников института, а до позднего вечера. Видя это, администрация института предоставила Ческидовым квартиру, расположенную рядом с институтом, на улице Бондаря. Валерия Ильинична вспоминает: «Я не помню, чтобы Саша приходил домой раньше десяти часов вечера. Кроме непосредственной работы, он много времени уделял общественной деятельности. Его хобби, даже страстью была еще и рыбалка, которая, к сожалению, и стала причиной его трагической гибели в 2000 году».

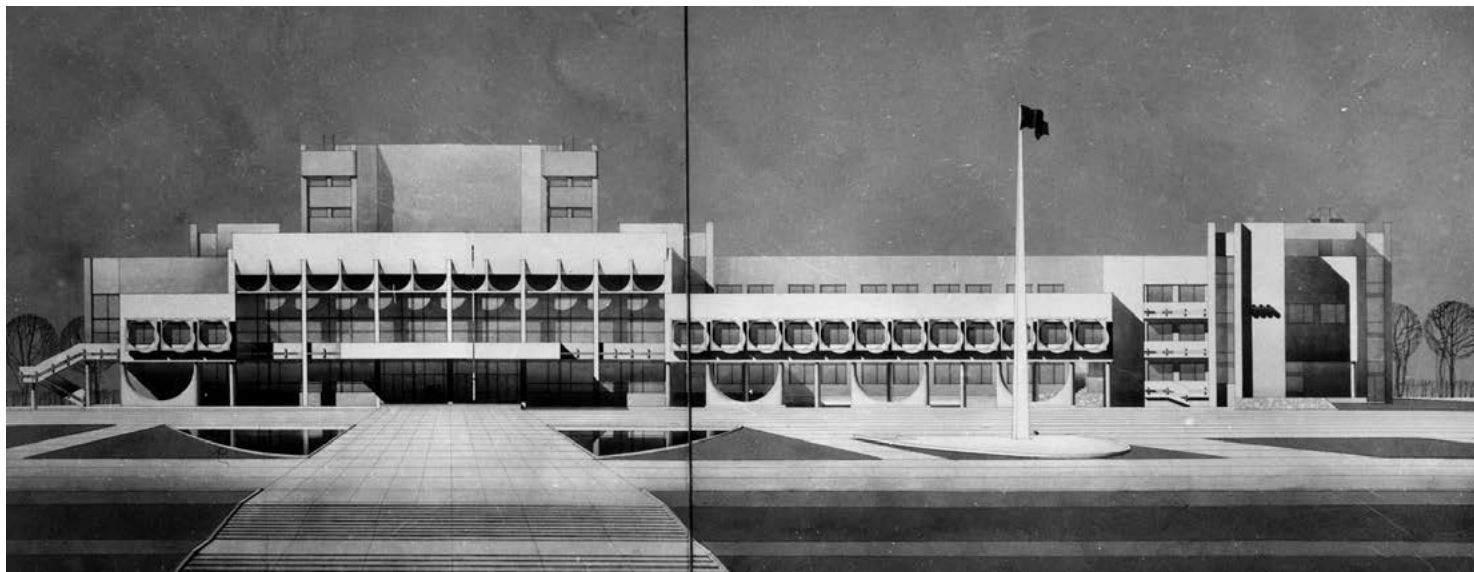
В конце 1990-х годов А. С. Ческидов фактически возглавлял группу наиболее известных дальневосточных архитекторов. Для перечисления всех его проектов и построенных объектов потребовалось бы несколько страниц, а обязанностей, общественных должностей и регалий у него было столько, что их вполне хватило бы на несколько человек. Тем не менее в его трудовой книжке имелось всего две записи: работа в Хабаровском политехническом институте на кафедре архитектуры (1962–1966) в течение четырех лет после окончания Московского архитектурного института, а затем почти 35-летняя проектная деятельность в институте «Хабаровскгражданпроект».

В 1970 г., когда мы с ним впервые встретились, Александр Сергеевич уже работал в должности главного архитектора института. Хорошо помню его кабинет

еще в старом здании в Гупровском городке: это была небольшая комната, битком набитая рулонами чертежей и планшетами. Там негде было просто повернуться, а не то, чтобы комфортно работать. Однако он трудился и руководил коллегами. Зато в новом здании его просторный кабинет-мастерская на третьем этаже стал настоящим штабом, куда со всеми вопросами приходили коллеги и в особенности – молодые специалисты. Будучи более 20 лет главным архитектором института, Александр Сергеевич не столько по должности, сколько по своим убеждениям и высоким профессиональным качествам стоял во главе созидательного процесса, нес прежде всего моральную и профессиональную ответственность за все проекты, которые выполнялись в институте всеми другими специалистами.

Немало времени он отдавал и общественной работе по линии Союза архитекторов России. Выступая на Третьем съезде союза архитекторов в 1992 г., он активно настаивал на том, чтобы архитекторы всех регионов России имели одинаковые права с архитекторами Москвы и Санкт-Петербурга, настаивая на том, чтобы это положение непременно появилось и в Уставе [6, с. 61]. С 1992 г. Александр Сергеевич входил в состав комиссии по присуждению Государственных премий в области архитектуры и градостроительства (Распоряжение Президента РФ от 22.01.1992 г. № 26-рп). В значительной степени именно ему принадлежит заслуга того, что Госпремия в области архитектуры за 1998 год была присуждена группе якутских архитекторов за построенный по их проекту комплекс Якутского государственного университета. Именно он настоял на том, чтобы комиссия непременно прибыла в Якутск и на месте ознакомилась с объектом, номинируемым на столь высокую премию. Разумеется, после ознакомления комиссии с объектом непосредственно на месте все сомнения отпали, и столь высокая награда была присуждена группе якутских архитекторов, а не другому претенденту. Его общественная деятельность по линии Союза архитекторов России тоже была довольно активной и плодотворной. Он входил в состав Президиума этой творческой организации зодчих страны.

Занимая административную должность, Александр Сергеевич и сам, тем не менее, очень много проектировал

^ Дом пионеров в Хабаровске по ул. Лермонтова. Проект. Главный фасад. 1976. Мастерская № 7 института «Хабаровскгражданпроект». Авторский коллектив: архитектор А. С. Ческидов, ГИП В. А. Алексеев, художник Н. М. Вдовкин, при участии Т. Л. Павловой

и курировал строящиеся по его проектам объекты. Составленный им самим в 1999 г. послужной список одних только авторских работ включает ровно 60 объектов, выполненных за 32 года (1967–1999). Всего же их было более ста, учитывая выполненные в соавторстве с коллегами. Его удивительная, потрясающая работоспособность поражала сотрудников не только в институте, но и тех, кто его знал в городе и на всем Дальнем Востоке. Он много времени отдавал общественной работе по линии Союза архитекторов, а затем – по линии Академии архитектуры и строительных наук. Хорошо знал, плодотворно общался и даже дружил со многими коллегами по Союзу архитекторов России и Российской академии архитектуры и строительных наук. Видимо, особо теплыми были его отношения со Сдобновым Юрием Афанасьевичем (04.08.1929–08.06.2012). Александр Сергеевич являлся неперенным участником практически всех съездов Союза архитекторов России; в процессе работы форума много общался с коллегами, налаживал новые контакты, дискутировал по животрепещущим проблемам архитектуры и градостроительства. Возвращаясь со съездов, он

непрерменно делился в Хабаровске с коллегами со всеми новшествами, о которых узнал, а также подробно рассказывал о работе архитектурного форума России. Он не только рассказывал, но и показывал сделанные там фотоснимки и слайды, привозил с собой проспекты и программы мероприятий. Так коллеги узнавали о работе других организаций Союза архитекторов России.

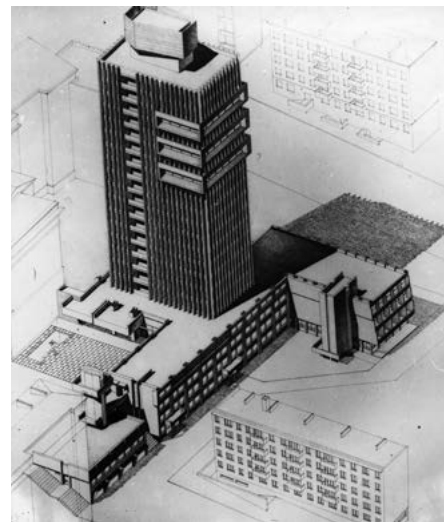
Серьезное значение Александр Сергеевич придавал и тому, чтобы практикующие архитекторы делились своим опытом со студентами-архитекторами и дизайнерами, чтобы они приходили на семестровые и годовые итоговые просмотры, участвовали в руководстве курсовыми и дипломными проектами, особенно на старших курсах. Его самого часто приглашали в ТОГУ в качестве председателя ГЭК, а позднее и ГАК.

Архитекторы, как правило – народ весьма остроумный, и их остроумие особенно часто выражается тогда, когда кто-нибудь из коллег отмечает юбилей, полученную премию или награду. Тогда, невзирая на должности и звания, как из рога изобилия, сыпались шаржи, остроумные дифирамбы, выпускались плакаты и тому подобные вещи.

v Дом Профсоюзов на Комсомольской площади в Хабаровске. Архитектор А. С. Ческидов.

v Здание АДУ (ОДУ) ВОС-ТОК в Хабаровске. Проект. Аксонометрия. Институт «Хабаровскгражданпроект». Архитекторы Г. И. Коробовцев, А. С. Ческидов, инженер Ф. Н. Мансветов. 1969

< Дом пионеров на 1000 посещений в Комсомольске-на-Амуре. Проект. Архитектор А. С. Ческидов, при участии В. М. Делидова. Здание построено в 1981. Фото из архива А. С. Ческидова

Вот и в 1997 году, в честь 60-летия Александра Сергеевича Ческидова его остроумные коллеги и друзья выдали «на-гора» не только массу обычных поздравлений, но и дифирамбов, плакатов, шаржей и т. д. Так, на одном из плакатов сам Александр Сергеевич, изображенный на постаменте в виде капители, удерживает за талию стоящую рядом с ним Музу архитектуры. Тут же в стихотворной форме было написано и поздравление юбиляру:

*Весь краевой «электорат»,
Кому архитектура – МАТЬ,
Ческидова поздравить рад!
И честь ему воздать!*

*Муж, папа, дед – семье опора,
Своим коллегам – как отец,
В работе многим бы дал фору,
России Зодчий – молодец!*

*Рыбак, охотник, землепашец,
На благо Родины – боец,
Вторым дыханьем восплававший
За суть профессии борец!*

*Живи и здравствуй, созидатель,
Годам не отдавайся в плен,
ХОСА бессменный председатель,
Центрального правленья член!*

Среди проектов, выполненных А. С. Ческидовым, следует отметить высотное здание Административно-диспетчерского управления (АДУ), ныне переименованного в Объединенное диспетчерское управление (ОДУ) ВОСТОК, а также проект гостиницы «Интурист». Довольно интересны по композиции и проекты жилых домов для Хабаровска. Хорошо известны всем архитекторам, а также и жителям дальневосточных городов многие здания и комплексы, осуществленные по проектам А. С. Ческидова в самых крупных дальневосточных городах, в частности, Дворец пионеров и школьников в Комсомольске-на-Амуре (ныне Дворец молодежи), пристройка к зданию краеведческого музея в Хабаровске, пристройка к инженерному корпусу «Хабаровскгражданстрой», 16-этажный жилой дом на углу улиц Ленина и Запарина в Хабаровске, деловой центр «Эком», офисное здание фирмы «Монолит-88», здание Дома

в Гостиница «Интурист» в Хабаровске. Эскизный проект. Развертка главного фасада. Институт «Хабаровскгражданпроект». Архитектор А. С. Ческидов. 1989

^ Здание Дальневосточной генерирующей компании, ул. Фрунзе, 49. Общий вид в застройке квартала. Архитектурная мастерская «Архстиль». Архитекторы А. С. Ческидов, В. П. Шитова. Фото Н. П. Крадина. 2017

^ Жилой дом, ул. Комсомольская, 96. Дворовый фасад. Архитектурная мастерская «Архстиль». Архитекторы А. С. Ческидов, В. П. Шитова. Фото Н. П. Крадина. 2017

профсоюзов на Комсомольской площади, очень интересный по своей композиции дом каскадного типа по улице Истомина в Хабаровске. Все эти и многие другие здания, построенные по проектам А. С. Ческидова в разных районах и на разных улицах Хабаровска, до сих пор украшают город, выделяясь среди массовой типовой застройки оригинальной композицией, фактурой и отделкой. В каждом из них обязательно присутствуют особенности, «кизюминка» – те черты, которые и придают отдельным зданиям или целым комплексам неповторимость и оригинальность.

Заметным и довольно интересным с композиционной точки зрения стал, в частности, Дом пионеров и школьников в Комсомольске-на-Амуре, позднее ставший Дворцом творчества детей и молодежи. Лаконичные, в некотором роде даже стерильные (без всякого декора) фасады здания, тем не менее, привлекали внимание горожан к этому необычному дворцу. Своеобразным акцентом, важным

композиционным элементом в нем служит полукруглая в плане лестничная клетка, возвышающаяся над всем зданием. Дворец в Комсомольске-на-Амуре – не единственная подобного рода работа А. С. Ческидова для пионерии. В Хабаровске подобный объект им тоже был спроектирован в 1976 г. Его предполагалось построить на улице Лермонтова, однако этот интересный по композиции проект, к сожалению, так и остался на бумаге. Следует отметить наличие в его фасадной композиции своеобразной музыкальности, навешанной ритмикой членений и декоративных элементов на главном фасаде.

Довольно оригинально выглядят построенные по его проектам здания, в которых окна имеют не прямоугольную, а квадратную форму. Это не только жилые дома, но и постройки общественного или административного назначения. Многие здания, построенные на знаковых местах, служат в пространстве центральной части города своеобразными ориентирами, занимая доминирующее положение. Таковым является, в частности, 16-этажный жилой дом точечного типа, расположенный на углу улиц Ленина и Запарина.

Как и большинство архитекторов, Александр Сергеевич увлекался прикладным искусством, писал этюды, рисовал с натуры. Более всего его увлекала смешанная техника, в которой он акварель смешивал с гуашью. О том, каким он был «рукастым», свидетельствуют и поделки из дерева, которых было немало развешено по стенам его квартиры.

Прошло уже 20 лет со времени трагической гибели Александра Сергеевича Ческидова и его младшего коллеги и друга Александра Григорьевича Горковенко, однако память о них до сих пор сохраняется в сердцах коллег и их товарищей по профессии. Так, учредитель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Ивановна Григорьева вспоминает о Ческидове так: «Замечательный был человек Александр Сергеевич Ческидов. Искренний, честный, харизматичный. Мне довелось познакомиться с ним на съезде Союза архитекторов России в 1996 году. Проводимый им фестиваль «ДВ Зодчество» вдохновил нас на создание проекта «Зодчество в Сибири». Думаю, все, кто знал Александра Сергеевича, вспоминают о нем с уважением».

v Здание Центра занятости в Хабаровске. Архитектурная мастерская «Архстиль». Архитекторы А. С. Ческидов, В. П. Шитова. 1990-е. Фото Н. П. Крадина. 2017

^ А. С. Ческидов. Маски. Резьба по дереву. 1990-е

^ А. С. Ческидов. Молодые деревца. Этуд. Сангина

Я уверен, что вся архитектурная общественность не только Хабаровска и Дальнего Востока, но и России всегда будет помнить об этом удивительном Человеке. В годовщину его трагической гибели у входа в здание института «Хабаровскгражданпроект» на стене была установлена памятная доска. Ежегодный Дальневосточный архитектурный фестиваль «ДВ Зодчество», который был организован по инициативе Александра Сергеевича Ческидова, теперь носит его имя и с успехом продолжает функционировать; в 2021 году должен состояться уже 25-й, юбилейный форум. Разумеется, этот человек заслуживает написания о нем не просто статьи, а развернутой и объемной монографии, которая, хочется надеяться, все-таки увидит свет в скором будущем. Накопленные материалы о его творческой работе, проектной, общественной и административной деятельности позволяющая это сделать; следует лишь провести их систематизацию, обработку и группировку по разделам и тематике. Будем надеяться, что в скором времени она увидит свет.

Литература

1. Вежновец, А. Ф., Крадин, Н. П. Записки краеведов. – Хабаровск: 000 Издательство «Магеллан», 2000. – 335 с. : ил.
2. Крадин, Н. П. Мастер архитектуры // Тихоокеанская звезда. – 1997. – 5 марта
3. Крадин, Н. П. Архитектура и архитекторы Хабаровска. – Хабаровск: Кн. изд-во, 2003. – 160 с.
4. Крадин, Н. П. Зодчие Хабаровска (1858–2013). – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2013. – 350 с. : цв. ил.
5. Крадин, Н. П. Старый Хабаровск. Портрет города в дереве и камне (1858–2018). – Хабаровск : «Приамурские ведомости», 2018. – 447 с.
6. III съезд Союза архитекторов России. 25–27 марта 1992 года. Сокращенный стенографический отчет. – Москва, 1992. – 180 с.

References

- III Syezd Soyuza arkhitektov Rossii [III Meeting of the Union of Architects of Russia] (1992, March 25-27). Shortened verbatim record.
- Kradin, N. P. (1997, March 5). Master arkhitektury [Master of Architecture]. Tikhookeanskaya zvezda.
- Kradin, N. P. (2003). Arkhitektura i arkhitektory Khabarovska [Architecture and architects of Khabarovsk]. Khabarovsk: Kn. izd-vo.

< А. С. Ческидов. Угол дома с крыльцом. Этуд. Бумага, акварель. 1980-е

Kradin, N. P. (2013). Zochie Khabarovska (1858-2013) [Architects of Khabarovsk (1858-2013)]. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya.

Kradin, N. P. (2018). Staryi Khabarovsk. Portret goroda v derive i kamne (1858-2018) [Old Khabarovsk: The portrait of the city in wood and stone (1858-2018)]. Khabarovsk: "Priamurskie vedomosti".

Vezhnovets, A. F., Kradin, N. P. (2000). Zapiski kraevedov [Local lore specialists' notes]. Khabarovsk: 000 Izdatelstvo "Magellan".

Дефицит жилого пространства на многих городских территориях и вопрос его сокращения обращают наше внимание на уже имеющиеся крупные жилые районы, которые могут сыграть важную роль в деле предоставления жилого пространства широким слоям населения. Такие районы обладают потенциальной ценностью: квартиры здесь хорошо адаптируемы, пригодны для создания необходимых бытовых условий и имеют большую долю открытых пространств. Чтобы превратить территории с типовой жилой застройкой в привлекательные районы с востребованным жильем, необходима не только реновация существующей городской ткани и интеграция новых типов жилья, но и улучшение открытых пространств. Ключевые слова: Черёмушки; районы типовой застройки; большие жилые районы; обновление; открытые пространства; стратегии планирования. /

The shortage of residential space in many urban areas and the question about how this can be alleviated leads to the existing large residential housing estates, which are of great significance when it comes to providing living space for broad sections of the population in the future. Large housing estates potentially have a valuable role to play in providing housing – the dwellings there are highly adaptable, making them suitable for designing a living environment with few barriers, and they also have a high proportion of open spaces. In order to transform prefabricated dwelling areas into attractive neighborhoods and wanted housing not only the existing urban fabric have to be renovated and new types of dwelling integrated but as well the open spaces shall be improved. Keywords: Cheryomushki; prefabricated settlements; large housing estates; renewal; open spaces; planning strategies. /

The Housing Question

Hardly any topic is currently discussed as intensely in cities as housing. The attractiveness of cities and the resulting steady growth in the influx of new residents have led to shortages in the housing supply. Above all, there is a lack of low-priced housing. The higher demand has led to tensions in the low-price segment of the housing market, which, in turn, have led to an increase in rent burden for lower- and middle-income groups. The topic of building affordable housing is also being discussed intensely in the large cities of Germany, Russia, and Ukraine. The release of formerly state-owned and communal housing onto the private market, exploding rent prices, and a lack of new construction mean that citizens are becoming increasingly worried about having a roof over their head.

In Germany, some initial steps have recently been taken by the public administration and politicians to cope with this problem. These steps include the establishment of municipal housing associations, testing and initiating new models for allocating and developing land, and a great deal more. But further steps must follow. The task facing local communities is above all to build new dwellings that meet the needs of the population. This requires proposals for innovative use concepts, building types, and architectural design concepts as much

Обновление Черемушек: перспективы жилья / Update Cheryomushki: perspectives for future housing

текст
Барбара Энгель /
text
Barbara Engel

Жилищный вопрос

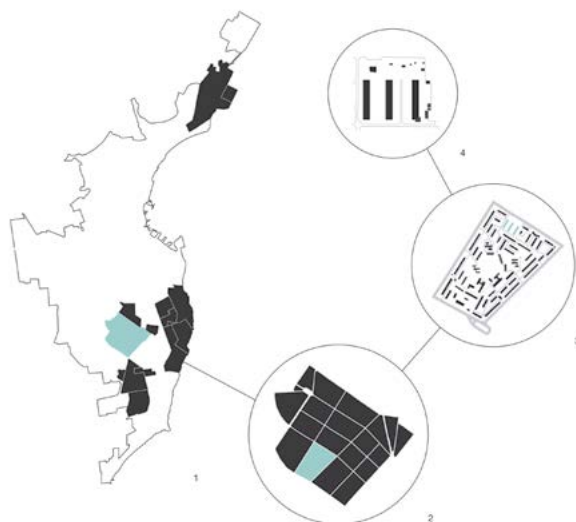
Вряд ли сейчас найдется какой-либо вопрос, который бы в городах обсуждался более активно, чем жилье. Привлекательность городов и связанный с нею устойчивый приток новых жителей привели к нехватке предложения жилья. Кроме того, не хватает жилья по низким ценам. Повышенный спрос привел к напряженности в низкоченовом сегменте рынка жилья, что в свою очередь привело к увеличению арендной нагрузки на население с невысоким и средним доходом. В крупных городах Германии, России и Украины также горячо обсуждается тема строительства доступного жилья. Переход государственного и коммунального жилья в частную собственность, скачок цен на аренду и дефицит нового строительства приводят к росту беспокойства горожан по поводу наличия крыши над головой.

В Германии государственные органы и политики недавно предприняли первые шаги в решении этой про-

блемы. Эти шаги подразумевают создание муниципальных жилищных ассоциаций для тестирования и введения новых моделей по распределению и застройке земель и пр. Что касается дальнейших шагов, местным сообществам предстоит решить задачу, связанную со строительством нового жилья, отвечающего нуждам населения. Требуется предложение по прогрессивным концепциям использования, типам зданий и архитектурно-строительным решениям, равно как и по развитию инклюзивного жилого пространства в городах. Кроме того, жилищный вопрос – всегда вопрос политический и социальный, который должен решаться дифференциально, принимая во внимание различные ситуации в каждом отдельно взятом городе.

Дефицит жилого пространства во многих крупных городах и вопрос его сокращения обращают наше внимание на уже имеющиеся крупные жилые районы, которые могут сыграть важную роль в деле предоставления жилого пространства широким слоям населения, ведь здесь живут миллионы людей. Ситуация на рынке жилья в крупных жилых районах бывшей Восточной Германии за последние годы сильно изменилась. Если несколько лет назад во многих местах широко практиковался снос жилья, а в других местах возникали многочисленные инициативы, побуждающие людей переезжать в крупные жилые районы, сейчас внимание обращено на восстановление жилого фонда и на возможность уплотнения и нового строительства с целью сохранения и дальнейшего развития существующего жилья (Grunze, 2017, с. 233).

В России и Украине ситуация с жильем в крупных жилых районах иная: пустые места на больших территориях жилой застройки никогда не играли значительной роли. Однако необходимость в жилье все еще существует, если судить по низкой средней доли жилого пространства на человека, которая в России меньше 18 кв. м (Maslennikov, 2019), а на Украине меньше 14 кв. м общей площади (The State Statistics Service of Ukraine, 1 January 2018). Однако в России и Украине жилые кварталы, построенные в 1950–1960-х, подвергаются серьезной критике. Многие из зданий, построенных по всей территории бывшего Советского Союза и бывших стран Восточного блока, требуют незамедлительного ремонта. Инвесторы

Hierarchy of the socialist city, as exemplified by Cheryomushki
1. Odessa (City)
2. Cheryomushki (District / Rayon)
3. Micro-district (Mikrorayon)
4. Housing ensemble

> Рис. 1. Расположение района Черёмушки в Одессе, иерархия социалистического города / Figure 1. Location Cheryomushki in Odessa, hierarchy of the socialist city

as it does the development of inclusively designed residential space in cities. In addition to this, issues of housing are always a political and social question that, in view of the divergent situations in each city, must be responded to in a differentiated manner.

The shortage of residential space in many large cities and the question about how this can be alleviated takes us to the existing large residential housing estates, which are of great significance when it comes to providing living space for broad sections of the population in the future – after all, millions of people live there. The situation on the housing market in the large housing estates of the former East Germany has changed enormously in the past years. While, some years ago, demolition was still propagated in many places and, at the same time, numerous incentives were created elsewhere to encourage people to move into large housing estates, attention is now being focused on refurbishment and on the potentials of densification and new construction in order to secure and further develop the existing housing stock (see Grunze 2017, p. 233).

In Russia and Ukraine, the housing situation in the large residential estates is different – vacancies in large housing estates never played a role there to any relevant extent – instead, a need still exists due to the low average living space per person, which in Russia is less than 18 m² (Maslennikov, 2019), and in Ukraine less than 14 m² of

floor area (The State Statistics Service of Ukraine, 1 January 2018). However, in Russia, and Ukraine, the residential neighbourhoods that were built in the 1950s and 1960s face a great deal of criticism. Many of these buildings, which were constructed across the entire territory of the former Soviet Union and in former Eastern Bloc countries, urgently need refurbishment. Investors see the opportunity to make large profits in areas with moderate building densities today by adding high-rise buildings or even by replacing existing buildings. Demolition programmes designed to eliminate the existing residential stock in large housing estates have already been set up by the state in many cities (Ljowkin, 14 April 2018).

In Ukraine, too, the housing supply situation is worsening. After independence was declared in 1991, a gradual process of mass privatization got underway in a housing sector that was already struggling with shortages of available housing, in order to meet the demand for housing that had been stimulated by urbanization (see Durmanov, 2010). This is exacerbated by the bad state of the housing infrastructure. More and more people are living in informal and illegal circumstances. This also gives rise to the question of how large housing estates from the Soviet era can be altered in such a way that they can contribute effectively to the housing supply (see Bibik & Drii, 2017).

сегодня видят возможность получения хорошей прибыли на территориях с умеренной плотностью застройки, вкладывая деньги в строительство новых многоэтажных домов или даже в замену существующих. Программы сноса, направленные на уничтожение существующего фонда жилья в крупных жилых районах, уже были приняты государственными властями во многих городах (Ljowkin, 14 April 2018).

На Украине также ухудшается ситуация с предложением на рынке жилья. После объявления независимости в 1991 году начался постепенный процесс массовой приватизации в жилищном секторе, который уже испытывал дефицит доступного жилья. Эта мера была предпринята с целью удовлетворения спроса на жилье, который усилился благодаря процессу урбанизации (Durmanov, 2010). Ситуация усугубилась плохим состоянием жилищной инфраструктуры. Все больше и больше людей живут в неудовлетворяющих требованиях, нелегальных условиях. Возникает вопрос, насколько необходимо изменить жилые районы Советской эпохи, чтобы они внесли эффективный вклад в рынок жилья (Bibik & Drii, 2017).

Большие жилые районы потенциально могут играть большую роль в предоставлении жилья – квартиры здесь хорошо адаптируемы, пригодны для создания необходимых бытовых условий и имеют большую долю открытых пространств. Они могут предоставить широкий и разнообразный выбор вариантов жилья и условий проживания, интересных для различных групп населения. Не считая сравнительно низких цен за аренду, существующая сеть бытового обслуживания очень важна для определенных типов семей (Altrock, Grunze, & Kabisch, 2018, с. 5).

В то же время районам требуется существенное обновление и улучшение, чтобы они смогли отвечать новым социальным, функциональным и техническим запросам. Необходимо произвести техническое усовершенствование стареющего жилищного фонда, разнообразить ассортимент квартир и создать привлекательную среду. Ключевой вопрос – как сохранить для будущего существующее жилое пространство в крупных районах и как обеспечить ему устойчивое развитие? Как необходимо развивать районы, которые бы способствовали созданию общности среди местных жителей? Как нужно

изменить зачастую моноструктурные районы, чтобы они стали живыми, социально и функционально разнообразными? Какие надо определить возможности для уплотнения и где необходимо сохранить открытые пространства как важные дополнительные пространства для жилья? Как могут быть добавлены новые здания и типологии жилья без отрицательного влияния на целостность городского пространства? Как создать частные открытые пространства, предназначенные для индивидуального жилья, избежав фрагментирования объема существующих открытых пространств?

Необходимые стратегии обновления требуют принятия мер на разных уровнях и разного масштаба, включая улучшение пространственно-структурной организации и ориентации, перепроектирование открытых пространств и новые концепции мобильности и услуг. Кроме того, планировочные стратегии и инструменты, правила и законы должны быть также адаптированы.

Нелюбимое наследие «Социалистический город»?

Являясь частью исследовательского проекта «Нелюбимое наследие «Социалистический город?»» (2016–2019), трехсторонний исследовательский консорциум с участием экспертов из Германии, России и Украины изучал особенности больших жилых районов, построенных в 1960–1970-х годах. На сегодняшний день жилые территории, которые когда-то были новыми микрорайонами, многое

^ Рис. 2. Фонд зданий в прошлом и сегодня / Figure 2. Building stock previous and today

Large housing estates potentially have a valuable role to play in providing housing – the dwellings there are highly adaptable, making them suitable for designing a living environment with few barriers, and they also have a high proportion of open spaces. They offer extensive and varied housing options and living conditions that are interesting for different groups in the population. In addition to comparatively low rents, the existing comprehensive offerings of amenities and services are very important for certain types of households (see Altröck, Grunze, & Kabisch, 2018, p. 5).

At the same time, the districts require extensive renewal and improvement to make them capable of responding to new societal, functional, and technical needs. It is necessary to make technical improvements to the aging building stock, to expand the mix of dwelling types on offer, and to create an attractive environment. The core question is how the existing living space in large housing estates can be secured for the future and further developed in a sustainable manner. How can neighbourhoods that promote social togetherness among their residents be developed? How can the often mono-structural estates be altered to turn them into lively, socially and functionally diverse districts? What potentials for densification can be identified and where must open spaces be secured as important supplementary

living spaces? How can new buildings and dwelling typologies be added without adversely affecting the cohesion of the urban space? How can private open spaces allocated to individual dwellings be created without fragmenting the spaciousness of the existing open spaces?

The requisite renovation strategies require measures at different levels and different scales – including an improvement of the spatial-structural organisation and orientation, a redesign of the open spaces, and new mobility concepts and services. Additionally, planning strategies and instruments, regulations, and laws must also be adapted.

Unloved Heritage Socialist City?

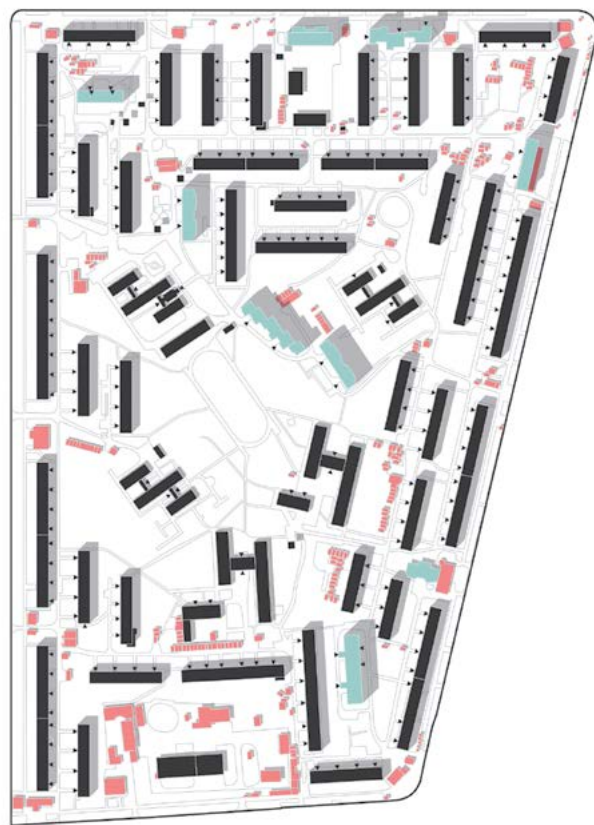
As part of the research project ‘Unloved Heritage “Socialist City”?’ (2016–2019), which was sponsored by the VW Foundation, a trilateral research consortium with experts from Germany, Russia and Ukraine worked on characteristic features of large housing estates, built during the 1960–70s. Today the dwelling areas, what were once new neighbourhoods have since seen a lot of years. There are different political and socio-economic conditions, and contemporary urban society places different demands on the living conditions and the urban environment. Over time, the shape of the micro-districts has changed dramatically compared to its origins – through active

повидали. Существуют различные политические и социально-экономические условия, а современное городское общество предъявляет различные требования к условиям жизни и городской среде. Со временем облик микрорайонов существенно изменился по сравнению с изначальным благодаря активному планированию, а также использованию населением и получению им права собственности. Новые требования к использованию и технические требования отражаются в изменениях, которые уже произошли в крупных жилых районах путем трансформации, пристройки или даже сноса части зданий и целых

многоквартирных комплексов. Принимаемые меры не всегда результат планирования. Зачастую это происходит в результате решений и действий, предпринятых спонтанно, под влиянием личных интересов. Для дальнейшего развития не хватает целостных долгосрочных планировочных стратегий, таких как включение районов в городской контекст, улучшение социально-культурной инфраструктуры, принятие во внимание общественных интересов, забота об окружающей среде и многое другое. В российских и украинских городах большая часть жилья была приватизирована после политического распада. С одной стороны, реорганизация собственности и разномобразии новых действующих лиц со стороны общественного и индивидуального секторов дают возможность обновления. С другой стороны, развитие не должно быть отдано исключительно рынку, который зачастую преследует только краткосрочные и материальные интересы. Вместо этого развитие требует специальных механизмов, помогающих достичь контролируемого и социально сбалансированного целостного планирования, которое учитывает потребности всего ансамбля.

В условиях дефицита использования и проектирования, а также технических несоответствий требованиям встает вопрос о том, как можно достичь и организовать ответственное, правильное и устойчивое развитие. В проекте основное внимание уделяется проблемам социалистического наследия: какими качествами обладают крупные социалистические районы и как можно их использовать для дальнейшего развития? Подчеркиваются ценные качества районов, построенных в 1960–1970-х годах, чтобы определить потенциал для необходимого дальнейшего развития и обновления. Для проекта был выбран район Черёмушки в Одессе. Во время проведения на местности совместной мастерской осенью 2018 года были разработаны планировочные стратегии для данного района. Были обозначены основные принципы и сценарии, после чего прошли мастер-классы и семинары в Технологическом институте Карлсруэ (KIT), которые смогли дать ценный импульс для разработки руководящих принципов и генерального плана. Эти документы показали задачи для устойчивой трансформации и отразили потенциал развития.

> Рис. 3. Возраст зданий /
Figure 3. Building Age

planning and through the use and appropriation by the inhabitants. The new demands of use and technical requirements are visible in the transformations that have already taken place in the large housing estates through the conversion, addition, and even dismantling of parts of buildings and even whole blocks of flats. The taken measures are not always the result of planning, but often of decisions and activities that are spontaneous and influenced by individual interests. Holistic and long-term planning strategies for further development are lacking, such as the inclusion of the districts in their urban context, the improvement of social and cultural infrastructures, the consideration of public interests, environmental concerns, and much more. In Russian and Ukrainian cities, much of the housing was privatised after the political breakup. With the reorganisation of ownership and a variety of new public- and private-sector actors, there is, on the one hand, the chance for a renewal. On the other hand, development should not be left to the market alone, which often pursues only short-term and monetary interests. Instead, development requires special mechanisms to achieve a controlled and socially balanced, holistic planning that responds to the entire ensemble.

In the light of usage and design deficits as well as technical inadequacies, the question arises how to achieve and organise responsible

and appropriate, sustainable development. The project took the fundamental questions about dealing with the socialist heritage in focus: What are the qualities of large socialist estates and how could they be used for further development? The focus was on highlighting the values and qualities of districts that were built in the 1960s and 1970s, in order to identify potentials for their needed further development and renewal. As one case study was Cheryomushki in Odessa selected. During an collaborative on-site-workshop in fall 2018 planning strategies for the specific case study of the Cheryomushki district were developed. General principles and scenarios were elaborated and followed up in design classes and seminars at KIT that could give valuable impulses for the elaboration of guideline and master plans. They identify potentials as they show the challenges for sustainable transformation.

The Future of Modernist Housing – Case Study Cheryomushki

Cheryomushki is the biggest of the large housing estate district in Odessa, located in the south-west. It was given its name in the early 1960s after an identically named, similar district of modernist buildings in Moscow. The area is advantageously located, connecting the city centre and Bolshoj Fontan and being equally distant from the beaches of Arcadia and the industrial zone of Zastava. In

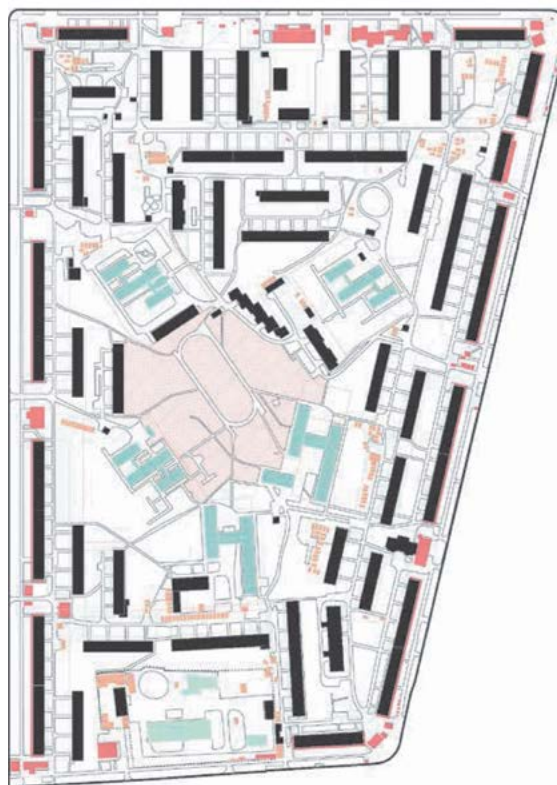
Будущее модернистского жилья на примере района Черёмушки

Черёмушки – самый большой жилой район в Одессе, расположенный на юго-западе. Свое имя он получил в начале 1960-х годов в честь похожего модернистского района в Москве. Территория района имеет выгодное расположение, соединяя городской центр и Большой фонтан и находясь на одном расстоянии от пляжей Аркадии и промышленной зоны Заставы. В Черёмушках сегодня проживает около 145 тысяч жителей. Изначально Черёмушки должны были удовлетворять потребности рабочих крупных промышленных предприятий в жилье и отдыхе, при этом в районе не предполагалось размещение рабочих мест, образовательных учреждений или культурных заведений. До сих пор жилье является доминирующей функцией, которую хорошо поддерживает развитая сеть школ и детских садов, охватывающая всю территорию. Несмотря на то что для жилья этот район может выглядеть вполне привлекательным, он имеет серьезные проблемы. Недостаточно комфортная окружающая среда и неприглядный внешний вид района существенно ухудшают и без того невысокое представление о нем. Между домами, во дворах и рядом с улицами можно найти значительное количество несанкционированных построек, таких как сараи и гаражи. Из-за ориентации зданий вдоль бульваров границы кварталов четко очерчены по бокам, но вдоль дорог они недостаточно ясны. Несанкционированные («дикие») постройки в виде киосков, ресторанов и супермаркетов привели к неприятному внешнему виду и ухудшили первоначальный план.

От спального района до района шаговой доступности

Многие большие жилые комплексы изначально имели вид спальных районов с небольшим количеством дополнительных функций. Людям приходилось ездить в центр города или другие районы на работу, для отдыха или посещения учреждений культуры. Таким образом, на первоначальном плане уже можно увидеть недостаточное разнообразие функций и, как следствие, недостаток типологического разнообразия жилья и возможностей для разнопланового развития. В некоторых случаях запланированные культурные объекты не были реали-

зованы или были разрушены с течением времени. Часто простой ремонт зданий бывает недостаточным; вместо этого необходимо адаптировать их к текущим потребностям и современным требованиям, которые вытекают из социальных, экономических, культурных, экологических, городских и архитектурных перспектив (см. Meerovich et al, 2017a, с. 154; Kamalova, 2017, с. 351). В связи с этим требуется предоставление помещений под магазины, школы, учреждения по присмотру за детьми и т. д. С размещением новых, даже межрайонных, объектов на территории есть шанс создать новый имидж

< Рис. 4. Виды использования / Figure 4. Usages

Cheryomushki live today about 145.000 people. Cheryomushki was initially designed to accommodate the housing and leisure needs of workers in big industrial factories, without providing any workplaces, educational institutions, or cultural functions. Still housing is the dominant function which is well supported with a dense network of schools and kindergartens throughout the entire district. Although this area could be attractive to live in, it faces significant problems, the lack of environmental comfort and visual appeal are significantly fostering the already bad image of the district. A significant amount of unauthorised built-up structures such as sheds and garages can be found between the buildings, in yards, and next to the streets. Due to the buildings' orientation along the boulevards, the borders of quarters are quite clear at the sides but rather unclear along the avenues. Unauthorised ['wild '] construction of kiosks, restaurants, and supermarkets has led to an unpleasant visual environment, weakening the original order.

From Sleeping District to District of Proximity

Many large housing estates were originally designed as sleeping communities with few functions besides housing. People had to commute to the city centre or to other districts for work or for leisure and cultural activities. Thus the original layout already shows a

lack of diverse functions and consequently little variety of building typologies and few opportunities for diverse development. In some cases, planned cultural facilities were not realised or were destroyed over time. Often it is not enough to renovate the buildings; instead, it is necessary to adapt them to current needs and contemporary requirements, that result from social, economic, cultural, ecological, urban, and architectural perspectives (see Meerovich et al 2017a, p. 154, Kamalova 2017, p. 351). In this context, the provision of facilities is required for services such as shopping, schools, childcare, and much more. With the placement of new, even cross-district uses in the neighbourhood, there is the chance to create a new profile for the district, strengthen its functional independence, and thus reposition it in the broader urban context. For this purpose, it is necessary to consider the future development and self-understanding of the city (see Engel et al. 2019, p. 80).

To stimulate urban life in the Cheryomushki district and to make the neighbourhood livelier, it would be necessary to locate educational and cultural functions on the available territories. Cultural and education centres for different age groups could be situated within existing school grounds. Since the number of educational facilities per district was clearly defined by the regulatory system established

района, укрепить его функциональную независимость и таким образом изменить его статус в более широком городском контексте. Для этого необходимо учитывать будущее развитие и самопонимание города (см. Engel et al, 2019, с. 80).

Чтобы стимулировать городскую жизнь в районе Черёмушки и оживить его, необходимо организовать на имеющихся территориях образовательные и культурные функции. Культурные и образовательные центры для разных возрастных групп могут быть расположены на территории существующих школ. Поскольку коли-

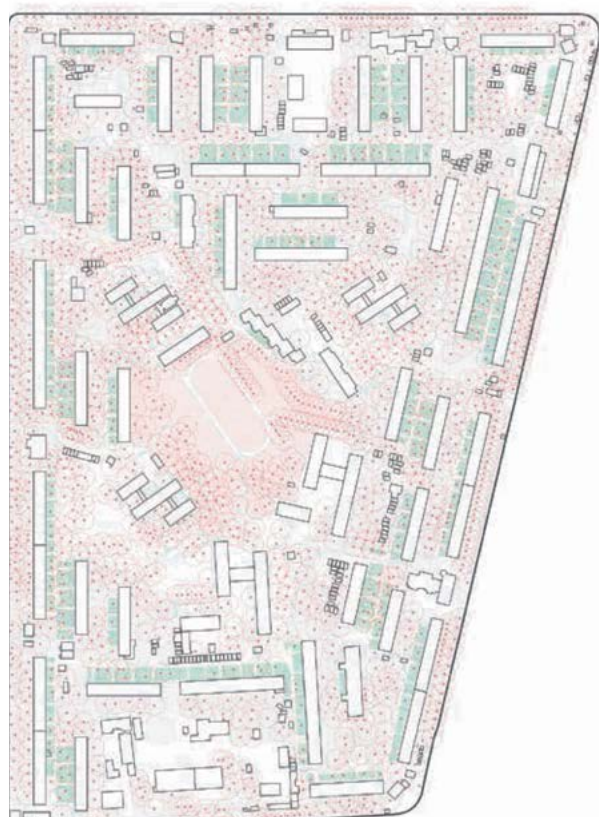
чество образовательных учреждений в каждом районе было четко определено нормативно-правовой системой, созданной еще до строительства Черёмушек, имеется достаточное количество школ, в которых есть место для многих дополнительных функций. Поэтому их можно преобразовать в центры притяжения для каждого квартала или использовать для других нужд района. Возможно создание летних театров и ночных клубов и реорганизация библиотек в медиacentры и культурные центры.

Новое разнообразие образа жизни и домашнего хозяйства

Жилье и микрорайоны не соответствуют потребностям людей и не могут конкурировать на рынке; разнообразие и размер имеющегося жилья не отвечает современным стандартам. Наблюдаемые преобразования и расширение жилых комплексов в России и Украине указывают на необходимость в не только более крупных, но и дифференцированных типологиях жилья. Следует учитывать, что в будущем образ жизни будет все больше и больше отличаться, что приведет к увеличению спроса на различные типы жилья. Кроме того, следует рассмотреть более гибкую систему арендного жилья. Следует интегрировать новые здания, которые соответствуют интересам будущего населения. Чтобы в дальнейшем обеспечить максимальную привлекательность для различных групп людей – для семей, студентов, работающего населения и пожилых людей – необходимы новые помещения, отвечающие разнообразным требованиям, разным стилям жизни и бюджетам.

Жителями Черёмушек могут стать молодые люди, которых привлекает возможность получения образования, квалифицированные специалисты, работающие в многочисленных научно-исследовательских и образовательных институтах, а также пожилые люди, поскольку население Украины в целом стареет. Кроме того, необходимо учитывать, что в будущем образ жизни будет все больше и больше отличаться, что приведет к увеличению спроса на различные типы жилья. Следует также подумать о более гибкой системе арендного жилья. В качестве одного из способов, можно применить переоборудование существующих квартир и зданий. Квартиры могут быть

> Рис. 5. Открытые пространства /
Figure 5. OpenSpaces

even before Cheryomushki was constructed, there is a sufficient number of schools with enough space for many additional functions. These can therefore be transformed into local magnets for each quarter or used for other needs in the district. The establishment of summer theatres and nightclubs, and the reorganisation of libraries into media centres and hubs would also be possible.

New Variety of Lifestyles and Households

The dwellings and neighbourhoods do not fit people's needs and cannot compete on the market; the variety and size of dwellings do not currently meet modern standards. The observed conversions to and expansions of Russian and Ukrainian housing estates point to the need for larger, but also differentiated housing typologies. One must consider that lifestyles will differ more and more in the future, raising the demand for different housing typologies. In addition, a system of rental housing that offers more flexibility for people should be considered. New buildings that match the interests of future populations should therefore be integrated. In order to be as attractive as possible to different groups of people in the future – for families, students, working professionals and the elderly – new accommodations are needed that respond to different demands, increasingly different lifestyles, and different budgets.

увеличены путем объединения двух или трех старых квартир в одну, путем добавления или удаления из существующих структур.

Большие жилые районы с бережным отношением к климату

Характерной чертой жилых комплексов того времени являются огромные зеленые насаждения. Во время строительства было вложено много усилий в создание открытого пространства, что нашло отражение в хорошо продуманных элементах ландшафтного искусства. Сегодня эти большие открытые пространства воспринимаются двояко: негативно, как слишком пустые, чтобы быть частью города; и позитивно, как обширные пространства, наполненные свежим воздухом.

Однако имеют значение не только размер и протяженность открытых пространств, но и их организация и использование. Неконтролируемое строительство, распространяющееся на широкие открытые территории, привело к потере иерархии пространств или вообще уменьшило различие между зонами, оставив недифференцированные общественные, полубличные и частные пространства. Открытые пространства, о которых не заботятся, не способствуют формированию идентичности округа и не улучшают качество жизни. Неужелюбимые, неправильно используемые пространства могут стать небезопасными и негативно повлиять на характер района. Из-за отсутствия организованной собственности и нехватки денег некоторые общественные места стали заброшенными (см. Malko, Kozlova, 2019, с. 59).

Благодаря большому количеству зелени, крупные жилые комплексы социалистического периода смогли внести большой вклад в создание климатически-дружественного и социально благополучного района. Вот уже несколько лет в густонаселенных городских районах по всему миру наблюдается преобразование неиспользуемых и пустующих открытых пространств в коллективно создаваемые городские сады. Пространства присваиваются неформально. На открытых участках вблизи жилья высаживают овощи, кустарники, фруктовые деревья. Всех участников объединяет интерес к экологически чистым продуктам питания, желание действовать совместно

Inhabitants of Cheryomushki might be young people attracted by the educational opportunities, highly educated people who work at the numerous institutes of research and teaching, but also elderly people, since the population in Ukraine is generally an aging one. In addition, one must consider that lifestyles will differ more and more in the future, raising the demand for different housing typologies. In addition, a system of rental housing that offers more flexibility for people should be considered. This can, on the one hand, be done by converting existing flats and buildings. Flats can be enlarged by merging two or three old apartments into a single one, by adding to or subtracting from the existing structures.

Large Housing Estates as Climate Friendly Neighborhoods

A typical feature of housing estates from that time are their huge amount of green spaces. At the time of construction, many efforts were put into creating the open space, as reflected in well-designed landscape and art elements. Today these large open spaces are perceived in two ways: negatively, as too empty to be part of a city; and positively, as airy and spacious.

Not just their size and extent are what matter, however, but also their organisation, their design, and how the open spaces are used. Uncontrolled construction spread over the wide-open areas has led

и создать такое место, которое помогало бы избавиться от повседневного стресса. Изучаются и практикуются различные самостоятельные виды деятельности (от ремонта велосипедов до приготовления фруктов и овощей). Открытые участки больших жилых комплексов предлагают отличный потенциал для того, чтобы по-новому взглянуть на городскую среду.

Даже при наличии тщательно продуманных подходов к проектированию содержание парков остается проблемой, которую можно решить только путем одновременно повышения общественной ответственности и частных

< Рис. 6. Мобильность / Figure 6. Mobility

to a loss of hierarchy in the spaces or has diminished the distinction between zones altogether, leaving undifferentiated public, semi-public, and private spaces. Open spaces that are not taken care of do not contribute to or establish the district's identity; they do not enhance the quality of life. Quite to the contrary: unkempt, misused spaces can become unsafe and can negatively affect the character of a neighbourhood. Due to a lack of organised ownership and a lack of money, several public spaces are abandoned (see Malko, Kozlova 2019, p. 59).

With their large amount of greenery, large housing estates from the socialist period could highly contribute to a climate friendly and social neighbourhood. For some years now, the conversion of underused and vacant open spaces into collectively designed urban gardens has been observed in densely populated urban areas worldwide. Spaces are appropriated informally. In open areas close to housing, vegetables, shrubs, and fruit trees are planted. What all the different actors share is their interest in ecologically sustainable food, the desire to try out collaborative actions, and the desire to have a place to recover from everyday stress. Do-it-yourself practices and processes for doing various things [from repairing bicycles to cooking fruits and vegetables] are learned and experienced. The outdoor premises of the large housing estates offer an excellent potential to experience the urban environment in a new way.

инвестиций. Не хватает частных открытых пространств, таких как сады и террасы, или территорий, которые могут сдаваться в аренду (см. Engel et al, 2019, с. 102). Сборные дома строились в те времена, когда частных автомобилей было гораздо меньше, чем сейчас. Как следствие, многие открытые территории незаконно используются как парковочные места, что резко снижает качество жилья с точки зрения тишины и безопасности.

Существующая климатическая катастрофа и наши знания об ограниченности природных ресурсов заставляя-

Even with thoughtful design approaches, maintenance of the parks remains an issue that can only be solved by generating public responsibility and private investment at the same time. There is a lack of private open spaces, such as gardens and terraces or areas that can be appropriated by the tenants (see Engel et al. 2019, p. 102). The prefabricated housing estates where built in a period with far fewer private cars than now. Consequently, many open territories are abused as illegal parking spots, extremely diminishing the quality of housing in terms of quietness and safety.

The existing climate catastrophe and our knowledge about the limits of natural resources lead to greater reflection about the treatment of landscape in the urbanised world. At the local level, climate protection and adaptation to climate change play a crucial role. The quality of having large open spaces can be a stimulus to development that is more ecological. In times when it is important to look at natural resources, conditions of climate, air, and water, outdoor open areas offer an opportunity towards a new planning approach.

A carefully worked-out urban layout and landscape design can contribute to improving a district's microclimate. The layout of drainage systems, reduction of built-up area, installation of trough-trench systems, and selection of local plants are only some of potential important measures.

ют более ответственно относиться к ландшафту в урбанизированном мире. На местном уровне решающую роль играет защита климата и адаптация к изменению климата. Наличие больших открытых пространств может быть стимулом к более устойчивому экологическому развитию. Во времена, когда важно принимать во внимание природные ресурсы, условия климата, воздуха и воды, открытые участки дают возможность для нового подхода к планированию.

Тщательно проработанная городская планировка и ландшафтный дизайн могут способствовать улучшению микроклимата района. Планировка дренажных систем, уменьшение площади застройки, установка систем желобов и траншей и выбор местных растений – это лишь некоторые из потенциально важных мер.

Дополнительные жилые пространства

Открытые пространства служат дополнительными «жилыми помещениями» в теплое время года и являются важным фактором, повышающим ценность любого жилища. Во многих крупных жилых массивах частных открытых пространств было очень мало. Открытые пространства в микрорайонах России и Украины – независимо от того, находятся ли они в частной или государственной собственности, – необходимы, вероятно, даже больше, чем в немецких округах, поскольку средняя жилая площадь на человека там ниже, чем в Германии. Тогда возникает вопрос, как сохранить характер зеленых кварталов, перетекающих пространств, одновременно четко обозначая открытые пространства.

Специальная планировка открытого пространства необходима для определения и проектирования переходов между частным и общественным пространством, поскольку от них во многом зависит качество жилой среды. Реструктуризация открытого пространства должна быть тщательно продумана. Разделение обширных открытых пространств на отдельные участки открытыми и личными пространствами может помочь организовать их лучше. Пространства, которые в настоящее время не используются или используются недостаточно, в случае приватизации станут более ухоженными, а жители смогут воспользоваться дополнительным частным жилым про-

> Рис. 7–9: Предложения по трансформации микрорайона в Черёмушках (в рамках студенческого проекта в магистратуре КИТ:

(7) Элиза Хэгле, Нанет Фликер: Переосмысление Черёмушек. Изучение построек советского времени и современных требований (Cheryomushki Recovered. The future of modernist housing in Odessa, Ws 18/19)/
Figures 7–9. Proposals for transformation of microdistrict in Cheryomushki (within frame of student project, master course at KIT):
(7) Elisa Hägle, Nanett Flicker: Redefine Cheryomushki. Learning from soviet structures and actual needs (Cheryomushki Recovered. The future of modernist housing in Odessa, Ws 18/19)

Supplementary Living Spaces

Outdoor open spaces serve as additional 'living rooms' during warm seasons, and they are an important factor contributing to the value of any dwelling. In many large housing estates, there were very few private open spaces. Open spaces in housing districts in Russia and Ukraine – whether privately or publicly owned and used – are probably needed even more so than in German districts, since the average dwelling size per person is lower there than in Germany. Then the question becomes one of how to maintain the character of the green quarters, the fluid spaces, while simultaneously succeeding in clearly allocating the outdoor spaces.

Dedicated open-space planning is needed to define and design the transitions between private and public spaces, as the quality of the living environment is highly dependent on them. The redesign of open space in terms of structure has to be carefully thought through. Dividing the vast open areas into separate places – with open as well as private space – could help to organise it in a better way. Spaces that are now unused or underused would – if privatised – be taken care of and the inhabitants could benefit from additional private living space. It is a good chance to make the ground floor flats more attractive and the caretaking of the greenery more affordable. If areas are privatised,

странством. Это хороший шанс сделать квартиры на первом этаже более привлекательными, а уход за зелеными насаждениями – доступнее. В случае приватизации участков станет возможным более плотное использование оставшегося открытого пространства с целью обеспечения доступности таких функций, как игровые площадки, прачечные и т. д.

Собственность и финансирование

Необходимо разработать новые модели финансирования для проектирования и обслуживания общественных мест; концепции государственно-частного партнерства, спонсорства и другие концепции помогут уменьшить проблему, но не решат ее полностью. Не следует упускать из виду, что наряду с этим могут возникнуть проблемы контроля и ответственности за содержание общественных мест. Необходимы соответствующие правила и меры контроля, чтобы гарантировать, что общественные пространства остаются в ведении муниципалитета. В эпоху растущей приватизации и коммерциализации городских пространств формирование общественных пространств остается одной из важнейших обязанностей муниципалитета. Потенциалы для обновления и дальнейшего развития общественных пространств существуют на многих уровнях, от разработки генеральных планов до установления стандартов проектирования и разработки лицензионных соглашений и других мер (см. Engel et al, 2019, с. 104; Gorsha et al, 2019a, с. 243; Kozlova, 2017, с. 258).

Необходима дифференциация в отношении владения недвижимостью, для чего возможно применение разных мер. Наиболее рациональным решением считается создание жилищных кооперативов. Предоставление земли людям, живущим в соседних зданиях, приведет к сотрудничеству и повышению ответственности за содержание дворов. Чтобы избежать дальнейшей функциональной деградации дворовых территорий, необходим инструмент муниципального контроля в виде набора рекомендаций по землепользованию, которым должны следовать все жилищные кооперативы. Эти рекомендации по землепользованию будут включать определение и оптимальное соотношение функциональных зон, а также список ограничений. При этом другие варианты, в которых, на-

it might help to densify the uses in the remaining open space to ensure that all functions, such as playgrounds, laundry lines, et cetera, are still accessible if needed.

Ownership and Financing

New financing models for the design and maintenance of public spaces have to be developed; public-private partnerships, sponsorship concepts, and other ideas can help to mitigate the problem but will not solve it entirely. It should not be overlooked that problems of control and responsibility for the maintenance of public spaces might also occur. Appropriate regulations and controls are needed in order to ensure that public spaces remain under control of the municipality. In an era of increasing privatisation and commercialisation of urban spaces, the design of public spaces remains one of the most important responsibilities for the municipality. The potentials for renewal and further development of public spaces exists at many levels, ranging from the development of master plans to the establishment of design standards to the drafting of license agreements and other measures (see Engel et al. 2019, p. 104, Gorsha et al 2019a, p. 243, Kozlova 2017, p. 258).

Differentiation is needed with regard to property ownership, and different means of achieving this are possible. The establishment of

пример, собственность частично или полностью приватизирована или владение и контроль над дворами принадлежит муниципалитету, не будут исключены. Однако им также следует придерживаться правил и рекомендаций в отношении землепользования (см. Engel et al. 2019, с. 90).

Прогнозы и перспективы

Крупные поселения в бывшем Советском Союзе были одним из вариантов выхода из растущего жилищного кризиса XX века, а поиск нового города стал ответом на неприемлемые условия жизни в промышленном городе конца XIX века. Во время строительства крупные жилые комплексы рассматривались как перспективные градостроительные модели, это были пилотные проекты, сулящие лучшую жизнь. Возведенные здания считались результатом прогрессивного планирования социального жилья.

< (8) Ту Туй Нгуен и Саманта Винуеза: Жизнь в зеленом рекреационном районе (Cheryomushki Recovered. The future of modernist housing in Odessa, WS 18/19) / (8) Thu Tuy Nguyen & Samantha Vinuesa: Living in the green recreational district (Cheryomushki Recovered. The future of modernist housing in Odessa, WS 18/19)

housing cooperatives is considered by most to be the most rational solution. If the people who live in the adjacent buildings are given the land, this will lead to cooperation and increased responsibility for maintaining the yards. To avoid the possibility of further functional degradation of the yard areas, an instrument of municipal control is needed in the form of a set of land-use recommendations that all housing cooperatives should follow. These land-use recommendations would involve the identification and balance of functional zones and establishment of a list of limitations. Nevertheless, other variants, in which, for example, the property is partly or entirely privatised or the ownership and control over the yards belongs to the municipality, would not be excluded. However, they also should adhere to land-use rules and recommendations (see Engel et al. 2019, p. 90).

Outlook and Perspective

Large settlements in the former Soviet Union were one of the answers to the growing housing crisis of the 20th century, the search for a new city as a response to the unsuitable living conditions in the industrial city of the late nineteenth century. In the time large housing estates were built, they were seen as forward-looking models in urban planning, they were pilots, promising better life. When established,

these buildings were considered results of progressive social housing planning.

The utilisation of large housing estates as a valuable resource for the future housing supply in cities requires innovative and practicable strategies and concepts. Promising approaches to solutions for sustainable redevelopment can only be developed through dialogue between academics and practitioners from the realms of politics, business, and civil society. The political decisions and actions needed to make this happen must be preceded by the specialist planning and the development of scholarly principles. However, these only exist in rudimentary form.

While large housing estates have long been the topic of expert debate – among architects, urban planners, transport planners, and landscape planners – they are also the focus of considerations pertaining to housing economics and sociology. However, hardly any scholarly works exist that systematically examine the complex field of housing in a holistic and forward-looking manner. The members of the project “The Future of Modernist Housing. Living Labs Socialist City” from Irkutsk, Krasnoyarsk, Odessa, Kharkiv and Karlsruhe are taking these issues with their new research alliance into focus.

Использование больших жилых комплексов в качестве ценного ресурса для будущего жилищного строительства в городах требует новаторских и практичных стратегий и концепций. Перспективные подходы к решениям, направленные на устойчивое развитие, могут быть разработаны только путем диалога между учеными и практиками в сфере политики, бизнеса и гражданского общества. Политическим решениям и действиям, необходимым для этого, должно предшествовать специальное планирование и разработка научных принципов. Однако они находятся еще в зачаточном состоянии.

Хотя большие жилые комплексы уже давно являются предметом дискуссий экспертов – архитекторов, градостроителей, транспортных и ландшафтных инженеров,

они также находятся в центре внимания жилищной экономики и социологии. Тем не менее почти не существует научных работ, которые систематически исследовали бы сложную сферу жилищного строительства, основываясь на принципах целостности и прогнозирования. Участники проекта «Будущее модернистского жилья. Живые лаборатории социалистического города» из Иркутска, Красноярска, Одессы, Харькова и Карслруэ сосредоточили внимание на этих проблемах в своем новом исследовательском альянсе.

Литература / References

- Altrock, Uwe, Grunze, Nico, & Kabisch, Sigrun (Eds). 'Großwohnsiedlungen im Haltbarkeitscheck. Differenzierte Perspektiven ostdeutscher Großwohnsiedlungen'. Wiesbaden 2018.
- Bibik, Natalya, & Dril, Natalia. 'Trends of Housing Construction development in Ukraine: Retrospective and Contemporary Situation'. In: Baltic Journal of Real Estate Economics and Construction Management. November 2017/5, pp. 51–61.
- Durmanov, Volodymyr. 'Housing Development in Ukraine and Russia in Past and in Future'. In: ARCHITECTURAE et ARTIBUS, 2/2010, pp. 12–18. <https://www.researchgate.net/publication/228886426HousingdevelopmentinUkraineandRussiainpastandinfuture>, accessed 10 August 2019.
- Engel, Barbara, with Yuliya Frantzeva, Anastasiya Malko, and Nikolas Rogge. 'Masshousing in the Socialist City. Heritage, Values, and Perspectives. Case studies in Germany, Russia, and Ukraine'. Berlin November 2019 (forthcoming)
- Grunze, Nico. 'Ostdeutsche Großwohnsiedlungen. Entwicklungen und Perspektiven'. Wiesbaden 2017.
- Kamalova, K. V. 'Urban context as a factor of formation of habitats. In: Abstracts of the international scientific and practical conference of the faculty, young scientists and students of MARHI'. 2017/1, pp. 350–352.
- Ljowkin, Sergej. 'Na sewere Moskwy snosjat poslednjupjatietashku'. Kompleksgradostroitelnojpolitiki i stroitelstwa Moskwy, contribution from 21.10.2016, <https://stroj.mos.ru/news/na-sievierie-moskvy-snosiat-posledniuiu-piatietazhku>, accessed 14 April 2018.
- Maslennikov, Ivan. yurportal Info: <https://jurportal.info/zhilishhnoe-pravo/skolko-kvadratnyh-metrov-polozheno-na-cheloveka-v-2019-godu>, Moscow 2019. (The State Statistics Service of Ukraine, 1 January 2018).
- Meerovich, M. G., Malko, A. V., Kozlov, V. V., Kozlova, L. V., Gladkova, E.A.: 'Renovation of the Panel House-Building of the 1960–1980s in Germany'. In: Project Baikal 2017, № 51, pp. 154–161. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.51.1145>
- The State Statistics Service of Ukraine, January 1, 2018, <https://ukrstat.org/en/druk/publicat/kate/pubhouseholde.htm>, accessed 15 May 2019

- > (9) Johannes Hermann Own it! Перераспределение пространства (Cheryomushki Recovered. The future of modernist housing in Odessa, WS 18/19) / (9) Johannes Hermann Own it! A Redistribution of Space. (Cheryomushki Recovered. The future of modernist housing in Odessa, WS 18/19)

ЗИМНИК-2021 / winter university 2021

22-я проектная сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета «Регенерация городских территорий» / The 22nd project session of the International Baikal Winter University “Regeneration of urban areas”

В статье представлены проекты команд – участниц 22-й проектной сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета. На примере благоустройства площадок Ново-Ленино, Ушаковки, Юбилейного и Лисихи в городе Иркутске команды предложили новые идеи для работы с застроенными территориями, которые могут быть реализованы не только в Иркутске, но и в других подобных районах по всему миру. Подчеркивается значение регенерации застроенных территорий как скрытых ресурсов для развития города. **Ключевые слова:** Международный Байкальский зимний градостроительный университет; регенерация; трансформация; застроенные территории; Стандарт КРТ; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования./

The projects of the teams participating in the 22nd project session of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design, dedicated to the regeneration of urban areas using the KRT standard. Using the example of the improvement of the sites Novo-Lenino, Ushakovka, Yubileiny and Lisikha in the city of Irkutsk, the teams proposed new ideas for working with built-up areas, which can be implemented not only for Irkutsk, but also for other similar areas around the world. The importance of the regeneration of built-up areas as hidden resources for the development of the city is emphasized.

Keywords: International Baikal Winter University of Urban Planning Design; regeneration; transformation; built-up areas; KRT standard; urban development scenarios; the quality of the urban environment; urban studies.

Зимник-2021. Регенерация городских территорий с применением стандарта КРТ / Winter University 2021. Regeneration of urban areas using the KRT standard

текст

Екатерина Гладкова
Александра Кострубова
фото

Артем Моисеев
text

Ekaterina Gladkova
Alexandra Kostrubova
photo
Artem Moiseyev

Презентациями финальных проектов команд 19 марта в ИРНТУ завершилась 22-я проектная сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (Зимний университет; МБЗГУ) «Регенерация городских территорий с применением Стандарта КРТ».

Зимний университет – первое ежегодное международное проектно-образовательное мероприятие в области архитектуры и градостроительства в России. Оригинальная методология МБЗГУ разработана на базе международных градостроительных мастерских Les Ateliers (г. Сержи-Понтуаз, Франция), которые также являются со-основателями Зимнего университета. Ее суть состоит в создании образовательных конкурсных программ, которые позволяют искать подходы к решению актуальных проблем города и региона посредством работы междисциплинарных проектных команд, сформированных из молодых специалистов различных стран мира с учетом местной градостроительной политики и существующей ситуации.

Сессия этого года отличается от предыдущих тем, что она проходила в два этапа. Первый этап – онлайн; он проведен с 15 по 28 февраля. Во время онлайн-этапа участники слушали лекции международных экспертов из Германии, Словении, Швеции, Венгрии и России. Лекции были посвящены изучению регенерации застроенных территорий, сейсмики, социальных исследований,

Стандарта комплексного развития территории, транспорта и погружения в контекст площадок проектирования. Второй этап – офлайн; он прошел по традиции на площадке ИРНТУ с 6 по 20 марта в городе Иркутске.

Еще одно отличие 22 сессии – география участников. Из-за ограничений, вызванных пандемией, не было возможности пригласить иностранных участников, и команды состояли из российских граждан. В состав команд вошли 28 талантливых участников – студенты и молодые специалисты в области градостроительства, архитектуры, дизайна архитектурной среды, урбанистики, менеджмента из 11 городов России: Тюмени, Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Воронежа, Симферополя, Челябинска, Екатеринбург, Железногорска-Илимского, Красноярска, Троицка, Тулы и Иркутска. Участники были выбраны на конкурсной основе; учитывались представленные портфолио, мотивационные письма и личный профессиональный опыт работы с застроенными территориями.

Научными руководителями сессии выступили Денис Воронов – председатель общественного движения «Регенерация города» (Иркутск) и Иван Курячий – управляющий партнер компании «Новая земля», научный сотрудник НИУ ВШЭ (Москва).

Техническое задание сессии было подготовлено совместно пилотами, организаторами и оргкомитетом сессии, а дальнейшую работу команд курировали тьюторы – молодые специалисты-градостроители из Иркутска: Анастасия Митичкина, Анастасия Шешукова, Дарья Финакова и Татьяна Данилова.

В настоящее время тема нынешней сессии, разработанная научно-методическим советом МБЗГУ совместно с Фондом ДОМ. РФ и администрацией города Иркутска, очень актуальна. По словам заместителя генерального директора Фонда ДОМ. РФ Антона Финогонова, стандарт комплексного развития территорий – это документ, который определяет зону действий при планировании застройки, при пользовании которым можно учесть региональные особенности и экономические возможности регионов. В Стандарте нет параметров, которые делают строительство более дорогим и превращают документ в набор предложений только для богатых регионов с высокой стоимостью квадратных метров. В нем можно

Организаторы
Фонд ДОМ.РФ

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Администрация города Иркутска

Интеллектуальный деловой клуб «Байкальские стратегии»

найти решения, подходящие конкретному субъекту РФ или муниципальному образованию с доступными ему ресурсами, в том числе финансовыми. Перед участниками 22-й сессии Зимнего Университета стояла важная задача – создать среду, отвечающую современным социальным и экономическим условиям, интересам жителей, бизнеса и городских властей при регенерации городских территорий.

Сессия началась с официального онлайн-открытия и самопрезентации участников. В онлайн-формате участники слушали лекции международных экспертов, работали с научными руководителями 22-й сессии. В первую рабочую субботу сессии, 20 февраля, участники узнали, в каких командах и над какой территорией им предстоит работать в следующем месяце.

В первый день офлайн-этапа, 6 марта, участники представили Научно-методическому совету и сотрудникам администрации области и города свои первые наработки по площадкам, а после защит участники посетили площадки проектирования.

Промежуточные презентации команд проходили при участии Научно-методического совета, членов профессионального сообщества, девелоперов и сотрудников администрации.

18 марта в Губернаторском зале здания Правительства Иркутской области состоялась встреча по итогам 22-й проектной сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета. На встрече тьюторы команд представили краткие проекты команд. На встрече присутствовали: генеральный директор Фонда ДОМ.РФ Д. С. Филиппов; руководитель службы архитектуры Иркутской области Е. В. Протасова; вице-мэр города Иркутска Д. О. Ружников; программный директор 22-й сессии А. И. Козак. Участвовали также делегация ДОМ.РФ, эксперты-члены жюри – российские эксперты, приехавшие на финальные презентации, и оргкомитет Зимнего университета.

В рамках 22-й проектной сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета по приглашению Иркутского регионального отделения Союза архитекторов России состоялся круглый стол, в котором принимали участие приезжие российские эксперты

и представители архитектурного сообщества города Иркутска. Тема круглого стола: «Применение и развитие Стандарта комплексного развития территорий». Модератором круглого стола выступил Александр Антонов (Москва).

На финальной презентации 19 марта команды продемонстрировали свои исследования, проектные предложения на стадии «концепция» для перспективного развития территорий Ново-Ленино, Ушаковки, Юбилейного и Лисихи. Всем членам жюри был роздан Документ № 3, включающий данные о составе команд, подробный дневник сессии и сами проекты участников. Результаты работ сессии получили высокую экспертную оценку. Все материалы сессии будут переданы администрации города Иркутска для разработки ПЗЗ.

По традиции сессия Зимнего Университета завершилась поездкой на Байкал. На этот раз участники, международные эксперты и оргкомитет отправились в пос. Большое Голоустное, чтобы насладиться величественными видами знаменитого на весь мир озера.

Описывается концепция регенерации микрорайона Лисиха в городе Иркутске. Концепция предполагает рассматривать развитие застроенных территорий как политику, где житель – это главный политический субъект. Проектом предлагается рассматривать расселение и снос как исключительную меру, а не правило. Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; регенерация; трансформация; застроенные территории; Стандарт КРТ; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования; Иркутск; Лисиха./

The concept of regeneration of the Lisikha microdistrict in Irkutsk is described. The concept assumes to consider the development of built-up areas as a policy, where the inhabitant is the main political subject. Resettlement and demolition by the project is proposed to be considered as an exceptional measure, not a rule. Key words: International Baikal Winter University of Urban Planning Design; regeneration; transformation; built-up areas; KRT standard; urban development scenarios; the quality of the urban environment; urban studies; Irkutsk; Lisikha.

Команда Лисиха: «Территория цифрового соседства» / Team Lisikha: “Digital Neighborhood Territory”

Тьютор:

Татьяна Данилова

Участники:

Наталья Иванова
Любовь Дерюгина
Сергей Кончков
Гавриил Малышев
Марина Клещельская
Рената Биктимирова
Михаил Медведевских
Экономист:
Любовь Добрынина

Модель комплексного развития территорий «Цифровое соседство»

Команда предлагает свой подход к развитию застроенных территорий «Цифровое соседство» – модель гибкой реновации, построенная на принципах поддержки самоорганизации и реализованная с помощью инструментов «умного города». В ее основе – уже существующие сегодня институты и инфраструктура: районные чаты в соцсетях, ТСЖ и ТОСы. Команда предлагает объединить все эти элементы на цифровой платформе, дать соседским чатам власть, финансовую и организационную поддержку.

Модель управления

Концепция предполагает жесткое деление на базовые действия, за которые ответственно государство, и вариативные, инициаторами которых выступают жители с помощью инфраструктуры Цифрового соседства. Базовый каркас общественных благ включает социальную, транспортную, рекреационную и инженерную инфраструктуру, капитальный ремонт и сейсмоусиление зданий, расселение аварийного жилья. Надстройка представляет собой разнообразие сценариев развития домов, участков и кварталов, а также инвестиционные и инициативные проекты сверх базовых.

Для реализации базовых действий и фасилитации процесса реновации создается государственный Центр реновации. Субъектом инициативных действий являются жители – как индивидуально, так и с помощью коллективных объединений: ТСЖ и ТОСов, объединенных на цифровой платформе.

Мастер-план территории

Базовая инфраструктура, необходимая для функционирования территории, регулируется мастер-планом. В мастер-плане разрабатываются следующие каркасы:

1. Социальная инфраструктура

На территории рассмотрения расположено 3 детских сада и запланировано к строительству 7 новых. Расположено 2 школы, запланированы 3. 2 поликлиники существуют, 1 запланирована. Строительство школ происходит по мере возникновения необходимости в них на заранее зарезервированных участках.

2. Транспортный каркас

Уличная сеть территории Лисиха имеет большое количество тупиков, недостаточные проницаемость и интеграцию в транспортный каркас города. Участок территории, прилегающий к плотине, в данный момент выключен из городской ткани. Проектом предлагается формирование иерархии УДС, повышение ее плотности, для чего прокладываются новые местные и пешеходные улицы и соединяются сегменты уже существующих внутридворовых проездов. Частая перпендикулярная прокладка местных улиц служит идее раскрытия территории на реконструируемую под рекреационное пространство набережную Ангары.

Транспортным каркасом территории являются улицы Байкальская, Комсомольская и бульвар Постышева. Для разгрузки ул. Байкальской на ней выделяется специальная полоса для общественного транспорта и реконструируется ул. Дальневосточная. Улица Дальневосточная имеет переменное количество полос, карманы для общественного транспорта и велодорожки. На Верхней набережной по проекту минимизируется транзитный трафик.

3. Зеленый и рекреационный каркас

В основу формирования рекреационного каркаса легла идея максимального сохранения зеленых пространств микрорайонной застройки. Для дальнейшего ранжирования этих пространств в структуре микрорайона на кварталы были выделены такие типы зеленых пространств: дворовые пространства, бульвар, группы деревьев, открытые зеленые пространства.

В ходе предпроектного анализа были выявлены значимые городские проекты развития, на которые опирается зеленый каркас территории. К основным общественным пространствам ведут бульвары и пешеходные улицы. Система озелененных пространств раскрывает формируемые кварталы к берегу Ангары и планируемой на нем набережной.

4. Каркас гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций

По проекту команды объекты социальной инфраструктуры расположены на пологих участках рельефа и вне зоны затопления от р. Ангара.

5. Каркас инженерных сооружений

В связи со сложными инженерно-геологическими условиями местности мы рекомендуем усиление склонов (армирование, габионы, террасирование). На участках, образованных террасированием, возможно строительство среднеэтажных жилых домов или общественных зданий. Это необходимо и для безопасного строительства дорог. Безопасность набережной зависит также от укрепления склонов.

6. Исторический и культурный каркас

Кроме того, мастер-планом определяется план парцелляции и сноса, а также объемно-пространственный регламент.

Парцелляция

Территория комплексного развития делится на базовые каркасы и территорию инициативного развития, распределяя ответственность между сообществами жителей и центром реноваций (государством). С помощью красных линий выделяется планировочная единица – парцеллу (квартал), которая становится объектом самоуправления проживающих в нем жителей.

Внутри парцелл предполагается постепенное пережевание всех участков зданий под обрез фундамента для создания общего дворового пространства.

От парселл красными линиями отделяется каркас базовых общественных благ (транспорт, озеленение, социальные и культурные объекты, инженерные объекты, обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях), за которые несет ответственность государство. Это нужно и для предотвращения их застройки.

Объемно-пространственный регламент (ОПР)

Объемно-пространственный регламент задает диапазон возможных изменений застройки в квартале для сообщества цифровых соседей.

При разработке ОПР для территории были использованы целевые модели Стандарта КРТ. Согласно этому документу были выбраны шаблоны зон ОПР для среднеэтажной и высотной застройки территории. По проекту предложению плотность и этажность градентно снижается от ул. Байкальская к Верхней набережной. Для территории концепции устанавливаются следующие

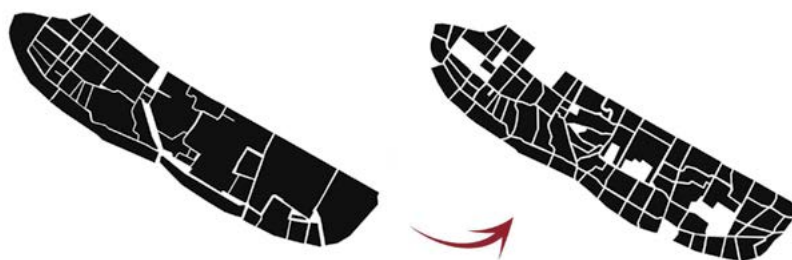
параметры в зависимости от целевой модели: плотность застройки участка повышается с 300 до 400–450 чел./га, жилищная обеспеченность принимается 25–30 м², обеспеченность озелененными территориями 8–10 м²/чел.

Но стандарты КРТ не закладывают в свои модели особенности рассматриваемой в проекте территории, в частности, ее сейсмичность. Согласно СП 14.13330.2018 «Строительство в сейсмических районах» должны учитываться расстояния между антисейсмическими швами, а предельная высота (этажность) зданий выбирается исходя из конструктивной схемы здания. Наибольшая высота для железобетонных стен монолитного каркаса – 57 м для 9-балльной расчетной сейсмичности площадки и 70 м – для 8-балльной площадки. В проекте мы ограничиваем максимальную высоту 16 этажами. Этажность зданий общеобразовательных организаций (школы, гимназии и т. п.) и учреждений здравоохранения (лечебные учреждения со стационаром, дома престарелых и т. п.) при сейсмичности площадки свыше 6 баллов следует ограничивать тремя надземными этажами.

Хронология

Первая часть проекта гибкой реновации – этап подготовки, на котором Лисиха признается территорией комплексного развития. Сразу после этого создается и начинает функционировать Центр реновации, который разрабатывает и запускает портал, объединяющий местных жителей, государство и застройщиков. Центр реновации функционирует на протяжении всего процесса ренова-

УПЛОТНЕНИЕ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СЕТКИ

ДО

ПОСЛЕ

ЛИСИХА - РАЙОННЫЙ ЦЕНТР ГОРОДСКОЙ АКТИВНОСТИ

Плотность населения (чел/га)

Плотность сервисов (торговые единицы)

ции. Центр привлекает организации, специализирующиеся на обследовании, и начинает обследование зданий. На обследование всех зданий на территории отдается примерно 2–3 года. Далее устанавливается категория технического состояния объекта, ведется мониторинг. После получения первых результатов обследования, начинается разработка мастер-плана, в котором принимают участие жители района. Затем разрабатывается объемно-пространственный регламент. Далее проводится парцелляция и межевание для разделения зон ответственности. На все это отводится около 2 лет.

2 этап – этап реализации мастер-плана. На данном этапе жителями, государством и застройщиками принимаются самые важные решения: о сносе и расселении аварийного жилья или о капремонте, модификации и сейсмоусилении. Перед сносом обязательно производится строительство маневренного фонда для переселения жителей аварийных домов или тех жителей, которые примут решение о замене своего дома на новый.

Этап сноса, капитального ремонта, сейсмоусиления, модификации продолжается до полной реновации территории. Сразу после утверждения мастер-плана и ОПР начинается строительство социальных объектов, развитие транспортной инфраструктуры, создание рекреационных зон, развитие инженерной сети, укрепление склонов.

Территория развивается самостоятельно с момента принятия окончательных решений по мастер-плану и ОПР.

Источники финансирования

- Субсидии из федерального бюджета на проведение реновации в размере доли жилищного фонда Российской Федерации в общем объеме жилищного фонда на реновируемой территории в соответствующем проекте реновации. Его размер определяется в соответствии с укрупненным нормативом реновации одного квадратного метра жилья, утвержденном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере строительства, архитектуры, градостроительства;

- средства муниципального бюджета, в том числе субсидии муниципального бюджета, направляемые региональному оператору;

- средства, предусмотренные для финансирования и реализации федеральной программы охраны объектов культурного наследия и региональных программ охраны объектов культурного наследия в части финансирования консервации, ремонта, реставрации, приспособления для современного использования соответствующих объектов культурного наследия, находящихся на реновируемой территории;

- средства частных инвесторов, участвующих в проектах реновации на условиях окупаемости затрат и извлечения прибыли;

- средства граждан, реализующих право при переселении за доплату приобрести жилые помещения большей площади и (или) жилые помещения, имеющие большее количество комнат (в размере таких средств);

- внебюджетные источники финансирования, привлекаемые на безвозвратных началах на условиях благотворительной деятельности.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Описывается концепция регенерации спального микрорайона Ново-Ленино в городе Иркутске. Концепция предполагает внедрение функционального разнообразия, создание локального центра жизни и выявления идентичности микрорайона.
Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; регенерация; трансформация; застроенные территории; Стандарт КРТ; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования; Иркутск; Ново-Ленино. /

The concept of regeneration of the Novo-Lenino residential micro-district in Irkutsk is described. The concept involves the introduction of functional diversity, the creation of a local center of life and the identification of the identity of the neighborhood.
Keywords: International Baikal Winter University of Urban Planning Design; regeneration; transformation; built-up areas; KRT standard; urban development scenarios; the quality of the urban environment; urban studies; Irkutsk; Novo-Lenino.

Команда Ново-Ленино: «Только Ново-Ленино!»/ Team Novo-Lenino: “Novo-Lenino only!”

Модернизация микрорайона Ново-Ленино преимущественно ориентирована на здания, соответствующие нормам сейсмостойкости и, по заключению экспертов, находящиеся в приемлемом конструктивном состоянии.

К модернизации относятся меры, улучшающие качество жизни в существующих зданиях:

- приведение существующих зданий к единому облику за счет остекления балконов и лоджий, входных дверей и окон в едином стиле;
- разработка единой цветовой палитры;
- переоборудование подвалов под хранение для нужд жильцов;
- переоборудование входных групп для старшего поколения и маломобильных групп населения (возможность создать придомовой палисадник и обособленный вход);
- визуальная проницаемость входных групп (повышение уровня социального контроля, чувства безопасности).

Проект и согласование модернизации предполагается проводить силами компании, которая капитально ремонтирует здание; перед модернизацией необходимо разработать паспорт объекта с указанием цветовой решения. Паспорт цветовой решения утверждается и принимается управлением архитектуры и градостроительства города Иркутска.

Реновация промышленной и складской территории, прилегающей к границам района по ул. Розы Люксембург, дает возможность размещения дополнительных мест приложения труда и креативных индустрий, например, на базе существующей фармацевтической фабрики и завода «Радиан». Создание дополнительных локальных центров и перекрестных функций, а также увеличение плотности жилых территорий увеличит спрос на создаваемые близко расположенные рабочие места; эти связи повлекут за собой дополнительные функции и услуги. Для того, чтобы изменить существующую среду, важна разумная поэтапность и интеграция правил и рекомендаций в единую систему. Параллельно предлагается применять быстрые меры модернизации и усиление самодостаточности данной территории, в последующем дополняя их мерами КРТ.

Меры по Стандарту КРТ относятся к зданиям, соответствующим нормам сейсмостойкости и вновь возводимым сооружениям.

Для таких случаев предусматривается:

- реорганизация первых этажей: расположение коммерческих помещений на первых этажах в реновируемых зданиях;
- функциональное и визуальное разнообразие территории система общественных пространств;
- улучшение, совершенствование системы благоустройства и уличного фронта;
- реорганизация парковочных пространств; благоустройство придомовой территории.

Город, район формируются не столько чиновниками, сколько его жителями. И именно поэтому все эти меры невозможно осуществить и реализовать без поддержки и вовлечения местных сообществ и горожан. Местные сообщества, объединения и клубы по интересам формируют повестку социальной жизни горожан, отвечают за развлекательные и культурно-образовательные программы.

Тьютор:

Анастасия Митичкина

Участники:

Дарья Дубинина

Марк Русанов

Богдан Кузьмин

Анастасия Горшарук

Анастасия Сазонова

Екатерина Сорвачёва

Арина Сивова

Экономист:

Надежда Реука

Тем самым они участвуют в создании уникального облика своего района, используя рекомендации не только по объемно-пространственному регламенту, но и по созданию идентичного облика местности.

Для этого важно осуществить несколько этапов.

- Создание мобильного центра компетенций, который отвечает за координацию разных специалистов, внедрение и реализацию.
- Привлечение дополнительного финансирования, грантов, участие в конкурсных программах и фестивалях, например: «Комфортная городская среда», «Народные инициативы».
- Привлечение местных сообществ, художников и волонтеров.
- Проведение круглых столов с горожанами и междисциплинарной командой.
- Организация конкурсов.
- Поиск идентичности.
- СМИ.
- Создание контролирующего органа исполнения и нарушений.

В ходе проведенного расчета и сравнения показателей для рассматриваемой территории была выбрана среднеэтажная модель развития.

Для среднеэтажной модели Стандарт КРТ предполагает 2 пути развития: сжатие и рост. Определив необходимость развития района Ново-Ленино как «Город в городе», выбираем сценарий роста – развитие территории с увеличением плотности застройки (15% от общей площади существующей застройки).

Реализация такой стратегии происходит после проведения комплексного анализа зданий и признания аварийными домов серии 1–335. Опираясь на проведенный анализ, предполагается снести все здания этого типа на территории.

Выделяем 4 основных этапа сноса квартальной застройки.

На первом этапе предлагаем обследовать и модернизировать квартал, наиболее подверженный ветровой нагрузке и на территории которого обследовалось меньше всего домов.

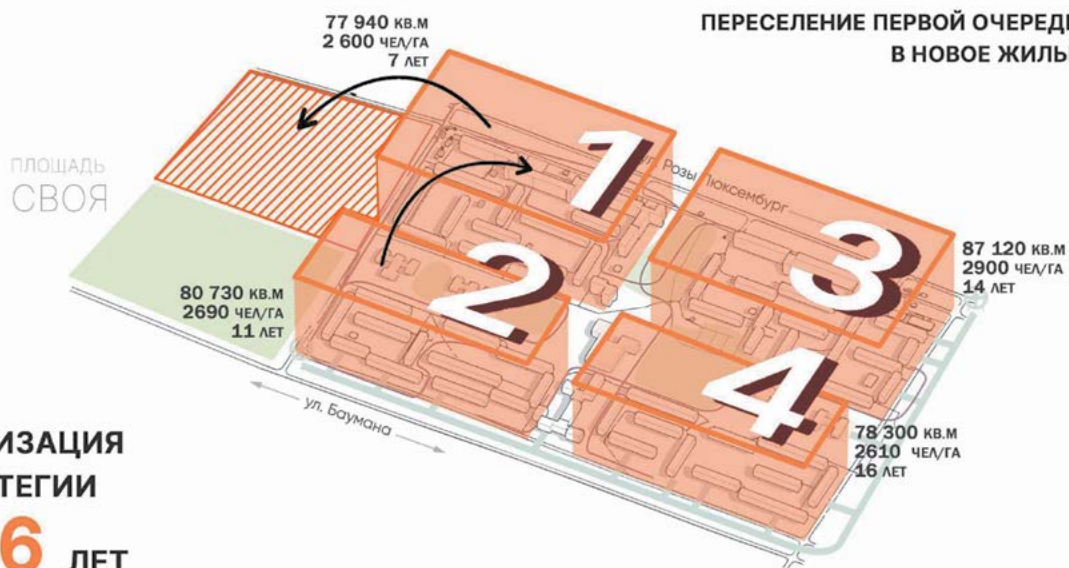
Для жителей 1-го квартала предусмотрено жилье на территории рядом с площадью «Своя» (авторское название), которая является доминантным завершением бульвара на ул. Баумана. В период сноса в 1-м квартале построек 1-335-й серии осуществляются быстрые меры в 3-х остальных кварталах. Быстрые меры предполагают очистку фасадов и территории от визуального загрязнения. Декорирование глухих торцов муралами, граффити или арт-объектами, а также преобразование арочных проемов в зданиях, соответствующих нормам сейсмостойкости. Благодаря применению таких инструментов район приобретет своеобразный аутентичный облик. Применительно к сохраняемым зданиям, которые соответствуют нормам сейсмике, также ведутся быстрые меры, модернизация и меры, предусмотренные стандартом КРТ. Параллельно определяются параметры работы со сложившейся социальной инфраструктурой (детские сады, школа) и рекреационными объектами (парк «Березка»).

Следующий этап – формирование будущих жилых кварталов, опирающееся на параметры целевой модели.

Кварталы разукрупняются, приобретают более замкнутую структуру. Бывшая территория гаражей приобретает

СХЕМА ОТКРЫТЫХ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

РЕАЛИЗАЦИЯ
СТРАТЕГИИ
ЗА **16** ЛЕТ

новые смыслы; теперь это место для творчества, выражения своих идей. На первых этажах зданий по абрису участка – ул. Розы Люксембург и ул. Баумана – закладываются коммерческие помещения для внедрения необходимых общественных функций (магазины, мастерские, клубы, офисы и др.). Возникают новые места притяжения – торговые площади, внутриквартальные скверы, площадь с возможностью проведения ярмарок выходного дня. Проектируются новые объекты общественной инфраструктуры, необходимые для оживления всего Ново-Ленино: кинотеатры, культурные центры, музеи, объекты здравоохранения.

Формируется градация открытых пространств: улица, бульвар, общеквартальная площадь, торговые площади на пересечении главных улиц, приватные дворовые территории внутри кварталов. В проекте закладывается также усиление социально-рекреационной оси, которая проходит в центральной части территории, что еще больше активизирует те места отдыха, что уже являлись для жителей точками притяжения.

Так, например, парк «Березка» и примыкающий зеленый участок развиваются как главные места досуга и отдыха жителей, а активный уличный фронт прилегающей застройки, развернутый в сторону парка, закрывает потребность в базовых услугах. Так парк становится более уютным, здесь можно собираться жителям района и обсуждать актуальные новости, устраивать кинотеатр под открытым небом, проводить районные праздники и мероприятия. Стадион может пользоваться не только школа, но в дневные часы он может быть открыт для общего пользования жителями.

Улично-дорожная сеть становится более регулярной, парковка автомобилей располагается вдоль межквартальных улиц. Предусматривается многоуровневый наземный паркинг со стороны ул. Розы Люксембург с системой хранения. Увеличивается количество остановок общественного транспорта. Улица Баумана приобретает новые смыслы: теперь это активная пешеходная ось и зеленый бульвар.

Микрорайон Ново-Ленино удален от центра, но на пересечении магистралей, связывающих Иркутск с соседними городами с западной и северной сторон: сегодня

основной поток транспорта, направляющегося в Иркутск – это личные автомобили.

Предполагается модернизация транспортной инфраструктуры и пешеходных связей, с формированием ТПУ и размещением перехватывающих парковок. Это позволит разгрузить пассажиропотоки из близлежащих городов и поселений. Городские дороги разгружаются за счет приоритета общественного транспорта (автобусов, трамвая и троллейбуса в случае их движения по выделенной полосе) и формирования комфортной среды для пешеходов.

Необходимо сформировать дополнение к действующим правилам землепользования и застройки, разработанное специально для территории проекта. Необходимо ввести новые зоны среднеэтажного строительства и описать, в каких местах могут появляться высотные акценты. Изменить назначение свободного участка, закладываемого под объекты образования, на зону делового, общественного и коммерческого назначения.

На основании анализа определены общие рекомендации и правила, которые развивают гармоничное восприятие пространства территории. Правила и рекомендации вносятся как поправки в правила благоустройства. Разрабатываются паспорта цветовых решений фасадов для сохраняемых и новых зданий.

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ ТРАНСПОРТА

Описывается концепция регенерации территории в районе реки Ушаковка в городе Иркутске. Предлагается концепция бережного подхода к развитию русла реки Ушаковки. Рассматриваются разные варианты решения транспортных проблем района. Жилищное строительство рассматривается в зависимости от запроса инвестора. Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; регенерация; трансформация; застроенные территории; Стандарт КРТ; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования; Иркутск; Ушаковка. /

The concept of territory regeneration in the area of the Ushakovka river in Irkutsk is described. The concept of a careful approach to the development of the Ushakovka river bed is proposed. Various options for solving the transport problems of the district are being considered. Residential construction is considered depending on the investor's request.

Keywords: International Baikal Winter University of Urban Planning Design; regeneration; transformation; built-up areas; KRT standard; urban development scenarios; the quality of the urban environment; urban studies; Irkutsk; Ushakovka.

Команда Ушаковка: «Пространственное неравенство»/ Team Ushakovka: "Spatial inequality"

Тьютор:

Анастасия Шешукова

Участники:

Екатерина Наговицина

Степан Рудняк

Ольга Гулик

Ангелина Филип

Амза Сайтибрагимов

Анна Дронова

Надежда Грязнова

Экономист:

Владимир Русановский

Ушаковка

Основу потенциала рассматриваемой территории составляют естественные природные ландшафты. Главной целью сохранения природных ландшафтов является сдерживание негативных аспектов процесса урбанизации, что повышает жизнеспособность города, обеспечивает его позитивное развитие и формирует комфортную среду обитания.

Пилотный проект команды важен тем, что он может стать прототипом для всей реки Ушаковки или других реках в регионе. Команда представила проект внутри территории, но нужно понимать: чтобы решить проблемы площадки, необходимо выйти на более крупный масштаб. Проработка масштаба района предполагает организацию благоустройства набережной: введение сценарности использования в разные сезоны; организацию пешеходных путей для концентрирования антропогенной нагрузки, тем самым производя сохранение естественных берегов и их биоразнообразия.

Пилотный проект команды важен тем, что он может стать прототипом для всей реки Ушаковки или других реках в регионе. Команда представила проект внутри территории, но нужно понимать: чтобы решить проблемы площадки, необходимо выйти на более крупный масштаб. Проработка масштаба района предполагает организацию благоустройства набережной: введение сценарности использования в разные сезоны; организацию пешеходных путей для концентрирования антропогенной нагрузки, тем самым производя сохранение естественных берегов и их биоразнообразия.

Транспорт

В настоящее время остро стоит проблема перегруженности ул. Баррикад. Предполагая развитие района и жилой застройки на этой территории, необходимо предусмотреть меры по разгрузке дороги и решению проблем, связанных с ДТП в масштабе города. Есть несколько вариантов подхода к решению этой проблемы: либо создание альтернативных проездов из аэропорта и дачных кооперативов в город, либо распределение потоков по другим дорогам.

Выбирая в качестве краткосрочной перспективы первый вариант, приходим к предложению создать одностороннее движение: из аэропорта в город по ул. Баррикад, а обратно по ул. Напольной, причем движение всего общественного транспорта сосредоточить на ул. Ремесленной. Это даст временную разгрузку для потоков транспорта.

Второй вариант (на долгосрочную перспективу) – создание объездной дороги. Есть возможность понизить категорию ул. Баррикад с магистральной улицы общегородского значения регулируемого движения до улицы районного значения; тем самым снизить скоростной

режим до 60 км/час. и увеличить количество пешеходных переходов и светофоров.

Однако при таком решении следует учесть перенос аэропорта и автовокзала за пределы жилой зоны (создание локального ТПУ).

Искусственное создание препятствий для водителей в виде завышенных переходов в уровне тротуара и создание зеленого буфера между тротуаром и дорогой позволят сделать среду безопасной и комфортной для пешехода при обоих вариантах развития событий.

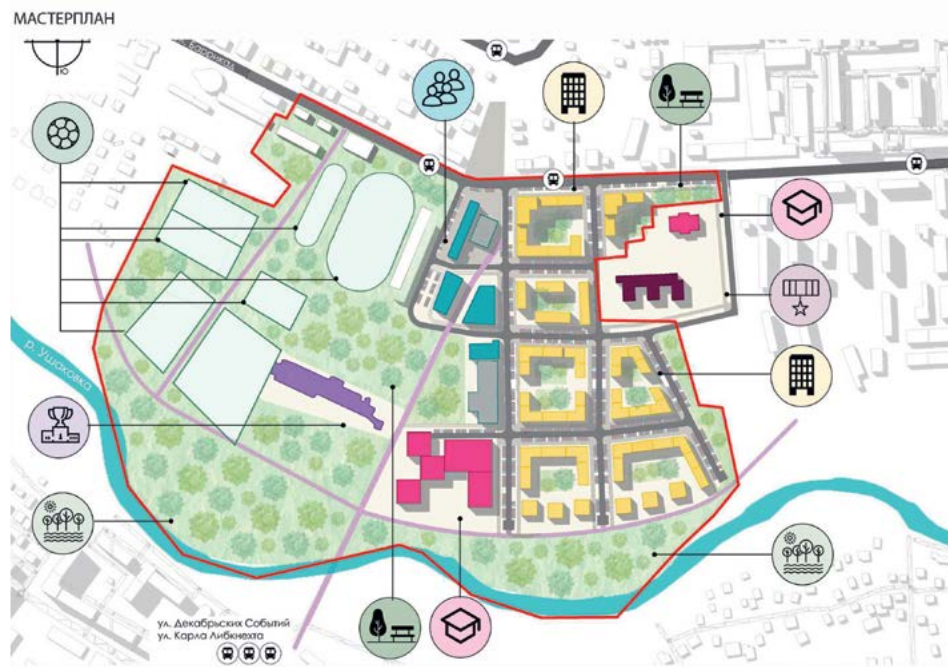
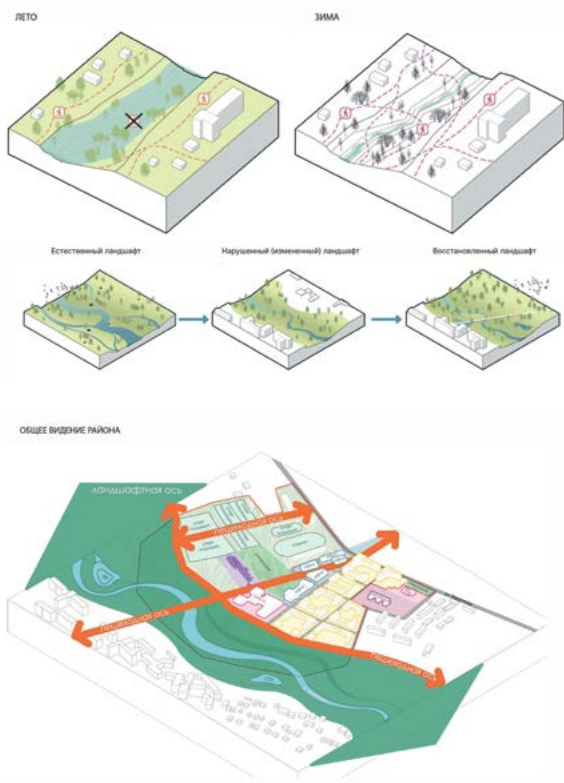
Инженерная инфраструктура

Большое значение для района Рабочего Предместья играет котельная бывшего завода «Стройдеталь». Для активизации и дальнейшего развития района остро необходимо провести тепловой луч, иначе район в дальнейшем может прийти в полное запустение.

После формирования важных инфраструктурных каркасов команда пришла к определению главных общественных осей района, связывающих культурные, спортивные и деловые доминанты. Такой подход формирует принципиально важное для района общественно-функциональное наполнение, определяя точки притяжения, транзита и места отдыха. Таким образом, выстраивается определенная логика района и появляются каркасы дорожно-транспортной сети и квартальной структуры, после чего определяются визуальные характеристики и задаются параметры высотности и проницаемости района.

Проектные предложения

Проектируемый участок условно разбивается пешеходной осью на две большие зоны – рекреационную и жилую. В рекреационной, к западу от оси, расположены стадион, парк, спортивные площадки; к востоку от оси располагаются жилые кварталы, школа. Пешеходный луч от предполагаемого моста через реку Ушаковку, выходящий на улицу Трудовых Резервов на левом берегу, визуально ориентирован на высотную доминанту в углу жилого проектируемого квартала и приводит к транспортно-пересадочному узлу между улицами Напольной и Баррикад. Пешеходная связь проходит через проектируемый участок с общественно-деловой застройкой

и вдоль «Рабочей» (перспективного развития) зоны в центре проектируемой территории. Пешеходная ось должна связать коротким удобным путем городской центр и Предместье Рабочее.

В южной части проектируемой территории располагается модульная школа на 1150 человек. Высотность и плотность жилой застройки плавно понижается от улицы Баррикад к набережной реки Ушаковки.

Структура пешеходного каркаса на проектируемом участке связывает между собой спортивные объекты, рекреацию и местные достопримечательные места: объекты культурного наследия, объекты истории и религии. Ставится цель связать набережную реки и Предместье Рабочее с городским велосипедным каркасом и зеленым кольцом.

Расчет ТЭПов проекта территории размером 17 га был произведен на основе Стандарта КРТ для среднетажной модели (5–9 этажей).

Территория в границах проекта имеет компактную форму. Однако центральное положение занимает довольно большой объект спорта – стадион «Динамо», что заставляет нас сместить центр городской жизни на восток.

Точки притяжения на территории и в приграничном положении разнообразны: остановки общественного транспорта, рынки, спортивные объекты, «Доренберг», промышленные объекты, центральная часть города, Каштаковская роща, река Ушаковка, религиозные иконы Божией Матери и визуальные доминанты мачты освещения стадиона «Динамо».

Озелененные природные территории прибрежной части реки Ушаковки связывают территорию проекта гидрологической сетью бассейна реки Ангара, а в будущем свяжут природно-рекреационную сеть единой набережной рек и единого зеленого кольца города Иркутска.

Транспортные связи территории плохо развиты и представлены магистральной улицей общегородского значения регулируемого движения – ул. Баррикад, по которой ходит общественный транспорт, а по ул. Напольная ходит трамвай.

Вторым этапом проектирования территории является разбивка на кварталы. Так сформируется улично-дорожная сеть, плотность которой составляет 15,9 км/км².

Улицу Черского предлагается сделать второстепенной с шириной красных линий 20 м, остальная УДС будет представлена местными улицами (ширина КЛ – 9 м).

Проектом предлагается выделить городской центр с общественным пространством (0,2 га).

Основным показателем для расчета были взяты показатели: плотность населения – 350 чел./га и плотность застройки территории – 8–15 тыс. м². Исходя из плотности, получили население 5,1 тыс. чел. Исходя из площади кварталов и распределения плотности (высокая 40 тыс. м²/га для центральных кварталов; 25 тыс. м²/га для средних и низкая 5 тыс. м²/га для прибрежных и удаленных кварталов), рассчитываем площадь зданий – 199,5 тыс. м², долю общественно-деловых помещений – 30 тыс. м² (15%). Жилищная обеспеченность населения составит 33,2 м²/чел.

Площадь озелененных территорий общего пользования в границах проекта составит 6,8 га. Так, обеспеченность населения озелененными территориями составит 13,3 м²/га.

Территория имеет дефицит мест в дошкольных и общеобразовательных учреждениях. При уплотнении застройки в границах проекта новая потребность в местах составит 614 мест (школа) и 238 мест (детский сад). Учитывая, что существующие объекты социальной инфраструктуры не могут обеспечивать население услугами в полной мере, предлагается увеличить вместимость школы до 1150 мест. Территория имеет высокий риск затопления, поэтому планируется провести ряд мер по инженерной подготовке: руслорегулирование и строительство дамбы обвалования. Это снизит риск и площадь территории затопления.

Большая мощность школы позволит обеспечить объектами образования левый берег реки Ушаковки, где также имеется большой дефицит в местах. Благодаря велопешеходной связности берегов школа может обслуживать большую территорию в пределах радиуса своего обслуживания.

Размещение детского сада команда предлагает сохранить согласно ППТ территории П-03-09 (ЗР-2).

Согласно расчетам, количество машино-мест составит 1790 м/м.

Описывается концепция регенерации спального микрорайона Юбилейный в городе Иркутске с характерными сценариями использования. Предлагается концепция, улучшающая повседневность там, где это возможно и подчеркивающая идентичность микрорайона – природную составляющую. Рассматриваются механизмы развития и капитализации.
 Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; регенерация; трансформация; застроенные территории; Стандарт КРТ; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования; Иркутск; Юбилейный./

The concept of regeneration of the Jubilejnyj residential microdistrict in Irkutsk is described with typical usage scenarios. A concept is proposed that improves everyday life where possible and emphasizes the identity of the neighborhood – a natural component. The mechanisms of development and capitalization are considered.
 Keywords: International Baikal Winter University of Urban Planning Design; regeneration; transformation; built-up areas; KRT standard; urban development scenarios; the quality of the urban environment; urban studies; Irkutsk; Jubilejnyj.

Команда Юбилейный: «Спальный район, где есть все для жизни»/ Team Jubilejnyj: “Residential district, where there is everything for life”

Тьютор:

Дарья Финакова

Участники:

Натали Ермилова

Елена Верецагина

Александр Серков

Андрей Жбанов

Анастасия Пивоварова

Михаил Зайчук

Анастасия Мазур

Экономист:

Владимир Русановский

История

Год создания микрорайона – 1967. Название он получил в честь 50-й годовщины Октябрьской революции. Под его застройку была выбрана свободная площадка в 34 гектара. Вырос из четвертого, пятого и шестого поселков ГЭС, где в начале 50-х годов в деревянных бараках жили строители плотины. Микрорайон начинался с нескольких окруженных лесом многоэтажек, к которым вела гравийная дорога. Постепенно бараки сносились, на их месте появлялись панельные пятиэтажки серии 1-335с. Ввод в эксплуатацию первого многоэтажного дома состоялся 31 декабря 1969 года.

Сейчас население микрорайона Юбилейный превышает 23 тыс. человек. Здесь более 100 домов, пять детских садов, две школы, областная больница.

Природа–район. Создаем парк и возвращаем ручьи

То, что отличает микрорайон Юбилейный от других спальных районов – близость природы, необычный рельеф, березово-сосновый лес, система ручьев, которые сейчас замусорены, а доступ к ним перекрыт.

В проекте команда раскрывает природную составляющую: создает на незастроенной территории микрорайонный парк, включающий овраги с ручьями. Это меняет характер пользования территорией, делая ее более привлекательной и повышая привлекательность жилья.

Медицинский кластер + жилая застройка

Точка притяжения Юбилейного: медицинский кластер, в составе которого находится Областная клиническая

больница, куда едут за услугами жители со всей Иркутской области, серия медицинских учреждений разного типа (исследовательская часть, интернат для детей и пр.). Близость этой функции существенно влияет на жизнь района (пример – посуточная аренда квартир).

В проекте команда показала, как можно совместить жилую среду с такой якорной функцией, как медицинская. Например, предложила разместить секции арендного жилья в новой застройке.

Развитие транспортного каркаса

Проектом предлагается новые связи между районом и городом на уровне района и изменения профиля «попоясывающей» дороги (в том числе появление в составе кольцевой велополосы).

Планировочные принципы

Командой были выбраны следующие основные планировочные принципы: доступность и связность среды; иерархия общественных пространств; гибкость и адаптивность застройки; функциональное разнообразие; интересность и идентичность.

Переходя с масштаба района на уровень концепции, команда также определила основные направления преобразований. На незастроенных территориях: сохранение части незастроенной озелененной зоны и превращение ее в микрорайонный парк с «бережным» благоустройством; восстановление ручья и его природного окружения, включение его в комплекс микрорайонного парка; оптимальное использование незастроенной территории под новую застройку (первую очередь) с реализацией потенциала природного окружения. На территории регенерации застройки: сохранение существующих линий улиц и проходов и формирование на их основе сети общественных пространств и кварталов многофункциональной жилой застройки. Для всей территории рассмотрения: усиление связности застройки с новым микрорайонным парком, превращение его в центральное зеленое пространство для окружающей застройки.

Ценности концепции

Проект оставляет часть территории незастроенной и предлагает благоустроить микрорайонный парк. Гара-

РАЗУКОРВАНЕНИЕ КВАРТАЛОВ

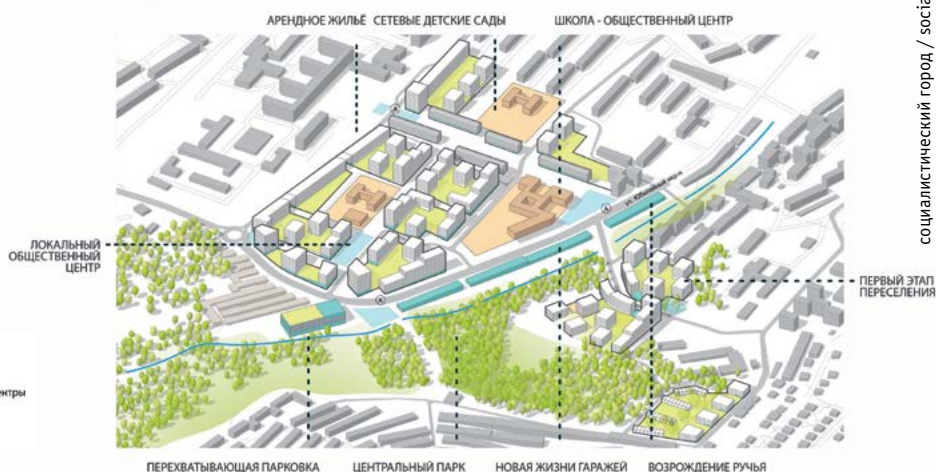
ДО

ПОСЛЕ

МАСТЕР-ПЛАН ТЕРРИТОРИИ

ОБЩИЙ ВИД НОВОЙ ЗАСТРОЙКИ

жи предлагается трансформировать/перестроить с целью создания предприятий торговли и обслуживания, ориентированных на улицу и ручей. Ручей восстанавливается, благоустраивается и включается в комплекс парка. Так формируется микрорайонное многофункциональное зеленое пространство, окруженное жилой и коммерческой застройкой, хорошо связанное с территорией района.

Схема межевания с разукрупнением кварталов определяет конфигурацию будущих общественных пространств и иерархию. Связность территории повышается путем дополнения новых проходов по территории, в частности, одного дополнительного прохода в парк.

Идея повторения линий существующей застройки и пешеходных маршрутов повышает шансы сохранения крупномеров во дворах и на проходах.

С ростом плотности застройки предлагается повышение вместимости существующей школы. При реконструкции могут быть заложены планировочные решения, облегчающие использование здания и территории в качестве общественного центра.

Команда предлагает работать с существующей идентичностью и обеспечить некую преемственность при регенерации застройки. Например, здания (не 335 серии) скомпонованы вдоль пешеходного бульвара. Их степень износа низкая, и бульвар в целом так и может остаться сформированным этими домами. В остальном мы повторяем линии застройки, следуем рельефу и подчеркиваем существующую пешеходную структуру новыми кварталами. Рельеф можно интерпретировать в планировочных решениях первых этажей и террас, что также придаст застройке уникальность.

Механизм реализации

Команда предлагает обеспечить гибкий механизм реновации: сочетание «административного» варианта, при котором переселение происходит по заданным условиям, и «гибкого», при котором активная часть собственников может объединяться в жилищно-строительный кооператив (далее ЖСК).

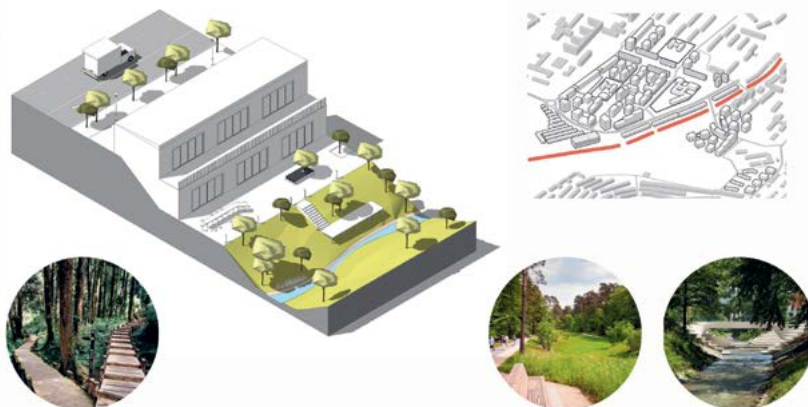
Основание: ЖСК (ограничение: не больше одного дома не выше 3-х этажей), ЖСК с господдержкой (для категорий: работники муниципальных и находящихся в ведении

субъекта РФ учреждений образования, здравоохранения, культуры и социальной сферы, госслужащие, молодые ученые, многодетные семьи и т. д.), без ограничений, бесплатное предоставление земли в федеральной собственности). Для механизма ЖСК с господдержкой ограничений по этажности нет. В механизме ЖСК может быть заинтересовано 5–7% собственников.

Однозначный плюс территории: площадка для первой волны расселения находится в непосредственной близости, буквально через дорогу от существующих домов. Это нейтрализует основную причину возможного беспокойства – переселение в отдаленные районы.

Особенность проектного участка заключается в том, что здесь есть территория для организации волнового переселения. Для реализации программы реновации предполагаются «волны»: механизм, когда 1) формируется стартовый участок и новая застройка; 2) часть жителей расселяемых домов «первой волны» переезжает в новое жилье; 3) освобождается участок для новой застройки для следующих расселяемых домов.

Ориентировочное количество «волн» переселения: от 6. Ориентировочный срок: до 2035 года. Расположение участка застройки для расселения первой очереди: проезд, соединяющий улицы Юбилейного микрорайона и Ершовского микрорайона. Для определения количества этапов и сроков необходим дополнительный экономический анализа. На данный момент количество очередей определено из представления о «градостроительной целесообразности».

Статья посвящена поиску архитектурных репрезентаций Российской империи на новых землях (Дальний Восток и Туркестан), одновременно вошедших в ее состав в конце XIX – начале XX века. Дается обзор особенностей архитектурно-пространственного оформления железных дорог, служивших каркасом колонизации: восточного участка Транссиба (Амурская и Уссурийская железная дорога), Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и Закаспийской военной железной дороги (ЗВЖД). Рассматривается развитие колониального ориентализма и национальной стилистики. Делается вывод о вариативности культурной политики русского колониализма. Ключевые слова: архитектурный образ родины; колониальная архитектура; Дальний Восток; Туркестан; Транссиб; КВЖД; Закаспийская военная железная дорога; ориентализм; национальный стиль./

The article focuses on the search for architectural representations of the Russian Empire on new lands (the Far East and Turkestan), which simultaneously became part of it in the late 19th – early 20th centuries. The article consists of two parts. The first one reviews the architectural and spatial arrangement of railways, which were the colonization structural frame: the eastern part of the Transsib (the Amur and Ussuri Railways), the Chinese Eastern Railway (CER), and the Trans-Caspian Military Railway (TCMR). The second part of the article describes the evolution of the colonial orientalism and national stylistics. The article draws a conclusion about the variability of the cultural policy of the Russian colonialism.

Keywords: architectural image of the motherland; colonial architecture; the Far East; Turkestan; Transsib; CER; Trans-Caspian Military Railway; orientalism; national style.

Новые земли: конструирование образа родины / New lands: Designing an image of the motherland

текст

Алина Иванова
Екатерина Глатоленкова
Михаил Базилевич /
text
Alina Ivanova
Ekaterina Glatolenkova
Mikhail Bazilevich

Введение

Статья является фрагментом международного исследовательского проекта, посвященного поискам архитектурного образа родины в 1870–1916 годах. Мы пытаемся понять, как архитектурный образ империи заменяется образом государства и постепенно трансформируется в образ родины. Эти сложные процессы рассматриваются на примере новых земель – Тихоокеанской России и Туркестана, который колонизировался параллельно с Желтороссией, Приморьем и Приамурьем. И высшие административные чины (генерал-губернаторы), и казачьи полки, и инженеры-путейцы, изыскатели, мостостроители, архитекторы постоянно меняли дислокацию, неся государственную службу то на Дальнем Востоке, то в Туркестане. Часто одни и те же люди обустроивали эти громадные территории, тем интереснее искать сходства и различия в архитектурно-пространственном оформлении русской колонизации столь различных окраин империи. На основе сравнительного анализа формулируются общие черты «культуры фронта».

Понятие «фронт» возникло на стыке антропологии, истории, географии и культурологии; вслед за концепцией Ф. Тёрнера, мы понимаем его как место возникновения нового общества. Фронт в этом контексте четко отделяется от географической границы и представляет собой «зону освоения», которая производит культурно-этнические, социальные, политические, экономические и символические особенности проживающего общества. Идея фронта определяет специфику всего региона и выделяет ее из истории общеизвестной и институционализированной. Рассказать историю русского восточного фронта только предстоит, и эта статья лишь пунктирно намечает будущее исследование.

В статье, возможно, впервые в русскоязычном профессиональном дискурсе, сделана попытка сравнить архитектурно-пространственное оформление дальневосточной и туркестанской железнодорожной колонизации. Если Дальний Восток хорошо изучен авторами в многочисленных экспедициях при поддержке грантов¹, а также благодаря многолетней работе в Харбине, то информация о Туркестане получена в ходе изысканий в фондах Рос-

сийской национальной библиотеки (РНБ) и Российского государственного исторического архива.

Основными источниками визуальной информации, изученными при работе над статьей, являлись многочисленные фотоальбомы «видов железных дорог», хранящиеся в отделе эстампов РНБ [1–3]. Интересно сравнить эти официальные репрезентации строящегося «каркаса империи» с фотографиями У. Г. Джексона (1843–1942), проехавшего в 1895 году весь Транссиб по заказу Всемирной транспортной комиссии. Коллекция У. Г. Джексона с панорамами населенных пунктов и экзотических ландшафтов, на фоне которых разворачивалось грандиозное строительство, и сотнями изображений инженерных и архитектурных объектов, связанных с железной дорогой, выложена на сайте библиотеки конгресса США [4], скачана русскими пользователями и доступна на многих ресурсах. Но так как авторские права неочевидны, мы, во избежание недоразумений, иллюстрируем текст графическими реконструкциями, отсылая читателей к самостоятельному поиску исторических фотографий.

Что касается академической базы исследования, мы взяли за отправную точку статью Вадима Басса, посвященную стилистическим особенностям вокзальных зданий и различию вокзалов столиц и провинции [5], а также диссертацию по архитектуре туркестанских линий [6].

Кроме того, использовались фотобанки, собранные энтузиастами железных дорог и российской истории (живые журналы «Перископ из глубин Тихого океана» [7] и «Записки скучного человека» [8]), а также курсы просветительского проекта Arzamas: курс № 49 «Как железные дороги изменили русскую жизнь», где особо следует выделить лекцию профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге В. Басса «Почему вокзалы – вершина архитектурной мысли» [9] и курс № 69 «Открывая Россию: Байкало-Амурская магистраль» [10], приуроченный к 45-летию с начала строительства этого «второго Транссиба».

Тема колониальной архитектуры, мейнстримная в западной академической среде, до сих пор не то чтобы табуирована, но несколько проблематична в России. Нет консенсуса в том, каков исторический статус террито-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21–512–23004

1. А. П. Иванова, грант РФФИ № 18–012–00537 – Камчатка, Сахалин, Приморье, Амурская и Читинская области, Хабаровский край, Забайкалье, 2018–2019 гг. Е. В. Глатоленкова, грант РФФИ № 18–312–00125 – Забайкалье, Маньчжурия, 2018–2019 гг. М. Е. Базилевич, грант РФФИ № 18–312–00058 – Приморье, Приамурье, Маньчжурия, 2018–2019 гг.

< Рис. 1. «Русский железнодорожный стиль» на маленькой станциях Транссиба. Станция пятого класса Оишь, 78 верст от станции Обь (Новониколаевск), начало Среднесибирской железной дороги. Графическая реконструкция А. Шаргородской по фотографии И. Р. Томашкевича [1]

^ Рис. 2. Станция Уссурийской железной дороги (между Хабаровском и Владивостоком). Графическая реконструкция А. Чазова по фотографии У. Г. Джексона [4]

рий – от Владивостока до Дальнего и от Краснодарска до Верного, присоединенных к Российской империи во второй половине XIX века. Термины «колонии» и «фронт» неизменно вызывают суровые отповеди рецензентов, нет понятной топонимики: как называть Дальний Восток эпохи присоединения к России – Сибирью? Приамурским краем? Тихоокеанской Россией? Желтороссией? Или нейтрально, как рекомендовали политологи 90-х, – «восточными территориями»? Не менее спорна топонимика земель, условно называемых «русским Туркестаном».

Не претендуя на академическую глубину и научную безупречность, мы попытаемся обратить внимание профессионального сообщества на окраины империи – именно так назывались в многотомных «живописных описаниях России» новоприобретенные дальневосточные и среднеазиатские территории. Но поскольку концепт «окраины империи» прежде всего ассоциируется с книгами издательства НЛО, посвященным западным провинциям, мы предлагаем, говоря об экзотичных восточных территориях, внезапно вошедших в состав Российской империи, использовать вариант «Новые земли», скомбинированный на основе названия работы А. А. Кауфмана [11].

Задачи, с переменным успехом решаемые авторами в этой статье, следующие:

- выявить на примере архитектурно-пространственного оформления строящихся магистралей Новых земель региональные особенности, характерные для русской железнодорожной архитектуры Приамурского края, КВЖД и Туркестана;
- рассмотреть архитектурные репрезентации «ориентального» и «национального» в культурных ландшафтах русского Дальнего Востока и Туркестана начала XX века;
- попытаться осмыслить процесс освоения Дальнего Востока и Туркестана как часть общемирового проекта модерна, найти архитектурные параллели и аналогии, источники влияния и заимствования базовых элементов архитектурно-пространственного оформления русской колонизации.

Русская железнодорожная архитектура

Восточное крыло Транссиба. Новые земли – Туркестан и Дальний Восток (Приамурье, Приморье и Желтороссия), одновременно присоединенные к Российской империи, были заселены носителями экзотичных – с русской точки зрения – культур (мусульмане в Туркестане, буддисты и язычники на Востоке), которым требовалось убедительно объяснить преимущества жизни в империи. Архитектура, как водится, выступала в роли транслятора «больших нарративов», однако единого плана архитектурной репрезентации русского мира у администрации новых земель, похоже, не было.

Архитектурное оформление восточного крыла Транссиба выполняло важную функцию – четкой сословной стратификации колонистов Новых земель. Использовались две эстетические платформы – «народная» («деревенская») и «господская» («городская»). Маленькие вокзалчики, школы, фельдшерские пункты, жилые дома и прочие объекты, входившие в состав железнодорожных комплексов на станциях и полустанках Транссиба, оформлялись в национальном стиле.

В важных инфраструктурных узлах и в городах с перспективой на статус столицы провинции вокзалы имитировали здания «господского дома» («дворца») с четко выраженной трехчастной классицистской структурой объемно-пространственной композиции. Если учесть, что в Сибири, Приамурском крае и тем более в Маньчжурии никогда не было дворянских усадеб и дворцов, распространенных в континентальной России вплоть до Урала, здания вокзалов символически замещали эту лакуну, благодаря чему конструировалась привычная символическая иерархия культурного ландшафта.

Сибирь и Забайкалье к 1891 году (начало строительства Транссиба) были давно освоены русскими и, за исключением Новониколаевска, магистраль шла по маршрутам старых трактов сквозь большие купеческие города (Омск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита), основанные в местах переправ через Иртыш, Ангару и Селенгу. Железнодорожная инфраструктура более или менее органично входила в сложившуюся городскую ткань, и новые вокзалы удачно вписывались в архитектурный ландшафт. Их стилистику осторожно можно

^ Рис. 3. Архитектурное оформление ветки Пивань – Совгавань (1945–1946 гг.). Графическая реконструкция А. Чазова по [14]. Водоемное здание разьезда Аксака, 147 км

^ Рис. 4. Архитектурное оформление ветки Пивань – Совгавань (1945–1946 гг.). Графическая реконструкция А. Чазова по [14]. Разьезд Соллу, 210 км

v Рис. 5. Архитектурное оформление ветки Пивань – Совгавань (1945–1946 гг.). Графическая реконструкция А. Чазова по [14]. Разьезд Хуту, 366 км

назвать «сибирским боз-артом», чтоб не возникало путаницы с традиционной дефиницией «сибирское барокко», применяемой к культовым сооружениям и деревянным особнякам.

Что касается Амурской железной дороги – предпоследнего участка Транссиба, она была проложена по сплошным болотам в практически безлюдном ландшафте, однако два новых города – Алексеевск и Хабаровск – строились в расчете на возможный столичный статус.

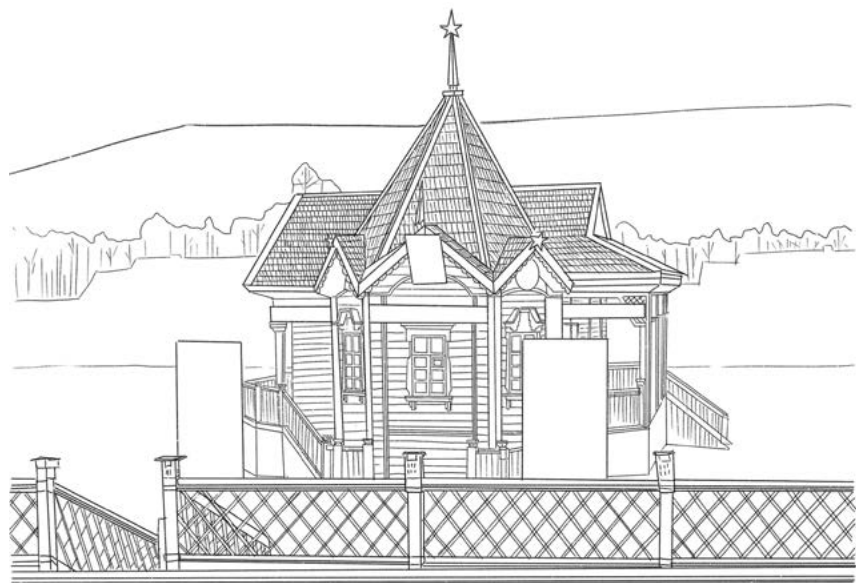
Существует устойчивое убеждение, что оформление Транссиба – от Ярославского вокзала в Москве до вокзала во Владивостоке – было выдержано в национальном духе, но даже беглый обзор архивных фотоматериалов свидетельствует об интенсивном поиске наиболее убедительных архитектурных решений. Здания вокзалов и станций постоянно перестраивались, расширялись: на смену деревянным постройкам приходили кирпичные и каменные, некоторые вокзалы кардинально меняли

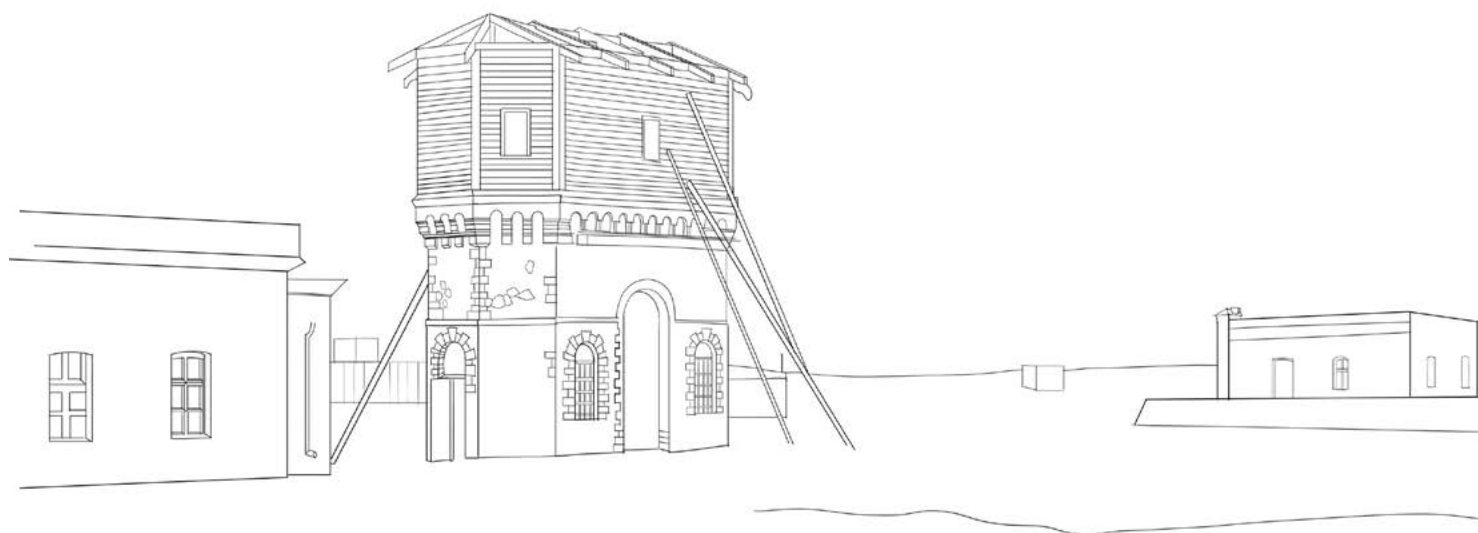
свой облик по три (Владивосток) и четыре (Хабаровск) раза.

Первые, деревянные вокзалы Транссиба варьировались от резных, квазифольклорных павильонов (рис. 1), словно сошедших со страниц увражей «Мотивы русской архитектуры», издававшихся в Петербурге в 1870–1880-х годах [12], до элегантных построек, воспроизводивших образ классицистского усадебного дома с викторианским фронтоном (рис. 2).

В качестве типичного примера «фольклорного» направления приведем крошечный остановочный пункт пятого класса Оишь на границе Барабинской степи (рис. 1), возведенный с избыточной роскошью и выдумкой, неожиданной в окружающем контексте (безлюдная пустыня с чахлами перелесками). В альбоме «Великий путь» [1] в кратких аннотациях к фотографиям упоминаются «легкие и изящные многочисленные станционные постройки» и «ухаженные садики, приятно ласкающие взор утомленного путешественника». Действительно, на изображении полустанка мы видим и лавочку, и городской фонарь, и элегантный парапет (а не штакетник), и качественное озеленение, и аккуратный крепкий сортир на заднем плане. Из-за домика станции выглядит «водоемное здание» (водокачка) – граненая башенка с шатровым завершением, обильно украшенная пропиленной резьбой. Нижняя, каменная часть водокачки при этом имеет неуловимо «средневековый» характер, а верхняя – деревянная – является распространенной на всем протяжении Транссиба вариацией «русского железнодорожного стиля» (авторы статьи понимают условность и спорность вводимых дефиниций, но в профессиональном сообществе до сих пор не выработано конвенциональных определений для стилистической атрибуции деревянной и кирпичной архитектуры рассматриваемого периода).

Водонапорные железнодорожные башни (вместе с кирпичными/каменными зданиями депо, вокзалов и военных гарнизонов) сформировали мгновенно опознаваемую дальневосточниками «архитектуру фронта», имеющую отчетливые «оборонительные» коннотации. Эти башни и сегодня являются самыми романтичными элементами сибирских и дальневосточных пейзажей как знаковые объекты, с которыми жители поселков,

^ Рис. 6. ЗВЖД. Водокачка на станции Асхабад. Графическая реконструкция Ш. Рамзаевой по [3, л. 18]

районов и прочих территориальных образований связывают свое представление о региональной идентичности (рис. 3). К сожалению, нам не известна судьба русских нефтекачек и водокачек (рис. 6), которые были важными вертикальными доминантами Среднеазиатской железной дороги (судя по опросу, сделанному в националистически ориентированных русскоязычных группах популярных социальных сетей, русское архитектурное наследие Туркестана систематически зачищается), но мы можем с уверенностью отметить, что водокачки КВЖД неплохо сохранились.

Авторы статьи хорошо знают все станции Уссурийской железной дороги, так как десятки (если не сотни) раз путешествовали по маршруту Хабаровск – Владивосток; анализ архитектурного оформления этого участка Транссиба базируется на визуальном осмотре и фотофиксации объектов. Лучшее всего сохранился железнодорожный комплекс в г. Вяземском (130 км на юг от Хабаровска, бывшее с. Медвежье), названном в честь выдающегося инженера-изыскателя, работавшего сначала на строительстве Уссурийской железной дороги, а после на линии Казалинск – Ташкент (открытие – 1909 г.), что снова подтверждает наш тезис об единой «цивилизации фронта». Деревянное одноэтажное здание вокзала снесено, на его месте воздвигнут типичный образец советского палладианства, но уцелели великолепное депо с вимпергами и контрфорсами (готицизмы характерны для краснокирпичной архитектуры «восточного фронта» начала XX века), водокачка, несколько жилых деревянных двухэтажных зданий, украшенных высокими фронтонами, и бывшая церковно-приходская школа – длинное одноэтажное кирпичное здание, построенное на средства дорожного управления в 1899 году и имеющее сегодня статус объекта культурного наследия [13].

Архитектурное оформление железнодорожных построек в Вяземском характерно для всей Уссурийской железной дороги, декорированной в хорошо узнаваемой, но не поддающейся корректной атрибуции стилистике, балансирующей между северо-европейскими реминисценциями и национальным романтизмом. На рис. 2 представлена типичная станция Уссурийской железной дороги – деревянное одноэтажное здание удачных

пропорций, на каменном фундаменте и под железной («американской») кровлей, с развитым по горизонтали фасадом, монотонность которого резко нарушает гипертрофированный высокий фронтон. Похожее, но трехчастные по структуре деревянные одноэтажные вокзалы были в Вяземском и Хабаровске. Это не русский стиль в привычном понимании, но и не викторианский коттедж. Высокие прямоугольные окна с «городской» расстекловкой лишены наличников, но декорированы на европейский манер – нарядными сандриками на консолях и – по бокам, вместо привычных ставень – вертикальными накладными элементами (линии и кольца, так называемый знак модерна, символизирующий знакомство архитектора с эстетикой ар-нуво). Вместо обязательного для «ропетовского стиля» многоярусного резного карниза (рис. 1.) – широкий накладной фриз, огибающий корпус по периметру; ярко выраженный цоколь украшен тригифами и подоконными вставками с крестообразными элементами. Все это указывает на хорошую профессиональную школу и умение при минимальном бюджете создавать качественную архитектуру – ту самую «архитектуру фронта», которая сразу опознается дальневосточниками как «своя», «родная».

Деревянные вокзалы Уссурийской линии довольно скоро сменялись каменными сооружениями условно «средневекового», «замкового» вида (вокзал на станции Никольская и первый вокзал Владивостока), а на небольших станциях (Кипарисово, Раздольное) – кирпичными зданиями «гарнизонной» архитектуры, неотличимыми от окрестных краснокирпичных казарм. Третья волна железнодорожного ребрендинга коснулась крупных городов – Благовещенска, Хабаровска, Владивостока, где были построены вокзалы в неорусском стиле со сложными объемно-пространственными композициями, высокими шатрами, килевидными арками и прочими приметами национального романтизма, удачно придуманными Ф. Шехтелем. Владивостокский вокзал В. А. Плансона (1902–1909) – один из лучших примеров национального стиля и, на наш взгляд, самый красивый вокзал России.

Удивительным реликтом «русского железнодорожного стиля» является архитектурное оформление ветки Пивань – Совгавань (1945–1946) (рис. 3–5). Фотографии

^ Рис. 7. Вокзал на станции Пограничной. Графическая реконструкция А. Шаргородской по фотографии из альбома [36]

^ Рис. 8. Вокзал на станции Маньчжурия. Графическая реконструкция А. Шаргородской по фотографии из альбома [36]

станций и разъездов этой ветки представлены в альбоме НКПС СССР 1946 года, экземпляр которого хранится в Музее истории Дальневосточной магистрали [14]. Поставленное на высоком косогоре здание станции разъезда Соллу (рис. 4) с граненой ротондой центрального объема прочитывается как «дворянская усадьба», «господский дом». На рис. 4, 5 заметно, что использование граненого башенного объема (восьмерик) под шатровым завершением придает железнодорожным объектам непреднамеренное (?) сходство с типичными православными часовнями на основе бруса, которые были важнейшим маркером колонизируемых Новых земель до 1917 года. Именно железнодорожная архитектура сохранила на «темных территориях» Советской империи традиции национальной эстетики, в том числе характерные приемы уничтоженной православной архитектуры.

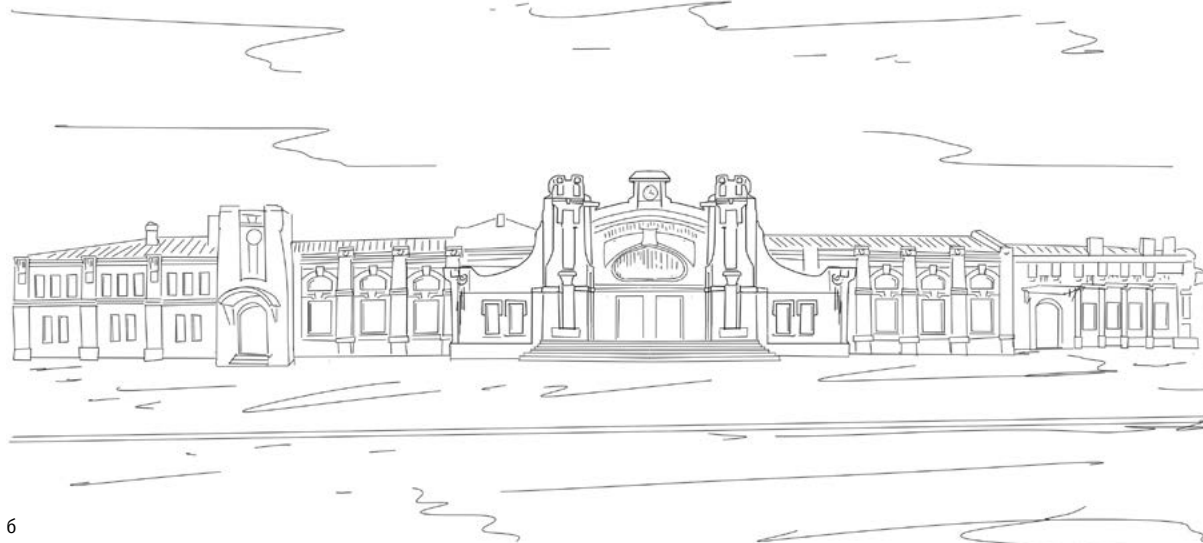
Северная Маньчжурия. До появления русских инженеров Северная Маньчжурия представляла собой пустынную и малозаселенную местность. Это из текста в текст повторяли практически все исследователи края, входившие в группы, занимающиеся изысканиями в предваряющий строительство КВЖД этап. Так, среди этих описаний приводились и предания о существовании под нынешним Цицикаром укрупненного русского острога, не говоря уже о городах вдоль берегов Амура [15]. Контраст китайского города и русских станций хорошо описан у И. С. Кларка [16], автора 10-томного путеводителя по Маньчжурии и Дальнему Востоку. В крайне резком тоне он отзывается о маньчжурских деревнях, опять же ставя для контраста только что возведенные, «европейские».

Старые маньчжурские поселения – Хайлар, Цицикар, Бодунэ и др. – имели традиционное для азиатских городов планировочное решение: обнесенные глинобитной стеной, с многочисленными узкими улочками между домами и одной главной, торговой улицей. Станционные поселки строились по единой схеме, с параллельными путями улицами, привокзальными площадями и скверами. Но интересно, что рядовая архитектура станционных поселков не всегда строилась на контрасте и даже позволяла себе подражать азиатской: так появляются заостренные концы кровли и характерная резьба у придомовых беседок

некоторых жилых домов, сложные решения для кровли пассажирских зданий, оформленные драконами (особый тип кровли, «по китайскому способу» [17], прописывался в отдельном разделе пояснительной записки к проекту пассажирских зданий). Русские постройки появлялись также и в этих старых городах: деревянная с колокольней церковь, выстроенная на территории внутри крепостной стены Цицикара, также имела заостренные концы кровли (непонятно, был ли это построенный по специальному проекту храм, либо перестройка существующего маньчжурского здания?).

Вокзалы Приграничья – ворота империи. КВЖД была пятым участком Великого Сибирского пути, и ее архитектурное оформление заметно отличается от железных дорог, к ней примыкающих, – Уссурийской и Забайкальской. Для инженеров было необходимо визуально отделить маньчжурский участок уже в самом начале пути, поэтому на железнодорожных станциях крайних точек – ст. Пограничная (рис. 7) на востоке и ст. Маньчжурия (рис. 8) на западе – использовались непривычные для сибирской железнодорожной каменной архитектуры решения в стиле модерн. Простые, прямоугольные в плане, оба эти здания имеют сходные внешние черты – оформленный крупной каменной кладкой цоколь, ровный метрический ряд двухчастных (на два этажа) окон, вертикальные, на всю высоту здания, орнаментированные выступы и характерный строгий декор: кольца, пересеченные лентами, горизонтальные полосы и чередующийся с оштукатуренными обрамлениями окон открытый кирпич. Первый вокзал Маньчжурии был, как и большинство вокзалов Транссиба, деревянным, но прослужил он недолго, и уже в 1903 году открылось новое здание. Можно предположить, что строительство первых вокзалов в дереве, а затем их скорая ликвидация была вызвана не только увеличением пассажиропотока с открытием постоянного сообщения (и первые деревянные вокзалы были достаточно вместительны), но и стремлением закрепиться на территории, искусственными средствами создать историю: вот здание новое, а до этого был еще старый вокзал.

Здание вокзала на станции Пограничной было меньшим по площади. Оно располагалась на крутом рельефе

6

< v Рис. 9. Вокзал в Харбине (а – вид с перрона; б – вид со стороны площади). Графическая реконструкция А. Шаргородской по открыткам из коллекции Витковского (фонды музея им. Арсеньева во Владивостоке)

и хоть было в одном уровне, но к перрону нужно было спускаться. Весь железнодорожный поселок также находился на рельефе, террасами поднимаясь к верхней площадке – с православным храмом.

Эти два вокзала отличало также различное положение относительно железнодорожных путей. Здание маньчжурского вокзала имело островное положение, между путями из России и в Китай. От вокзала шел надземный переход, который выходил на южную, «китайскую» сторону поселка, где находились все основные постройки «центра»: сквер, площадь, храм, школа, больницы, бани. На «забайкальской» стороне были казармы и общежития пограничной стражи, некоторые административные здания, включая консульства, гостиницы, и жилые дома. Анализируя планировку можно сказать, что состав внутренних помещений повторялся: это те же залы для первого класса с отдельным входом и выходом на перрон через сени, это буфет в этой части здания, это обширный зал для пассажиров третьего класса также с отдельными входами-выходами, кассы и багажные отделения. Вдоль фасадов вокзала на станции Пограничной был выстроен деревянный дебаркадер с прямоугольными люкарнами на деревянных столбах, с очень лаконичным декором.

Также как и вдоль Транссиба, на перронах станций КВЖД в первые годы эксплуатации возникали небольшие деревянные павильоны с резным, в русском стиле декором, сложной металлической кровлей. Подобные встречались и в Маньчжурии, довольно резко контрастируя со строгими фасадами. Предположительно это были уличные буфеты. Кроме того, обязательными сооружениями привокзальной территории были лавочки по продаже кипятка, уборные и прочие хозяйственные постройки, как правило деревянные, с резным декором наличников и карнизов.

В самих поселках и в Маньчжурии, и на Пограничной основная застройка была деревянной – одноэтажные, на два или четыре хозяина, жилые дома. Каменными строили административные здания и общежития служащих, здания железнодорожного ведомства, школы. В Маньчжурии на фоне одноэтажной застройки поселка Китайской стороны выделяется здание железнодорожно-го техникума, выполненное в нерусском стиле – камен-

a

ное, с обильным декором, стрельчатыми завершениями окон, высокой кровлей. По времени создания и внешнему виду это здание перекликается с «розовой» школой в Харбине.

Вокзалы столиц: Харбин и Дальний. Вокзал в Новом городе Харбина (на станции Сунгари-I) неоднократно описан в специальной литературе, поэтому приводим его здесь лишь справочно. Как и значимые приграничные вокзалы, харбинский выполнен в традициях архитектуры модерна. Однако «столичный» вокзал значительно наряднее и богаче в фасадном оформлении и внутреннем убранстве – это единственное построенное здание первого класса на КВЖД. Несмотря на внушительные размеры, а здание вытянуто вдоль путей на 100 м, оно не смотрится громоздким; благодаря выделенной центральной части с входным порталом, часами (установленными уже в ходе эксплуатации), ритмичному членению окон, плавным линиями силуэта, его фасады смотрятся сомасштабными человеческому росту (рис. 9) [18]. Образ первого вокзала кажется настолько каноничным для современных китайцев, что даже после сноса, многочисленных перестроек новых зданий спустя сто лет

> Рис. 10. Вокзал в Дале-не. Графическая реконструкция А. Шаргородской по [37, с. 170]

при масштабной реконструкции железнодорожного узла главного харбинского вокзала архитекторы решили его восстановить: вернулись прежние очертания, некоторые детали, однако в совершенно иных пропорциях и гораздо большего масштаба. Тиражируется этот образ не только в Харбине (на южном вокзале построено здание в современном стиле, но не без явных отсылок к «первоисточнику»), но и в других городах. Причем преемственность подчеркивается сопровождением паспортов строящихся объектов известными фотографиями с изображением вокзала Сунгари-1 первой половины XX века.

Одно из самых интересных архитектурных решений вокзалов было применено в проекте пассажирского здания первого класса на станции города Дальнего, конечной станции КВЖД. Расположенное на крутом рельефе, многоуровневое, в три этажа, оно потребовало применения новых конструктивных и технологических решений. Так, связи между залами ожидания на третьем этаже (или первым – для входящих со стороны привокзальной площади) и помещениями с выходами на перрон на первом (минус втором – для выходящих к поездам) обеспечивалась не только лестницами, но и лифтами (которые не применялись ни на одной другой станции КВЖД). Стилистически это более сложная, чем в Харбине, проработка модерна – южный его вариант, более легкий и изысканный, с обильным декором. К сожалению, здание не было построено, представить, каким могло бы оно быть можно только по чертежам и графическим реконструкциям (рис. 10).

Туркестанские линии. В качестве эпиграфа к теме Туркестана позаимствуем цитату: «Завоевания являются частным случаем путешествия» – так начинается предисловие М. Пиотровского к изданию травелога «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты» [15]. Далее Пиотровский пишет о «кровеносной системе и лимфатических узлах государства (дороги и почты-бариды), доставшихся мусульманскому миру от Византии и Сасанидского Ирана и перешедших по наследству Российской империи» и о том, что бариды превратились в вокзалы – главные здания, репрезентующие Российскую империю на востоке и юго-востоке: «...дороги с их инфраструктурой стали важнейшим конструктивным элементом

физической и человеческой географии мира ислама» [19, с. 9].

Строительство Закаспийской железной дороги (1889–1891 гг.) хорошо задокументировано, благодаря профессиональной рекламной компании ее строителя – генерала М. Н. Анненкова, пригласившего на экскурсии по экзотическим среднеазиатским окраинам империи светских дам, журналистов, художников и прочих «инфлюенсеров», формирующих общественное мнение. Сохранилась масса описаний, зарисовок и фотографий всего маршрута Красноводск – Асхабад – Мерв – Ташкент [20, 21]. Для исследуемой темы интереснее всего путевые очерки В. Ф. Духовской [22] и А. А. Кауфмана [23], которые описывают свои путешествия как по Дальнему Востоку, так и по Туркестану. Все хроникеры, которым администрация ЗВЖД старалась предоставить европейский уровень комфорта, с ужасом вспоминают «невыносимую сорокоградусную жару в вагоне первого класса» [23, с. 245] и удручающие ландшафты Голодной степи. Даже Кауфман, при всем своем оптимизме и благожелательном настрое, не находит добрых слов для расстилающегося за вагонным окном пейзажа: «Голая серовато-бурая пустыня с колючками... зловещие темно-желтые барханы и бледные лессы» [23, с. 246–248] (в то же время Амур и Уссурийская тайга привели его в восхищение).

Для предварительного анализа памятников железнодорожной архитектуры Закаспийской военной железной дороги мы использовали наиболее уважаемый и информативный источник – альбом видов ЗВЖД фотографа Ф. Энгеля [3]. Эти 38 листов отличной печати в малахитово-зеленых паспорту с золотыми рамками, хранящиеся в Русском книжном фонде РНБ в Санкт-Петербурге, содержат подробную фотофиксацию всех населенных пунктов вдоль строящейся линии. Возможно, в разделе, посвященном архитектурно-пространственному оформлению ЗВЖД, мы злоупотребим пространными описаниями, но материал, вводимый в научный оборот, малоизвестен, и нам хотелось бы максимально подробно рассмотреть попытку конструирования «железнодорожной цивилизации» в бесплодной, безжизненной пустыни. С подобным ландшафтом русские, привыкшие к полноводным рекам, бескрайним тенистым лесам и умеренному

климату, сталкивались впервые, но быстро адаптировались и научились использовать приемы вернакулярного строительства.

ЗВЖД до конца XIX века начиналась в Узун-Аде. Виды этой станции представлены на пяти листах [3, л. 1–5]. Первое впечатление от фотографий у нас было такое же, как у Кауфмана: все новенькое, аккуратное, только что возведенное буквально на краю света, что сообщает постройкам несколько сюрреалистичный характер. Станционный комплекс Узун-Аде включал два вокзальных здания, возможно разных классов, – с верандой посередине и аккуратный домик администрации под четырехскатной крышей (рис. 11). Все три одноэтажных кубических объема перекрыты высокими скатными крышами с полуфронтонами (сначала русские колонисты по инерции воспроизводили типовые решения, рассчитанные на большие осадки; в более поздних постройках скатные кровли уступят место плоским «азиатским» крышам). Судя по тому, что удалось разобрать на фотографиях, постройки сложены из лѣссовых квадров, но обшиты деревянными угловыми пилястрами, фронтоны украшены резьбой и висячими перемычками. Здание приподнято на высоком цоколе, возможно, сказался опыт строительства на Дальнем Востоке, где основной проблемой были внезапные паводки, сносящие постройки, мосты, железнодорожные насыпи и подтапливающие огромные территории. Высокий цоколь в пустыне – несколько странное решение, позже от него откажутся. Крыльцо с резными перилами ведет на террасу главного корпуса – это парадный вход. Окна снабжены лаконичными наличниками. Рядом с вокзалом – обширная крытая веранда с плоской четырехскатной кровлей (подобные объекты на Транссибе и КВЖД не строились, – по-видимому, это влияние вернакулярных бытовых практик).

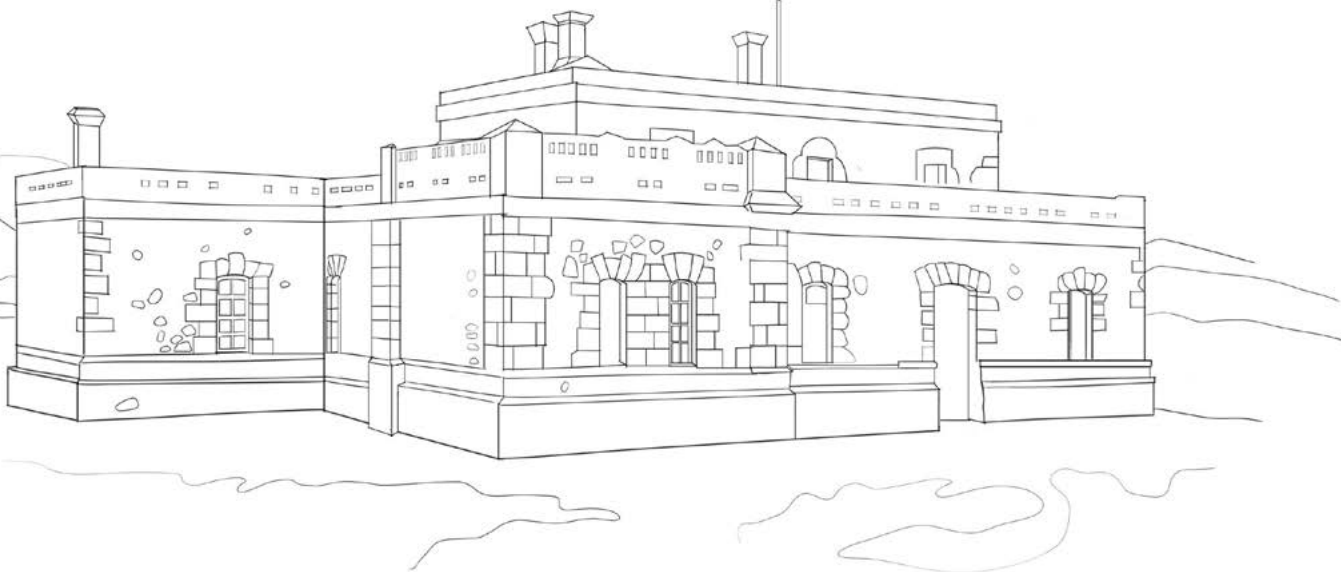
Застройка самого поселка Узун-Аде имела линейный характер, жилые дома были обращены главными фасадами в три окна на железную дорогу, за домами располагались ряды казарм, также под двускатными крышами. На фотографии «Набережная в Узун-Аде» [3, л. 4], видны бесконечные – до горизонта – штабеля длинных досок, явно привезенных издалека; штакетники, огораживающие вокзальный участок для защиты от верблюдов

и табунов лошадей, смотрятся расточительством – позже начнут использовать традиционные глухие саманные ограды. Странно, что при строительстве железнодорожных поселков не пошли по американскому пути быстровозводимых сборных «железнодорожных городов» и не применяли каркасную или фахверковую систему, оптимальную в этом климате.

На панораме порта Узун-Аде [3, л. 2] можно различить жилые постройки под высокими скатными крышами и утилитарные – под косыми. На фотографии «Городок Узун-Аде» [3, л. 3] заметна характерная черта нового поселения: одноэтажные дома практически лишены палисадных. На крышах изб – по одной трубе, на крышах барakov (двухквартирных домов) – по две. Проблема топлива в абсолютно безлесной пустыне уступала место проблеме питьевой воды, но также требовала небанальных решений. Во дворах заметны юрты, – по-видимому, там располагались летние кухни. На фотографии «Жилой дом» [3, л. 5] представлена целая обширная усадьба: участок обнесен фигурным штакетником, главное здание соединено верандой с домом поменьше. Постройки срубные с выпуском бревен, окна со ставнями и наличниками, крыши жестяные с нарядным ромбовидным узором. Во дворе по периметру расположены хозяйственные постройки и летняя кухня-мазанка. Добротный, «городской» дом нельзя назвать избой, это не крестьянский хутор, скорее усадьба старообрядцев: высокое крыльцо с верандой и объединение двух отдельных домов крытым переходом не типичны для деревенского уклада.

Сначала по традиции станции пытались строить из дерева, везя в голую бесплодную пустыню доски и брус за сотни километров, но практически сразу перешли к возведению каменных зданий, похожих на маленькие форты, – кубические объемы с плоскими крышами и арочными окнами. Несмотря на крайне лаконичный декор – рутовка углов, парапеты зубцов, замковые камни над проемами, эти монументальные, хоть и небольшие по размерам, постройки даже по фотографиям производят сильное впечатление, как первая попытка русских железнодорожных инженеров сконструировать колониальный стиль.

^ Рис. 11. Вокзал станции Узун-Аде. ЗВЖД. Графическая реконструкция Ш. Рамзаевой по [3, л. 3]

^ Рис. 13. ЗВЖД. Станция Безмеин. Графическая реконструкция Ш. Рамзаевой по [3, л. 15]

v Рис. 12. Вокзал станции Колдж ЗВЖД. Графическая реконструкция Ш. Рамзаевой по [3, л. 6]

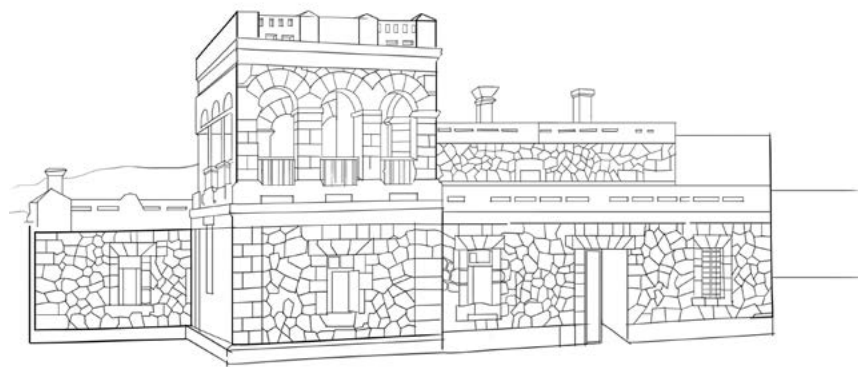
В качестве примера этого совершенно нового для русской железнодорожной архитектуры «сарацинского стиля» рассмотрим вокзал станции Колдж [3, л. 6]. Он построен из «дикого» камня (возможно, облицован) и резко контрастирует с упоминавшимся чуть выше вокзалом в Узун-Аде: вместо дворянской русской усадьбы – форт с квадратной башенкой и смотровой площадкой (рис. 12). Сквозная аркада с балюстрадой придает вокзалу живописный вид, вызывающий романтические ассоциации с крепостями Иерусалимского королевства (хотелось бы думать, что офицеры русской армии ассоциировали себя с крестоносцами и рыцарями-паладинами, – эта боевая легенда сразу включает Туркестанский поход в большой европейский нарратив).

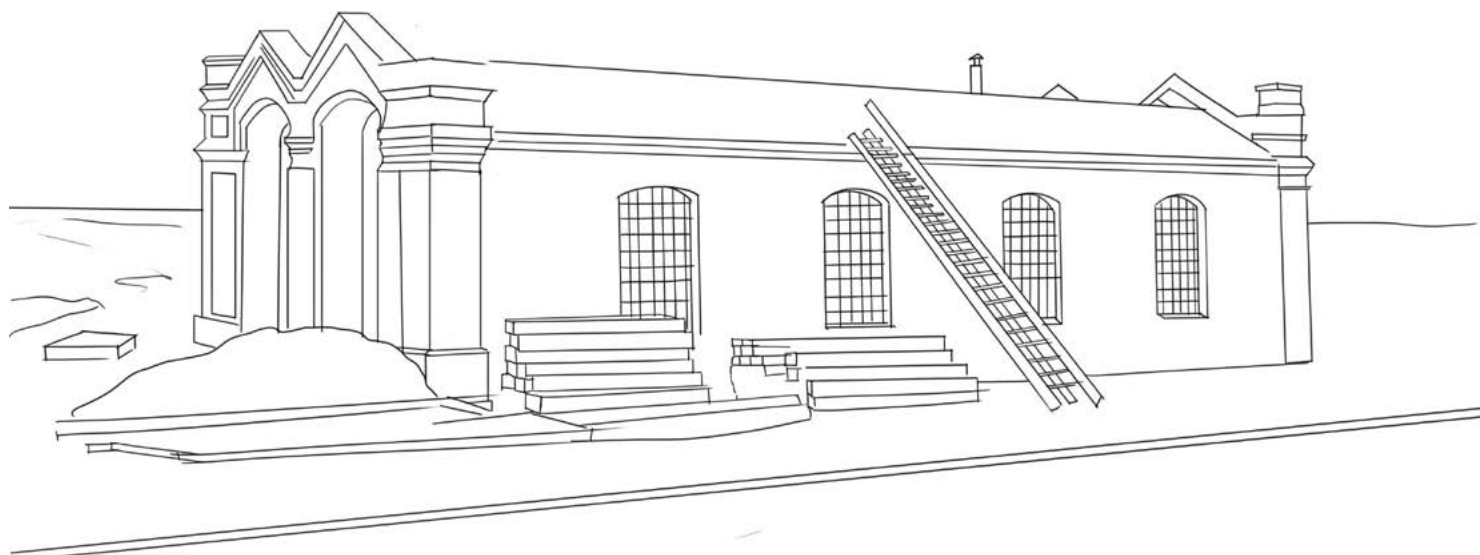
Компактное здание имеет сложную объемно-пространственную композицию, разновысотные объемы комбинируются вокруг башенки, фасады асимметричны, плоские кровли-террасы выдают знакомство с вернакулярной архитектурой. Хорошие пропорции и профессионально нарисованная лоджия с тосканской аркадой говорит о том, что использовался не типовый проект – это авторская работа не без претензии на создание знакового образа. Одноэтажные вокзалы попроще был на станциях Безмеин (рис. 13), Келята, Бархаден и проч. Перед вокзалами часто устанавливали флагштоки – практика, необычная для дальневосточных железнодорожных поселков.

В Закаспийской области капитальные объекты возводили из камня и лёсса, традиционная для Средней Азии резьба по гонту русскими колонистами не применялась, и, в отличие от дальневосточной «архитектуры фронта», постройки вдоль ЗВЖД были лишены дробного мелкомасштабного декора, что объясняется природно-климатическими и социально-экономическими факторами. В Приморье казармы строили из кирпича, обилие дешевой – китайской – рабочей силы и повсеместно распространенные залежи глины позволили наладить производство десятков кирпичных заводов, это, в свою очередь, привело к расцвету нарядной и элегантной краснокирпичной архитектуры военных и железнодорожных поселков, обильно украшенных вимпергами, пинаклями, сложными щипцовыми фронтонами и прочими рецепциями северо-европейского романтизма.

Однако и на Закаспийской линии встречались примеры декора, типичного для приморского фронта: «Пролетная казарма» [3, л. 16] – одноэтажное приземистое здание, внезапно украшенное сложным многоярусным карнизом. Ризалит на оси симметрии фасада увенчан громоздким аттиком с тремя тумбами и сквозной каменной решеткой, углы акцентированными накладными выпусками – весь декор имеет отчетливо «готический» характер, типичный для дальневосточных казарм. Если бы это здание было сложено из кирпича, а не из самана и имело скатную, а не плоскую крышу, его было бы легко представить где-нибудь в Барабаше или Новокиевском, близ корейской, а не персидской границы.

Еще более напоминает дальневосточную железнодорожную архитектуру здание депо на станции Бахарден (рис. 14). Утилитарная постройка декорирована довольно вычурно: углы оформлены раскреповкой и рустованными пилястрами, торцевой фасад – двумя высокими щипцовыми фронтонами, на углах здания – фигурные башенки с флажками-флюгерами. Все эти готицизмы, довольно неожиданные в контексте ЗВЖД, широко использовались в оформлении Уссурийской железной дороги, и депо в Бахардене очень похоже на упоминавшееся выше депо в Вяземском. Не менее живописное депо было на станции ЗВЖД Душак. Полуцилиндрические в сечении крыши депо крылись жостью, как и все остальные

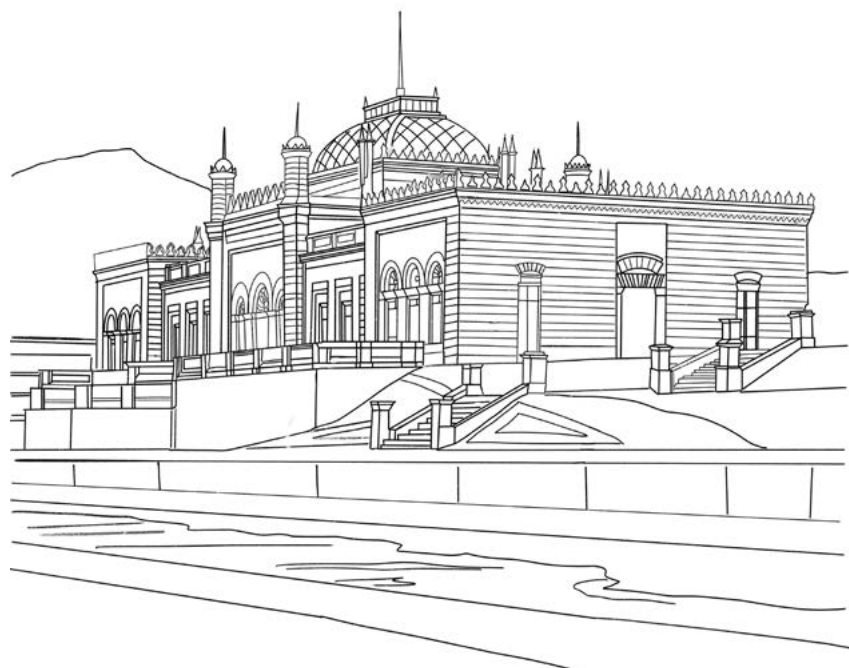
^ Рис. 14. ЗВЖД. Депо на станции Бахарден. Графическая реконструкция Ш. Рамзаевой по [3, л. 10]

станционные постройки. Возможно, кровельные и прочие строительные материалы доставлялись по морю, что удешевляло грузопоток.

После обмеления бухты Узун-Аде главным пунктом ЗВЖД стал Красноводск (580 км от Асхабада). Этот первый русский порт восточного Каспийского побережья был основан полковником Н. Столетовым в 1869 году в устье высохшего русла Узбоя, где во время Хиванского похода (1716) находился укрепленный русский кронверк. До строительства Ашхабада Красноводск был центром русского Туркестана. Здесь, как и на востоке страны, можно наблюдать миграцию региональных столиц: Узун-Аде – Красноводск – Асхабад (на Дальнем Востоке: Петропавловск-Камчатский – Николаевск-на-Амуре – Владивосток – Хабаровск).

В Красноводске, куда специально дотянули ветку, начинались все маршруты колонистов и гостей новых среднеазиатских провинций. Вокзал в Красноводске был первой попыткой использовать в железнодорожной архитектуре условно «сарацинский» стиль (рис. 15). А. А. Кауфман вспоминает его как «хорошенький, ослепительно блистающий на ярком южном солнце вычурными восточными узорами и грациозными полуарками». Кауфман, описывая Красноводск (ко времени его поездки – 1900 году – в городе было 12 тыс. жителей), упоминает «чудный вид на изумрудно-зеленую бухту» [19, с. 246–248] и новенькие постройки, амфитеатром окружающие городскую сад – «ярко-белые или бледно-голубые домики с плоскими азиатскими крышами» [19, с. 245], помимо прочего он описывает «только что построенный опреснитель для воды» и водолейки – поезда, везущие в Красноводск питьевую воду («солонатовую грязную бурду, которую невозможно пить») за 125 км [19, с. 245–246]. Две огромные водолейки на платформе-дрезине можно рассмотреть на фотографии с видом станции Байрам-Али.

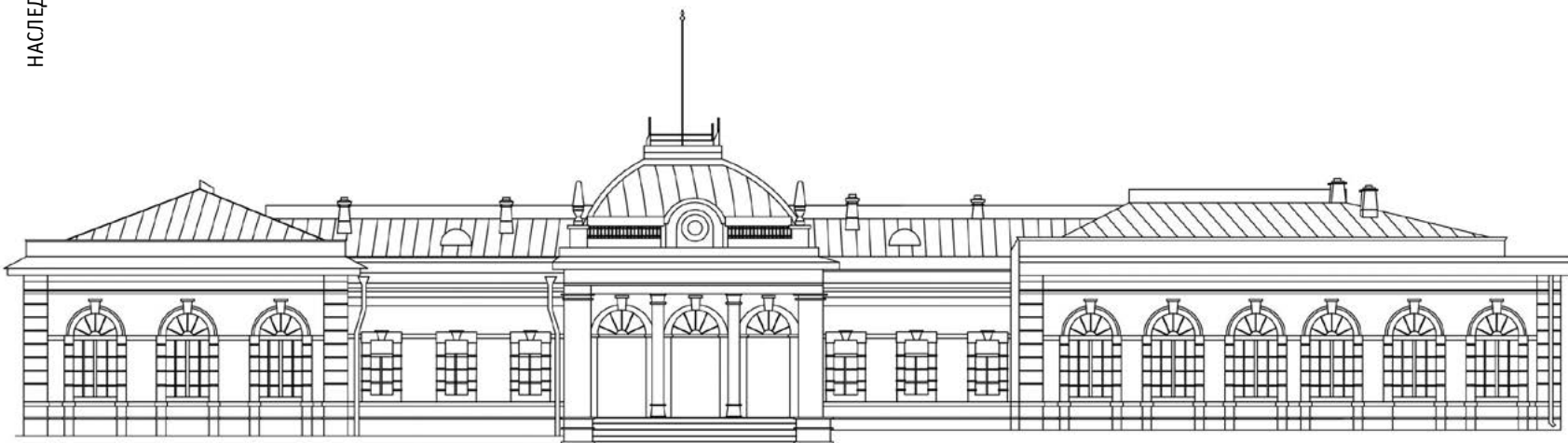
Новенькие станции ЗВЖД Кауфман вспоминает как «маленькие беленькие домики, возле них – ни травинки, не говоря уже о традиционных станционных садиках и огородах» [19, с. 246–248]. Однако благодаря тому, что на всех станциях, одновременно со строительством зданий устраивались водоёмы и бассейны (часто

с фонтанами), в непродолжительное время проблема озеленения железнодорожных поселков была решена. Белый цвет, постоянно поминаемый Кауфманом, служил для теплоизоляции, это важная особенность, отличающая среднеазиатские поселки колонистов от дальневосточных, где белили только мазанки малороссийских переселенцев, а капитальные здания строились из красного кирпича.

На фотографии неподписанной станции [3, л. 10] виден уже готовый фонтан – круглый бассейн выложен подпорной стенкой, хорошо читается профессионально сделанная вертикальная планировка: от железнодорожного полотна поднимаются плавные пандусы, уклон террасирован широкими ступенями, обращенными к условному перрону, – потенциальных пассажиров должны были встречать зеленные террасные цветники. Фонтан находится в центре круглой площади и на пе-

^ Рис. 15. Вокзал в Красноводске. Графическая реконструкция А. Шаргородской

^ Рис. 16. Вокзал в Асхабаде. Графическая реконструкция А. Шаргородской

ресечении композиционных осей – широких проездов, оформленных высоким бордюрным камнем. Рядом со строящимся зданием вокзала сложены штабеля бутового камня; удивительно, что площадь с фонтаном – работающим – сделали в первую очередь. Не менее странно полное отсутствие солнцезащитных тентов и террас. Вокруг – до горизонта – абсолютная пустыня, тем впечатляюще выглядит этот островок цивилизации. Вероятно, фонтанами оформлялись выходы артезианских скважин. Очевидно, что без воды станцию строить было немыслимо, но удивляет избыточность и старательность ландшафтного дизайна. Водоемы и водокачки заметны на фотографиях станции Байрам-али [3, л. 36].

На панорамных фотографиях станции Асхабад видны одноэтажные многочисленные станционные постройки с плоскими (а не скатными, как в Узун-Аде) крышами и две вертикальные доминанты – водокачка и наискосок от нее – через железнодорожные пути – нефтекачка. Водокачка (рис. 16) – двухъярусная башня (каменный низ, деревянный верх, мощные готические кронштейны) была бы типична для Транссиба, если бы нижний ярус был сложен из кирпича, а не из лёссовых квадров. Нефтекачка – массивная квадратная в сечении башня с каменным остовом, увенчанная срубом с двускатной крышей (отметим, что ничего похожего в Приморье и Приамурье не строили). Рядом – круглая цистерна для нефти [3, л. 18–20]. На станции Гяурс [3, л. 21] нефтяная цистерна установлена на высокую сквозную конструкцию из бревен.

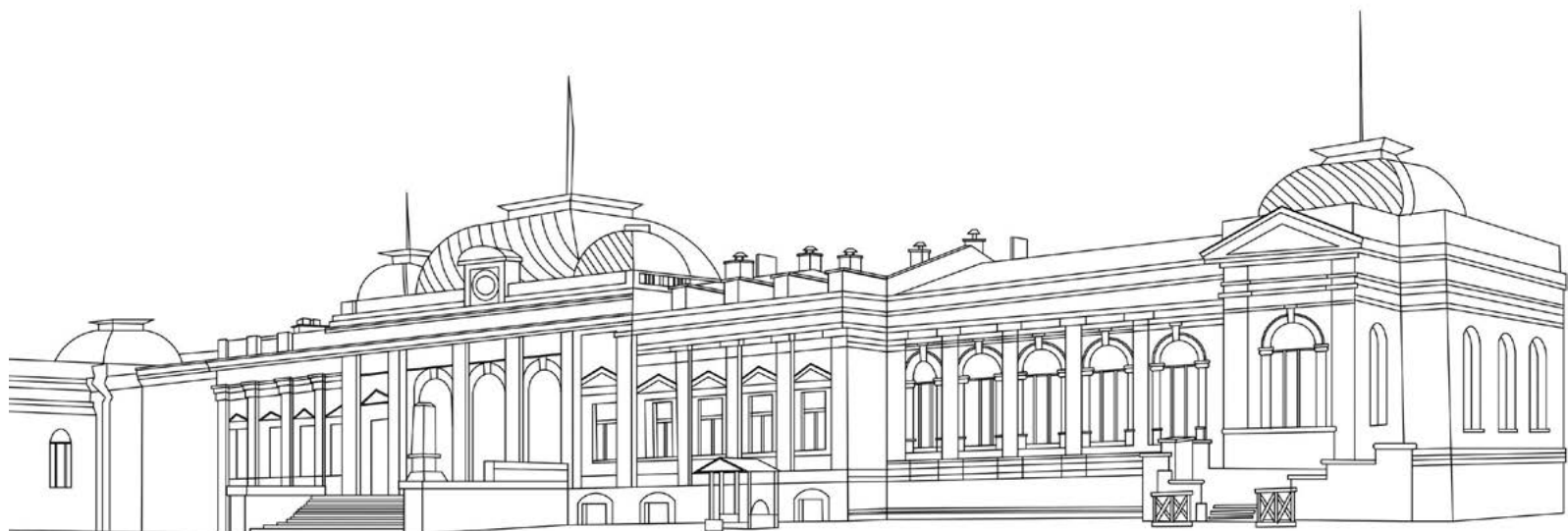
При строительстве вокзала в Асхабаде [3, л. 17] – будущей столице Закаспийской области – железнодорожные инженеры оставили неомавританские эксперименты и обратились к привычному русскому глазу усадебному палладианству (рис. 16). Схема здания воспроизводит классическую (дворцовую) трехчастную структуру: главный объем и два боковых флигеля под треугольными фронтонами. Ось симметрии зафиксирована полукруглым фронтоном с круглым окном-проемом и флагштоком, центральный вестибюль перекрыт куполом, – возможно, это первый «барочный» купол Туркестана. Обращает внимание странный широкий глухой карниз на консолях-кронштейнах, отрезающий плоскость фасадов

от крыши и еще более «придавляющий» распластанную по горизонтали постройку. Высокий цоколь, большие арочные окна (15 проемов на фасаде, обращенном к перрону), входная группа оформлена приставным портиком с дорическими полуколоннами. На центральной композиционной оси ансамбля, прямо перед главным входом, организован круглый бассейн с работающим фонтаном.

Хотелось бы предположить, что вокзалы в Красноводске, Асхабаде и Ташкенте (рис. 17) имеют общий источник вдохновения – все они трехчастной структурой развернутого по горизонтали фасада и купольным завершением главного объема напоминают ташкентский дворец сосланного в Туркестан великого князя Николая Константиновича (рис. 18), но авторы статьи хорошо помнят, что не следует «вчитывать» в исторические объекты собственные догадки и домыслы.

Русские железнодорожные города разбивались рядом с традиционными селениями коренных жителей. Типичный туркменский кишлачок («недавно покоренный Ахал-Текинский оазис») Кауфман, обладавший замечательно зорким глазом и умением четко фиксировать архитектурные особенности новых культурных ландшафтов, описывает так: «...светло-серые глинобитные стены, светло-серые глинобитные домики с плоскими или куполообразными крышами». Наряду с глинобитными саклями он отмечает камышовые юрты, где туркмены проводят лето. В описании сартовских и узбекских селений Кауфман упоминает кубообразные сакли и чайханы с навесами, а также «соблюдение некоторого стиля: глухие стены, окружающие каждую усадьбу, прерываются небольшими башенками или пилястрами с куполообразными верхушками, вызывающими отдаленное представление о чудных самаркандских мечетях и могиле Тамерлана». Отмечается присущие сартрам «стремление к комфорту и изяществу», особенно впечатлили Кауфмана «небольшие пруды, устраиваемые по краям кишлаков, с аккуратными разровненными площадками, окруженными густыми деревьями и покрытыми дешевыми коврами, где сартр кайфует в тени» (повседневные практики, не представимые для дальневосточных колонистов) [19, с. 255].

После Бухары ландшафты вдоль железной дороги становились все населеннее и живописнее: от Бухары

до Самарканда в прославившейся своим плодородием Зеравшанской долине «кишлаки стоят вплотную друг к другу, а усадьбы с их глинобитными стенами и куполообразными крышами располагаются гораздо гуще. Зеравшанская долина с «нарезанными на мелкие квадратики полями» внезапно напоминают Кауфману Северную Италию, «где точно так же мелкие полоски полей чередуются с аллеями и с куртинками насаженного леса», а «сартры и их культура напоминают... китайцев на нашем Дальнем Востоке» [23, с. 255].

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что «государствообразующий» статус национального стиля четко артикулировался только на Транссибе, а КВЖД и туркестанские линии железной дороги оформлялись более эклектично.

Заключение

Приамурский край является частью (неотчуждаемой) Российской Федерации, в то время как Желтороссия вместе с КВЖД и русскими городами вернулась КНР, а территория бывшего Туркестана распалась на независимые государства, так что сегодня статус «архитектуры фронта» везде различен. Где-то это охраняемые законом памятники архитектуры и основа пресловутой локальной идентичности, а где-то – наследие колонизаторов и оккупантов, воспринимаемое как свидетельство трагичных и постыдных страниц истории. Если администрация и жители Хэйлуңцзяна (КНР) расценивают русское (европейское) архитектурное наследие как мощный козырь в борьбе за туристические потоки и всячески способствуют изучению и реконструкции памятников (авторы статьи вместе с хабаровскими коллегами из ТОГУ неоднократно участвовали в совместных международных, русско-китайских проектах, связанных с сохранением и популяризацией новой архитектуры Харбина и Даляня), то отношение новой национальной интеллигенции стран Центральной Азии к русскому культурному наследию достаточно скептическое.

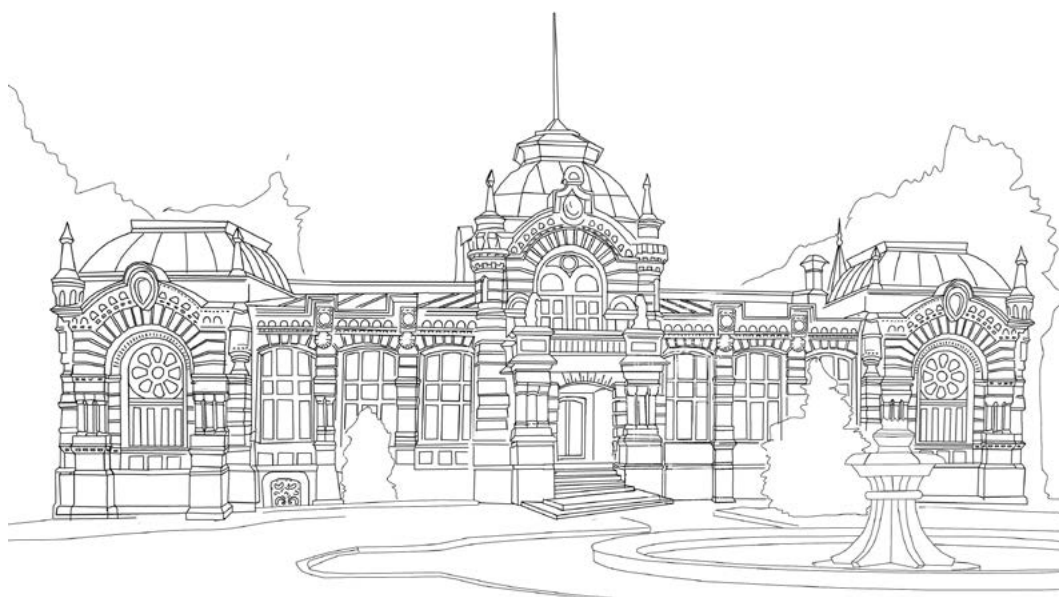
Оптика восприятия все время меняется: архитектуру можно позиционировать как инструмент колониальной культурной экспансии и способ подавления, манипулирования, конструирования имперских локусов и проч. Набор претензий хорошо известен с первой публикации

Э. Саида. Если, по Э. Саиду, ориентализм есть продукт воображения западной культуры, то и русский национальный стиль можно рассматривать как проект вестернизированных столичных интеллектуалов или европейских профессионалов на службе российской администрации. Однако с точки зрения русских архитекторов восточного фронта – зримое свидетельство былого размаха и величия Российской империи.

Литература

1. Великий путь: виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги. Вып. 1: От р. Оби до р. Енисея и Томская ветвь: 124 вида наиболее важных железнодорожных сооружений, городов, селений, типов инородцев и живописных местностей, прилегающих к линии железной дороги, с описанием их, составленным В. А. И-м. – Красноярск: М. Б. Аксельрод и К°, 1899. – 124 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-10839/> (дата обращения: 10.01.2020)
2. Альбом видов постройки средней части Амурской железной дороги: 1910–1914 гг. – Москва: Образование, 1914 [Электронный ресурс]. – URL: http://search.rsl.ru/ru/record/01008524683_relocation.pgrb.ru/bit.ly/2AEkFrK (дата обращения: 10.01.2020)
3. Закаспийская военная железная дорога: [Альбом видов]. – Асхабад, 189?. – 38 л.
4. <https://www.loc.gov/pictures/collection/wtc/related/?fi=subject&q=Railroads> (дата обращения: 15.01.2020)
5. Басс, В. Цех и город. Конкурсы на реконструкцию Николаевского вокзала и петербургская неоклассическая архитектура // Сборник трудов факультета истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 7–21
6. Камалова, Г. М. Архитектура зданий и сооружений Оренбург-Ташкентской железной дороги конца XIX – начала XX века. – Новосибирск, 2006
7. От Петербурга до Камчатки // ЖЖ [Электронный ресурс]. – URL: <https://periskop.su/> (дата обращения: 11.01.2020)
8. Записки скучного человека // Live Journal [Электронный ресурс]. – URL: <https://humus.livejournal.com/> (дата обращения: 11.01.2020)
9. Почему вокзалы – вершина архитектурной мысли. Из курса «Как железные дороги изменили русскую жизнь» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4JT0Lp0KVQA> (дата обращения: 11.01.2020)
10. Открывая Россию: Байкало-Амурская магистраль // Arzamas [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/courses/69> (дата обращения: 11.02.2020)
11. Кауфман, А. А. Новые места и вольные земли. – Пг.: Единение, 1917 [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/45990-kaufman-a-a-novye-mesta-i-volnye-zemli-pg-1917> (дата обращения: 11.02.2020)
12. Мотивы русской архитектуры: альбом [Электронный ресурс]. – URL: <http://wood.totalarch.com/motive/1> (дата обращения: 11.02.2020)
13. <http://nasledie27.ru/novosti-npc/260-obekt-kulturnogo-naslediya-srednyaya-shkola-stancii-vyuzemskaya-ussuriyskoj-zheleznoy-dorogi-1899-g-do-1917-1962-1963-gg.html> (дата обращения: 15.02.2020)

^ Рис. 17. Вокзал в Ташкенте. Графическая реконструкция А. Шаргородской

> Рис. 18. Дворец великого князя Николая Константиновича в Ташкенте (1891 г., архитектор В. Гейнцельмана и А. Бенуа). Графическая реконструкция А. Шаргородской

14. Линия Пивань – Совгавань: альбом НКПС СССР, 1946 г. [Электронный ресурс]. – URL:<http://periskop.su/550762.html> (дата обращения 10.01.2020)
15. Вестник Азии. Вып. 2. – Харбин: Типо-литография Заамурского округа, 1917
16. Кларк, И. С. Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю: в 10 т. – Т. 1, вып. 1: 1906 г. – Санкт-Петербург: Альфарет, 2011. – 402 с.
17. РГИА. Ф. 350. Оп. 16. Д. 929. Пояснительная записка к проекту стропил для черепичных крыш (по китайскому способу)
18. РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 5. Л. 36. План пассажирского здания на станции Харбин
19. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты»: каталог выставки (Санкт-Петербург, 8 сентября – 13 декабря 2015 г.) / авт. ст. Т. Б. Арапова и др.; авт. каталожных описаний А. Т. Адамова. – Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – 511 с.
20. Дмитриев-Кавказский, Л. Е. По Средней Азии: записки художника: с 199 рис. автора. – Санкт-Петербург: А. Ф. Девриен, 1894. – 117 с.
21. Дмитриев-Мамонов, А. И. Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской железной дороге с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги. – Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1903. – 448 с.
22. Духовская, В. Ф. Из моих воспоминаний. – Москва: Захаров, 2019. – 576 с.
23. Кауфман, А. А. По новым местам: очерки и путевые заметки. 1901–1903: в 3 ч. – Санкт-Петербург: Изд. т-ва «Общественная польза», 1905. – 353 с.

References

- Album vidov postroiki srednei chasti Amurskoj zheleznoi dorogi: 1910-1914 gg [The album with the views of the construction of the middle part of the Amur Railway: 1910-1914] (1914). Moscow: Obrazovanie. Retrieved January 10, 2020, from <http://search.rsl.ru/record/01008524683,relocation.pgpb.ru/>, bit.ly/2AEkFpK
- Arapova, T. B. et al. (2015). Podarok sozertsayushchim. Stranstviya Ibn Battuty [A gift to the contemplators. Ibn Battuta's travels]. Exhibition catalogue (Saint Petersburg, 8 September – 13 December, 2015). Saint Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha.
- Bass, V. (2007). Tsekh i gorod. Konkursy na rekonstruktsiyu Nikolaevskogo vokzala i peterburgskaya neoklassicheskaya arkhitektura [The workshop and the city. Competitions for reconstruction of the Nikolaevsky railway station and Petersburg neoclassical architecture]. In Collection of works of the Faculty of Art History of the European University at Saint Petersburg (pp. 7-21). Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge.
- Dmitriev-Kavkazskiy, L. E. (1894). Po Srednei Azii: zapiski khudozhnika [Around Middle Asia: The artist's notes]. Saint Petersburg: A. F. Devrien.
- Dmitriev-Mamonov, A. I. (1903). Putevoditel po Turkestanu i Sredne-Aziatskoj zheleznoi doroge s istoricheskim ocherkom sooruzheniya i ekspluatatsii Zakaspijskoj voennoi zheleznoi dorogi i ocherkom sooruzheniya Orenburg-Tashkentskoj zheleznoi dorogi [Guide around Turkestan and the Middle-Asian Railway with a historical sketch about the construction and use of the Trans-Caspian Military Railway and a sketch about the construction of the Orenburg-Tashkent Railway]. Saint Petersburg: Tipografiya I. Goldberga.
- Dukhovskaya, V. F. (2019). Iz moikh vospominanii [From my memories]. Moscow: Zakharov.
- Kamalova, G. M. (2006). Arkhitektura zdaniy i sooruzhenii Orenburg-Tashkentskoj zheleznoi dorogi kontsa XIX – nachala XX veka [Architecture of buildings and structures of the Orenburg-Tashkent railway of the late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk.
- Kaufman, A. A. (1905). Po novym mestam: ocheerki i putevye zametki. 1901-1903: v 3 ch. [Around

new places: Sketches and travel notes. 1901 – 1903: in 3 parts]. Saint Petersburg: Izd. t-va "Obshchestvennaya polza".

Kaufman, A. A. (1917). Novye mesta i volnye zemli [New places and open lands]. Petrograd: Edinenie. Retrieved February 11, 2020, from <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/45990-kaufman-a-a-novye-mesta-i-volnye-zemli-pg-1917>

Klark, I. S. (2011). Sputnik po Sibiri, Manchzhurii, Amuru i Ussuriiskomu krayu: v 10t. [Guide to Siberia, Manchuria, Amur and Ussuri Krai: In 10 vols.]. Vol. 1, issue 1: 1906. Saint Petersburg: Alfaret.

Library of Congress (n.d.). Retrieved January 15, 2020, from <http://www.loc.gov/pictures/collection/wtc/related/?fi=subject&q=Railroads>

Liniya Pivan – Sovgavan [Pivan – Sovgavan Line] (1946). Album NKPS SSSR. Retrieved January 10, 2020, from <https://periskop.su/550762.html>

Motivy russkoi arkhitektury [Motifs of Russian architecture] (n.d.). Album. Retrieved February 11, 2020, from <http://wood.totalarch.com/motive/1>

Object of cultural heritage "Secondary school of Vyazemskaya station of the Ussuri Railway", 1899; until 1917, 1962-1963 (n.d.). Retrieved February 15, 2020, from <http://nasledie27.ru/novosti-npc/260-obekt-kulturnogo-naslediya-srednyaya-shkola-stancii-vyazemskaya-ussuriyskoy-zheleznoy-dorogi-1899-g-do-1917-1962-1963-gg.html>

Otkryvaya Rossiyu: Baikal-Amurskaya magistral [Discovering Russia: Baikal-Amur Railway] (n.d.). Retrieved February 11, 2020, from <https://arzas.academy/courses/69>

Ot Peterburga do Kamchatki [From Saint Petersburg to Kamchatka] (n.d.). Livejournal. Retrieved January 11, 2020, from <https://periskop.su/>

Pochemu vokzaly – vershina arkhitekturnoi mysli [Why railway stations are the high-water mark of architectural thought] (n.d.). In How railways changed the Russian life. Retrieved January 11, 2020, from <https://www.youtube.com/watch?v=4JToLpOKVQA>

RSHA (Russian State Historical Archive). Fund 323. Inv. 11. File 5. L. 36. Plan passazhirskogo zdaniya na stantsii Kharbin.

RSHA. Fund 350. Inv. 16. File 929. Poyasnitelnaya zapiska k proektu stropil dlya cherepichnykh krysh (po kitaiskomu sposobu).

Velikiy put: Vidy Sibiri i Velikoi Sibirskoi zheleznoi dorogi [The great way: Views of Siberia and the Great Siberian Railway] (1899). Issue 1. Krasnoyarsk: M. B. Akselrod i Ko. Retrieved January 10, 2020, from <http://elib.tomsk.ru/purl/1-10839/>

Vestnik Asii [Asia Newsletter] (1917). Issue 2. Harbin: Tipo-litografiya Zaamurskogo okruga.

Zakaspiiskaya voennaya zheleznyaya doroga [Trans-Caspian Military Railway] (189?). Album of views. Askhabad.

Zapiski skuchnogo cheloveka [Dull man's notes] (n.d.). Retrieved January 11, 2020, from <https://humus.livejournal.com/>

Статья посвящена российским инженерам различной специализации, работавшим на северо-востоке Китая в Маньчжурии в первой половине XX века, чья профессиональная деятельность в той или иной степени была связана со строительством банковских учреждений. Приводятся краткие сведения о В. И. Бабие, С. А. Венсане, Г. В. Голованове, П. Л. Егорове, В. И. Калабановском, Ю. К. Керо-Оре, И. И. Кораблеве, В. В. Корягине, С. И. Масленникове, С. Н. Пешкове, В. А. Рассушине, П. С. Сафарянце, Д. В. Ускове, Б. А. Чернявском и П. А. Щелкове. Рассматривается значение их деятельности в развитии архитектуры объектов данного типа, а также во внедрении передовых инженерных новшеств в строительную практику в Маньчжурии.

Ключевые слова: инженеры; Маньчжурия; Китай; банки; архитектура. /

The article tells us about Russian engineers of different specializations, who worked in the north-east of China, in Manchuria, in the first half of the 20th century, and whose professional activities were related to building banking institutions. It provides brief information about V. I. Baby, S. A. Vensan, G. V. Golovanov, P. L. Egorov, V. I. Kalabanovsky, Yu. K. Kero-Or, I. I. Korablev, V. V. Koryagin, S. I. Maslenikov, S. N. Peshkov, V. A. Rassushin, P. S. Safaryants, D. V. Uskov, B. A. Chernyavsky and P. A. Shchelkov. The article highlights the impact of their activities on the development of architecture of financial institutions, as well as on introduction of engineering innovations into the building practice in Manchuria.

Keywords: engineers; Manchuria; China; banks; architecture.

Русские инженеры – строители банков Маньчжурии / Russian engineers – builders of banks in Manchuria

Архитектурное наследие выпускников русских архитектурных и инженерных школ в Китае масштабно и многогранно [1], но особенно оно проявилось в Маньчжурии. Время сохранило немало зданий и сооружений различной типологии, многие из которых до сих играют важную роль в формировании архитектурного облика исторических районов Харбина, Даляня и других крупных городов на северо-востоке Китая. Особое место среди них занимают здания русских и иностранных банковских учреждений, строившиеся по проектам и при участии русских инженеров.

Политика иностранных государств, направленная на продвижение своих экономических интересов в Китае, способствовала формированию на его территории коммерческих и финансовых институтов, в частности банковской системы западного образца, что закономерно привело к появлению зданий соответствующего типа для их размещения. Первые подобные объекты стали возводиться на территории крупных европейских колоний, сэттльментов и концессий в середине XIX века, на базе которых сформировались крупнейшие мировые финансовые центры – Шанхай и Гонконг, постройки которых оказали существенное влияние на дальнейшее развитие архитектуры Китая [2, 3].

Однако территория Маньчжурии фактически до начала XX века была исключена из этого процесса. Во многом этому способствовала изоляционистская политика маньчжурской династии Айсинь Гьоро – императоров Цин, для которых эта территория являлась родовой вотчиной и на которой запрещалось селиться ханьцам. Все это обусловило слабую заселенность территории и, как следствие, отсутствие крупных финансовых центров и развитой сети транспортных и торговых коммуникаций, что в купе с удаленностью от основных торговых баз стран Европы привело к отсутствию интереса последних к этой территории.

Уже к концу XIX века Россия и Япония, относительно поздно включившиеся в гонку за колонии, начали проявлять интерес к Маньчжурии, где в 1897 году Российская империя начала прокладку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), вслед за чем последовало как строительство новых городов, так и развитие существующих

поселений, расположенных вдоль железнодорожной линии. В целом именно в этот период была заложена планировочная структура европейских районов большинства крупных китайских городов на линиях КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), которую позже продолжили развивать японцы [4]. Одновременно начался приток иностранного, в первую очередь русского и японского, населения, требовавшего финансовых и политических институтов западного образца, что привело к формированию новых типологий сооружений, таких как банки, консульства и т. д. [5, 6].

Существенную роль в развитии региона оказал Русско-Китайский банк, финансировавший строительство железнодорожной линии и являющийся ее бенефициаром, что отразилось в присутствии его офисов в большинстве поселений на линии КВЖД. На начальных этапах деятельность Русско-Китайского банка была направлена исключительно на обслуживание интересов КВЖД, что уже к концу 1900-х годов привело к появлению частных банков, обслуживающих население, а также промышленников и коммерсантов. На начальных этапах они в основном были представлены российскими и японскими организациями, однако по мере экономического развития Маньчжурии и превращения Харбина в открытый город в регион пришли крупные международные банковские корпорации. Параллельно им развивалась банковская система Китая, которая перешла на западный образец развития только на рубеже XIX – XX веков и в основном обслуживала интересы только китайской части населения и, как правило, не выходила за пределы китайской части города [7].

Уже на начальных этапах развития крупные банки стали строить специально спроектированные здания для банковских учреждений с выраженной типологией. Подобные объекты строились, как правило, в русле передовых западноевропейских и русских архитектурных течений, но в то же время имели свои уникальные особенности, сложившиеся под влиянием местных условий и специфики развития разных городов региона. В то же время мелкие банки, ссудные и сберегательные общества могли размещаться как в доходных домах, так и в небольших конторах. Учитывая, что существенная доля построек

текст
Михаил Базилевич
Антон А. Ким
text
Mikhail Bazilevich
Anton A. Kim

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00316.

б

а

^ Рис. 1. Здание отделения японской компании «Тайтачи Лимитед», в котором размещался филиал Японской колониальной банковской корпорации (а – первоначальный вид; б – современное состояние)

в европейских кварталах в границах линии отчуждения КВЖД проектировалась русскими архитекторами и инженерами, сложно переоценить их вклад в развитие архитектуры банковских учреждений региона.

Профессиональную деятельность русских инженеров, связанную со строительством зданий банковских учреждений в Маньчжурии, можно условно разделить на три направления. Первое из них связано непосредственно с разработкой проектов и осуществлением надзора за проведением строительных работ. Второе включает деятельность по инженерному обеспечению и эксплуатации зданий банковских учреждений. Третье – обеспечение работы самих банковских организаций, размещавшихся в этих зданиях.

К первому направлению относится деятельность инженеров С. А. Венсана, С. Н. Пешкова, В. В. Корягина, Г. В. Симоненко, Е. А. Уласовца, В. А. Рассушина, П. А. Щелкова и П. С. Сафарянца.

Выпускник Петербургского института гражданских инженеров Сергей Александрович Венсан известен на Дальнем Востоке своими многочисленными постройками, среди которых следует отметить коммерческое училище во Владивостоке, отель «Модерн», Гириновское дипломатическое бюро, особняк В. Ф. Ковальского, здание фабрики Лопато в Харбине [8]. В 1919 году в Харбине, в районе Даоли (бывшая Пристань), на углу улиц Тоулун (бывшая

v Рис. 2. Чосен-банк (Bank of Chosen) в Харбине

Сквозная) и Дидуань (бывшая Участковая), по проекту С. А. Венсана было построено трехэтажное здание отделения японской компании «Тайтачи Лимитед», в котором размещался филиал Японской колониальной банковской корпорации («Дунъян Туочжи»).

Сооружение представляет собой пример архитектуры дальневосточного модерна с характерными для него свободой построения планировочной композиции и декором в пластической проработке уличных фасадов. Здание долгое время являлось градостроительной доминантой в застройке ул. Дидуань. Его срезанный угол, обращенный на перекресток, первоначально был акцентирован высоким башнеобразным объемом, придававшим силуэту постройки особую экспрессию и монументальность (рис. 1а). Со временем он был утрачен, а вокруг здания выросли дома большей этажности, в результате чего оно утратило свое композиционное значение (рис. 1б).

Еще одним банковским зданием, построенным в Харбине русскими инженерами, стал корпус основного отделения Японо-Корейского банка (Bank of Chosen – Чосен-банк), которое открылось в 1916 году в районе Даоли на ул. Дидуань [9]. Его строительством занималась Техничко-строительная контора Семена Никифоровича Пешкова. Сооружение является образцом архитектуры эклектики, в пластической проработке уличных фасадов заметно влияние модерна и репрезентативной архитектуры. В 1964 году с южной стороны к зданию был пристроен двухэтажный объем несколько изменивший характер его планировочной композиции.

В 1939 году инженер-строитель В. В. Корягин вместе со своим компаньоном инженером Г. В. Симоненко осуществлял строительство здания банка Сельскохозяйственного кооператива в районе Нанган (бывший Новый город) на ул. Иньхан (бывшая Банковская), напротив здания «Ямато-отеля». Автором проекта являлся инженер-архитектор Е. А. Уласовец [10]. Как и большинство построек русских архитекторов-инженеров в этом районе, здание банка построено в стилистике дальневосточного модерна. Сооружение сохранилось и, благодаря своей выразительной объемной композиции, основанной на сочетании разновеликих блоков переменной этаж-

< Рис. 3. Здание банка Сельскохозяйственного кооператива в Харбине

ности, эффектно воспринимается на фоне современной застройки улицы (рис. 3).

Установлено, что русские инженеры принимали участие в строительстве ряда зданий банковских учреждений в Харбине. Так, в 1925–1926 годах в районе Пристань по ул. Шиэрдао, 48 (бывшая Мостовая), строилось здание Международной банковской корпорации (с 1927 года международный Ситибанк Нью-Йорка). Автором проекта являлся ирландский инженер-архитектор Хауард-Форд Франк Ричардович, получивший профессиональное образование в Итонском колледже и Парижском университете, а организацией и проведением строительных работ занимался контора архитектора Ховарда, где в то время работал инженер-строитель П. А. Щелков, курировавший данный объект.

Трехэтажное здание банка соответствует типологии подобных учреждений рассматриваемого периода (рис. 4), а его объемно-композиционное решение во многом пересекается с архитектурой зданий Международной банковской корпорации в Тяньцзине, Пекине, Шанхае, Гонконге, Шэньяне и других городах Китая. Строго симметричный фасад отличается лаконизмом и минимальным применением декоративных элементов, что выделяло здание на фоне окружающей застройки в стиле дальневосточного модерна. Портал оформлен четырехколонной ионической колоннадой, фланкированной плоскостью стены с оконными проемами и пилястрами. На уровне третьего этажа над интерколумнием расположены спаренные прямоугольные окна, визуально увеличивающие высоту этажа и задающие вертикальное членение. Горизонтальное членение подчеркивают фризом над колоннадой и горизонтальными тягами, визуально отделяющими третий этаж от нижних уровней и парапета. Ось симметрии акцентируется фронтоном в виде картуша, расположенного на парапете.

В ходе реконструкции здание лишилось своего декора при сохранении общей объемно-пространственной композиции. Были утрачены элементы ионической колоннады, филенки, пилястры, фронтоны, архитектурные обломы. Однако планировочная структура, изначально предназначенная для банковских учреждений, позволила сохранить функционально назначение объекта – сегодня

здесь располагается филиал Промышленного и коммерческого банка Китая.

Также удалось установить, что в конце 1920-х годов на строительстве здания Кооперативного банка в городе – спутнике Харбина Фуцзядяне работал инженер путей сообщения Иван Иванович Кораблев. К сожалению, отсутствие достаточного количества архивных материалов не позволяет пока установить точное место нахождения этого объекта. Не исключено и то, что он был утрачен в ходе поздних перестроек исторических районов Харбина во второй половине XX века.

Гражданский инженер Владимир Александрович Рассушин является автором проекта здания Ситибанка Нью-Йорка в Мукдене (ныне Шэньян). Сооружение было построено в 1928 году в районе Хэпин. Его двухэтажный, практически квадратный в плане объем из монолитного железобетона декорирован в формах классической архитектуры. Отличительной особенностью постройки является шестиколонная ионическая колоннада, украшающая главный фасад (рис. 5). В 1935 году организация ушла из Шэньяна. Некоторое время в здании размещался офис компании Shenyang Timber, а в настоящее время оно переоборудовано под отель.

Другой аспект профессиональной деятельности русских инженеров, связанной со зданиями банковских учреждений в Маньчжурии, состоит в проведении работ по эксплуатации объектов и устройству инженерных систем. Так, например, техники-строители Павел Яковлевич Егоров [11] и Павел Сергеевич Сафарянц [12] в 1910-е годы служили в Русско-Азиатском банке Харбина. Инженер путей сообщения Борис Александрович Чернявский, работавший в городе после окончания дорожно-строительного факультета Харбинского политехнического института (ХПИ) выполнял работы по устройству центрального отопления в здании Итун-банка [13]. Длительное время (1931–1941) выпускник ХПИ Георгий Вениаминович Голованов работал механиком в харбинском отделении Гонконг-Шанхайского банка [14]. Другой выпускник ХПИ, инженер-строитель Владимир Иванович Бабий, работал в Главном государственном народном банке инженером и архитектором, выполнял проекты

^ Рис. 4. Здание Международной банковской корпорации (б – вид после превращения в Ситибанк Нью-Йорка; в – современное состояние)

банковских зданий в Харбине и других городах Маньчжурии [15].

В ходе исследования также установлено, что некоторые русские инженеры являлись акционерами и членами правлений рассматриваемых банковских организаций в Харбине. К примеру, выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения (ИИПС) Владимир Константинович Калабановский [16] и техник-строитель Александр Адамович Мясковский [17] состояли в правлении Пригородного банка. Техник-строитель Даниил Васильевич Усков [18] входил в правление банка Общества домовладельцев, а в 1937 году выпускник ИИПС Семен Иванович Масленников принимал участие в работе правления этого банка в качестве представителя вкладчиков [19].

Проведенное исследование позволило впервые представить разноплановую картину профессиональной деятельности русских инженеров, работавших на строительстве зданий банковских учреждений Маньчжурии в первой половине XX века, а также ввести в научный дискурс ранее не публиковавшиеся факты творческих

в Рис. 4а. Здание Международной банковской корпорации. Первоначальный вид

биографий ряда выпускников инженерных школ Москвы, Санкт-Петербурга и Харбина, являвшихся основными источниками инженерных кадров для региона в рассматриваемый период. Безусловно, русская инженерная школа внесла значительный вклад в развитие архитектурного и инженерного дела в Китае, что и было показано на примере одной типологической группы объектов – зданий банковских учреждений.

Литература

1. Крадин, Н. Русский архитектор В. Г. Юрьев в Циндао // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 148–156
2. Багина, Е. Острова в океане // Проект Байкал. – 2017 – № 54. – С. 72–80
3. Kim, A. A., Luckova, V. I. Assimilation of traditional architecture influenced by the imported styles // A[Z] ITU Journal of Faculty of Architecture. – 2018. – Vol. 15. – N 3. – P. 71–80.
4. Smolianova, T. A., Kim, A. A. The formation of European settlements in China in the second half of the 19th–the first half of the 20th century and the features of their development in Manchuria [Electronic resource] // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2021. – Vol. 1079. – Chap. 1. – DOI: 10.1088/1757-899X/1079/2/022047
5. Smolianova, T. A., Kradin, N. P. Buildings of consular institutions as part of the historical appearance of Dalian (Manchuria) [Electronic resource] // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2018. – Vol. 463. – Iss. 2. – DOI: 10.1088/1757-899X/463/2/022082
6. Tseluiko, D. S. The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945) [Electronic resource] // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Vol. 962. – DOI: 10.1088/1757-899X/962/3/032078
7. Bazilevich, E. M., Kim, A. A. The Architecture of Harbin's first banking institutions. Fujiadian district [Electronic resource] // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2021. – Vol. 1079. – Chap. 1. – DOI: 10.1088/1757-899X/1079/2/022045
8. Крадин, Н. П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. – 365 с.
9. Базилевич, М. Е., Ким, А. А. Особенности архитектуры банковских учреждений Харбина первой трети XX века [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2020. – № 3(71). –DOI: 10.47055/1990-4126-2020-3(71)-9
10. Крадин, Н. П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2018. – 380 с.

^ Рис. 5а. Здание Ситибанка Нью-Йорка в Шэньяне. Первоначальный вид

11. ГАХК. Ф.830. Оп. 3. Д. 14271
12. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3380
13. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 52069
14. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д.10349
15. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2178
16. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 18754
17. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 32502
18. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 48711
19. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 29628

References

Bagina, E. (2017). Islands in the Ocean. *Project Baikal*, 14(54), 72-80. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1253>

Bazilevich, M. E., & Kim, A. A. (2020). Osobennosti arkhitekturnykh bankovskikh uchrezhdenii Harbina pervoi treti XX veka [Peculiarities of architecture of banking institutions in Harbin of the first third of the 20th century]. *Architecton: izvestiya vuzov*, 3(71). DOI: 10.47055/1990-4126-2020-3(71)-9

Bazilevich, E. M., & Kim, A. A. (2021). The Architecture of Harbin's first banking institutions. Fujidian district. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* (Vol. 1079, Chap. 1). DOI: 10.1088/1757-899X/1079/2/022045

Kim, A. A., & Luckova, V. I. (2018). Assimilation of traditional architecture influenced by the imported styles. *AJZ ITU Journal of Faculty of Architecture*, 15(3), 71–80.

Kradin, N. P. (2010). Harbin – russkaya Atlantida [Harbin: Russian Atlantis]. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya.

Kradin, N. (2018a). Russian architect V. G. Yuryev in Qingdao. *Project Baikal*, 15(56), 148-156. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1342>

Kradin, N. P. (2018b). Russkie inzheneri i arkhitektory v Kitae [Russian engineers and architects in China]. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya.

SAKhK (State Archive of Khabarovsk Krai). Fund 830. Inv. 3. File 2178.

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 3380.

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 10349.

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 14271.

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 18754.

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 29628.

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 32502.

^ Рис. 5б. Здание Ситибанка Нью-Йорка в Шэньяне. Современное состояние

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 48711.

SAKhK. Fund 830. Inv. 3. File 52069.

Smolianinova, T. A., & Kim, A. A. (2021). The formation of European settlements in China in the second half of the 19th–the first half of the 20th century and the features of their development in Manchuria. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* (Vol. 1079, Chap. 1). DOI: 10.1088/1757-899X/1079/2/022047

Smolianinova, T. A., & Kradin, N. P. (2018). Buildings of consular institutions as part of the historical appearance of Dalian (Manchuria). *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* (Vol. 463, Iss. 2). DOI: 10.1088/1757-899X/463/2/022082

Tceluiko, D. S. (2020). The architecture of banking institutions in Changchun city (1932–1945). *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* (Vol. 962). DOI: 10.1088/1757-899X/962/3/032078

Деревянное зодчество рассматривается как основа русской культурной идентичности, дается краткий экскурс в историю его сохранения. В качестве современных примеров сохранения деревянной городской застройки рассмотрен проектный и практический опыт Иркутска, Томска, Няндомы и Таллина. К потерям последнего времени автор относит начавшийся снос уникального рабочего поселка Чагода, выстроенного из дерева в стиле конструктивизма. Подчеркивается необходимость коренной общественной переоценки национальных ценностей и традиционного русского деревянного дома.

Ключевые слова: деревянный городской дом; музеефикация деревянных сооружений в СССР; 130-й квартал Иркутска; проекты сохранения и реконструкции деревянных жилых построек в Томске и Няндоме; реконструкция района Каламая в Таллине, поселок Чагода. /

Wooden architecture is regarded as a basis for Russian cultural identity. A short journey into the history of its preservation is made. The design and practical experiences of Irkutsk, Tomsk, Nyandoma and Tallinn are viewed as contemporary examples of preservation of wooden urban houses. The author considers starting demolition of the unique workers' settlement Chagoda built from wood in the constructivist style to be one of the recent losses. The article points out the necessity of cardinal public reevaluation of national values and a traditional Russian wooden house. **Keywords:** urban wooden house; museification of wooden structures in the USSR; 130 Quarter in Irkutsk; projects of preservation and reconstruction of wooden houses in Tomsk and Nyandoma; reconstruction of Kalamaja neighborhood in Tallinn; Chagoda settlement.

^ Рис. 1. Муром. Улица. Фото автора. 2005

Городской деревянный дом и его судьба / The urban wooden house and its fate

ТЕКСТ
Мария Нащокина /
text
Maria Nashchokina

«Не так уж давно было время, когда жизнь человека целиком определяло дерево. Русь со своими белокаменными храмами все же называлась деревянной: из дерева делался крестьянский дом, из дерева выдалбливалась детская колыбель, вырезались чашки и ложки, стругались доски для домино» [4, с. 5], – так писали архитекторы-реставраторы 1970-х гг., создававшие музей деревянного зодчества в подмосковной Истре. Как тут не вспомнить, что деревянный дом на Руси считался более здоровым, чем каменный, а в средние века даже в богатых боярских усадьбах жилые помещения располагались в деревянных постройках или надстройках над каменными подклетами и этажами (всем известные каменные дома XVII века во Пскове служили лишь основанием не дошедших до нас деревянных жилых этажей). Когда уже в Новое время некоторые помещики-филантропы пытались переселить своих крестьян в каменные дома, чтобы уберечь от частых пожаров, те, искренне полагая, что их хотят извести в нездоровых каменных домах, пре-

зрительно превращали новостройки в нужники. Светелки, теремки, повалуши, башенки – а это все деревянные сооружения – во многом сформировали представления народа о красоте в архитектуре. Исторически сложившийся приоритет деревянного дома, его красота и легкость возведения превратили его в традиционный национальный тип жилья, сравнительно мало изменявшийся с течением времени и органично вошедший в совокупный зрительный образ России. А. С. Пушкин замечал: «Наружный вид русской избы мало переменялся со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его «Путешествию». Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году» [8].

И все же в каждом из регионов нашей страны деревянный дом имел свои образные, художественные и строительные особенности, обеспечивая и развивая богатство традиционной народной культуры. В Новое время он стал меняться под влиянием городской культуры, впитывать стилевые черты времени, что выражалось в его

> Рис. 4. Москва. Наличник деревянного жилого дома в районе Божеедомки. 1970-е

> Рис. 5–6. Иркутск. Наличники деревянных домов. 2013

образе и декоративном убранстве, хотя основа – сруб с прирубами, наличниками и крыльцами, по существу, оставалась прежней (рис. 1–3). Нарышкинский стиль и елизаветинское барокко вплели в наличники городских домов сочный растительный декор (рис. 4–6); почти столетняя эпоха классицизма ознаменовалась рождением «деревянного ампира» [13] (рис. 7) (ампирная Москва после пожара 1812 года была в значительной степени отстроена из дерева), а развитие русского стиля привело к появлению многочисленных мезонинов и широкому использованию нарядной пропиленной резьбы [4, с. 6]. Впрочем, эти перемены не изменили главного – сословной универсальности деревянного жилища, его приспособленности к российским морозам и сравнительной простоты возведения и ремонта. Все это обусловило традиционность и национальную самобытность русского деревянного жилого дома.

Благодаря лесному богатству нашей страны, соответствию деревянного жилища климату и быту русского человека вплоть до Великой Отечественной войны деревянные мещанские, купеческие и дворянские жилые дома еще составляли основной массив жилого фонда не только во многих средних и мелких провинциальных городах, но и городах крупных – губернских. Даже в Москве вплоть до 1970-х годов сохранялись целые деревянные районы (Марьино Роща, Напрудная и Бутырская слободы, Божедомка, Самотека и т. д.), хотя их судьба уже была предрешена: на смену им быстро пришла продукция типового домостроения. Вторая половина XX века и начало XXI века в градостроительстве России ознаменовались широкомасштабной ликвидацией этого «некапитального» жилья и замене его на «капитальные» – многоквартирные кирпичные, блочные или панельные дома. В этом процессе, по революционной инерции «до основания разрушавшем» приметы прежней дореволюционной жизни, виделся в те годы архитектурный и социальный прогресс, в плодотворности и закономерности которого мало кто сомневался.

С началом нового этапа развития капитализма в России, с утверждением права частной собственности на землю, в том числе городскую, с интенсивным развитием строительной отрасли процесс трансфор-

мации облика российских городов сильно ускорился, что особенно наглядно обнажило утраты самобытных градостроительных и архитектурных черт в их облике. Повсеместное агрессивное распространение типовой многоэтажной застройки стало угрозой для сохранения облика исторических городов России с большим процентом уникального деревянного жилья – для Иркутска, Томска, Вологды, Тобольска и некоторых других. Вот лишь несколько примеров. За последние 15–30 лет исчезли почти все самобытные деревянные кварталы Архангельска; практически полностью утрачен деревянный Тобольск вместе с домами, где жили декабристы; угроза уничтожения нависла над интереснейшим деревянным наследием Иркутска – домами с удивительно пластичными и гигантскими по размеру наличниками; быстро тает узорное деревянное наследие Томска (рис. 8–9); исчезают деревянные кварталы центра Саратова с удивительно разнообразными и красивыми домиками и т. д. Традици-

^ Рис. 2–3. Арзамас. Деревянный дом. Общий вид, деталь. 2005

v Рис. 7. Балахна. Деревянный оштукатуренный дом. 2013

^ Рис. 8–9. Томск. Деревянная застройка. 2019

v Рис. 11. Берген (Норвегия). Набережная Брюгген с деревянными тавернами и складами. Объект всемирного культурного наследия

^ Рис. 10. Орхус (Дания). Улица музея «Старый город». 1914

онная городская деревянная застройка быстро уходит и из большинства средних и малых городов России.

Не существует культа национального «русского дома» во всех его ипостасях – будь то величественный северный пятистенок или шестистенок, сравнительно небольшой крестьянский дом Центральной России или казацкий дом, городской деревянный особняк, усадебный дом с мезонинами и портиком или даже нарядная дача конца XIX – начала XX века и ее более скромные советские наследницы 1930–1950-х годов. В связи с масштабами современного многоэтажного строительства вопрос перешел уже в другую плоскость: сохранится ли вообще исторический тип русского деревянного городского жилища?

Осознание уникальности русского деревянного зодчества на государственном и общественном уровне произошло сравнительно недавно – после Великой Отечественной войны. В годы «коттепели» (1956–1964) и в так называемые годы застоя («развитого социализма»), как окрестили впоследствии период правления Л. И. Брежнева (1964–1982), в стране, наконец, возродилось историческое краеведение, возникло Общество охраны памятников истории и культуры (1965) и был принят первый общесоюзный Закон об охране и использовании памятников истории и культуры (1976). Эти десятилетия оказались на редкость плодотворными не только для развития реставрационного дела в нашей стране, но и для инициатив по сохранению деревянного зодчества. Достаточно сказать, что подавляющее большинство музеев деревянного зодчества, которых в нашей стране (увы!) совсем немного, было основано и открыто именно в эти годы – Малые Корелы (1964), Мышкин (1966), Кижы (1966), Витославлицы (1967), Музей народов Забайкалья (1968), Шушенское (1968 – реконструкция и создание музея-заповедника), Тальцы (1969), Хохловка (1969), Щёлково-хутор (1973), Василёво (1976), Нижняя Синячиха (1978), Семеново (1979), Истра (1981), Новосибирск (1981).

Удивительно, но в те далекие 1960–1970-е годы уже была осознана проблема безвозвратной утраты традиционной деревянной городской застройки. В 1976–1977 годах автору довелось участвовать в уникальном проекте

^ Рис. 14. Большая Кремлевская улица – первая улица Тулы.
Рис. автора. 1977

^ Рис. 15. Тула. Деревянная застройка. 1976–1977

v Рис. 12–13. Тула. Музей деревянного зодчества. А. План. В. Вид с восточной стороны. Архитектор М. В. Нащокина при участии Л. А. Потапова, М. В. Енишерлова. Рук. А. В. Воробьев. Фото с макета

– созданию первого в стране музея деревянного городского зодчества в Туле, который был инициирован Тулоблсполкомом и Министерством культуры РСФСР в 1973 году [6, с. 156] (руководитель А. В. Воробьев, автор М. В. Нащокина при участии Л. А. Потапова и М. В. Енишерлова). О создании заповедного участка ценной деревянной застройки в городе в те годы речь не шла; постройки должны были быть перевезены на новое место (выбран был Тульский Кремль). Конечно, с сегодняшней точки зрения это компромисс, но важно подчеркнуть, что уже тогда на высоком государственном уровне осознавалась важность сохранения лучших образцов малоэтажной усадебной деревянной городской застройки, в основном – второй половины XIX – начала XX века, которая обрекалась на скорое безвозвратное исчезновение.

Задание на проект музея городского деревянного зодчества Тулы было, с одной стороны, очень своевременным (в городе начинался снос двух рабочих слобод – Чулковой и Кузнецкой, где сохранялось много исторической деревянной застройки), с другой – безусловно, новаторским: ведь музей городов застройки даже в Европе в те годы насчитывались единицы. Хотя уже в первом в мире музее под открытым небом в шведском Скансене (1885) экспонировалось несколько городских сооружений XVIII – XIX веков, первым музеем, целиком посвященным городской культуре, стал «Старый город» в датском Орхусе (Den Gamle By, 1914) (рис. 10), в который свезены 75 жилых и общественных сооружений из разных городов Дании. В 1937 году в Турку на основе участка сохранившейся исторической деревянной застройки создан Музей ремесел, в который примерно половина сооружений была перевезена из других районов города или воссоздана. После Второй мировой войны создан квартал городских деревянных домов в норвежском Бергене в районе ганзейской набережной Брюгген с раскрашенными в яркие цвета деревянными тавернами и складами, планировка (1070) и внешний архитектурный облик которого не менялись несколько столетий (рис. 11). Музеем сохранившихся фахверковых домиков города Йорка в Англии (ул. Шемблз), музеем исторического города Этыр в Болгарии (1963) и несколькими

музеями в США список музеев деревянной городской архитектуры и быта в те годы практически исчерпывался. К сожалению, после утверждения подробного эскизного проекта тульского музея, тщательного обследования деревянной застройки города и отбора нескольких ярких сооружений для музейной экспозиции, их обмеров и подготовки реставрационной документации (часть построек даже была разобрана и перевезена в Тульский Кремль), работы были остановлены, и музей так и остался на бумаге: наступали другие времена... Больше попыток создать музей деревянной городской застройки в нашей стране не предпринималось (рис. 12–16).

Конечно, за прошедшие полвека в нашей жизни многое изменилось. Вследствие последовательной, почти вековой пропаганды ценностей городской жизни и урбанизации, традиционный деревянный дом в России почти потерял привлекательность в качестве основного жилья. Большинство горожан, да и сельских жителей он не воспринимается как национальное культурное достояние

и эстетическая ценность. Об этом можно судить не только по опросам населения, которое до сих пор, в основном, мечтает переехать в многоквартирные новостройки, но и по дачной застройке последнего времени, в которой преобладают капитальные строения. А если деревянные дома все же строят, состоятельная публика предпочитает отнюдь не русский дом, а финские сборные и немецкие фахверковые дома или швейцарские шале. Понятно почему: и в Скандинавии, и в Швейцарии, и в Германии, и во Франции, и в Италии, да и по всей Европе бытует подлинный культ своего национального дома, который бережно и любовно, до мелочей обихожен и профессионально (!) приспособлен к современным требованиям комфорта. В традиционном доме Европы жить престижно и удобно, что и подталкивает наших соотечественников с развитым комплексом неполноценности, значительно укрепившимся в последние десятилетия, к подражанию. Может, и вправду из великого многонационального государства мы превращаемся в захудалую европейскую

в Рис. 15. Тула. Деревянная застройка. 1976–1977

^ Рис. 18–19. Проект приспособления деревянного жилого дома под элитное жилье. К. В. Манило (ТГАСУ). Рук. Л. С. Романова

v Рис. 17. Иркутск.
Застройка 130 квартала.
2013

провинцию, а «жизнь в провинции страдает от комплекса подражания» [10, с. 183]?

Никто не взывает к нереальной цели сохранения всего существующего в России деревянного жилого фонда; скорее, речь идет об отношении к традиционным культурным ценностям, включая жилище и образ жизни русского провинциального города. Ведь уходит не просто тип постройки, а большая часть национальной культуры, даже не изученная во всей своей глубине и многогранности. Хотя деревянных строений сегодня еще немало в малых и средних городах России, если не воспрепятствовать сейчас их тотальному исчезновению, то процесс окажется необратимым, и мы лишимся наследия, которое сегодня составляет абсолютную ценность любого развитого европейского государства, хорошо понимающего, что сбережение традиционного жилища – одно из важных оснований самобытности национальной культуры.

Сразу скажем, что экономика здесь ни причем. К примеру, в Финляндии деревянные дома в городке Порвоо (Борга) помогает поддерживать государство, активно развивая его туристскую привлекательность, а в Швейцарии, где люди сохраняют и строят традиционные деревянные шале за свой счет, их стоимость намного превосходит стоимость каменного жилья. Словом, дело прежде всего в желании и государственных органов, и городских жителей. Предпочтение многоквартирного городского дома базируется на простых и вполне объективных причинах: любая квартира, пусть даже в неказистой пятиэтажке, оснащена инженерными сетями, которые делают ее априори комфортнее. Однако что мешает сейчас провести инженерные сети в сохранившиеся в центрах исторических городов добротные деревянные дома? Ведь тогда владельцы старинных деревянных домиков сразу превратятся в хозяев городских особняков с приусадебными садами, что сделает их жизнь заведомо комфортнее и, по сути, явится реальным возрождением традиционного образа жизни русского города. Это, кстати, кое-где уже стали понимать сами жители, не желая расставаться с родовыми гнездами. В качестве примера можно привести борьбу московских властей с владельцами деревянных домов в Бутове и успешное переоборудование старых

деревянных домов под комфортное жилье жителями Ефремова, Пlesa и др.

Что же делать, чтобы не потерять безвозвратно значительную часть национального архитектурного наследия?

Справедливости ради скажем, что опыт сохранения городской деревянной застройки у нас все же есть. Сохраняются по мере возможности деревянные домики Суздаля, чему помогает музейный статус города. Аналогичным путем идет набирающий туристическую привлекательность Плес; есть удачные опыты переоборудования деревянных домов в Гороховце, Мышкине, Ярославле, Томске [12]. К сожалению, они единичны. За сохранение ценнейшего деревянного наследия Иркутска не без успе-

^ Рис. 20. Проект приспособления деревянного памятника архитектуры под двухквартирный жилой дом. Н. С. Карпенко (ТГАСУ). Рук. Л. С. Романова

^ Рис. 21. Няндомка. Комплекс первоначальных построек Вологодско-Архангельской линии Северной железной дороги. Станция Няндомка. 1895–1900; 1904–1918; 1920–1930. Проект достопримечательного места. План. Авторы: студенты Д. Мишагина, Т. Попова и Ю. Шушковская (СПб ГАСУ). Рук. Н. М. Петухова

ха борются сибирские архитекторы. Реконструкция 130 квартала Иркутска (2011) – один из ярчайших примеров последнего времени, который может стать своего рода образцом и, будем надеяться, отправной точкой кардинального изменения подхода к исторической деревянной застройке крупных городов страны. 65 деревянных домов, реконструированных в реставрационном режиме на новых фундаментах с небольшим процентом сохранившихся подлинных деревянных деталей, включая 16 воссозданных утраченных строений и около десятка построек, перенесенных из других районов города, в каком-то смысле составили музей городского деревянного зодчества, подобный упомянутым музеям в Турку, Бергене или Йорке. Однако отличие в том, что квартал в целом не является музеем, а потому он стал не столько туристической достопримечательностью (хотя и ею, несомненно!), сколько живым многофункциональным центром притяжения жителей (рис. 17). Размещенные в домах галереи, выставочные залы, кафе, рестораны, музеи и офисы оказались архивостребованными горожанами. Квартал многолюден, в него приходят отдыхать и просто гулять. Для частных инвесторов, финансировавших реставрационные и строительные работы, стало полной неожиданностью, что проект необычайно быстро окупился и стал приносить доход.

Конечно, для сохранения уникального деревянного наследия Иркутска, где стоят целые улицы интереснейших домов, квартал – это капля в море, но именно его успешный опыт дал толчок следующим инициативам. По словам Елены Григорьевой, успех 130 квартала вселяет надежду, «что Иркутск продолжит правильную линию и уже в скором будущем деревянные кварталы центра станут его гордостью, а проектный, строительный и инвестирующий комплексы объединятся в стремлении умножить число комфортных и ярких кварталов города» [1]. Сегодня в Иркутске реализуются сразу три направления, связанных с реконструкцией застройки, в том числе «Иркутские кварталы» [9, с. 90]. Один из основных принципов проекта «Иркутские кварталы»: «Сохранение наследия, бережное отношение к истории. Мы исходим из принципа, что все находящиеся на территории объекты культурного наследия должны быть реставрированы,

а утраченные восстановлены. Так мы сохраним идентичность этого места, идентичность старого Иркутска. Сохраняются исторические красные линии всех улиц» [5, с. 74]. В то же время авторы считают, что «новые объекты не должны имитировать исторические здания. Современная архитектура, в том числе с использованием деревянных материалов, способна украсить город не меньше, чем памятники зодчества. Сочетание нового стиля и объектов наследия может создать уникальное место в городе, привлекательное как для жителей, так и для гостей» [5]. Каков будет результат заявленных инициатив – покажет время.

Пример Иркутска уникален еще и потому, что его замысел и реализация осуществлены высокопрофессиональной командой архитекторов. Два других примера, о которых хотелось бы сказать, появились благодаря подвижнической работе педагогов архитектурных вузов со студентами. Это инициативные работы, которые рассчитаны на общественный резонанс, на изменение отношения к деревянной застройке.

Нет нужды говорить о безусловной ценности деревянной застройки Томска. Но как ее сохранить? Пока на историческое ядро города с его деревянными кварталами уверенно наступают многоэтажные дома. Путь один – инженерное переоборудование и приспособление домов под современные функции и требования комфорта. Однако крупные проектные организации в таких малобюджетных проектах обычно не заинтересованы. К счастью, проектами реновации деревянной застройки Томска уже давно и последовательно занимается профессор Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) Л. С. Романова со своими учениками [12]. Студенческие проекты конца 1990-х годов в основном приспособляли деревянных постройки под общественные нужды – поликлиника, музей, проектные бюро. В проектах последнего времени, как правило, сохраняется жилая функция деревянных домов, долгие годы служивших коммунальным жильем. Однако это уже жилье другого класса, вплоть до элитного. Так, двухэтажный деревянный дом с участком переоборудуется под особняк для одной семьи (300 м²) с отдельным садиком и паркингом (ул. Вершинина, 8)

(рис. 18–19) или превращается в комфортный двухквартирный дом (ул. Войкова, 23) (рис. 20). Студентами проведен весь комплекс обследования зданий, сделаны обмеры, выделены детали, требующие реставрации или воссоздания и даже созданы варианты проектных предложений для отделки интерьеров. Значение этих реальных разработок трудно переоценить: студенческие работы выполнены профессионально, но без материальных затрат. Эти проекты наглядно показывают, что существующие деревянные постройки вполне могут стать востребованным современным жильем, и именно этот путь может спасти уникальный облик старого Томска, продолжив его жизнь в современном мире [11].

Нельзя не обратить внимание еще на одну замечательную студенческую работу, побудительным мотивом которой стала программа Архангельской области «Культура Русского Севера» (2013–2024). Это проект, рассчитанный на возвращение историко-архитектурной ценности и туристической привлекательности уникальному железнодорожному поселку при станции Няндама Вологодско-Архангельского участка Северной железной дороги, созданному по проектам московских архитекторов Л. Н. Кекушева и И. А. Иванова-Шица в 1895–1897 годах. Поселок с эффектными деревянными домами в стиле модерн появился по замыслу строителя дороги – знаменитого Саввы Мамонтова и был заселен «мамонами», как по его фамилии местные жители называли приехавших сюда инженеров, технических работников, железнодорожных служащих и рабочих; теперь это город Няндама.

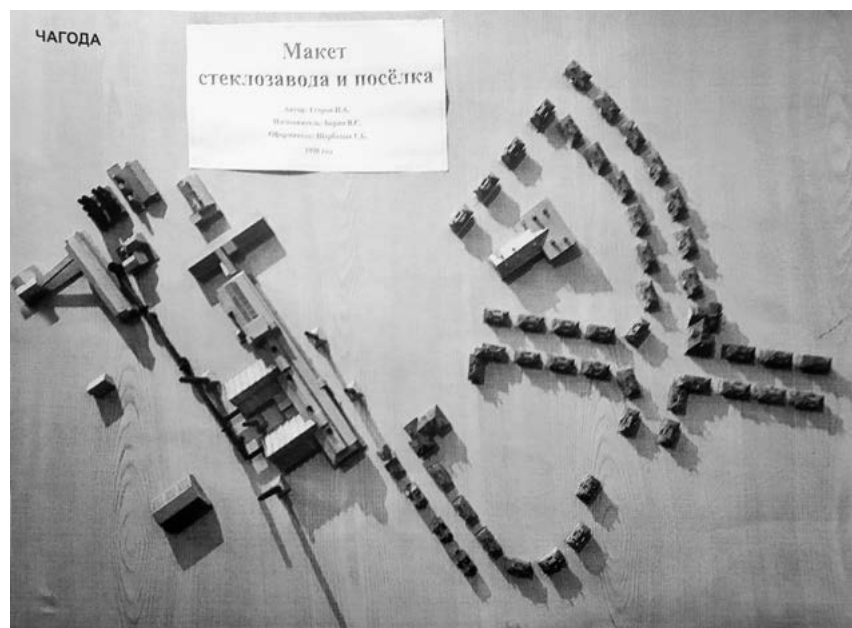
Под руководством главного архитектора проекта «000 Спецреставрация» доцента Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПб ГАСУ) Н. М. Петуховой студентами Д. Мишагиной, Т. Поповой и Ю. Шушковой разработан полномасштабный исследовательский проект старой Няндамы, в котором проанализированы элементы сохранившейся объемно-пространственной структуры поселения, визуальные связи сохранившейся исторической застройки, обозначены диссонирующие объекты и постройки, подлежащие воссозданию, разработаны градрегламенты и предмет охраны достопримечательного места. В резуль-

^ Рис. 22–23. Няндама. Застройка железнодорожного поселка. 2016

тате по поручению губернатора Архангельской области появился реальный проект достопримечательного места «Комплекс первоначальных построек Вологодско-Архангельской линии Северной железной дороги. Станция Няндомы. 1895–1900; 1904–1918; 1920–1930», выполненный студентами СПб ГАСУ, на основании которого комплекс исторических железнодорожных построек станции Няндомы включен органами Охраны наследия Архангельской области в государственный реестр объектов культурного наследия РФ в статусе достопримечательного места (рис. 21–23). Конечно, это только начало пути; предстоит огромная работа по реставрации и реконструкции сохранившихся домов, воссозданию первоначального деревянного вокзала, благоустройству, созданию музейных экспозиций и т. д. Пока, несмотря на героические усилия и энтузиазм музейных сотрудников, нет средств даже на ремонт существующего здания музея.

в Рис. 24. Чагода. Макет фабричного поселка по плану архитектора Н. Троцкого. 1920-е

Приведенные примеры вселяют некоторую надежду, хотя реальность от них, увы, очень далека. Утраты уникальных деревянных объектов продолжают. Вот пример 2020 года. Вероятно, последние дни доживает уникальный жилой фабричный поселок в небольшом городке Чагоде Вологодской области, спроектированный в 1920-е годы выдающимся ленинградским архитектором Ноем Троцким. В плане он первоначально представлял серп и молот и состоял из деревянных домов нескольких типов в стиле конструктивизма (рис. 24–28). Сегодня Чагода, как и многие другие малые города России, хочет привлечь туристов, но при этом собирается уничтожить эту абсолютную архитектурную уникацию (часть ее уже снесена), которая только и могла бы стать подлинным туристическим объектом: ведь нигде в мире нет поселка с таким планом в стиле деревянного конструктивизма! Но четкого понимания архитектурной ценности построек поселка и ответственности за их сохранение у властей города нет, впрочем, как и средств на их поддержание и реконструкцию... Слова одного из первых исследователей русского деревянного зодчества В. В. Сулова, сказанные в далеком 1888 году: «грустно думать, что за какое-нибудь столетие народ окончательно убил в себе все вековые традиции и даже не видит достоинств своего прошлого» [2, с. 445]. Они, похоже, остаются справедливыми и сегодня.

В завершение хочется обратить внимание на поучительный и близкий нам пример, примечательный прежде всего тем, что все сохраняемые деревянные жилые дома продолжают использоваться в качестве частного жилья. Речь пойдет о деревянной городской застройке района Каламая («рыбачье поселение»), примыкающего к центру Таллина. С XIV века здесь располагалась рыбацкая деревня, населенная рыбаками и рыботорговцами; в конце XIX века, когда началось железнодорожное сообщение между Ревелем (Таллином) и Петербургом, здесь поселились заводские рабочие, теперь же – это престижный район таллинской арт-тусовки. Построенные для рабочего люда на рубеже XIX – XX веков (в период Российской империи) и позже, в 1920–1930 годы (время буржуазной Эстонии) небольшие двух- или трехэтажные деревянные дома с незатейливыми резными или просты-

< v Рис. 25–28. Чагода.
Постройки. 2020

ми наличниками и скатными кровлями столица Эстонии признала своим архитектурным наследием, которое бережно восстанавливается (рис. 29–31).

Обратим внимание на масштаб проводимой реставрации и реновации: здесь расположено около 500 (!) разноцветных и разномастных деревянных домов, еще недавно (во времена СССР) бывших на грани полной деградации. Именно они, восстановленные, придают сегодня этой части Таллина, расположенной недалеко от Старого города, неповторимое очарование. Не без помощи Евросоюза муниципалитет Таллина провел комплексную реконструкцию этого района, начав с полной замены инженерных сетей, что обеспечило базовый современный комфорт всем деревянным строениям. Последующие ремонтные работы проводились на разной основе существующими или будущими владельцами домов с привлечением городских субсидий и кредитов. Теперь Таллин гордится этим районом, ставшим очень популярным и недешевым местом проживания, а также центром притяжения художников, музыкантов и туристов всех мастей, поскольку, как с горечью констатируют приезжие из стран Северной Европы, в их странах это наследие оказалось почти полностью утраченным. Специфические черты этого района – малоэтажность, дерево как основной строительный материал, небольшая плотность застройки и ее колористическое разнообразие – поддерживают современные малоэтажные жилые дома, занявшие места утраченных внутри Каламая и расположенные вокруг, помогая сохранять спокойный уличный и внутриквартальный характер архитектуры и уют в озеленении и благоустройстве.

Пример Каламая показывает, как уважение к своему прошлому, разумное и бережное отношение к сложившемуся образу местности, природному ландшафту и даже к строительному материалу создает подлинные ценности современной городской культуры.

Какая же судьба ждет русский городской деревянный дом? Уже более полувека в нашей стране социальный прогресс выражается, прежде всего, в замене индивидуальных деревянных жилищ типовыми многоквартирными

ми многоэтажными домами. Дошедшая до наших дней деревянная застройка XIX – начала XX века продолжает неуклонно исчезать с лица земли (особенно быстро в центре России), навсегда изменяя облик центров исторических городов. Новые деревянные храмы и часовни в последние годы стали строить довольно широко, а вот деревянные строения без сожаления обрекают на снос.

Конечно, проблемы сохранения городского деревянного жилья непросты, они требуют пересмотра подходов, которые долгое время казались единственно возможными. Сверхприбыли от интенсивной типовой многоэтажной застройки исторических центров городов противостоят сохранению в них малоэтажного, в том числе деревянно-го жилья, что во многих случаях ведет к потерям городской индивидуальности (идентичности). Справедлив вывод О. Железняк: «Существовавшие ранее традиции архитектурной эстетики и систем городского планирования, построенные на контекстуальных отношениях

> v Рис. 29–31. Таллин.
Застройка района Кала-
мая. 2019

с природной средой, вынуждены конкурировать с «эстетикой произвольности "единой мировой архитектуры", не признающей связи ни со спецификой места, ни с культурной индивидуальностью». Это все чаще оставляет нас с единообразной тотальной архитектурой и городской территорией, которые остро нуждаются во «внутреннем культурном значении», отвечающем «духу места» [3].

На протяжении XX столетия в нашей стране шло последовательное идеологическое наступление на многие национальные культурные ценности, формировалось сознание поколений, утративших, по выражению Вячеслава Иванова, «муз и память» [7, с. 3]. В какой-то мере инерция этого подхода еще сохраняется. Безответственная политика вот уже почти век истребляет у русского человека привязанность к родной земле, к месту жизни и занятиям предков. Нужно очень многое сделать

для коренной общественной переоценки исконных национальных ценностей – мировоззрения, архитектуры и народного искусства, быта и образа жизни [11]. Чтобы народ сознательно ответил «да» на вопрос «хотим ли мы сохранить русский деревянный дом – этот древнейший национальный тип жилища?», ему необходима не только материальная поддержка, но и активная пропаганда наследия.

Российский историк и этнограф Марина Громыко писала: «Критикуя недавнее прошлое, важно помнить, что многие беды случились из-за безоглядного разрушения традиционной культуры, неприятия более давнего прошлого. На него-то и нужно взглянуть – объективно, без предвзятости. Познать его и взять из него лучшее. Иначе мы будем снова разрушителями, отшатнувшимися от одних разрушений, но творящими новые» [2, с. 445].

Думается, что путь народа к эволюционному развитию во всех сферах жизни и культуры, к отказу от разрушительных революционных подходов лежит только через обретение уважения к своим корням, к своей национальной культуре. Осознание непреходящей ценности и сбережение традиционного русского деревянного дома – и городского, и сельского – одна из составляющих этого сильно запоздавшего процесса.

Литература

- Григорьева, Е. Кварталы // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 1. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.930>
- Громько, М. М. Мир русской деревни. – Москва, 1991. – 446 с.
- Железняк, О. Идентичность: парадигма культуры и профессиональное пространство // Проект Байкал. – 2014. – № 42. – С. 112–119. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.42.797>
- Зайцев, Б., Пинчуков, П. Солнечные узоры. – Москва, 1978. – 142 с. : ил.
- Иркутские кварталы: Интервью с членом экспертного совета Сибирской лаборатории урбанистики Сергеем Маяренковым // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 75. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.950>
- Нащокина, М. В., Воробьев, А. В. Опыт проектирования Музея народного деревянного зодчества города Тулы на территории Тульского Кремля // Реставрация и исследования памятников культуры. – Москва: Стройиздат, 1990. – Вып. III. – С. 156–164
- От редакционной коллегии // Символ. Журнал христианской культуры, основанный в 1979 году Славянской библиотекой в Париже. – Париж–Москва. – 2008. – № 53–54. – С. 3
- Пушкин, А. С. Путешествие из Москвы в Петербург. – URL: mir-knig.com/read_344181-1
- Ткачева, М. И снова об иркутской идентичности // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 88–90. – URL: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1328>
- Фазолини, Марика. Взгляд на усадьбу, или представление провинциалов о русской столичной жизни // Русская провинция: миф – текст – реальность. Москва – Санкт-Петербург, 2000. – С. 176–186
- Романова, Л. Общественное использование деревянного зодчества Томска – метод сохранения уникального явления мировой культуры // Материалы 7-й международной конференции Современные проблемы архитектуры и строительства. – 2015. – Флоренция. – С. 625–630
- Малевич, С. С., Романова, Л. С. Приспособление деревянных исторических зданий к современным потребностям общества // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2016. – № 5 (58). – С. 36–51

References

- Fazolini, M. (2000). Vzgljad na ysadbu, ili predstavlenie provintsialov o russkoi stolichnoi zhizni [A view on a manor house, or the provincials' vision of the life of the Russian capital]. In *Russkaya provintsija: mif – tekst – realnost* (pp. 176-186). Moscow; Saint Petersburg.
- Grigoryeva, E (2015). Quarters. *Project Baikal*, 12(46), 1. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.930>
- Gromyko, M. M. (1991). *Mir russkoi derevni* [The world of a Russian village]. Moscow.
- Malevich, S. S., & Romanova, L. S. (2016). Prispoblenie derevyannykh istoricheskikh zdaniy k sovremennym potrebностям obshchestva [Adaptation of historic wooden houses to the current public needs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 5(58), 36-51.
- Mayarenkov, S. (2015). Irkutsk Quarters. *Project Baikal*, 12(46), 75. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.950>
- Nashchokina, M. V., & Vorobyev, A. V. (1990). Opyt projektirovaniya Muzeya narodnogo derevyannogo zodchestva goroda Tuly na territorii Tulsogo Kremlya [Designing the Tula Museum of Folk Wooden Architecture on the territory of Tula Kremlin]. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kultury*, Issue III, 156-164. Moscow: Stroizdat.
- Ot redaktsionnoi kollegii [From the editorial board] (2008). *Symbol. The Journal of Christian Culture Established by the Biblioth que slave in Paris* in 1979, 53-54, 3. Paris; Moscow.
- Pushkin, A. S. (n.d.). *Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg* [Journey from Moscow to Petersburg]. mir-knig.com/read_344181-1
- Romanova, L. (2015). Obshchestvennoe ispolzovanie derevyannogo zodchestva Tomska – metod sokhraneniya unikalnogo yavleniya mirovoi kultury [Public use of Tomsk wooden architecture as a method of preservation of a unique phenomenon of the world culture]. *Proceedings of the 7th International Conference "Contemporary problems of architecture and construction"* (pp. 625-630). Florence.
- Tkacheva, M. (2018). Again on Irkutsk identity. *Project Baikal*, 15(56), 88-90. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1328>
- Zheleznyak, O (2014). Identity: Culture paradigm and professional space. *Project Baikal*, 11(42), 112-119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.42.797>
- Zaitsev, B, & Pinchukov, P. (1978). *Solnechnye uzory* [Solar patterns]. Moscow.

Цель исследования – рассмотрение архитектурно-художественных, конструктивных и функциональных особенностей благотворительных учреждений на примере Дома трудолюбия им. П. Р. Максимова, особенностей творческого метода его архитектора Николая Матвеевича Соколова. Основой метода исследования послужил исторический анализ объекта Дома трудолюбия П. Р. Максимова, архивные и натурные обследования, фотофиксация объекта. В статье вводятся новые фактологические данные, систематизирована информация о творческом наследии архитектора Н. М. Соколова.

Ключевые слова: архитектура; благотворительные учреждения; архитектор Н. М. Соколов. /

The aim of the study is to review the architectural-artistic, design and functional features of charity institutions through the example of the House of Diligence named after P. R. Maksimov, as well as peculiarities of the architect Nikolai Matveevich Sokolov's creative method. The study was based on the historical analysis of P. R. Maksimov House of Diligence, archival and on-site investigations, and photofixation of the object. The article introduces new factual data and systematizes information on N. M. Sokolov's creative legacy.

Keywords: architecture; charity institutions; architect N. M. Sokolov.

Дом трудолюбия в Ростове-на-Дону / The House of Diligence in Rostov-on-Don

текст

Юлия Петрусенко
Анна Иванова-Ильичева /
text
Yuliya Petrusenko
Anna Ivanova-Ilicheva

Введение

Предметом рассмотрения стал яркий объект архитектора Н. М. Соколова – Дом трудолюбия П. Р. Максимова в городе Ростове-на-Дону. Выявляются архитектурно-художественные и конструктивные характеристики данного типа здания, определяются особенности творческого метода архитектора. В ходе исследования авторами был проведен исторический анализ исследуемого объекта; введены новые фактологические данные, раскрываются неизвестные сведения о творческой деятельности Николая Матвеевича Соколова.

Тема исследования актуальна в современных условиях: возрос интерес к историческому наследию прошлого, большое внимание уделяется изучению региональной архитектуры, воссозданию творческих биографий архитекторов, создававших и формировавших историческую архитектуру региональных центров, провинциальных городов. Николай Матвеевич Соколов является одним из таких архитекторов. Он внес огромный вклад в историю развития архитектуры Ростова-на-Дону. Многие из его объектов сохранились до наших дней и продолжают занимать важное место в историческом центре Ростова-на-Дону. С 1887 по 1906 г. он являлся городским архитектором. Большинство его построек являются объектами культурного наследия регионального и федерального значения.

Особое место среди реализованных объектов Соколова занимают благотворительные учреждения. Ярким примером таких построек является Дом трудолюбия имени П. Р. Максимова.

Основываясь на материалы из ЦГИА СПб, авторами была уточнена личная биография Николая Матвеевича. Подтвердилось, что Соколов родом из Риги, обучение проходил в городах Пинск и Виленск, в период с 1880 по 1885 год получил высшее образование в Институте гражданских инженеров в Санкт-Петербурге [1]. «<...> был выпущен по первому разряду с настоящим званием» [2, с. 321–322]. После обучения направлен в Эстляндскую губернию. С 1886 г. занимает должность городского техника в Ростове-на-Дону, с 1887 по 1906 гг. являлся городским архитектором второго участка города [2].

Авторами установлено, что ко времени обучения Николая Матвеевича Соколова в Институте гражданских инженеров относится начальная стадия формирования творческого метода архитектора под влиянием архитектурно-пространственной среды Петербурга и преподавателей И. С. Китнера и В. А. Шретера – выдающихся мастеров рационального направления архитектуры конца XIX века [3].

В ходе исследования были изучены материалы Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) Санкт-Петербурга, личное дело воспитанника Николая Матвеевича Соколова. С целью уточнения деталей его биографии и деятельности в период обучения в Институте гражданских инженеров (1880–1885) рассмотрены архивные документы Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Была исследована деятельность архитектора в Ростове-на-Дону, его постройки в городах Нижнего Дона и Приазовья. Авторы опирались на работы, посвященные историко-архитектурному наследию городов, характеристике городской среды, экономике, образованию и быту населения Юга России: работы Г. А. Иноземцева, Г. Н. Захарьянца [4], А. М. Ильина, Г. В. Есаулова, В. А. Черницыной [5], [6], Л. Ф. Волошиновой [7; 8; 9], В. Н. Лобжанидзе, Г. Лаптева [10], А. М. Ивановой-Ильичевой [11].

Подробно изучены исторические источники и документы: Г. В. Барановский «Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 г.»; Охранное обязательство № 20/01–02/28 объекта культурного наследия, включенного в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: «Дом трудолюбия имени П. Р. Максимова» от 16.05.2018г.

Основная часть

«30 марта 1896 г. Николай II утвердил «Устав попечительства о Доме трудолюбия имени Петра Романовича Максимова и о других домах трудолюбия и связанных с ними благотворительных учреждений в г. Ростове на Дону»» [12, с. 12(68) об.]. Попечительство находи-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90071. /
Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90071

^ Рис. 1. Дом Трудолюбия им. П. Р. Максимова.
Архитектор Н. М. Соколов. Фото Юлии Петрусенко, 2018

^ Рис. 2. Коммерческий клуб. Открытка. Ростов-на-Дону [15]

лось под покровительством императрицы Александры Федоровны. Петр Романович Максимов – один из выдающихся предпринимателей, принадлежащий к наиболее влиятельной ростовской купеческой династии, купец 1-й гильдии. П. Р. Максимов дважды избирался на пост городского головы (1863–1895, 1871–1873), был первым ростовским миллионером. У него не было детей, и после смерти все его состояние перешло брату – Владимиру Романовичу Максимова. Согласно завещанию П. Р. Максимова, брат обязан был в течение трех лет после его смерти основать благотворительное учреждение, названное его именем. Исполнители духовного завещания – брат Владимир и муж племянницы Иван Степанович Леванидов организовали попечительство о ДOME трудолюбия имени завещателя. Избранный 23 апреля 1896 г. Совет попечительства возглавил Леванидов.

Дом трудолюбия П. Р. Максимова (1896), построенный по проекту Николая Матвеевича Соколова, расположен по адресу: г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 27/127, ул. Суворова (лит. А, А1, А2). Он был построен на средства, завещанные купцом П. Р. Максимовым с целью оказывать временную помощь беднякам, представляя им возможность платного труда. На работу принимались мужчины и женщины, а также дети старше 10 лет. При доме находились столовая и ночлежный приют. Ростовский Дом трудолюбия – первое и единственное благотворительное учреждение, которое было названо в честь местного купца. На постройку благотворительно-го учреждения Петр Романович завещал 200 тыс. рублей [12, с. 169].

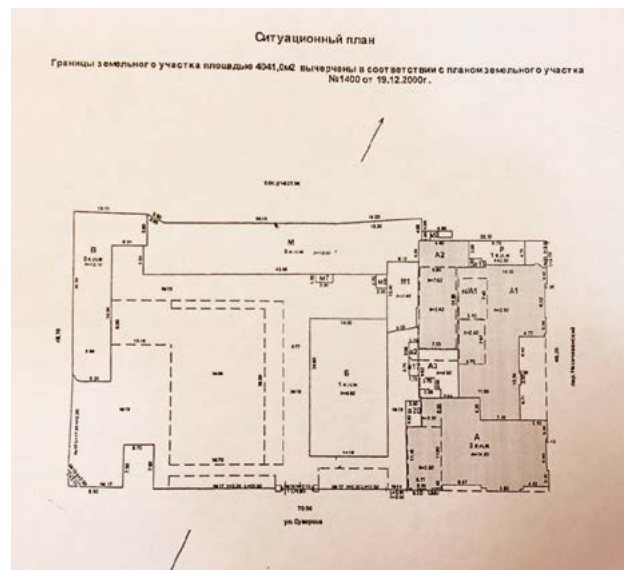
Главное здание Дома трудолюбия им. П. Р. Максимова (рис. 2) было построено в 1897 г. (пер. Нахичеванский, 29 лит. А). В этом здании «оборудовали мастерские: пенькощипную, столярную, мочальную, пакеточную, сапожную, сетевязальную, мешочную, корзиночную, дракочипную, пуховую, белошвейную». На территории Дома трудолюбия были устроены ночлежный приют, бани, дезинфекционные помещения. В конце 1897 г. Ростовская городская дума безвозмездно передала попечительству участок земли в 460 кв. саженей (981,64 м²), примыкавший к территории Дома трудолюбия им. П. Р. Максимова [13].

И. С. Леванидов на собрании членов попечительства Дома трудолюбия П. Р. Максимова 23 февраля 1903 г. заявил, что закончено строительство детского приюта, школы и церкви, и вскоре здания будут освящены. Церковь была рассчитана на 400 человек, приют на 25 человек, школа на 50–60 человек. В газете «Приазовский край» [14] сообщалось, что состоялась церемония освящения церкви во имя Св. Владимира, сооруженная при ДOME трудолюбия П. Р. Максимова. Из текста газетной статьи следует, что Владимирская церковь располагалась поблизости от главного здания Дома трудолюбия П. Р. Максимова. Этот факт подтверждает сохранившаяся цветная открытка с изображением бывшего сада Коммерческого клуба (ныне это Парк им. 1-го Мая) (рис. 2). В левой части открытки отчетливо просматривается купол церкви. Сопоставив изображение с планом г. Ростова-на-Дону, можно увидеть, что церковь располагалась на территории земельного участка, принадлежащего Дому трудолюбия П. Р. Максимова. Сравнение сохранившихся изображений позволяет говорить о том, что церковь располагалась на месте нынешней литеры А (рис. 3) на углу Нахичеванского пер. и ул. Мало-Садовой; существующий декор сохранившихся фасадов свидетельствует в пользу этого предположения (рис. 4).

Дом трудолюбия П. Р. Максимова является объектом культурного наследия, включенного в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Здание представляет собой в плане постройку сложной конфигурации переменной этажности, состоящую из строений литер А, А1, А2, с подвалом и многоскатной крышей, кирпичную с кирпичным декором. Литеры А1, А2 – одноэтажный кирпичный особняк попечительского совета Дома трудолюбия с двухэтажным восточным объемом и мансардой – расположен главным фасадом по пер. Нахичеванский. Литера А – трехэтажное кирпичное здание, расположенное на пересечении ул. Суворова и пер. Нахичеванский и предположительно пристроенное к южному фасаду литеры А1 позднее. Как указывалось в одном из документов, благоустроенный Дом трудолюбия должен брать на себя заботу в приискании мест «призреваемым». Под руководством мастеров и мастериц

^ Рис. 4. Дом трудолюбия им. П. Р. Максимова. Архитектор Н. М. Соколов. Ростов-на-Дону. Фото Юлии Петрусенко 2018

^ Рис. 3. Ситуационный план Дома Трудолюбия [13]

они обучались различным ремесленным навыкам, за работу получали плату, за еду и ночлег платили [13].

Методология. Основополагающие методы, применяемые в процессе исследования: изучение общей и специальной литературы в данной области, визуальный и объемно-планировочный анализ объекта исследования, фотофиксация, обобщение уже известных материалов, выявление новых данных по архивным документам.

Результаты исследований

Архитектор Николай Матвеевич Соколов являлся последователем рационального направления архитектуры конца XIX века, для его творчества характерен «кирпичный стиль», получивший распространение в данный временной период. При проектировании и застройке участков Н. М. Соколов рационально использовал отведенный участок, отдавая предпочтение застройке участка по периметру. Дом трудолюбия П. Р. Максимова, располагающийся в застройке квартала на пересечении ул. Суворова и пер. Нахичеванский, в дореволюционный период входил в комплекс сооружений Дома трудолюбия им. П. Р. Максимова.

В своих проектах Соколов применял прогрессивные для того времени функционально-планировочные и конструктивные схемы. В основу планировки здания Дома трудолюбия П. Р. Максимова легла коридорная система с двусторонним расположением помещений; уделялось внимание инсоляции помещений (Рис. 5).

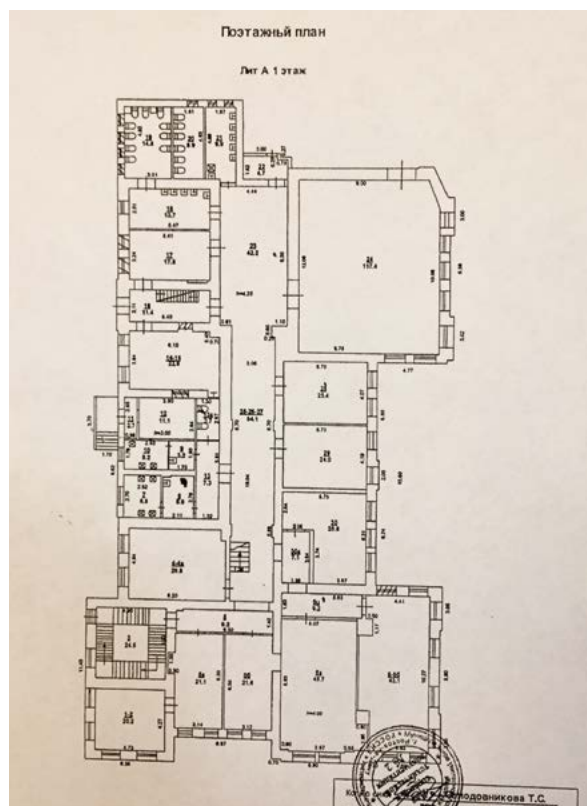
Конструктивная схема Дома трудолюбия П. Р. Максимова представлена продольными и поперечными несущими стенами, выполненными из красного полнотелого кирпича старого образца на сложном растворе. Объект сложной конфигурации в плане, с подвалом и мансардным этажом, многоскатной стропильной крышей.

Объемно-планировочная структура Дома трудолюбия П. Р. Максимова характеризуется свободным расположением внутренних помещений. За время эксплуатации объекта культурного наследия внутренние помещения претерпели ряд перепланировок в соответствии с поздними приспособлениями. Заменены заполнения части оконных проемов на северном фасаде литеры А, к запад-

ному фасаду литер А1, А2 выполнена поздняя одноэтажная кирпичная пристройка.

Архитектурно-композиционные решения фасадов здания выполнены в манере, характерной для Николая Матвеевича Соколова. Художественное решение восточного главного фасада литеры А1 представлено ритмом полуциркульных оконных проемов и расположением северного ризалита. Южная часть фасада заглублена относительно основной плоскости фасада и выделена центральной раскреповкой, завершающейся треугольным фронтоном. Тимпан фронтона украшен крестообразной вставкой. Северная часть фасада акцентирована двумя крайними раскреповками, завершенными аттиками сложной конфигурации с шатрами за ними. Архитектурное убранство парадного восточного фасада литеры А1 выражено многочисленным кирпичным декором. Антаблемент представлен фризовой частью с поребриком и профилированным венчающим карнизом. Оконные проемы полуциркульной конфигурации украшены килевидными кокошниками. Пилястры, расположенные в простенках на северном ризалите, декорированы нишами в верхней части и стилизованной профилированной венчающей капителью. На раскреповках северного ризалита расположены оконные проемы, украшенные зубчатыми полуциркульными наличниками. На центральной раскреповке южной части главного восточного фасада расположены строенные подоконные ниши, своеобразный портал из полуколонн с капителями-кубышками и щипцеобразным фронтоном с вставкой в форме креста над ним. Малые портики – с полуколоннами с капителями кубышками в завершениях аттиков северного ризалита главного фасада. С северной стороны, на одной линии с восточным фасадом литеры А1, сохранился участок кирпичного ограждения, выполненного в едином стиле с первоначальной постройкой.

Архитектурное решение западного дворового фасада литеры А1 сформировано расположением центральной раскреповки, фланкированной плоскими пилястрами. Литер А имеет два парадных фасада, так как корпус расположен на пересечении прилегающих улиц. Композиционное решение южного парадного фасада определяется расположением центральной ступенчатой раскреповки

и ниши с размещением в ней балконов. Композиция восточного парадного фасада литеры А симметричная, сформирована расположением двух крайних раскреповок [13].

Выводы

1. В ходе исследования рассмотрены архитектурно-художественные, конструктивные и функциональные особенности благотворительного учреждения на примере Дома трудолюбия П. Р. Максимова.

2. Выявлены особенности творческого метода архитектора Н. М. Соколова, основанные на исследовании данного объекта культурного наследия:

- рациональное использование участка;
- функционально-планировочная схема коридорного типа;
- архитектурно-художественный облик Дома трудолюбия П. Р. Максимова решен в «кирпичном стиле».

Литература

1. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 2. Д. 555
2. Барановский, Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 : Сост. по материалам, собр. Ин-том гражд. инж. и по данным из арх. Москва вн. д. и др. источников, гражд. инж. – Вып. 1. – Санкт-Петербург, 1893. – 400 с.
3. Петрусенко, Ю. В. Влияние «зодчих-наставников» на творчество архитектора Николая Матвеевича Соколова // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2019. – № 8. – С. 73–80
4. Захарьянц, Г. Н., Иноземцев, Г. А., Семернин, П. В. Ростов на-Дону : К 200-летию со дня основания. 1749–1949. – Ростов-на-Дону : Ростиздат, тип. им. Калинина, 1949. – 380 с. : ил.
5. Есаулов, Г. В., Черницына, В. А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 1999. – 303 с. : ил.
6. Есаулов, Г. В. Архитектура Юга России : от истории к современности : Очерки. – Москва : Архитектура-С, 2016. – 52(68) с. : ил.
7. Волошинова, Л. Ф. Николай Соколов // Вечерний Ростов. – 1991. – № 74

8. Волошинова, Л. Ф. Перекресток столетий: Судьбы улиц, площадей, зодчих. – Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2004. – 224 с. : ил.

9. Волошинова, Л. Ф. Счастливый человек // Новая городская газета. – 1998. – 13–19 февраля. – С. 6–7

10. Лобжанидзе, В. Н., Лаптев, Г. Ф. Путешествие по старому Ростову. – Ростов-на-Дону : Донагрейн, 1997. – 186 с. : ил.

11. Иванова-Ильичева, А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX вв. : На примере Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, Новочеркасска. – Москва, 2000. – 359 с. : ил.

12. ГАРФ. Ф. 218. Оп. 1. Д. 727

13. Охранное обязательство № 20/01-02/28 объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: «Дом трудолюбия имени П. Р. Максимова» от 16.05.2018 г. – Ростов-на-Дону, 2017. – 31 с.

14. Освящение Дома трудолюбия им. П. Р. Максимова // Приазовский край. – 1897. – 7 октября. – С. 2

15. Летний коммерческий клуб : открытка // Фотографии прошлого: сайт / Retro photos of mankind's habitat. – URL: <https://pastvu.com>. (дата обращения: 07.05.2020)

References

Baranovsky, G. V. (1893). Jubilee collection of information about the activities of former pupils of the Institute of Civil Engineers (Construction School) 1842-1892: Based on materials collected by the Institute of Civil Engineers and the data from the. Moscow Archives and other sources. Issue 1. St. Petersburg.

Consecration of the House of Diligence named after P. R. Maksimov. (1897, October 7). Priazovsky Krai newspaper (p. 2).

CSHA SPb. F. 184. Op. 2. D 555.

Esaulov, G. V. (2016). Architecture of the South of Russia: from history to the present. An essay. Moscow: Arkhitektura-S.

Esaulov, G. V., & Chernitsyna, V. A. (1999). Architectural chronicle of Rostov-on-Don. Rostov-on-Don.

Ivanova-Ilyicheva, A. M. (2000). Rationalistic trends in the architecture of the cities of the Lower Don and the Azov region of the second half of the XIX-early XX centuries: On the example of Taganrog, Rostov-on-Don and Nakhichevan-on-Don, Novocherkassk. Moscow.

Lobzhanidze, V. N., & Laptev, G. F. (1997). Journey through old Rostov. Rostov-on-Don: Donagrain.

Petrusenko, Yu. V. (2019). The influence of "architects-mentors" on the creativity of architect Nikolai Matveevich Sokolov. Bulletin of V. G. Shukhov BSTU, 8, 73-80. DOI: 10.34031/article_5d4969ddea51e1.94144488

Postcard. Summer commercial club. Photos of the past. Retro photos of mankind's habitat. <https://pastvu.com>. (accessed 07.05.2020).

Protection obligation No. 20/01-02/28 of the object of cultural heritage included in the unified state register of objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: "House of Diligence named after P. R. Maksimov" dated 16.05.2018 (2017). Rostov-on-Don.

Voloshinova, L. F. (1991). Nikolay Sokolov. Vecherny Rostov newspaper, 74. Rostov-on-Don.

Voloshinova, L. F. (1998, February 13-19). A happy man. Novaya gorodskaya gazeta (pp. 6-7). Rostov-on-Don.

Voloshinova, L. F. (2004). The Crossroads of Centuries. The fate of streets, squares, and architects. Rostov-on-Don: Don Publishing house.

Zakharyants, G. N., Inozemtsev, G. A., & Semerin, P. V. (1949). Rostov-on-Don: On the 200th anniversary of the foundation. 1749-1949. Rostov-on-Don: Rostizdat, tip. im. Kalinina.

SARR. F. 218. Op. 1. d. 727.

< Рис. 5. План 1 этажа Лит. А. Дом Трудолюбия [13]

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Базилевич Михаил Евгеньевич – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) (Хабаровск)

Блянкинштейн Ольга Николаевна – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (Красноярск)

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Бокова Анна Андреевна – доктор философии Йельского университета, магистр архитектуры Гарвардской школы дизайна, сотрудник Института перспективных исследований в Принстоне; преподаватель в школе архитектуры Ирвина С. Чанина Союза Купера в Нью-Йорке

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Васильев Николай Юрьевич – кандидат искусствоведения, профессор МГСУ и МГАХИ им. И. В. Сурикова (Москва)

Гладкова Екатерина Андреевна – архитектор, научный сотрудник ИАСиД ИРННТУ, заместитель руководителя НОЦ «Международный Байкальский зимний градостроительный университет» (Иркутск)

Глатоленкова Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды ТОГУ (Хабаровск)

Глебова Наталья Моисеевна – доцент ВАК, доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, вице-президент СА России (Иркутск)

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды ТОГУ (Хабаровск)

Иванова-Ильичева Анна Михайловна – кандидат архитектуры, доцент, заведующая кафедрой истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета (ЮФУ) (Ростов-на-Дону)

Ивкович, Милена – магистр архитектурных наук, научный сотрудник и градостроитель компании Blok 74 (Роттердам, Нидерланды)

Ким Антон Андреевич – кандидат архитектуры, старший преподаватель кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Киселева Олеся Владимировна – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАиД СФУ (Красноярск)

Кламер, Михаэль – профессор Института транспортного планирования Венского технического университета (Австрия)

Козлов Валерий Васильевич – кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Козлова Людмила Валерьевна – соискатель научной степени кандидата архитектуры ИАСиД ИРННТУ

Кострубова Александра Тимуровна – руководитель НОЦ «Международный Байкальский зимний градостроительный университет»

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, профессор кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Кудрявцев Александр Петрович – академик РААСН, академик Международной академии архитектуры, народный архитектор России (Москва)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Лисицин Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРННТУ, член Союза дизайнеров России

Лисицина Яна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ, член Союза художников России

Малинович Роман Дмитриевич – руководитель АНО «Клуб Молодых Архитекторов», член Союза архитекторов России (Иркутск)

Малько Анастасия Васильевна – доктор технических наук, научный сотрудник Технологического института Карлсруэ (Германия), ИРННТУ (Иркутск, Россия)

Меерович Марк Григорьевич – доктор архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, профессор ИАСиД ИРННТУ

Нащокина Мария Владимировна – доктор искусствоведения, академик РААСН, заслуженный архитектор РФ, руководитель отдела, главный научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (Москва)

Овсянникова Елена Борисовна – кандидат архитектуры, член ICOMOS, профессор Севастопольского государственного университета

Петрусенко Юлия Викторовна – ассистент кафедры основ архитектурно-художественного проектирования Академии архитектуры и искусств ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России (Латвия)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Тумуреева Мария Дмитриевна – аспирантка ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Успенская Ольга Михайловна – старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования ИАиД СФУ (Красноярск)

Фомина Ольга Андреевна – студентка 4-го курса ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Хувен, Франк ван дер – доктор философии, доцент кафедры градостроительного проектирования, руководитель программы Open Science, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Роттердам, Нидерланды)

Энгель, Барбара – доктор технических наук, профессор, глава кафедры Международного городского планирования и дизайна факультета архитектуры Технологического института Карлсруэ (Германия)

В журнале Проект Байкал, № 66, с. 64–67, опубликованы материалы круглого стола «О прототипах в архитектуре. Интернет-дискуссия». Модераторами дискуссии и редакторами текста являются Е. Ю. Багина и П. В. Капустин.

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции администратора ИДА Наталью Князеву (Иркутск)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Mikhail Bazilevich – Ph.D. in Architecture, Department of Architecture and Urbanistics, Pacific National University (PNU) (Khabarovsk)

Olga Blyankinshtein – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Department of Architectural Design, Institute of Architecture and Design, Siberian Federal University (SibFU) (Krasnoyarsk)

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people’s architect of Russia (Moscow)

Anna Bokov – Ph.D., Yale University; master in architecture, Harvard Graduate School of Design; member of the Institute for Advanced Study in Princeton and faculty at the Irwin S. Chanin School of Architecture of the Cooper Union, New York

Inessa Brazhnikova – senior editor of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Nikolai Vassiliev – Ph.D. in cultural studies, professor at National Research Moscow State University of Civil Engineering and Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov (Moscow)

Ekaterina Gladkova – architect, research officer at Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU, deputy director of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design (Irkutsk)

Ekaterina Glatolenkova – senior lecturer, Department of Design of Architectural Environment, PNU (Khabarovsk)

Natalya Glebova – Ass. Professor of Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU (Irkutsk)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF, vice president of the UAR (Irkutsk)

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Department of Design of Architectural Environment, PNU (Khabarovsk)

Anna Ivanova-Ilicheva – Ph.D. in Architecture, head of the Department of History of Architecture, Art and Architectural Restoration, Southern Federal University (SFedU) (Rostov-on-Don)

Milena Ivkovi – Blok 74, Public Space Designer, Civic Participation Innovator (Rotterdam, Netherlands)

Anton A. Kim – Ph.D. in Architecture, senior lecturer, Department of Architecture and Urban Studies, PNU (Khabarovsk)

Olesya Kiseleva – Ass. Professor, Department of Architectural Design, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Michael Klamer – Professor of the Institute of Transport Planning, Vienna University of Technology (Austria)

Valery Kozlov – Ph.D. in Architecture, professor of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU (Irkutsk)

Ljudmila Kozlova – Ph.D. in Architecture degree seeker, INRTU Institute of Architecture, Construction and Design (Irkutsk)

Alexandra Kostrubova – director of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design (Irkutsk)

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honoured architect of Russia, professor of the Department of Architecture and Urban Studies, PNU (Khabarovsk)

Alexander Kudryavtsev – full member of the RAACS, academician of IAAM, people’s architect of Russia (Moscow)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Vasily Lisitsyn – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU, member of the Union of Designers of Russia (Irkutsk)

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Journalism and Media Management, Irkutsk State University Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, member of the Union of Artists of Russia (Irkutsk)

Roman Malinovich – head of the ANO Club of Young Architects, member of the Union of Architects of Russia (Irkutsk)

Anastasia Malko – Dr.-Ing., research officer of the Karlsruhe Institute of Technology (Karlsruhe, Germany), research officer of INRTU Institute of Architecture, Construction and Design (Irkutsk, Russia)

Mark Meerovich – Doctor of Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the RAACS, corresponding member of IAAM, professor of INRTU, honored architect of the RF

Maria Nashchokina – Doctor of Art History, full member of the RAACS, honored architect of the RF, chief researcher and head of the Department at Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia (Moscow)

Elena Ovsyannikova – Ph.D. in Architecture, member of ICOMOS, professor of Sevastopol State University (Sevastopol)

Yuliya Petrusenko – Assistant of the Department of Fundamentals of Architecture and Art Design, SFedU Academy of Architecture and Arts (Rostov-on-Don)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia (Latvia)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Maria Tumureeva – postgraduate student, INRTU Institute of Architecture, Construction and Design (Irkutsk)

Olga Uspenskaya – Department of Architectural Design, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Olga Fomina – fourth-year student, INRTU Institute of Architecture, Construction and Design (Irkutsk)

Frank van der Hoeven – Ph.D., Programme Manager Open Science, Director of Research at TU Delft, Faculty of Architecture and the Built Environment (Netherlands)

Barbara Engel – Prof. Dr., Karlsruhe Institute of Technology, Faculty of Architecture, Chair for International Urbanism (Karlsruhe, Germany)

Project Baikal journal (issue 66, pp. 64-67) published materials on the round-table discussion “Prototypes in architecture. Online discussion”. The discussion moderators and the editors of the text are E. Yu. Bagina and P. V. Kapustin.

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to manager of the Irkutsk House of Architects Natalia Knyazeva (Irkutsk) for her help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism